

Одесский
альманах

№91

IV / 2022

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерibasовская – Ришельевская». Альманах

№ 4 (91), 2022

Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

Редактор: Феликс Кохрихт

Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга, Михаил Поизнер, Алена Яворская

Технический редактор: Геннадий Танцюра

Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.

Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.

Тел.: +38 (067) 486-20-34

E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua

Тираж 100 экз.

Заказ № _____

ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерibasовская – Ришельевская». Альманах

№ 4 (91), 2022

Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»

Редактор: Феликс Кохрихт

Редакційна коллегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губарь, Іван Липтуга, Михайло Поизнер, Олена Яворська

Технічний редактор: Геннадій Танцюра

Верстання, коректура: Тетяна Коциєвська

Не періодичне видання

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»

Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.

Свідोцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.

Тел.: +38 (067) 486-20-34

E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua

Наклад 100 прим.

Замовлення № _____

От редакции

Вот уже четвертый номер нашего альманаха выходит в условиях войны.

Мартовский был в типографии, когда 24 февраля Россия решила учить нас «демократии». Нынешний, декабрьский, уже девяносто первый, мы завершили его редактировать в последние дни октября. И ощутили рифму: 28 октября 1944 года последний захватчик был изгнан из Украины. И вот 28 октября у нас в руках верстка альманаха, где наши авторы вновь ведут бои с имперским агрессором, на сей раз – российским. Судьба его предрешена. Будет изгнан.

Все ли статьи, очерки, стихи и рассказы – о нынешней войне? Нет. Каждый автор пишет, как он слышит, не желая угодить... И тем не менее война ощущается во всем альманахе. В июньский номер мы поставили новую рубрику – «Под звуки воздушной тревоги...». Надеялись: вот война закончится – уйдет в архив эта рубрика. Но она, проклятая, продолжает-ся, и работает новая рубрика. Мы можем говорить: «Идет война народная, священная война»... И это будет коллективным ощущением наших авторов. Среди подборок стихов нынешнего номера одна – с поля боя. Воюют поэты, воюют журналисты. Речь ведь идет не только о самой земле, а о праве на свободу, о нежелании примириться с диктатурой.

Мы рады, что нас поддерживают зарубежные одесситы. Начиная от Юрия Михайлика из Австралии до Павла Лембергского из Америки.

Мы рады, что культурная жизнь в нашем городе не прекращается. И новые звезды недавно зажглись на Ланжероновской, в этот раз в честь драматурга и прозаика Георгия Голубенко, композитора Евгения Лапейко и замечательного художника Леонида Пастернака – отца поэта, лауреата Нобелевской премии.

Выходят новые книги. Этот номер знакомит с романом Аркадия Рыбака и сборником рассказов Анатолия Горбатюка. Это художественная литература. Но и краеведческая, проникнутая любовью к своему городу.

Более того, готовятся художественные альбомы. Об одном из них, приуроченном к юбилею Геннадия Гармидера, рассказывает Александр Грабовский. Статья сопровождается цветными репродукциями.

Активно протекает и театральная, и концертная жизнь. Традиционный «Бархатный сезон» в Театре оперы и балета завершился триумфальной премьерой оперы «Катерина» по произведениям Тараса Шевченко. В филармонии с успехом прошел фестиваль «Одесса. Джаз. Осень» – проект пианиста Алексея Петухова. И в эти дни наши театры приглашают одесситов на новые спектакли.

Знаменательно, что наши земляки и за границей продолжают активно творчески работать. Вот лишь два примера из столицы Чехии. В номере – публикация Евгения Деменка о его встрече с выдающимся поэтом современности Томасом Венцловой (Литва) и рассказ Анны Кореневой, чьи работы в эти дни участвуют в международных выставках художественной фотографии в Амстердаме и Праге...

Наши спортсмены становятся победителями и призерами знаковых зарубежных первенств.

Вы читаете девяносто первую книгу нашего альманаха – значит, она вышла в свет, преодолев превратности войны, и мы, журналисты, авторы, читатели, перешагнули рубеж «90» и начали отсчет десятки номеров, стремящихся завершить первую сотню в его биографии.

Михаил Жванецкий

Формула счастья

Формула счастья. Это чушь! Все внутри нас. Переезд не поможет. Не перевозки несчастья. Не помещай свое безделье, бездарность, бескультурье в другое место, не порть его. Умей наслаждаться всем, что по пути. Не можешь двигаться вперед – наслаждайся поворотом, получи удовольствие от движения назад. И топтание на месте тренирует организм.

Ищи новое в знакомом. Копайся в изученном. Преврати дело в хобби, а хобби – в дело. Изучай потолок. Наслаждайся подробностями. Везут в тюрьму – получай удовольствие от поездки. Привезли – изучай опыт соседа.

Примем и запишем:

Склочник – норма. Деликатный – исключение.

Отсутствие чего-то – норма. Присутствие – исключение.

Нет – норма. Да – исключение.

Дождь – норма. Солнечный день – исключение.
Отсутствие денег – норма. Присутствие – исключение.

Теснота – норма. Пустой автобус – исключение.
Обязательность и точность – исключение. Хамство, вранье – нормальный разговор.

Тоска, подавленность, недовольство – нормальны, как фигура и национальность.

Богатство – не наша черта характера.

Здоровье – исключение. Болезнь – норма.

Попадание в больницу – правило. Выход из нее – исключение.

Тайн в личной и служебной жизни не бывает. Каждый шаг известен всем всегда, и все интимные слова произносятся на публику.

Эти знания делают человека счастливым и дарят каждый день как исключение.

Юрий Михайлик
Только новое

* * *

Анне Голубовской

Эти кони возникли когда-то
из джунгарских побед и утрат
и промчались по кромке заката,
и впечатались в этот закат.
И когда на слепом горизонте
странным блеском прорезало мглу –
там в небесной степи амазонка
вслед Тезею пустила стрелу.
Половецкая вольная воля
до полынных, ковыльных корней
атаманское дикое поле
в темных тропах и храпе коней.
И над речкою в час половодья,
где коню по колено вода,
покачнуться, оставить поводья
и упасть под копыта, туда,
где усталые лошади в мыле,
с рыжей гривой закат вдалеке,
и занятие, лучшее в мире, –
мыть остывших коней на реке.

* * *

Все проходит. Течение времени розно –
то спокойно, медлительно, то исступленно.
Повернувший на пальце кольцо Соломона
не поймет эту запись – и грозно, и поздно.

В тихом лиственном шелесте вечных заветов
этот шифр сохранится у рощиц и речек
и в названиях бывших еврейских местечек,
отраженных зеркально в фамилиях русских поэтов.

Все бессмертно. Не вспомните – но повторите
в неожиданном ритме других поколений
позабывшую музыку давних селений,
речку, плывшую, словно строка на иврите.

* * *

Не спеши. Твоя шутка, конечно, остра
и твои парадоксы точны,
но они вне законов тьмы и костра,
и пределов нашей вины.

Мы не знаем – кто мы, зачем, почему
и куда мы летим во мгле,
но живущему кажется, что ему
так понятна жизнь на земле...

А всего наивней из наших надежд –
отыскать двойника вдали,
только семь миллиардов отважных невежд –
слишком тяжкий груз для земли,

слишком много жажд, слишком мало ума,
слишком слаб улетающий свет,

и чем жарче костер, тем огромней тьма,
за которой надежды нет.

А безумие это иль волшебство –
погибать на пути к звезде
тем, которые выжили оттого,
что не знали – кто мы и где...

* * *

А на том берегу растет самшит,
эта птица, наверно, туда спешит.
Там холодный мацони и сыр копчен...
Мы на том берегу совсем ни при чем.

Эта серая галька в горячем песке
остывает в ночи от нас вдалеке.
А на том берегу средь белого дня
ни за что ни про что любили меня.

Там орлиный клекот родных голосов
нам вослед поперек часовых поясов,
и бутылка вина на краю стола
как нежданная жажда тебя ждала.

Эта птица, быть может, летит туда,
где за синей седая стоит гряда.
Долететь и доплыть уже не смогу.
Но на том берегу, на том берегу...

* * *

Войны утробное урчание,
дыханье смрадное войны,
болезнь эпохи – одичание,
и мы уже заражены.

Мы – ненависть. Ее микробы
родятся в боли и золе,
и мы растем кустами злобы
на изувеченной земле.

А там, над нами, в безмятежности
наивен, горек, бестолков,
плывет наш мир во мрак веков –
из нежности, из безнадежности,
из розоватых облаков.

Под звуки воздушной тревоги

- 12 **Анна Стреминская**
Молюсь
- 14 **Никита Герус**
Всем миром
- 15 **Виктория Коритнянская**
Притчи
- 17 **Ольга Лесовикова**
Красота Украины

Анна Стреминская

Молюсь

На втором месяце войны у меня произошло как бы некое привыкание. Если первоначально это был шок и хотелось пробудиться от страшного сна, то сейчас пришло осознание, что пробудиться так просто не удастся, и с этой реальностью приходится смириться. Сначала были и панические атаки, и слезы, и нервные срывы. Сейчас есть ощущение большей эмоциональной устойчивости, а также чувство того, что я закалилась и где-то стала сильнее.

Человек – существо пластичное и ко многому может привыкнуть. Хотя трудно привыкнуть к обилию противотанковых ежей на цветущих и оживленных когда-то улицах. Мне сейчас помогает то, что мы снова стали выходить на работу, хотя Литературный музей для посетителей закрыт. Выходить на работу даже два раза в неделю – в этом есть элемент мирной жизни. Занимаемся мы в основном тем, что пишем инвентарные карточки на наши экспонаты и литературные статьи для сайта музея.

Жутко бывает идти в центре города от оперного театра до музея. Там везде блокпосты и совершенно пустынно, только иногда встречается один военный или группа. А ведь в мирное время – это самое оживленное место в городе.

Те стихи, которые я сейчас пишу, стали очень жесткими. Я иногда публикую их в группе «Просто поэзия», которая раньше называлась «Русская поэзия». При достаточно большом количестве лайков я получаю иногда отзывы, в основном из России, что, мол, это не поэзия. Да, это, возможно, не поэзия в высоком смысле этого слова. Это голая и кричащая правда, а правда бывает очень неприглядной.

При таких экстремальных обстоятельствах происходит как бы некоторое сгущение жизни. Стараешься жить сегодняшним днем и радоваться простым вещам. А стрессов и острых ощущений и так каждый день хватает. Например, взяла в руки телефон, чтобы позвонить знакомой поэтессе из Николаева, Наде Агафоновой, но прежде зашла на Фейсбук и тут же узнала, что она погибла два дня назад при ракетном обстреле николаевской облгосадминистрации.

Я не могу сказать при этом, что ожидаю вторжения. Скорее я его не ожидаю. Есть у меня уверенность, что город наш благословенный и защищен высшими силами. Я человек верующий и постоянно молюсь, и это тоже помогает держаться.

Конечно же, сейчас жизнь разделилась на довоенную и теперешнюю. Все беды мирного времени кажутся ничтожными по сравнению с тем, что происходит сейчас. Что же касается искусства, литературы, то есть ощущение, что сейчас слово – это оружие, которым также можно бороться с врагом. Лично мне доступен только такой вид оружия, и, наверное, это хорошо, так как убивать людей я в любом случае не смогла бы.

Никита Герус
Всем миром

Она явилась так внезапно, что я не смог ничего понять.

Утро...

И тут какие-то шумы. Разве кто-то бы догадался, что это были взрывы? Может, соседи передвигают мебель или у кого-то праздник, взрыв хлопушки... Но нет. Ей надо было прийти. И не через десять, двадцать лет, а именно сейчас.

Из-за нее много людей погибли, потеряли семью, все, что у них было. Войны ушли, и некоторые не вернуться. Мысли начались только об этом и больше ни о чем. Она, смеясь, разносила своим убогим топором здания, памятники и все, что попадалось ей на глаза.

Но мы не сдались. Ее можно победить, только надо бороться. Всем миром. Против войны.

Виктория Коритнянская

Притчи

А деревьям тоже, наверное, страшно?

А деревьям тоже, наверное, страшно во время обстрела? Они ведь бессильны совсем... Не то что уйти-уехать, даже вниз по лестнице в затхлый подвал сбежать не могут!

Летят между деревьев снаряды и мины, со свистом жутким летят и воем, обдавая ветром горячим и жаром...

Стволы!

Ветви!

Листья!

А деревья стоят неподвижно, гадают и ждут, замирая в страхе: «Попадет – не попадет?». Может, поэтому и трепещут испуганно кронами, гнутся к земле, просят корни свои: «Пустите!». Но нет! Не дано деревьям права прятаться на войне... Вот и стоят... Встречают смерть в полный рост.

9 августа 2022 г.

Если бы диван мог говорить...

Ты не бойся, я заговоренный. Четыре ангела охраняют меня.

Слышишь, летят? Беги, прыгай, зарывайся в одеяла, накрывайся подушками.

Я большой, я мягкий, я теплый. Жаль, не умею летать, как ковер-самолет, но зато внутри у меня... Крупы и шоколад, и печенье, и банка сгущенки.

Ты только не бойся, слышишь? Последнее дело – это бояться! Я же диван! А ракеты не воют с диванами, веришь?

Шторы задернуты, выключен свет... Славно мы спрятались с тобой – ни за что не найдет нас ракета!

И я не боюсь, видишь? А окна дрожат, и стены дрожат...

А ты не дрожи! Укройся, заройся поглубже, прижмись, но не бойся... Голову обхвати руками, стисни зубы, зажмурься, плачь, кричи, вой, только не бойся! Слышишь, не бойся! Потому как... заговоренный я, меня ангелы с четырех сторон охраняют...

1 октября 2022 г.

Ольга Лесовикова

Красота Украины

Из Одессы выехали поздним вечером, застали закат над лиманом, ночь промчалась звездным стадом за окном, а утро встретило пасмурным настроением, солнце проявлялось несмело, прячась за серой пеленой облаков.

Дождь.

Вдоль дороги белые цветы. Эти цветы зонтичные! Где-то из закровов памяти выплывает слово, на внутреннем мониторе показывают урок биологии, картинки в учебнике, смотрю и улыбаюсь. Мы таки машины времени, можем заглянуть в прошлое при помощи воспоминаний, забежать в будущее мечтой, но в здесь и сейчас смотрю в окно и замечаю данность. За окном моросит дождь. В дождь зонтичные самое то. Автобус мчится, картинки меняются соответственно скорости и размерам площадей. Смотрю на проносящиеся картины. Золотая пшеница в этот миг выглядит бронзовой или медной, тяжелые колосья наклонились. А вот зеленое поле кукурузы – оно колышется на ветру, волнуется подобно морю. «Lidea» – такие значки стоят возле поля. Поле кукурузы бескрайне, длится и длится, а вот зеленое море обмельчало, просто кукурузное поле сменилось буряковым, лоскуток пшеничного – и снова, сколько видит глаз, аж до горизонта зелень сахарной свеклы. Картина зеленого поля в узорчатой раме посадки – разнокалиберных и многофактурных деревьев. А вот и подсолнечник в зеленом плаще с желтой шляпой, это поле рядом с указателем «Тернопольщина». И снова лоскутки пшеницы, а тут поле подсолнечника невысокое, все головки желтые, вдали среди поля купол церквушки, будто страж в шлеме, охраняющий поле солнцеголовых. И тут вдоль

дороги словно тридцать три богатыря выстроились тополя, они высокие, между ними кустарник, и не видно поля за ними, а дальше, словно грибы на поляне, рассыпались шляпки домов, но очень скоро селение осталось позади. Между крестами – скульптуры: старое кладбище. Но и это промелькнуло, и снова поля, зонтичные вдоль дороги, лужи, указатели, остановки автобуса, лес, загадочно манящий, проселочные дороги, телеграфные столбы...

Огромный рефрижератор красного цвета стоит на обочине, на автобусной остановке девушка под алым зонтом, а по дороге идет мужчина под черным. Зонтичные люди на дороге, а вдоль дороги продолжают свой бег зонтичные растения. Строй коротко стриженных акаций – и среди них длинноволосая ива. Мост, а под ним бегущие вдаль рельсы. И мы мчимся. Автобусу не нужны рельсы, он любит асфальт.

Дорога змеится, и вот открывается взгляду картина: озеро в окружении камышей, а на озере белоснежная цапля и плывущая утка, и дальше две березы на пригорке приветственно машут ветками. То холм, то овраг, бежит речушка, славный городок, много роз у домов, садовый центр «Сакура», а рядом агротехника, новенькие трактора, один в один, красавцы. «Hotel» с ажурными беседками и широкое пшеничное поле под серо-свинцовым небом, вдали высотные дома, как домино, и строительный кран ярко-желтого цвета. Тернополь. Троллейбусы и супермаркеты, городской ландшафт.

У дороги яблоня, а под ней земля усыпана яблочками, на зелени травы светло-салатовые шары.

Заправки и магазины стройматериалов, автостоянки, светофоры – и вновь зеленое полчище. Вдоль дороги возвышаются бигборды, церквушки и магазины.

Город закончился, и после небольшой посадки – деревушка: три пестрых коровы пасутся и один маленький теленок. Мужчина на велосипеде с корзинкой возвращается домой из магазина, домик и двор с аистами, керамические птицы стоят у порога. И снова поля и посадки. Снова селение, на поле пасущаяся лошадь, парень, идущий вдоль дороги с велосипедом, в плаще-дождевике. Сейчас ехать – значит забрызгаться и быть в болоте с пят до головы, вот и катит велосипед рядом.

Холмы. Въехали во Львовскую область. Пейзаж немного изменился. Нырнули в небольшой туннель. Рельсы над нами. Вдали лес. Проехали мимо участка, где выкорчевано больше десяти деревьев. Огромные комья земли – видимо, готовят площадь под что-то.

Пшеница и рожь рядом ровными квадратиками, полусферы сена, золотистые оттенки, смотрятся тепло. А дождь все не унимается.

Озеро и деревянная церковь невероятной красоты.

Дерево и в гнезде два аиста мокнут под дождем, стоят рядышком, опустив головы. Поля изменились, расстелились полосками цветными, ровными рядами, а не хаотичными лоскутками. Мальва в траве белоснежная. И зонтичные всю дорогу машут белыми соцветиями. Дождь идет.

Дождь закончился, путь продолжается, леса и горы, речки с быстрой водой и белые камни, мосты над рекой, по мосту мчащийся поезд. Горы, покрытые лесом, и каньоны, где виден рисунок пород камня. В утопающем в зелени ущелье видны золотистые макушки церкви. Стога сена с палкой по центру, соломенные купола, вдоль дороги продают ягоды: малина и черника. Хочется черники, но мы проезжаем мимо.

Горы становятся все выше, небо светлее. Дождь остался позади.

Лузи, солнце и огромные листья мать-и-мачехи вдоль дороги. Река бежит рядом, она сейчас мелкая, но течение быстрое. Бузина цветет.

Мы проехали подвесной мост, такой мне иногда снится, мне хочется по нему пройти, качающийся деревянный мост, воплощение шаткого, но соединяющего берега, мост, обучающий держать равновесие и не бояться.

По мосту шли люди.

Дальше, как на картинке, под грушей стоит велосипед, его рама упирается в ствол дерева, всюду зеленая трава. Дом невысокий белый, и распахнута дверь. Может, мальчик забежал домой попить воды и опять помчит на велике по проселочным дорогам мимо высоких сосен и елей. Кажется, вот-вот он выбежит из открытой двери, отодвинув льняную штору.

На венгерской границе на здании наших погранцов гнездо ласточек, и они летают – видать, кормят птенчиков по очереди.

Огромная луна поднимается над лесом и холмами. Полнолуние. Венгерские поля и домики ухожены.

Ночь спрятала пейзажи за окном.

Утром в Словении все еще виден шар луны, над полем в низине белый туман, как взбитые сливки на макушках растений.

Скалы и горы, рассветного неба жарптичий хвост, становится все светлее.

Уютные невысокие домики и шпили ратуши. Стадо овец на зеленой лужайке, смотанное в клубки сено. Над полем дымка, как пар над чашкой утреннего кофе. Лес, лес, лес... Дымка поднялась и, рассеиваясь, стала похожа на тюль на окнах.

Поля, деревья, горы, небо – столько оттенков собрано на палитре дня, от светло-зеленого до темно-, от коричневого до золотого, от белого до голубого. Природа самый талантливый художник.

Солнце взошло из-за правого плеча. По тому, как осветились горы золотым, стало ясно: утро наступило, огненный шар вышел на арену.

Огромный трехлопастный ветряк на горе вращается, добывая электроэнергию. Поворот – и загораются огоньки лампочек, словно два глаза. Он поглядывает на мир, светло ли всем.

Дорога то вверх, то вниз, закладывает уши. Серпантин.

Развилка. Мы ушли правее, а левее дорога пошла между двух высоких скал, по природному туннелю.

Мы проехали по туннелю, который проложили между скал люди, а когда выехали, я увидела на небе иероглиф линий: их начертили самолеты, загорелись огоньки летящего самолета. Как давно я не видела этих мирных картин!

В Италии появились кипарисы и пальмы. Вдоль дороги много поливочных машин, и все работают, поливают. Нет пересекающихся дорог, мосты над трассой. Интересные деревья, не видела таких раньше: тонкие стволы, на высоте густая крона, посажены правильными прямоугольниками.

Катушки сена, подсолнечник, кукуруза, виноградники. Во многих местах вдоль трассы заборы, а на заборах наклейки, изображения птиц – это платная дорога, наверное, это защита жилых строений от шума автострады.

Все больше виноградников с обеих сторон дороги.

Облака перистые, будто нарисованные крылья ангела.

Озеро и серые цапли, золотистое поле и белые цапли, между полями небольшой ров: видимо, там протекает ручей, ведь цапли любят воду. Насчитала шесть цапель. Они по сравнению с серым журавлем маленькие.

Нет золотых куполов церквушек, среди невысоких домиков возвышаются шпили костелов с черепичной крышей. Они не выделяются ни блеском, ни пестротой: в такой же цветовой гамме, как дома, только острие башни с колоколами поднимается над всеми, будто перст, указывая на небо крестом на верхушке.

А вот и моя остановка. Выхожу, вдыхаю жаркий воздух Северной Италии.

* * *

На обратном пути Италия промелькнула за окном автобуса быстрее. Время от времени я поглядывала на горы, поля, леса, на огоньки городов, читала указатели, думала, куда бы мне хотелось свернуть и где побродить, прикоснуться к стволу дерева, стене здания, какие двери открыть. Но в пути картинки меняются стремительно.

Фотографировала закатное солнце, облака.

В этот раз мне досталось место не у окна, и долго разглядывать что-то с этого ракурса сложнее, голова моя вертелась то в одно, то в другое окно, замечая пейзажи с обеих сторон, но не удерживая картинку надолго.

Уже въехав в Украину, любовалась стогами сена, потом поняла, когда промчались по Львовской области, что так и не сделала ни одного кадра этой красоты, и решила: попробую нарисовать по памяти.

Когда захотелось поближе рассмотреть заоконный пейзаж, встала у двери и разглядывала холмистую местность, аквамариную церковь с золотым куполом, подумала, что этот образ храма символизирует небо и солнце, поселившееся на земле.

Наблюдала дымки над лесом и над горами, было ощущение, что лес дышит и выдыхает пар, как бывает зимой: сделаешь выдох – и белое облако срывается с губ.

А потом я видела аиста близко-близко у дороги, он шел среди молодых зеленых трав, смешанных с травами уже зрелыми и загорелыми, они были сухими золотисто-белесыми. Аист шел мимо цикория синеокого и белоснежных головок зонтичных растений, его красный клюв был ягодно-малиновый, глаза-бусины и фрак черных крыльев поверх белой рубашки перьев. Аист – символ новорожденных, душевная птица. Смотришь – и сердце радуется, потому что его образ – это о продолжении жизни, а это сейчас так важно знать, что жизнь продлится.

До чого ж гарно звучить *лелека* українською: мелодійно, ніби ллється колискова пісня.

На скошенном поле гуляли два аиста, будто танцевали медленный танец. А потом на двух соседних домах увидела два гнезда: в одном стояли двое, в другом один аист.

Дорога мокрая, тут опять был дождь, как и тогда, когда я ехала туда, а теперь обратно.

В садах очень много яблок, ветви прям облеплены. Яркие красные шары, бело-золотистые, розовощекие. В Италии не видела ни одного такого, хотя яблони были и яблоки на них, но не в таком изобилии.

Остановились на заправке, вышла из автобуса, залюбовалась, сфотографировала, а уже дома, когда глянула на фото, то подумала, что это прям картина маслом. Стала припоминать, где я могла фотографировать картины: вроде бы по дороге музеи не посещали, а за окном были лишь природные шедевры – лес, горы, речки.

Це така наша мальовнича Україна.

Если звезды зажигают...

- 24 **Евгений Голубовский**
Если звезды зажигают...
- 28 **Юрий Михайлик**
О Гарике Голубенко
- 31 **Игорь Лосинский**
Евгений Александрович Лапейко
- 36 **Михаил Пойзнер**
Звезда Леониду Пастернаку

Евгений Голубовский

Если звезды зажигают...

Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?! –

писал Владимир Маяковский в 1914 году.

И послушали. И вот уже с 2014 года возле оперного театра в Одессе в день рождения города открывают новые звезды. Инициатива принадлежала директору Всемирного клуба одесситов, члену исполкома горсовета Елене Павловой. Она выбрала место – эту аллею, ставшую уже традиционным туристическим маршрутом. В клубе намечали деятелей культуры, чьи юбилеи отмечают в текущем году. Топонимическая комиссия горсовета голосованием выбирала достойнейших.

Мы очень хотели, чтоб отметили художников, литераторов, артистов, музыкантов – как классиков, так и живущих сегодня в Одессе. Как приятно было, когда кинорежиссер Кира Муратова получала свидетельство о звезде. Как приятно было, что Михаил Жванецкий при жизни ощутил общую любовь.

В 2014 год заложили имена Анны Ахматовой, Исаака Бабеля, Юрия Олеши, Киры Муратовой и Михаила Жванецкого.

В 2015 году к ним присоединились Эдуард Багрицкий, Святослав Рихтер, Владимир Жаботинский, Саша Черный и Леонид Утесов.

В 2016 на аллее открыли звезды Василия Кандинского, Петра Столярского, Эмиля Гилельса и Людмилы Гинзбург.

В 2017 на ней появились Илья Ильф и Евгений Петров, Константин Паустовский и Валентин Катаев, Кириак Костанди и Валерий Ободзинский.

В 2018 году на Аллее звезд открыли сразу семь имен – режиссера Василия Василько, скрипача Давида Ойстраха, художника Валентина Хруща, оперной певицы Антонины Неждановой, архитектора Юрия Дмитренко и актрисы Веры Холодной. Последняя открытая в том году звезда была посвящена джазмену Юрию Кузнецову.

В 2019 году появилось шесть имен: художников Петра Нилуса и Олега Соколова, поэта Бориса Нечерды, кинорежиссера Александра Довженко, коллекционера и альпиниста Александра Блещунова, актера театра и кино Михаила Водяного.

В 2020 году торжественно открыли пять звезд выдающихся людей. Это Исаак Дунаевский, Иван Бунин, Александр Куприн, Павел Вирский – и звезда в честь театра «Маски-шоу». Тогда на одесской Аллее звезд было уже тридцать восемь звезд.

В 2021 году зажглась звезда Юрия Николаевича Егорова (1926-2008) – классика одесской школы живописи, легендарного художника. Юрий Егоров – ключевая фигура для украинского искусства XX века. Почти все свое творчество художник посвятил Одессе, изучению ее уникального ландшафта и духа. Яркие морские пейзажи и метафизические натюрморты Егорова давно стали неотъемлемым символом города. Юрий Егоров родился в 1926 г. в семье артистов балета. В 1948 году окончил Одесское художественное училище, где учился в мастерской профессора Теофила Фраермана, поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, перевелся на факультет монументальной живописи Высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухомовой. Занимался станковой и монументальной живописью, графикой, создавал гобелены, керамику, витражи, мозаики. Преподавал в Одесском

художественном училище. В 1990-х был ректором Одесской негосударственной Академии художеств. Море Юрия Егорова стало художественным термином.

На Аллее звезд теперь увековечено имя Семена Липкина (1911-2003). Семен Липкин был младшим современником Багрицкого, Бабеля, Катаева – плеяды одесских писателей, вступивших в литературу во втором десятилетии XX века. Поэт, прозаик, переводчик, он родился и жил в Одессе. В восемь лет поступил в 5-ю Одесскую гимназию на Земской улице. Уже в семь лет начал писать стихи. Первые публикации появились в «Одесских новостях». Из Одессы в 1929 году по совету Э. Багрицкого молодой поэт переехал в Москву. Скоро публикации одессита стали появляться в московских толстых журналах – «Новом мире», «Молодой гвардии», в альманахе «ЗиФ» («Земля и фабрика»), где печатались такие признанные корифеи, как Борис Пастернак, Евгений Замятин, Эдуард Багрицкий. Но с начала 30-х годов его перестали печатать. Липкин изведal немало гонений и незаслуженных обид. Спасали переводы. Анна Ахматова высоко ставила поэзию Липкина и называла его имя среди имен наиболее самобытных поэтов и искуснейших переводчиков. Во время войны С. Липкин был фронтовым корреспондентом. Публикации стихотворений в журналах возобновились в 1956 году в «Новом мире» А. Твардовского. Его первый сборник стихов вышел только в 1967 г., когда поэту было пятьдесят шесть лет. Семен Липкин был участником альманаха «Метрополь». В 1980 году в знак протеста против исключения молодых авторов альманаха вышел из Союза писателей. Это вызвало целый комплекс репрессивных мер, в том числе новый запрет на публикации. До конца 80-х С. Липкин печатался только за рубежом. После перестройки поэт был восстановлен в рядах Союза писателей, его стали вновь издавать. Семен Липкин познал славу и признание, был удостоен премий. «В стихах Семена Липкина запечатлен опыт сопротивления и выживания, опыт стойкого неприятия лжи и зла», – писали критики. Семен Липкин неоднократно приезжал в Одессу. Родному городу писатель посвящал стихи, повесть, мемуары. 27 апреля 2013 года в Одессе на Пушкинской улице, 34, где родился и жил поэт, открыли мемориальную доску Семену Израилевичу Липкину.

Появилась звезда и драматурга Анны Яблонской (1981-2011). Анна Григорьевна Яблонская (Машутина) родилась в Одессе. Еще в гимназии открылись ее незаурядные творческие способности. Объединив художественно одаренных ребят, девушка создала театр, для которого писала и ставила свои первые пьесы. Будучи еще школьницей, Аня выпустила первый сборник стихов «Все звезды» и стала лауреатом сразу нескольких конкурсов. По окончании гимназии Анна поступила в Одесскую юридическую академию. Там, в издательстве «Юридична література» в 2000 г. вышла вторая книга стихов одесситки «Предчувствие любви». Стихи Анны публиковались также в интернет-журнале молодых писателей «Пролог». Затем наступило время прозы и пьес. В студенческие годы А. Яблонская играла в театре «Тур-де-форс», где была своим поэтом, актрисой, драматургом. Творческая жизнь драматурга, прозаика и поэта развивалась стремительно. Ее пьесы начали ставить в различных театрах. К Анне пришла известность. Член Южнорусского союза писателей и Одесского отделения Конгресса литераторов Украины, она из года в год становилась лауреатом ряда международных конкурсов и премий в области драматургии. Жизнь Анны Яблонской оборвалась на взлете 24 января 2011 года. Анна Яблонская стала победительницей конкурса на лучший киносценарий. Ее пригласили в Москву для вручения премии «Личное дело – 2010», присужденной ей журналом «Искусство кино» за новую пьесу «Язычники». Но драматургу не суждено было получить премию, в аэропорту она стала жертвой теракта.

Итого сорок две звезды были открыты до 2022 года. Несмотря на войну, и в этом году на Аллее звезд – три новых звезды.

Голубенко, Лапейко, Пастернак.

Юрий Михайлик

О Гарике Голубенко

Когда-то, много лет назад (а у меня теперь все происходило много-много лет назад), наш друг на своем автомобиле вез меня с семьей на Большой Фонтан. И по дороге рассказывал, как ему довелось по этому же маршруту везти кошку, и что она вытворяла, сойдя с ума от поездки и вырвавшись из сумки, в которую ее поместили.

Семья у нас небольшая, всего три человека, и вели мы себя, как три кошки, обезумевшие от рассказа, разве что вцепиться в потолок никак не могли. Хохотали все, кроме

рассказчика, он иногда позволял себе снисходительно улыбнуться нашей реакции. Так мы и доехали в грохоте и хохоте...

Георгий Андреевич Голубенко, Гарик, как звали его все, кто знал близко, был одарен блистательным чувством юмора – именно блистательным, ибо самые обыденные, самые привычные предметы и события в его понимании и видении оказывались сверкающими, странными, чудесными, попавшими в нашу жизнь из совсем иной, полусказочной действительности. Там одес-

ская бандерша преображалась в грозную предводительницу азиатских пиратов, там пожар на Слободке, как в увеличительном стекле, собирал в себе весь наш тогдашний мир, и оставалось только удивляться, что мы еще существуем на Слободке и в других местах, горим, сгораем, но живем в своем перманентном пожаре...

Гарик рассказывал, мы хотели, а он смотрел на нас серьезно и снисходительно, ибо знал еще что-то...

Спорили за столом, как это нужно называть – тюбик чая, или цыбик чая, или кубик чая... «О чем вы спорите, девушки? – тихо сказал Гарик. – Предмет исчез».

Все вокруг исчезало, преображалось, становилось иным...

Он играл в КВН, и звезда Янислава Левинзона взошла в чтении фельетона Гарика, он работал на телевидении, он вместе с Валерием Хаитом и Леонидом Сущенко (дорогие мои люди!) писал пьесы, и они ставились, игрались, ездили по разным городам, а потом и странам. Но я совсем не об этом. Совсем не об этом.

Я о том, что за феноменальными легкостью и изяществом, за добрым розыгрышем и внезапным каламбуром, за «капустными» и иными спектаклями – за этим, казалось бы, воздушным трудом таилось гордое и непреклонное мужество. Мужество стоическое, неизбывное, делимое только с любимой Таней. Он никогда не говорил об этом. И я не стану. Просто прошу поверить: их дом, их любовь, их ежедневный подвиг могут повторить совсем не многие. И тем лучше бы не пришлось...

Мы никогда не говорили с Георгием Андреевичем о дружбе, мы никогда не признавались друг другу в добрых чувствах. И работали, в общем, в разных, хотя и соприкасающихся сферах.

Но мы точно знали, что можем сказать друг другу самые суровые слова о его или моей работе, ибо за нашими оценками

всегда стояло давнее и искреннее уважение и желание, чтобы товарищу сопутствовал успех по самым высшим меркам и творчества, и жизни.

Эмиграция – тяжелая работа. И однажды в горькую минуту в доме раздался телефонный звонок. Снял трубку. И услышал свои собственные стихи. А потом Гарик сказал: «Мы тут с Игорем Кнеллером сидим на Пушкинской, стихи читаем. Вот решили позвонить».

Я, как и все, не знаю, сколько буду жить. Но знаю, что про этот звонок буду помнить всегда, дорогой мой друг, Гарик, Георгий Андреевич, хороший писатель Георгий Голубенко.

Игорь Лосинский

Евгений Александрович Лапейко

Почему-то именно мне доверили написать небольшой очерк-воспоминание об этом удивительном и ярком человеке. Думаю, гораздо лучше о нем написал бы музыковед или историк музыки, либо просто историк. По той простой причине, что вклад Е. А. Л. в музыкальную культуру нашего любимого города еще требует своего исследования, осознания и достойной оценки.

А эти строки будут носить скорее дружеский характер, потому что мне посчастливилось знать этого человека, и при всем уважении, даже почтении, относиться по-товарищески, делиться радостью, творческие планы и даже гостиничные номера на тех гастролях, где нам посчастливилось побывать.

Давным-давно, в годы своей очаровательной юности, люди моего поколения увлекались тяжелым роком. Не все, нет, – те, кому повезло полюбить этот абсолютно запретный плод и ощутить его непререкаемую силу. Зеленые юнцы, мы делили человечество на тех, кто слушает тлетворную западную музыку, и тех, кто ограничивается доступным ширпотребом.

Ведь я рожден во времена буги-вуги
И одесских куплетов я не сочинял.
Для меня рок-н-ролл был началом начал.

Евгений Александрович был именно той личностью, которая бесстрашно несла эти ритмы, эту глубокую философию в народные массы, которые с готовностью впитывали дух свободы;

и становление личностей в те годы, на мой взгляд, происходило под сильнейшим воздействием именно музыки.

Однажды я впервые попал на концерт одесской группы «Провинция». Уверен, что в то время это был лидирующий рок-коллектив, и руководил им, конечно, Е. А. Л.

Будоражащее дух звучание инструментов, строгость, мелодизм и великолепная поэзия – неперебиваемые козыри этих парней, которых публика готова была, что называется, носить на руках. Я – так точно. До сих пор помню поразившую меня строчку поэта Яши Качура: «Река, беременная бревнами». Но Евгению Александровичу всегда нужно было гораздо, гораздо больше. Он был неумным тружеником, организатором, локомотивом, ему жизнь была интересна во всех ее проявлениях, и он направлял ее в придуманные им русла. Жаль, что от долгого употребления в нашем лексиконе стерлось слово «подвижник», обозначающее человека, искренне и энергично, а главное, бескорыстно отдающего лучшие часы своей жизни служению людям, культуре и в конечном итоге, неосознанно, благодарной истории. Е. А. Л. написал десятки музыкальных произведений, снимался в юмористических телевизионных передачах, создавал невероятной силы трагические театральные спектакли. В этой своей великолепной деятельности он никогда себя не жалел.

В свое время Е. А. Л. сотоварищи организовал Одесский рок-клуб, и в те странные и удивительные годы, которые сегодня не без причин любят называть «застоем», это было поистине мужественным поступком. Видимо, застой был не для всех и не для каждого. Это было время блестящих музыкальных коллективов и самодеятельных театров. Однажды мне, студенту, удалось каким-то чудом заполучить заветный билетик на рок-оперу «Девушка и смерть», которая разрывала головы студюзовсов в знаменитом актовом зале политеха. Прошло сорок лет, но я до сих пор отчетливо помню это чувство бесконечного восхищения музыкой, игрой, атмосферой настоящего рок-концерта. Сказать «публика была в экстазе» – это просто повторить устаревший штамп. Такая в те годы была самодеятельность, пока на смену всем жанрам искусства не пришел всепобеждающий КВН.

Именно эта всенародная забава и свела нас с Е. А. Л. достаточно близко, ведь именно он был художественным руководителем Команды КВН Одесского университета (на тот момент единственного).

Нужно сказать, что эта страница жизни Евгения Александровича может быть названа героической. Дело в том, что люди с хорошим музыкальным слухом в КВН попадают редко, и наша команда в этом плане была ярким примером. Тут даже сложно сказать, сколько сил, энергии, терпения, благожелательности и ангельского всепрощения проявил Е. А. Л., чтобы на самом высоком кавээновском уровне именно эта команда выиграла все свои музыкальные конкурсы.

По этому поводу осмелюсь привести одну примечательную историю, скорее байку, которая характеризует самого Е. А. Л. и ту атмосферу, которая вокруг него волей-неволей складывалась. Он был старше нас, мудрее, но всегда был по-детски искренен и бесконечно добр. Итак, как-то в гостиничном номере мы сидели с Жекой (так мы за глаза называли Е. А.) и пили водку. Вот такое начало. Чинно и блаародно. Бойцы вспоминали минувшие дни и театры, где зажигали они. И все было бы хорошо, но тут, потеряв бдительность, я запел. Это была ошибка. Евгений Александрович, чья музыкальная чувствительность подверглась тяжкому испытанию, в очередной раз стал рассказывать мне совершенно клеветническую, глубоко лживую абсолютную правду о том, что у меня нет ни слуха, ни голоса. Естественно, я вспылил и в сердцах сказал, что на самом деле рок-н-ролл, как греческий бог Пан, умер. Разразилась буря. По коридорам солидной гостиницы метался разъяренный вихрь, который, намотав круги, наконец вернулся и, распахнув дверь, прокричал несколько замечательных слов... Вот они: «Игорь Григорьевич, я вызываю вас на дуэль!!!». Какая мощь, какая утонченность натуры! Вот так ссорились джентльмены. Дуэль была, как положено, на шести шагах. Но на двух рюмках.

Ее итогом стало наше небольшое сотрудничество в работе над рок-оперой «Ромео и Джульетта». Да, над тем произведением, которое уже стало историей нашего Театра оперетты, потому что Шекспир Шекспиром, но надо было написать такую

музыку, которая бы многие-многие годы приводила в театр молодых людей и заставляла их соперничать несчастным счастливым бессмертным влюбленным. Тогда я набросал небольшое стихотворение, которое композитору почему-то понравилось, оно должно было завершать спектакль, и он написал к нему фантастически красивую музыку. Увы, улы и улы, она не сохранилась, но, уверен, наряду с другими произведениями украсила то загадочное пространство души, которое сверкает над нашими головами. Жива и будет жить прекрасная музыка Евгения Александровича – она звучит со сцены, она звучит в нас, она всегда будет находить своего благодарного слушателя. Каждый год наша команда собирается у его памятника, и у нас никогда не было ощущения, что он вот так взял – и ушел. Это то, что мне удалось уместить в этот краткий очерк о человеке славном, талантливейшем и настоящем.

по самой кромке облаков
идут
за руки взявшись
двое
идут меж солнцем и травой
по самой кромке облаков

внизу
в скрещении дорог
их город
окна
крыши
трубы
как непонятны им
оттуда
причины спешек и тревог

мир полон света и тепла
какая колдовская сила
их на земле соединила
их над землю подняла

по самой кромке облаков
идти порой бывает страшно
и все же
как это прекрасно
идти
по самой
кромке
облаков

Михаил Пойзнер

Звезда Леониду Пастернаку

Автопортрет Леонида Пастернака

Одесская художественная школа берет свое начало с трудов Кирияка Костанди. Но, по сути, рядом с ним учился, работал в нашем городе будущий академик, великолепный портретист Леонид Осипович Пастернак.

В Одессе уже была открыта мемориальная доска живописцу и графику Леониду Пастернаку. Она установлена на фасаде дома по адресу ул. Базарная, 78, где с 1885 по 1911 годы останавливался академик живописи, потомок первопоселенцев Одессы, отец гениального поэта Бориса Пастернака Леонид Пастернак.

По словам вице-президента Всемирного клуба одесситов Евгения Голубовского, история жизни Леонида Пастернака достойна более глубокого изучения.

«Леонид Пастернак родился в большой одесской семье, где родители сделали всё, чтобы дать детям достойное образование. После окончания Ришельевского лицея Леонид Осипович по же-

ланию отца отправился в Москву, где поступил в медин. Но спустя два года понял, что ошибся выбором, и вернулся в Одессу, где окончил Новороссийский университет, стал юристом. Но снова понял, что и это – не его путь. И тогда полностью посвятил себя живописи. Его учителем был Луиджи Йорини, чьи скульптуры сохранились только на здании Одесской думы. Леонида Пастернака заметил Третьяков, а затем Лев Толстой, для которого одесский художник стал лучшим иллюстратором его книг. И еще немаловажный факт из биографии Леонида Пастернака: он стал преподавателем Московского художественного училища, куда не принимали преподавателей-евреев. И когда Леониду Осиповичу предложили перейти в лютеранство, он отказался, но его все равно приняли на работу».

На торжественное открытие мемориальной доски художнику в Одессу приезжали два правнука и внучка Леонида Пастернака. «Это мой второй приезд в Одессу. Последний раз была здесь в 1960 году. Для того чтобы сегодня присутствовать на столь трогательном и волнительном событии, я специально приехала из Лондона. Мой дед умер в столице Великобритании. Его творчество высоко ценят англичане: в Оксфорде есть собрание его картин. Я так рада открытию мемориальной доски в Одессе!

Я знаю, что Леонид Осипович мечтал провести остаток жизни в Одессе, хотя жизнь распорядилась иначе. Но теперь я чувствую, что история спустя много десятилетий внесла свои коррективы, и память о деду теперь материализована в Одессе», – отметила Елизавета Пастернак, внучка Леонида Пастернака.

В тот же день гости города посетили Всемирный клуб одесситов, где прошла встреча с членами клуба и гостями.

Николай Слейтер, внук Л.О. Пастернака (1938 г. р.). На заднем плане – автопортрет Леонида Осиповича с женой Розалией Кауфман

Как бы продолжением чествования Леонида Пастернака в этом году стала звезда в память художника на Аллее звезд на Ланжероновской. В этом году мы отмечаем 160-летие мастера.

Приехать из-за границы родственники не смогли. Но они прислали письма благодарности, где напомнили, что в Одессе Третьяков купил для своей галереи картину Пастернака, что иллюстрации к собранию сочинений Лермонтова были заказаны Пастернаку, а Лев Толстой, подружившись с живописцем, только ему доверил иллюстрировать «Воскресение»...

Из советской России больной художник уехал в 1923 году. Не думал, что навсегда.

Здесь оставались сыновья Борис, поэт, и Александр, архитектор. Но в Берлине и Лондоне было множество заказов. Именно тогда он писал портреты Эйнштейна и Рильке, Скрябина и Рахманинова, Шаляпина и Мечникова...

Творчество Леонида Пастернака представлено во многих музейных собраниях Украины, Великобритании, Германии, Франции, Израиля. В Одесском художественном музее сохраняются графические работы мастера «Покинутые», «Казак» и «Женщина с Хитрова рынка». В 1999 году в Оксфорде на улице Парк-Таун состоялось торжественное открытие музея Леонида Пастернака. Его именем названа улица в Тель-Авиве.

В Англии Леонид Пастернак начал писать книгу воспоминаний, где много и тепло пишет о нашем городе.

История, краеведение

- 40 Валерий Романов**
Одесские катакомбы
- 54 Наталья Панасенко**
Одесса в биографии Марка Слонима
- 65 Анатолий Дроздовский**
Одесские учебные профессиональные курсы
в начале XX века
- 83 Олег Губарь**
Привоз

Валерий Романов

Одесские катакомбы

Когда произносят слово «Одесса», то сразу возникают четыре ассоциации: оперный театр, Потемкинская лестница, море и катакомбы. А каковы они, одесские катакомбы, и в чем их уникальность?

«Катакомбы» в переводе с греческого – «извилистая яма». В отличие от большинства рукотворных подземелий в мире, одесские катакомбы не использовались для захоронений. Есть лишь немногочисленные ситуативные могилы погибших бандитов, партизан, женщин, которых бандиты похищали и удерживали в катакомбах перед отправкой в гаремы Востока. Даже был запрет под страхом каторги добывать камень в окрестностях тюрьмы и железной дороги. Самая длинная катакомба расположена непосредственно под центральной частью города и имеет протяженность 14,6 км. Самая старая катакомба длиной девяносто метров датируется, следуя надписи на ее стене, 1813 годом и расположена тоже в центре, на склоне Карантинной балки. Но речь идет только о том, чему есть документальное подтверждение.

Начнем, пожалуй, нашу короткую экскурсию по одесским катакомбам с впечатлений известной эстонской писательницы, автора книги «Моя Одесса» Лооне Отс.

«Согласно легенде, в Таллинне есть подземный ход, который ведет к монастырю Пирита на другой стороне Таллиннского залива. На самом деле под Таллинном есть бастионные ходы XVII века, построенные как склады пороха.

В одесские катакомбы можно попасть совершенно иначе, чем в таллинские: из-под домов. Прогуливаясь по катакомбам, видишь, как обрабатывали камень в прошлом. С большими усилиями его распиливали, разрезали на куски и продавали строителям за копейки. Но катакомбы не пустовали. Туда бежали преступники, укрывались от бомбежек горо-

жане в 1941 году, здесь прятались дезертиры и многие дети с горящими от волнения глазами. Каждый что-то оставил после себя. Некоторые думали, что это чушь, в то время как другие считали, что это золотая жила, позволяющая получить представление о прежней жизни и ценностях.

Меня очаровали кирпичи и черепица нескольких мастеров, а также масляные и керосиновые лампы. У меня подкосились ноги, когда я увидела красивые застекленные и резные камины: их когда-то выбивали из квартир молотком. Изящные фарфоровые фрагменты несут печати известных фабрик. Когда-то в стеклянных флаконах хранились духи, и одесские красавицы создавали облака чарующих ароматов. Однако венцом выставки была лошадка-качалка с педалями – ее принесла сюда семья, сбежавшая с ребенком в катакомбы от войны.

На стенах нацарапаны имена и даты. Что могло случиться с людьми, писавшими в 1899, 1916 или 1941 годах? Катакомбы не раскрывают этой тайны. Однако здесь немало богатств прошлого, которые создатели музея умело дополнили.

Катакомбы – это не просто мертвая тьма: меж камней пробиваются нити растений. Жизнь зарождается и ширится даже без света. Однако мы должны вернуть прошлое прошлому, мы должны помнить, какой была Одесса: это было не так давно. Открывать прошлое благодаря катакомбам в тысячу раз увлекательнее, чем ходить меж витрин обычного музея.

Наш собеседник – Максим Баронецкий, организатор фонда «Память», при котором успешно работает Команда одесских исследователей катакомб (КОИК).

– Известно ли, когда возникла идея строить дома в Одессе из подземного ракушечника?

– По воспоминаниям очевидцев и краеведов конца XVIII – начала XIX веков, все стало происходить с самого начала строительства города. Других материалов не было, дорог тоже особенно не было. Этот камень легко обрабатывался и был удобен. Тем более что шахтное дело и технология резки ракушечника в Российской империи была хорошо известна. Хотя пилы по камню пришли в Одессу гораздо позже. Вначале это все происходило довольно хаотично. Добыча камня в открытых карьерах возможна там, где порода неглубоко залегает, а до таких мест под Одессой довольно далеко. В окрестных же балках камень залегал весьма глубоко.

Инструменты камнерезов

Здесь же был военный форпост со своим гарнизоном. И порт, и сопутствующие ему строения, и укрепления строили военные. Сначала отстраиваются казенные дома, которые принимают первых переселенцев, а те в свою очередь обязаны были за год отстроиться самостоятельно и освободить жилье для следующих. Гражданское население уже занималось своими домами самостоятельно. Первыми шахтерами были военные, впоследствии массово привлекаются переселенцы – в том числе и те, кто был без паспортов, беженцы и беглые крепостные.

– Понятно, что вначале лабиринт был хаотичен. А в XX веке эту хаотичность продолжили или пытались как-то упорядочить?

– И в самом начале уже был контроль, работы не велись спонтанно. Был полицейский контроль. Сперва нужно было подать запрос. А после получения разрешения выработку можно было вести строго в пределах границ конкретного участка. Никто, конечно, не показывал, как идет выработка, а ломали камень так, как было удобно. Впоследствии эти системы где-то пересекались, где-то сбивались.

В конце XIX, в XX веке, включая советский период, выработки уже велись планомерно, без сумбурности. Все бралось под жесткий технический контроль. 1880 году был организован Юго-Западный горный округ. Все шахты инспектировались и грамотно направлялись. Нарушения жестко карались. Тем не менее единой системы не возникло. В городе все было более разрозненно. За городом были городские шахты, представляющие единый

комплекс выработок, а были и частные, владельцы которых, пользуясь случаем, развивали их в разные стороны.

Затем потерялась преемственность. Шахтоуправления канули в лету. Люди ушли, архивы затерялись, сейчас и вовсе царит бардак. Планов выработок советского периода сохранилось не так много, они большей частью в руках у частных лиц. Если говорить о современных исследованиях, то мы (спелеоклуб «Поиск» и группа КОИК) объединяем сохранившиеся архивные материалы с современной съемкой. В 1972 году ведущий специалист Константин Пронин ввел в научный оборот кадастр искусственных полостей, который пополняется информацией и по сей день.

- А как плановые выработки сочетались с первичными, хаотическими?

- Я бы разбил выработки по временным периодам. Вначале были небольшие безграмотно проведенные выработки, которые с годами разрастались. Старые часто поглощались более современными. Первые даты и автографы первых шахтеров найти трудно, потому что их уже поглотили более поздние, либо к ним нет физического доступа. Ведь первые, по описаниям очевидцев, производились в балках Одессы. Одесский метрик А. Дерibas писал, что во времена Разумовского (1800-1814) оба склона Водяной балки были изрыты, как кротовыми норами, подземными ходами. Впоследствии старые выработки подрезались, засыпались, застраивались. Так же происходило и с морскими склонами. С середины XIX века и по сей день рельеф Одессы сильно изменился.

- Бытует мнение, что если попал в катакомбы, то точно заблудишься...

- Все зависит от того, куда попал. Об этом на экскурсиях рассказывают, чтобы люди понимали, где они оказались. Нет единого лабиринта. Есть различные системы размером от десятков метров до сотен километров. Под селом Нерубайским, а это ближний пригород Одессы, 800 километров ходов... Естественно, что неспециалист не найдет оттуда выхода и не сможет подняться наверх. Надо хотя бы образно понимать этот лабиринт и уметь заниматься

ориентированием. Чаще всего теряются те, кто ничего не умеет, но думает, что это просто. Поэтому каждый год мы несем потери.

– Много легенд ходит о том, как одесские контрабандисты использовали катакомбы для доставки товаров в город, а во времена порто-франко и – в империю...

– Скорее всего, катакомбы играли роль в качестве помещений для хранения грузов. На экскурсиях люди хотят послушать всякие мифы и легенды. Взглянем на Старопортофранковскую улицу, а именно там и проходила граница вольной Одессы, и увидим, что до сих пор со стороны центра города жилые дома, а другая сторона не застроена. Там нельзя было строить жилые дома, только небольшие хозяйственные постройки. Поэтому что-то перетащить даже под землей на ту сторону было сложно, а если и получалось, то точно не в больших масштабах. Представьте себе, что вы купили дом рядом с границей порто-франко и у вас есть желание обогатиться, переправляя грузы по тоннелю на ту сторону. А теперь посчитайте, какой объем породы и камня нужно незаметно вывезти на телегах. Зоркие соседи не оставят такое без внимания. Так что подобные случаи могли носить только единичный характер, совсем не системный. Гораздо проще было просто дать взятку. Контрабанда во все времена была связана с коррупцией. В архивных документах описано много разных случаев. Правдивые истории о романтических контрабандистах до нас не дошли.

Физически невозможно было выгрузить товар на морском берегу и по катакомбам занести его в центр города прямо в магазин. Выемки в прибрежных скалах чаще всего использовали рыбаки, чтобы переждать непогоду. Или там прятали груз от посторонних глаз. Проложить ход от береговой скалы до центра города технически возможно, но такой проект стоил бы громадных денег и, конечно, не мог бы быть скрытным. Пласт породы, иногда прорываясь, спускается к морю под небольшим углом. На обрывах он ломается: там невозможно сохранить ходы. Шахты просто не доходили до берега. До сих пор сохранились небольшие выработки на берегу, но их использовали те, кто там жил или держал небольшие склады. Если кому-то и удавалось наладить трафик через катакомбы от моря в город, то это тоже были единичные слу-

чаи, а не система. Может, потому в полицейских архивах об этом и нет информации. В любом случае легенды рассказывают обратное, а как мы знаем, всякий миф имеет исторические корни.

- В некоторых домах в центре Одессы и сейчас можно найти два-три уровня подземных ходов.

- Да, это было распространено: в таких подземельях, так называемых минах, хранили товары и припасы, пшеницу, их использовали как холодильники. Иные хозяева даже сдавали такие подземелья в аренду. Чаще всего эти выработки возникали при добыче глины для постройки самого дома и подсобных сооружений. Но такие выработки были довольно короткими. Где-то они были облицованы, где-то нет, некоторые быстро разрушались. Таких мин по Одессе несколько тысяч. Некоторые соединялись с соседними дворами. Но вести ходы очень далеко было не в интересах хозяев: всегда могли прийти гости... Прокладывать длинный тоннель было небезопасно. С появлением в Одессе водопровода

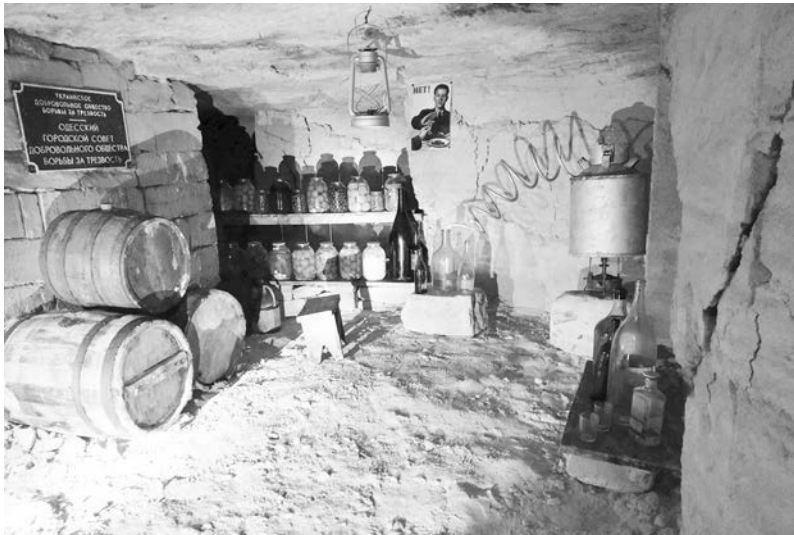
Подземное озеро

возникла проблема: стали возникать течи, и мины под воздействием воды начали обрушаться. Валились тротуары, проваливались лошади... По дворам пошла инспекция. Конечно, не все удалось обнаружить. Вот тогда мины, выходявшие на улицу, стали бутовать и засыпать. Нечто подобное бывает и сейчас.

– А купцы и лавочники катакомбами пользовались?

– Это происходило индивидуально и в малых объемах. Кто-то что-то хранил. Криминал использовал катакомбы более активно. Об этом много в литературных источниках. В архивах об этом практически ничего нет. Для криминала той поры было логично использовать тайные лазы, чтобы уйти от преследования, спрятаться, организовать малину. Это было очень удобно. Много разного тогда происходило. Исторических свидетельств практически не осталось, но рассказывали...

В XIX веке литераторы уделили теме катакомб и событиям, в них происходившим, определенное внимание. Самая знаменитая книга на эту тему – роман В.М. Антонова «Одесские катакомбы. Записки полицейского агента». Роман впервые увидел свет в 1874 году, автор с 1871 года в чине полковника служил полицмейстером в Одессе, где из-за борьбы со взяточничеством и коррупцией в полицейском аппарате нажил много врагов. С 1873 года находился под следствием на основе ложных обвинений. Суть дела в первую очередь заключалась в изменении новым полицмейстером технологии полицейского надзора за проституцией и домами терпимости. Желая раз и навсегда покончить с коррупцией в полиции, Антонов прибегнул к невиданной чистке ее рядов, причем дошел до того, что выписал из столицы сто полицейских чинов с запятнанной репутацией для замещения в Одессе должностей околоточных, городских и др. Он стал активно препятствовать перекупке хлеба, по сути – рэкету на въезде в пределы градоначальства, способствовал учреждению технико-полицейского надзора над катакомбами. Все это усугубило и без того негативное отношение к «новой метле» не только тайного и явного криминалитета, но и большинства подчиненных городского полицмейстера, его коррумпированных коллег. Исход дела был предопределен. Уволен после суда в 1879 году, но в 1880 году ему было разрешено вновь поступить на службу.

Подземная винокурня

Достойна интереса и публикация в 1890 году произведения Ф. Иванова «Подземная Одесса 25 лет назад». Автор ярко описал увиденную им в катакомбах бандитскую малину: «Стены и своды импровизированной залы обиты были персидскими и бархатными коврами. Колонны обставлены были зеркалами и канделябрами, на выступях стояло несколько столовых бронзовых часов, на полках красовались серебряные стаканчики и кувшины. В углах висела масса шуб, пальто, фраков и женских ротонд, мужские и дамские ботинки лежали кипами. Когда я попросил воды, Сашка Косой раскупорил бутылку старого шато-лафита и угостил меня».

- Но вернемся к нашей беседе. Получается, что на сей день кроме литературных источников в документальных архивах мало что сохранилось?

- Кое-что найти можно. Мы знаем из истории, что к поимке преступников привлекали Тимофея Грицая. Описан случай на улице Преображенской, в самом ее начале, на обрыве над морем, где

было несколько входов в катакомбы, как они оттуда выкуривали преступников, в прямом смысле этого слова: подожгли шины. Есть история, засвидетельствованная в отчетах полиции, как под Дюковским садом (бывшая дача герцога де Ришелье) выбивали банду. Это были ситуации, связанные с локальными системами, имеющими несколько выходов, которые довольно легко блокировались.

– Известна история о том, что Т.Г. Грицай нашел в катакомбах кости доисторических животных, – и так возник палеонтологический заповедник.

– Грицай был не один. Он работал в группе в составе экспедиции профессиональных палеонтологов.

Т.Г. Грицай ведет раскопки в катакомбах. Фото из архива М. Баронецкого

Вот тут позволю себе обратиться к архивным документам и более подробно рассказать о признанном в XX веке короле одесских катакомб Тимофее Григорьевиче Грицае. Катакомбы были для него родными с детства, а родился он в 1904 году в многодетной одесской семье. Именно в катакомбах, где сыро, темно и пустынно, маленький Тимоша играл с соседскими мальчишками в казаков-разбойников, находил входы и выходы в районе родной для них Молдаванки. Еще совсем юным человеком Т. Грицай в 1920-х годах выдвинул идею комплексного и всестороннего обследования катакомб с целью полного освобождения их от уголовных элементов. Вскоре за ним прочно и надолго закрепилась слава грозы бандитов, уголовников, фальшивомонетчиков. В 1928 г. Одесский городской совет поручил Т. Грицаю возглавить специальную экспедицию. Ее целью было составление детального плана катакомб и на его основе карты-схемы местных подземных лабиринтов для нужд коммунального хозяйства. Однажды, обследуя катакомбы, Т. Грицай обнаружил скопление крупных костей, внешне не похожих на человеческие, собрал их в вещмешок и принес в Одесский археологический музей профессору А.К. Алексееву. Предварительное определение принадлежности этих скелетных останков показало их уникальность. Как было установлено позже, местонахождение позвоночных подобного видового состава является единственным в Европе. Впоследствии ученые определили, что доминирующими формами в фауне карстовых пещер Одессы являются верблюды, лисицы, гиены, сеноставцы, зайцы, хомячки, слепыши, страусы. Реже встречаются мастодонты, барсуки, ежи, дикобразы и другие

Фрагменты костей доисторических животных

формы. Из комплекса хорошо сохранившихся костей, найденных Тимофеем Грицаем, были собраны скелеты животных в палеонтологическом музее одесского университета.

После войны работы в катакомбах развернулись в полную силу только в 1950-х годах. Обнаружены были кости неизвестной до тех пор птицы, а также одного из видов грызунов – большого хомячка, названного учеными грицайя (*Gryzaja odessana*) в честь неутомимого исследователя. В Грузинской академии наук описан страус, кости которого также найдены Грицаем.

В 1960 г. карстовые пещеры в районе средней Молдаванки обрели статус государственного подземного палеонтологического заповедника.

Т.Г. Грицай был настоящим одесситом и удивительным человеком. В Одессе нет улицы его имени, зато пещеры, где он ловил бандитов, а нашел верблюдов, так и называют, Грицаевскими.

– Какую роль сыграли катакомбы во Второй мировой войне, во время обороны и в период оккупации Одессы?

– Прежде всего, это были убежища. Чаще всего наспех организованные для укрытия гражданского населения, подобно щелям во дворах для защиты от авианалетов. Одесситы успешно ими пользовались. После освобождения Одессы один из военных корреспондентов был удивлен, увидев, что в городе осталось много молодежи. Им удалось избежать угона в Германию, именно спрятавшись в катакомбах. Судьба партизанских отрядов складывалась по-разному. Связано это было с не всегда грамотной подготовкой и нервозностью, царившей в начале войны. В тридцатые годы были подготовлены специальные базы, подобраны диверсанты, существовали и специальные центры подготовки. Но новая военная доктрина диктовала другое, и на это направление махнули рукой. А когда война началась, то уже и не было необходимых специалистов диверсионного дела, и все было организовано наспех. Впоследствии это привело к большим жертвам среди партизан и подпольщиков. Не было единоначалия, группы были разрозненные, было непонимание ситуации, особенно в том, как долгое время находиться под землей. Все считали, что оккупация быстро закончится, а затянулась она на годы. Тем не менее партизаны смогли совершить свой подвиг. Они обес-

печивали разведанными о перемещений войск и грузов по железной дороге и через порт. При этом еще и оттянули на себя несколько румынских дивизий, которые постоянно были заняты охотой на партизан. Конечно, события 1941 года существенно отличаются от того, что происходило в сорок четвертом: другие отряды, другие люди и эффективность другая. Велика заслуга Авдеева-Черноморского, у которого был опыт: он объединил разрозненные отряды, наладил диверсионную работу. И даже после его гибели отряды отлично боролись с оккупантами.

- Еще одна легенда из 70-х годов прошлого столетия гласила, что в Одессе очень легко построить метро благодаря наличию катакомб.

- Думаю, что катакомбы никак не повлияли бы на строительство метро. Технологии прокладки туннелей метрополитена позволяют решать и не такие проблемы. Проект метро в Одессе разрабатывался в 1980-е, когда численность одесситов приближалась к миллиону. Если бы тогда метро построили, то в Одессе была решена транспортная проблема. Жаль, что этот проект не осуществился.

- А чем, собственно, сегодня занимаются люди, увлеченные одесскими катакомбами?

- Наш проект «Подземная Одесса» включает в себя изучение катакомб, сохранение уникальных объектов и объединение вокруг общей идеи всех, кому интересна эта тема. Я являюсь руководителем общественной организации «Фонд изучения и сохранения наследия Одессы «Память». Мы стремимся изыскать под Одессой уникальные объекты и превратить их в памятники, чтобы хотя бы таким образом сохранить историю катакомб. Все остальное сохранить нереально: город растет, развивается, идет строительство, и некоторые участки катакомб просто засыпаются. Мы организовали три подземных объекта: подземный ход Воронцовского дворца, на Карантинной балке музей Кантакузена и участок катакомб на Молдаванке. Понимая, что развитие города неизбежно уничтожит все следы древности (обычная практика – тампонажем уничтожать под застройкой все пустоты),

мы и стараемся зафиксировать и сохранить, насколько возможно, всю информацию. А если встречаются достойные сбережения объекты, номинировать их на статус памятника. Дальнейшему изучению подземных полостей в самом городе препятствует то, что чаще всего доступ к ним в руках у частного собственника. А хозяева помещений и пространств иногда не хотят нам предоставлять возможность прохода. Но зато загородные системы с их громадными пространствами дают нам поле деятельности на многие годы вперед.

– В чем очарование исследования катакомб?

– В познании нового и открытиях, хоть и редких. Это будет понятно тем, кто хоть раз путешествовал. Но помимо романтики это работа, порой и нудная, потому что системная. По образованию я технарь, плотно занялся темой катакомб лет десять назад, раньше занимался больше военной историей и реконструкцией. Сейчас втянулся, и на другое уже времени не осталось. Почему? Наверное, потому что понял, насколько это интересный и еще не до конца познанный мир. Каждый раз, идя под землю, ощущаешь себя исследователем где-то на краю мира.

– Как сегодня контролируются входы в катакомбы?

– В центре города в основном они были закрыты еще румынами. В семидесятые годы многие входы в городе закрывали из соображений безопасности, а за городом – нет. За проход в катакомбы был предусмотрен штраф, но он ни разу не был взыскан. Этих входов сотни, и сейчас их просто невозможно контролировать. Многие люди стремятся к неизвестности, к поиску кладов и просто приключений.

– Говорят, что протяженность одесских катакомб 2500, а то и 3000 километров. А как определили эти числа, кто измерял?

– Физически их лично, конечно, никто не прошел. Многие сомневались. Попробуйте сами. Но давайте пойдем от обратного. Возьмем здание, определим объем камня, из которого оно сооружено. Далее сложим камень всех городских строений из

Примерно так может выглядеть лабиринт одесских катакомб

ракушечника, включая заборы и сараи, – получим условную кубатуру, добавим процент брака. Вот и получится объем. Вытянув данный объем в заданные ширину и высоту штрека, получим искомую величину протяженности одесских катакомб. Считали это горные инженеры, которые понимают, сколько шахта дает чистого камня, сколько идет в брак, как влияли технологии добычи в разные периоды.

Многогранность и неоднозначность истории и современности одесских катакомб так же масштабна, как и их протяженность. Естественно, что в коротком очерке просто невозможно охватить все аспекты, но мы хоть немного приоткрыли завесу.

Фото Алеси Карелиной-Романовой

Наталья Панасенко

Одесса в биографии Марка Слонима

1 июня 1886 г. в Одессе состоялось бракосочетание выпускника юридического факультета ИНУ потомственного почетного гражданина Льва Марковича Слонима и дочери старшего помощника одесского раввина Индианы Исаевны Айхенвальд¹.

В этом браке родились два сына: в 1887 г. Владимир² и в 1894-м Марк.

В метрической книге раввината за 1894 г. есть запись о рождении в Одессе 23 марта у ППГ кандидата прав Льва Марковича Слонима и жены его, Индианы Исаевны, урожденной Айхенвальд, сына Марка.³ Но сам М. Слоним утверждает, что родился в Новгороде-Сиверском Черниговской губернии.⁴

Конечно, всякое бывает, но трудно придумать, зачем одесситке, у которой в родном городе семилетний сын, муж пока еще живет и работает в Одессе, ехать рожать куда-то в глухомань.

Имя Льва Марковича встречается в местных справочниках до 1896 г. Он неизменно значится служащим Консультационного бюро при одесском съезде мировых судей. В интервью радио «Свобода» Марк Львович рассказывал, что позже отец жил преимущественно в Туле. Он принял православие, был религиозным человеком, приезжал на Пасху и Рождество и водил сыновей в церковь. Умер в Петербурге в 1908 г.⁵

Брат, Владимир Львович, с семнадцати лет состоял в партии эсеров. «Влияние, которое он на меня оказывал, было совершенно явное, – рассказывал М. Слоним. – Имена эсеров, эсеровские книги – всем этим было наполнено мое отрочество».⁶ Товарищем брата назвал Всеволода Лебединцева.⁷

Все биографы отмечают, что мать М. Слонима – родная сестра критика Юлия Айхенвальда, тем самым наводя на мысль о влиянии. И сам Марк Львович говорил, что дядя заботился о том, чтобы племянник читал правильные книги (в первую очередь русскую классику). Но Юлий Айхенвальд, окончив университет в 1894 г., через год переехал в Москву. Таким образом, напрямую они могли контактировать только во время приездов дядюшки в Одессу, то есть эпизодически.

Однако в семье много читали. «У нас дома бывали писатели, – вспоминал Слоним. – Пришел, например, брат Короленко, посидел вечер, а на следующий день я уже читаю «Историю моего современника».⁸ Собственно писателей не назвал, но одно предположение напрашивается. С братом В.Г. Короленко, Илларионом, дружил Г.А. Яблочков, писатель сейчас забытый, а тогда высоко ценимый Горьким и Буниным. Кроме того, Георгий Алексеевич считался неблагонадежным и в 1905 г. высылался из города как прикосновенный к одесскому комитету с-р⁹, что добавляет вероятность знакомства его с Владимиром Слонимом.

Семья вообще была высококультурная. Марк с детства говорил по-немецки и по-французски. А в 1906 г. Индиана Исаевна на несколько месяцев (пока университет и гимназии были закрыты) увезла сыновей от волнений революции в Италию, где Марк освоил итальянский.

Повзрослев, М. Слоним вошел в комитет, занимавшийся организацией гимназических кружков самообразования, где изучали историю культуры, классовой борьбы, просто читали запрещенные книги. Марк Львович подчеркивал, что организацией кружков занимался именно он, а не брат, которого за это арестовали, так как «не предполагали, что 18-летний гимназист мог наделать столько шума».¹⁰

Однако в постановлении о заключении под стражу Владимира Слонима (от 21 декабря 1912 г.) фигурируют оба.

«По поступившим ко мне в августе месяце сего года секретным сведениям, среди учащихся старших классов некоторых одесских средних учебных заведений стали организовывать нелегальные кружки в составе пяти-семи человек каждый. <...>

Во главе организации стали: студенты Новороссийского университета 1) Александр Смирнитский и 2) Борис Зозулинский, окончившие гимназию: 3) Марк Львович Слоним, 4) Бенедикт Янкелев Наливайский, ученики гимназий: 5) Казимир Зеленовский и 6) Соломон Гандлер.

На квартирах этих лиц устраивались собрания, на которых читались сочинения Герцена, Михайловского и др., а также появлялась нелегальная литература.

Слоним и Наливайский вскоре уехали продолжать образование за границу, и во главе всей работы стал брат первого, помощник присяжного поверенного Владимир Львович Слоним. <...>

Владимир Слоним, ознакомившись подробно со всей организацией и связями, начал проявлять особенно интенсивно свою преступную деятельность <...>.¹¹

Сегодня трудно определить долю участия каждого, важнее, что Владимир сумел отвертеться, 13 февраля его освободили. А Марк «подлежал привлечению в числе других лиц к расследованию в порядке Положения о государственной охране, но как находившийся в то время за границей <...> арестован не был».¹²

М. Слоним, окончив в 1912 г. с серебряной медалью 3-ю одесскую гимназию¹³, поступил на филологический факультет Королевского института высших наук во Флоренции, где проучился почти три года («сдал надлежащие полукурсовые экзамены»)¹⁴.

Именно там началась его профессиональная литературная деятельность: он переводчик и редактор во флорентийском издательстве, публикуется в итальянской прессе и в «Одесском листке». Об этом подробно пишет Стефано Гардзонио.¹⁵

А вот дальше Слоним говорит, а с его слов повторяют остальные, что, вернувшись из Флоренции, он поступил на четвертый курс петроградского университета.

Тут существенный пропуск.

Движимый патриотическими чувствами, Марк Львович приехал из Италии в 1915 г. в Одессу: его год подлежал призыву, и он хотел поступить на военную службу. (Потом говорил, что принадлежал к оборонцам.¹⁶) Оказалось, что на него есть «дело», а таких в армию не брали. Вдобавок – близорукость. Слонима записали в ратники ополчения 2-го разряда. Справка из городско-

го по воинской повинности присутствия датирована 1 апреля 1915 г.¹⁷ Уехать обратно во Флоренцию он уже не мог. Закон запрашивал военнообязанным выезд за границу.

С августа начались хлопоты о поступлении в ИНУ.

Продолжить обучение с четвертого курса было невозможно, так как семестры, зачтенные в заграничных университетах, в наших не считались. Учебу приходилось начинать с нуля.

А еще сохранялась процентная норма. Чтобы быть зачисленным сверх нее, Слоним вынужден был выискивать дополнительные основания кроме желания доучиться. В своем прошении он написал:

«Ходатайство мое о зачислении обуславливается:

1) тем обстоятельством, что я как военнообязанный вернулся в Россию для отбывания воинской повинности и не мог ввиду войны возвратиться в Италию для продолжения образования, и что таким образом я являюсь пострадавшим от войны.

2) до войны и во время моего пребывания в России по возвращении из Италии я находился и нахожусь на иждивении дяди моего, доктора Льва Исаевича Айхенвальда, состоящего ныне в действующей армии. Мое семейное положение таково: у меня нет отца, мать мою поддерживает мой старший брат, а меня дядя, помощь которого является единственной для меня поддержкой. Дядя мой состоит ныне врачом 305-го полевого запасного госпиталя; с самого же начала военных действий, т. е. с 19-го июля 1914 г. по январь сего года, он состоял врачом 190 пехотного Очаковского полка и удостоился боевых отличий: орденов Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом».¹⁸

М. Слонима зачислили сверх нормы на первый курс историко-филологического факультета на историческое отделение в философскую группу.¹⁹

Параллельно с учебой он писал и печатался.

В сентябре 1916 г., получив отпускное свидетельство, поехал в Петроград, чтобы перевестись в тамошний университет. Начался обмен телеграммами, сбор справок, где в числе прочего говорится о четырех зачтенных в ИНУ семестрах.²⁰ Наконец в ноябре 1916 г. его зачислили на четвертый курс романо-германского отделения петроградского университета.²¹

Одновременно Слоним налаживает связи с местными эсерами и становится руководителем кружка во 2-м флотском экипаже.

В это же время его статьи охотно печатают в уважаемых столичных толстых журналах. Не прекращаются публикации в Одессе. В ГАОО хранятся три письма М. Слонима к С. Штерну²² о собственных литературных делах и о привлечении питерских писателей к сотрудничеству в «Одесском листке». Последнее – от 20 февраля 1917 г.

23-го в столице начались забастовки. «Революция пришла неожиданно быстро, с могучей силой и молниеносной победой».²³ Тут на первый план вышла партийная работа.

«Вскоре стали говорить, что Москва и Петроград – не Россия, надо ехать в провинцию».²⁴ Слоним получил мандат от партии эсеров для работы на юге России.

О приезде в Одессу делегата исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, члена партии эсеров М.Л. Слонима «Одесский листок» сообщил 5 мая.

Марк Львович включился в работу одесского эсеровского комитета и Румчерода.²⁵ Публиковал статьи на темы дня в печатном органе Румчерода – «Голосе революции».

За май-июль по газетам прослеживается около двадцати его выступлений в разных аудиториях: о программе с-р, о политическом моменте... В «Урании» прочитал цикл лекций по истории социализма. Есть отзыв об участии Слонима в благотворительном вечере, на котором «виднейшие местные лидеры представленных в Одессе политических течений» рассказали об истории политических партий в России. Корреспондент подчеркивал, что выступавшие критиковали друг друга научно, по-европейски корректно. Правда, иногда начинала «проглядывать партийность докладчика (М. Слоним), пытающегося в страстной, красивой по внешности и форме речи оправдать террор как орудие политической борьбы».²⁶ (Есть возможность составить представление о том, что он тогда говорил: темы некоторых докладов совпадают с главами книги М. Слонима «История русской революции», выпущенной издательством М.С. Козмана.)

Только в номере «Одесских новостей» от 27 июля 1917 г. Слоним фигурирует трижды. Он выступал на проходившем в цирке

объединенном собрании представителей всех партий. Участвовал в выборах правительственного комиссара. (Его имя даже прозвучало в числе кандидатов, но он не баллотировался.) На заседании исполкома совета рабочих депутатов о реформировании «Известий СРД» М. Слонима ввели в коалиционную редакционную комиссию.

Но вскоре одесская фаза закончилась. Не сработавшись с влиятельным человеком П. Деконским²⁷, Слоним попросился на работу в Бессарабию. Именно от Бессарабии впоследствии был избран членом Учредительного собрания. После разгона – в Петрограде пробыл недолго.

Ко времени заключения Брестского мира он уже вернулся в Одессу. 29 марта 1918 г. подал прошение о переводе его из петроградского в новороссийский университет, записался на лекции весеннего семестра. Но учеба явно не стала основным занятием.

Ситуация была совсем не та, что год назад: немецкая оккупация плюс попытка создания независимого украинского государства.

Изменились темы выступлений и диспутов: «Украина и Россия», «Какой государственный язык должен быть на Украине»...

Но главное – изменилось отношение эсеров к большевикам и способам борьбы с ними. Если в июле 1917 г. Слоним призывал «отказаться от личных и кружковых счетов и всем демократическим силам держаться единым фронтом»²⁸ против контрреволюционеров, то теперь он готовился к вооруженной борьбе против советской власти.

В мае 1918 г. Марка Слонима назначили редактором эсеровской газеты «Народное дело», выходившей в Киеве. В августе он получил от Самарского правительства предложение присоединиться к Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания (правые эсеры считали его единственной законной властью). Для этого надо было пересечь советскую территорию, а потом линию фронта.

Как рассказывал сам Слоним, за некоторые поступки ему уже грозил арест, поэтому перед отъездом пришлось уйти в подполье.

По той же причине он и в Одессу попрощаться с родными приехал тайно. Это были последние два дня в родном городе.

На слова брата о смертельной опасности задуманной поездки он ответил так, как во все времена отвечают добровольцы: «Что я скажу ребенку, который когда-нибудь спросит: «Папа, где ты был, когда немногие отважные и честные люди, жертвуя собой, проливали кровь?»».

30.XI.16

Многоуважаемый Сергей Федорович,
спешу написать Вам о результатах моих телефонных звонков:

Д.В. Философов²⁹ в данную минуту болен – простудился, и мне не удалось с ним поговорить. Едва он оправится и начнет подходить к телефону, я совершу на него самый энергичный натиск.

На днях читал в «Листке» статью Александра – результат моих неоднократных звонков ему.

Бурцев³⁰ все обещает, но от статьи увиливает, я с ним уже говорил по телефону, а завтра утром заеду к нему лично.

Шумскому³¹ и Тэффи³² буду звонить завтра с утра.

Через неделю вышлю Вам фельетон для рождественского № в виде диалогов – «Finig Europe», а затем – для новогоднего – «Романы Уильяма Локка». Подойдет? Или хотите какую-нибудь экзотику?

Впрочем, я ведь ее давал в прошлом году, когда мне не повезло с рождественским и новогодним фельетонами: первый пошел до... Рождества, а второй после... Нового года.

Учитывая «предподписочный» период, начиная с 1-го декабря, буду посылать Вам по возможности живые и злободневные статейки: о «Журнале журналов» (статья скандальная, которую потом будут ругать в этом самом «Журнале журналов», или, как его здесь называют – «Журнале нахалов»), о театрах, о выставках и т. д.

С начала января буду иметь возможность организовать «срочную почту».

Когда Вы собираетесь в Петроград? Буду искренно рад повидать Вас.

Сейчас я много работаю и в университете, и в области литературы. Я получил приглашение работать в «Вестнике Европы» и поэтому больше не гонюсь ни за какими журналами. С января начну там печататься. В феврале там же пойдет моя большая статья о Кардуччи³³.

На праздники поеду на недельку отдохнуть в деревню, а к новому году – опять сюда.

Пожалуйста, не стесняйтесь, пишите, что нужно сделать. С удовольствием выполню Ваши поручения.

Спасибо за хлопоты с «Голосом Юга»; Горшкову³⁴ я писал, марку приложил, но ответа не имею.

Всего хорошего.

Готовый к услугам

Ваш

Марк Слоним.

Петроград 24.XII.16

Многоуважаемый Сергей Федорович,

надеюсь, что почта не сыграет никаких штук с моим письмом, и оно вовремя принесет Вам мои поздравления и искренние пожелания всего хорошего к Новому году. Пусть этот Новый год будет радостным для Вас, благоприятным для «Листка» – а для всех нас пусть начнет действительно новую и творческую общественную жизнь.

Буду очень рад повидать Вас в январе. Мы с Вами сговоримся насчет более систематической и планомерной информации, насчет «столичных корреспондентов» и пр. Надо Вам сказать, что на Шумского надежда весьма плоха: он явно уваливает и, очевидно, трудно будет что нб от него достать.

С Тэффи было следующее: я ее вызвал раз, другой. В конце концов она пообещалась даже юмореску, но попросила еще раз позвонить. В назначенный срок я это сделал – и услышал от прислуги: «барыня только что уехали в Москву». Поэтому об участии юморески я сильно беспокоюсь. Философов одну статью, вняв моим увещаниям, послал, хотя он все болен.

Бурцев выразил желание посмотреть, что собою представляет Листок.

Я повез ему ряд №№. Он... «обещал»... Тугой народ!

С января я надеюсь аккуратно и систематически посылать Вам срочную почту. У меня и сейчас есть много материала – но, увы, оглашению он не подлежит.

Я имею полную возможность писать в «Речи» – но, вероятно, раньше конца января не сумею использовать ее за недостатком времени: у меня спешная работа для трех статей – в «Вестник Европы»,

в «Северные записки» и «Ежемесячный журнал» Миролюбова. В январских книгах «Вестника Европы» и «Вестника воспитания» идут 2 мои статьи. А тут еще университет, театры, чтение для себя! Работы так много, что я принужден был отказаться от приглашения в деревню и сию здесь все праздники.

Ну – я разболтался.

Еще раз – всего, всего хорошего.

Поклон Вашей жене.

Ваш Марк Слоним

Петроград 20.II.17

Многоуважаемый Сергей Федорович,

у меня к Вам небольшая просьба:

Я посылаю в «Листок» небольшую заметочку об «увечных воинах» и, следуя примеру некоторых здешних журналистов, хотел бы пожертвовать гонорар за эту заметочку в пользу фонда для увечных воинов при Всероссийском союзе городов. Вы меня очень обяжете, если распорядитесь послать деньги от моего имени в фонд.

Не нужно ли Вам чего нб в Петрограде? Быть может, попросить кого нб о пасхальном №. У меня мои литературные дела идут прекрасно. Приглашен заведовать целым отделом в «Ежемесячном журнале» Миролюбова.

Всего хорошего

Ваш М. Слоним

Примечания

¹ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 39, оп. 5, д. 21, л. 35. ИНУ – Императорский Новороссийский университет.

² ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 27, л. 20.

³ Там же, ф. 39, оп. 5, д. 71, л. 104 об. Если М. Слоним родился все же в Одессе, то дом, где это произошло, сохранился: Успенская, 44, угол Ришельевской. В руинизированном состоянии пока стоит еще один, где жила семья до 1911 г., – Екатерининская, 61. Более поздние: Белинского, № 22 и № 26, – не сохранились.

- ⁴ Интервью радио «Свобода». <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/cul:9ghx3ffdb8>. У его отца с местом рождения тоже путаница: в списках студентов ИГУ первый раз указана Черниговская губерния, а потом – Волынская.
- ⁵ ГАОО, ф. 45, оп. 4, д. 238, л. 4.
- ⁶ Интервью радио «Свобода».
- ⁷ Лебединцев Всеволод Владимирович (1881-1908) – астроном, эсер, член боевой организации.
- ⁸ Интервью радио «Свобода».
- ⁹ ГАОО, ф. П-2, оп. 1, д. 453, л. 12. По И.Г. Короленко возбуждалось дело о проверке принадлежности его к партии эсеров.
- ¹⁰ Интервью радио «Свобода».
- ¹¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИАК, Киев), ф. 385, оп. 1, д. 2727, л. 4.
- ¹² Там же, л. 167.
- ¹³ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 7.
- ¹⁴ Там же, л. 9.
- ¹⁵ С. Гардзонио. Слоним многоликий // Знамя. – 2017, № 9.
- ¹⁶ Интервью радио «Свобода».
- ¹⁷ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 6.
- ¹⁸ Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 9 – 9 об.
- ¹⁹ Там же, л. 9; Там же, ф. 45, оп. 1, д. 921, л. 3.
- ²⁰ Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 26.
- ²¹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 921, л. 4; Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 23.
- ²² Сергей Федорович Штерн (1886-1947) – фактический редактор «Одесского листка», кадет.
- ²³ Слоним М. История русской революции. – Одесса, с. 97.
- ²⁴ Интервью радио «Свобода».
- ²⁵ Румчерод – Центральный исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа (Херсонская, Таврическая, части Подольской и Волынской губерний). Румчерод по составу был меньшевистско-эсеровским, поддерживал Временное правительство.
- ²⁶ Боров. Где истина (Лекция в Драматическом театре) // Одесский листок. – 1917, 16 июля, с. 3.
- ²⁷ Петр Деконский – председатель комитета с-р. Позже выяснилось, что до революции он был секретным сотрудником полиции.
- ²⁸ Слоним М. На тему дня // Голос революции. – 1917, 11 июля, с. 2.
- ²⁹ Философов Дмитрий Владимирович (1872-1940) – литератор.

³⁰ Бурцев Владимир Львович (1862-1942) – публицист, издатель, прославился разоблачением провокаторов.

³¹ Вероятно, Шумский Константин Маркович, настоящая фамилия Соломонов (1876-1938) – военный корреспондент.

³² Тэффи Надежда Александровна, настоящая фамилия Бучинская (ур. Лохвицкая) (1872-1952) – писатель.

³³ Кардуччи Джозуэ (1835-1907) – итальянский поэт.

³⁴ Горшков Дмитрий Степанович (1870 – ?) – редактор-издатель выходившей в Елизаветграде газеты «Голос Юга».

Анатолий Дроздовский

Одесские учебные профессиональные курсы в начале XX века

Курсы бухгалтерии Г.О. Дуката

В начале XX века опытный бухгалтер Герц Осипович (Иосифович) Дукат открыл курсы бухгалтерии и счетоводства на Греческой, 48, угол Колодезного переулка. На курсы принимались лица обоюбого пола, умеющие читать, писать и знающие четыре правила арифметики. Причем предполагались отдельные занятия для женщин и мужчин. За два месяца ежедневных занятий в дневное или вечернее время господин Дукат брался подготовить желающих к торговой и промышленной деятельности. Окончившие курсы подвергались испытаниям в присутствии ассистентов по выбору и приглашению испытуемых. По окончании курсов выдавались свидетельства за подписью преподавателя и ассистентов.

Кроме курсов по этому адресу работал счетоводческий кабинет, в котором выполнялись экспертизы, консультации, составлялись годовые отчеты, производилась проверка торговых книг, составлялись сметы и т. д. В нашей коллекции сохранились папки, некогда служившие для обучения на курсах: мемориал, журнал и балансовая.

Позднее Герц Осипович перенес курсы в другое помещение, на Коблевскую, 46, угол Льва Толстого.

Курсы счетоводства и иностранной торговой корреспонденции с подготовительными курсами по языкам П.Г. Мандэна

Частные курсы счетоводства и иностранной торговой корреспонденции П.Г. Мандэна, утвержденные министром финансов Российской империи, были организованы в Одессе в 1898 году. Устав и программу курсов учредитель курсов издал в 1899 году, тогда же появилась его брошюра «Бухгалтерское самообразование». В 1905 году курсы Мандэна находились на Греческой, 30, на квартале между Ришельевской и Екатерининской улицами.

Свидетельство за № 204 выдано бухгалтеру Марии Зосимовне Щевлевой в том, «что она была слушательницей курсов счетоводства П.Г. Мандэна,

и на испытаниях 16, 17 и 18 июля 1901 года в присутствии комитета из нижеподписавшихся лиц показала требуемые успехи по курсу двойной итальянской бухгалтерии и коммерческой арифметики, на основании каких успехов и удостоена аттестата, который подписан преподавателями и учредителем и скреплен печатью курсов».

Бланк аттестата оформлен очень красочно: рисунки по краям свидетельства, видимо, говорят о том, что и на море, и в пустыне среди пирамид, и на железной дороге – везде будут не лишними знания по счетоводству и двойной итальянской бухгалтерии. Богиня в верхнем левом углу – возможно, Маат, олицетворяющая истину и порядок, а ее муж Тот – бог мудрости, счета и письма – не попал на картинку.

Курсы бухгалтерии и прочих коммерческих наук профессоров Н. и П. Непомнящих

Курсы бухгалтерии и прочих коммерческих наук профессоров Н.А. и П.А. Непомнящих были утверждены министерством внутренних дел. Учредителем курсов состоял Николай Афанасьевич Непомнящий, проживавший на улице Трусова, 23. Преподавали и экзаменовали на курсах солидные бухгалтеры: бухгалтер Одесского общества взаимного кредита, бухгалтер анонимного общества Добровольного флота, кандидат коммерческих наук Антверпенской академии В. Вверенков.

«Свидетельство» выдано в 1916 году Зинаиде Алексеевне Предникович в том, что она состояла слушателем указанных «курсов в Одессе и на испытании в присутствии экзаменационной комиссии, подписавшей протокол экзамена, показала удовлетворительные успехи по курсу двойной итальянской бухгалтерии, коммерческой арифметики и торговой корреспонденции, на основании каковых успехов при отличном поведении и удостоена сего свидетельства».

Курсы находились на Нежинской, 72, угол Преображенской, а ранее – на Коблевской угол Гулевой (Льва Толстого).

Курсы каллиграфии и машинопечатания профессоров Н. и П. Непомнящих

Судя по коллекционной рекламе более чем столетней давности, господа Непомнящие были профессорами не только бухгалтерии, но и каллиграфии, и учредителями курсов машинопечатания. Они предлагали «лучший усовершенствованный слепой десятипальцевый метод, значительно сокращающий

труд, сохраняющий зрение, не утомляющий работающего, приобретающего навык пальцев и скорость в письме».

Полный курс машинопечатания стоил 15 рублей.

На курсы принимались лица обоего пола начиная с десяти лет до глубокой старости. Господа учредители курсов обещали «лично и заочно исправить скверный почерк в четкий и красивый, а также обучить другим изящным шрифтам».

Курсы находились в разные годы по разным адресам: на Греческой, 30, Кондратенко (ныне Бунина), 24, угол Екатерининской, в конце Коблевской улицы и т. д.

Навык слепой печати на печатных машинках, а через много лет и на компьютерах актуален по сей день. Братья Непомнящие опередили свое время.

Курсы каллиграфии Коссодо

Адольф Исидорович Коссодо родился в 1861 году, жил в Николаеве, в последнее десятилетие XIX века и в начале XX века приобрел широкую известность в Одессе. Много лет в одесских и столичных газетах и журналах регулярно появлялось его оригинально набранное объявление: «Красиво писать изящным конторским шрифтом преподает лично и заочно (иностранцам посредством переписки) А.И. Коссодо, удостоившийся звания профессора каллиграфии в Париже и получивший за блестящее исправление почерков учеников и учениц в 10 уроков золотую медаль и диплом на звание почетного члена Парижской и Берлинской академий искусств. Иностранцы выучиваются заочно изящному и красивому почерку в 15 уроков. За 2 семикопеечные марки высылаются пробное письмо и подробные условия. Адрес: Одесса, Дерибасовская ул., дом Жульена, № 19, кв. № 9. Проф. каллиграфии А.И. Коссодо.

Профессор каллиграфии был убежден в том, что «любой почерк при добром желании, небольшом труде и запасе терпения можно исправить в короткое время», он разработал оригинальный метод исправления почерка, основанный, по его словам, «на законах эстетики, симметрии, педагогики и изящного вкуса».

Коссодо преподавал каллиграфию в разных учебных заведениях, в том числе в Императорском Новороссийском университете, где удостоился специального аттестата «За блестящее исправление дурных почерков», получал золотые медали и почетные дипломы на самых престижных международных выставках и участвовал в самых громких судебных процессах, где требовалось заключение эксперта-почерковеда.

Адольф Исидорович был автором нескольких брошюр по специальности: «Метод преподавания профессора Коссодо в Одессе», «Помощь письменных наставлений и полное руководство к изучению каллиграфии» и др. В писчебумажных магазинах продавались созданное им «фирменное» стальное перо «Коссодо» и слепок его правой кисти, фиксирующий нужное положение пальцев и ручки в процессе письма, что должно было значительно облегчить задачу тех, кто исправлял свой почерк.

Каллиграфический почерк господина Коссодо сохранился на фирменном конверте, отправленном учителем, видимо, ученику в Новочеркасск.

Коссодо вспоминали в своих произведениях писатели-одееситы Лев Славин и Валентин Катаев.

Умер Коссодо в 1917 году и был похоронен на Втором еврейском кладбище, снесенном в 1970-х годах. Однако образец его творчества сохранился на века на памятнике Александру Сергеевичу Пушкину на Приморском бульваре, надписи на котором исполнены по безвозмездно выполненным эскизам архитектора Ю.М. Дмитренко профессором каллиграфии Адольфом Исидоровичем Коссодо.

Музыкальные классы Д.Ф. фон Ресселя

Программа пятого ученического вечера музыкальных классов Демиана Францевича фон Ресселя оформлена с большим художественным вкусом. Классы были учреждены министерством внутренних дел в 1892 году и находились на улице Троицкой, 56. Позднее переместились на Нежинскую угол Гулевой (Льва Толстого). Именно там в зале классов 28 января

1896 года в 7 часов вечера должен был состояться концерт.

Демиан Францевич был выдающимся пианистом, обучался в консерваториях Вены и Лейпцига у ведущих музыкантов того времени. Обосновался в Одессе в 1882 году, концертировал, позднее преподавал игру на фортепиано, был много лет инспектором по музыке института благородных девиц, преподавал на музыкальных курсах Императорского Российского музыкального общества.

Курсы, созданные Демианом Францевичем, имели шесть классов. Фон Рессель руководил занятиями учеников старшего,

шестого класса. Исключение было сделано для сына фон Ресселя – ученика пятого класса А. фон Ресселя, выступление которого завершало концерт. Исполнялись серьезные произведения композиторов Гайдна, Вагнера, Бетховена, Даргомыжского, Глинки, Балакирева, Листа и др.

В младших классах фон Ресселя преподавал господин Густав Суок – отец трех сестер Суок, оставивших заметный след в истории Одессы: Лидия была замужем за поэтом Эдуардом Багрицким, Ольга – за писателем Юрием Олешей, Серафима трижды была замужем за выдающимися людьми.

Курсы фон Ресселя работали в Одессе до начала смутных времен.

Школа кройки и шитья М.И. Погребной

Рукоделию в Одессе обучали во многих гимназиях, девичьих училищах всех уровней, школах и на курсах. Мария Ивановна Погребная открыла курсы кройки и шитья при своей «модной мастерской» в 1912 году на улице Садовой, 13, вблизи Дворянской (Петра Великого) улицы.

Свидетельство школы выдано на основании 123 статьи Ремесленного устава мещанке Ольге Иоаникеевне Корниенко в том, что «она окончила в моей одесской Центральной школе полный курс кройки и шитья дамских и детских платьев по моей собственной упрощенной системе и личным наблюдением».

Свидетельство выдано 30 марта 1916 года, заверено подписью организатора курсов, гербовыми марками в 1 рубль. Отсутствует печать ремесленной управы по непонятным нам причинам, но, надеемся, что это не помешало мастерице организовать свою мастерскую и трудиться в ней, обшивая одесситок.

Школа кройки и шитья платья и корсетов А.А. Тостогановой

Школа кройки и шитья и корсетная мастерская Александры Алексеевны Тостогановой находилась на улице Новосельского, 86, рядом с Лютеранской церковью. На Одесской выставке 1910 года школа получила похвальный отзыв и была удостоена золотой медали.

Коллекционное свидетельство «выдано учебной мастерской школы кройки и шитья Парасковье Степановне Дряхловой в том, что она прошла успешно курс кройки и шитья, на основании чего и выдано настоящее свидетельство». Свидетельство выдано 27 октября 1911 года. Подпись и печать на нем есть, как и гербовая марка в 1 рубль.

Курсы при Одесской ремесленной управе

Очень солидный аттестат крестьянки Херсонской губернии Лидии Даниловны Ставенчук на красочном бланке с подписями, печатью и фотографией аттестованной с сургучной печатью выдан ремесленной управой «по указу его императорского величества».

Л.Д. Ставенчук на основании аттестата имела право: «если такое разрешение дано, открыть мастерскую, держать подмастерьев на работе, принимать в ученье по своему ремеслу учеников

по установленному контракту, подряжаться на работу своего ремесла, а на изделиях ставить штемпель или клеймо, если таковое разрешено и дано управою. Ставенчук как цеховой мастер обязана быть честного и трезвого поведения, быть добрым руководителем их, заработную плату производить аккуратно и своевременно, а в случаях неповиновения под-

мастерьев или учеников приносить жалобу цеху; подмастерьев без подмастерских книжек как разрешений от цеха на работе не держать и не принимать; в книжках отмечать условия найма, плату, поведение подмастерья и при переходе подмастерья от другого мастера требовать отметки и расчета по книжке...». Далее сказано, что аттестат бессрочный, Приведены приметы двадцатидвухлетней мастерицы Лидии Даниловны и сургучной печатью и нитками укреплена ее фотография.

Обучение на курсах было закончено в 1913 году и выдан аттестат. По каким-то причинам через два года, в 1915 году, девушке потребовался дубликат, который она и получила на красочном бланке, с подписями ремесленного головы и членов присутствия Ремесленной управы и всеми печатями.

Курсы кройки и шитья Б.Л. Падецкой и Школа мыловарения Ф.А. Падецкого

Скромные курсы кройки и шитья открыла в собственной квартире на Нежинской, 59, кв. 11, вблизи улицы Льва Толстого, госпожа Бронислава Петровна Падецкая в 1915 году.

На визитной карточке портнихи сказано, что прием посетителей происходит с 9 до 12 часов. На одесской фотографии – Бронислава Петровна, снятая в 1900 году.

Вместе со своим другом Ицхаком Альтерманом И.С. Гальперин основал в 1909 году первые в Варшаве ивритские детские сады, а в 1910 году – семинарию (курсы) для воспитателей детских садов. С началом Первой мировой войны И. Гальперин и И. Альтерман переехали поначалу в Москву, а затем в Одессу.

В Одессе фребелевские курсы были открыты И.С. Гальпериным в 1914 году на Жуковского, 34, вблизи Александровского проспекта. Доходный лом Б.М. Вургафта был построен в середине XIX века архитектором А.И. Гольцвурмом. До курсов Гальперина в здании работала женская гимназия А.И. Малиновской. В том же доме, где работали курсы, был открыт детский сад, в котором могли практиковаться слушательницы курсов.

Коллекционный проспект курсов предполагалось отсылать по почте в различные еврейские организации. Текст внутри написан на иврите. В нем изложена программа курсов, рассказано об успехах подобных учебных заведений в Варшаве и Москве и о поддержке Одесских ивритских фребелевских курсов, в том числе и материальной, одесской еврейской общественностью: Х.Н. Бяликом, И.Л. Клаузнером, И.Х. Равницким и другими.

Частая смена властей в Одессе после 1917 года не способствовала успешной работе учебного заведения. В 1920 году организатор курсов вслед за семьей уехал в Палестину, где продолжал активно пропагандировать иврит и введение его в дошкольное и школьное образование еврейских детей.

Одесские курсы были закрыты.

Зубоврачебная школа доктора Марголина

Создатель, заведующий и преподаватель зубоврачебной школы Исаак Ильич Марголин был специалистом «по зубам» широчайшего профиля и лично преподавал в своем учебном заведении следующие специальные предметы: частную патологию, терапию больных зубов и десен, оперативное зубо лечение, пломбирование зубов и их гигиену, техническое протезирование. Обще медицинские предметы Марголин доверил профессорам и доцентам Новороссийского университета и врачам-специалистам: приват-доцент Новороссийского университета, прозектор городской больницы доктор медицины Ч.И. Хенцинский читал слушателям анатомию и гистологию; профессор Новороссийского университета доктор медицины В.В. Завьялов – физиологию и химию; старший врач Еврейской больницы доктор медицины К.Н. Пуриц – диагностику. Еще несколько профессоров Новороссийского университета читали в школе Марголина, а вот практические занятия вели доктор-стоматологи: М.З. Баумштейн, И.М. Вайнберг, С.Б. Левин и другие, всего двенадцать врачей.

Учащихся в зубо­вра­че­б­ной шко­ле было при­мерно сто пятьдесят, они обучались два с половиной года и платили за обучение 200 рублей.

В конце XIX века лечеб­ница доктора Марголина находилась на Дерibasовской, 27, в доме Ведде. К открытию школы и лечеб­ницы при ней господин Марголин снял часть обширного дома на улице Жуковского, 30, угол Екатери­нинской. Дом был построен в середине XIX века, перестраивался в последний раз в начале XX века. Это здание до сих пор сохраняет свой медицинский статус.

Повивально-фельдшерская школа доктора В.А. Говорова

Повивально-фельдшерская школа находилась на Софиевской, 9, в одном из домов А.П. Руссова, рядом с Архиерейским домом. Там же проводил прием больных, страдающих сифилисом и другими венерическими и кожными болезнями, доктор Виктор Александрович Говоров.

Повивально-фельдшерское училище и при нем Повивальные курсы первого разряда с правительственными правами доктора В.А. Говорова было учреждено министерством внутренних дел 2 мая 1907 года.

В нашу коллекцию попала копия, заверенная нотариусом, свидетельства об окончании курсов в октябре 1910 года Аристой Николаевной Бакаяновой. В свидетельстве сказано, что она теоретически и практически изучала массажи и «по надлежащим испытаниям оказалась вполне способной заниматься вышеозначенным методом лечения по назначению врача». Копия была сделана и заверена нотариусом в 1911 году в Одессе.

Повивальная школа для акушерок при Павловском родильном приюте Общества призрения младенцев и родильниц

22 августа 1864 года в нескольких наемных комнатах был открыт Приют для беспомощных младенцев и беднейших родильниц. Собственное здание приюта был построено на Старо-портофранковской, 24, угол Градоначальнической в 1876 году по проекту архитекторов Л.Ц. Отона и Д.В. Тележинского, в 1894 году перестроено архитектором С.А. Ландесманом. Павловским родильный приют назван в 1873 году в честь генерал-губернатора Новороссийского края Павла Евстафьевича Коцебу, активно способствовавшего созданию родильного дома (приюта) и школы повитух и повивальных бабок при нем.

Школа акушерок была открыта в Павловском приюте для бедных рожениц в 1882 году, была двухгодичной, за обучение нужно было платить 75 рублей ежегодно.

В начале XX века для получения акушерского образования по первому разряду необходимо было иметь свидетельство об окончании четырех классов гимназии. Обучение длилось при этом два года, плата за весь курс составляла 150 рублей. По второму разряду, без образовательного ценза, школа была одногодичной, и плата составляла 100 рублей.

Павловский приют для призрения младенцев и родильниц по Старопортофранковской улице

В нашей коллекции сохранились несколько квитанций об уплате В.Г. Голубовской 35 рублей за обучение на курсах по первому разряду в 1918 году. Видимо, девушка оплачивала курсы доступными ей частями. В коллекционном удостоверении об окончании повивальной школы при Павловском приюте, выданном Варваре Григорьевне Голубовской, сказано, что девушка обучалась два года «теоретическому и практическому повивальному искусству по программе, установленной для повивальных бабок первого разряда, и приняла самостоятельно двадцать младенцев».

На удостоверении подпись директора повивальной школы, преподавателя акушерства доктора Франца Осиповича Спира и товарища директора, акушера, доктора Петра Михайловича Амброжевича.

Кроме них в школе работали другие врачи – акушеры и доктора по детским болезням.

Свидетельство, выданное В. Голубовской, имеет № 100 и выдано 26 мая 1919 года. Учитывая сложное время, в которое она обучалась, свидетельство написано от руки на бумаге в линейку, в левом углу чернильный штамп Павловского приюта Одесского общества призрения младенцев и родильниц. Печать на документе размыта водой вместе с частью текста. От печати осталось только слово «Одесса».

Виден размытый штамп нотариуса: значит, девушка работала по полученной специальности.

Курсы сестер милосердия Касперовской общины Красного Креста

Одесское отделение Российского общества попечения о раненых и больных воинах Красного Креста было открыто в 1868 году и занималось в основном подготовкой сестер милосердия. После русско-турецкой войны 1877-78 годов было создано постоянно действующее учреждение Касперовский отдел сестер Красного Креста, названный по имени иконы Касперовской Божьей Матери.

Больница Касперовской общины Красного Креста с амбулаторией строилась по проекту архитекторов братьев Михаила и Николая Лишиных при участии архитектора А.И. Бернардацци в 1891-1893 годах.

В 1905-1906 годах здание реконструировал архитектор С.А. Ландесман.

Амбулатория Красного Креста

Курсы сестер милосердия располагались в здании Касперовской общины Красного Креста, там же медсестры могли практиковаться в амбулатории для приходящих больных и в стационарных палатах. На курсы принимались девицы и вдовы от восемнадцати до сорока лет христианского вероисповедания. За слушание лекций взималась плата десять рублей за курс. Курсы были двухгодичными, иногородние слушательницы могли проживать в течение двух лет на полном иждивении.

Попечительницей курсов поначалу была графиня Елизавета Васильевна Капнист, после 1907 года ее сменила баронесса Елена Мелентьевна Швахгейм. Священником Введенской церкви при Касперовской общине Красного Креста служил Александр Николаевич Луценко. Среди преподавателей много опытных докторов разных специальностей: врач по внутренним болезням Александр Акимович Дризо, врач по нервным болезням Иван Константинович Дрицаки, хирург Павел Алексеевич Наливкин и другие. Инспектором курсов трудился тоже врач-акушер Генрих Иванович Томсон.

Последний выпуск сестер милосердия шестинедельного курса общины Красного Креста в Одессе.
Фото Б. Готлиба

С началом русско-японской войны в 1904 году были организованы ускоренные шестинедельные курсы Красного Креста.

Олег Губарь

Привоз

К истории самого знаменитого рынка Одессы

Слово привычное, окатанное, утратившее первоначальный смысл и сделавшееся именем собственным: крупнейший и рельефно экзотический базар Одессы, ее метафорическое олицетворение и своеобразная визитная карточка. Несмотря на то, что в нашем городе вроде бы имеются и куда более достойные (хотя бы в историко-культурном отношении) мемориальные места. Но, как принято говорить, сердцу не прикажешь: мы любим именно то, что любим, а не то, что рекомендуют любить по нормативам или по руководящей указке сверху. Первостроители города хорошо продумали «систему сообщающихся базаров», пронизывающих исторический центр по оси порт – Военная балка – Александровский проспект (бульвар). Одним из полюсов проспекта служил так называемый Греческий базар на Северной, или Александровской, площади (площадь Мартыновского, Греческая), а другим – Привозная площадь. Между ними располагались так называемые Гостиные ряды («красные лавки»), вскоре получившие имена солидных купцов Протасова и Авчинникова, а затем эти два ряда и соседний стали называть по этническому признаку – Немецкий, Караимский, Еврейский и проч., – а также Старый базар (он же – Вольный рынок), простиравшийся от современной Успенской до Большой Арнаутской и далее узким коридором до Привозной площади, каковая самостоятельным рынком не была большую часть всего XIX столетия. По существу, Привоз составлял «отделение» Старого базара (так, в «Ведомостях одесского городского общественного управления» разных лет неоднократно читаем однозначное: «(...) на Привозной площади

Старого базара»), предназначенное для торговли непосредственно с колес, а точнее – с возов, фур и проч. При этом торгующие с колес не платили никаких рыночных сборов вплоть до середины 1860-х годов. Не было здесь и собственного учреждения мер и весов.

Из сказанного становится совершенно очевидно, что попытки отдельных краеведов датировать основание Привоза как рынка каким-нибудь 1865-м годом не имеют под собой решительно никаких оснований. Проектируя обрисованный нами грандиозный «коммерческий организм», Ф.П. Деволан отменно приноворил его к локальному ландшафту: транспортные средства поднимались от Практической гавани по тальвегу Военной балки, фактически превращенной в важнейшую городскую магистраль, пересекали Дерibasовскую под соединявшим две ее части (Гаванная улица как бы прорезала Дерibasовскую оврагом) деревянным мостом и попадали напрямиком на Греческий базар, а оттуда следовали мимо специализированных рядов в направлении Старого базара и далее – на Привозную площадь. Перерабатывая первичный проект Деволана, военный инженер Ферстер и архитектор Фраполли не изменили его сущности. Весь этот широкий пассаж окаймлялся зданиями, предназначенными для торговли и декорированными аркадами и колоннадами ионического и дорического ордера. Александровская улица (она же – проспект, она же – бульвар) и была главной и самой широкой улицей Одессы до той самой поры, покуда городской архитектор Г.И. Торичелли не перегородил въезд на эту магистраль со стороны гавани своим собственным домом по нечетной стороне Дерibasовской. Затем тому же примеру последовали влиятельные фигуры региональной истории – сначала А.И. Маюров, а затем И.А. Ансельм, окончательно обособившие великолепную торговую трассу от питающих ее истоков. Дома перечисленных лиц были, конечно, хороши собой, однако «необщее выражение лица» Южной Пальмиры при этом сильно изменилось.

Но вернемся к нашим баранам, точнее – к баранине. До нас дошли известия о таксе на главные съестные припасы на Вольном рынке, утвержденной указом от 16 июня 1797 года. Масло, за пуд: коровье – 5 руб., овечье – 4,25. Мясо, за фунт: говяжье – 2,5 коп., баранье – 3,0. Птица: индейка – 1 руб., гусь – 50 коп., утка –

30, курица – 20. Десяток яиц – 10 коп. Тут следует уточнить, что означенный ценник был препровожден в магистрат Одессы 5 октября того же года с припиской: «Цены составлены в неурожайный 1797 год, и они выше действительно существующих».

Хочу подчеркнуть, что название *Старый базар* довольно долго относилось к обширному району, заключавшему в себе не только четыре собственно рыночные секции меж улицами Успенской, Большой Арнаутской, Базарным и Успенским переулками. Все специализированные ряды, строившиеся и функционировавшие в окрестностях – старый щепной, старый и новый мясной (резничный), старый и новый рыбный, горшечный и, разумеется, «курятный», – тоже относились к Старому базару. Поскольку еще летом 1796 года городские веса и меры были сданы в откуп греческому купцу Ивану Беломорскому, постольку есть все основания говорить о том, что Вольный рынок, а стало быть, Привозная площадь уже полноценно функционировали. Занимательно, что в архивных документах название *Привоз* применительно к Старому базару фигурирует по крайней мере с начала XIX столетия. Другое дело, что в это время Привозная площадь постепенно мигрировала, то есть сдвигалась в направлении своей чуть более поздней дислокации по мере застройки кварталов меж Большой Арнаутской и нынешней Пантелеймоновской. Во всяком случае эта площадь частично или полностью находилась в нынешних пределах не позднее второй половины 1810-х годов, ибо мясные ряды застраивались с 1806-го, щепные – с 1809-го, новые рыбные – с 1818-го, а новые мясные ряды и вовсе возведены на самой площади, в результате чего сформировалась Привозная улица (с противоположной стороны, близ кладбищенских стен, устроили новый щепной ряд). Другими словами, новая застройка выдавливала «привоз» на смежные пустопорожние участки.

Вот как описывает движение от Старого базара к Привозной площади во второй четверти позапрошлого столетия современница: «Сначала идет Немецкий рынок: тут продают телятину... колбасы, сосиски; близ него, на площади, останавливаются приезжие колонисты с маслом, сметаной, творогом, яйцами, живностью; тут продают дичину и сидят торговки с зеленью. После рядов с угольями начинаются мясные ряды, а на другой стороне –

овощные лавки, там продают муку, крупу, солод, постное масло; середину между их рядов занимают торговки с зеленью и разными овощами (...). Немного подалее – рыбные ряды и площадь, где увидите множество телег с рыбою... Направо от мясных и рыбных рядов продают битую птицу, а немного подалее – живую; в той же стороне летом и осенью бывает временами зеленой ряд и шалаши, где продают разные овощи; подле них стоят возы с яблоками, виноградом, грушами, арбузами и дынями; тут же продают и кизяк. Если начать от Немецкого рынка и идти до дровяного, то верно будет пространства около двух верст». Весь XIX век Привоз, по сути, представлял собой довольно грязную не замощенную площадку, лишенную каких-либо капитальных строений. Во второй половине того же позапрошлого столетия здесь имелись деревянные лавчонки и балаганы для торговли различными съестными припасами, которые сдавались городской управой в аренду посредством «торгов», то есть на аукционной основе.

Чрезвычайной надобности в каменных строениях не было, поскольку всего в двух кварталах находились превосходные «городские каменные эшопы» Старого базара, сооруженные по проекту Г.И. Торичелли еще в 1830-1840-е годы. Крестообразные в плане ряды разделяли этот базар на четыре площади: Черепениковскую, Яловицкую (Кумбарьевскую), Шишмановскую и Посоховскую, названные так по именам здешних домовладельцев. Руины «эшоп» дожили до 1920-х годов, а находившаяся на их перекрестии башня с часами, подобно огромной заброшенной голубятне, простояла вплоть до лета 1958 года, а затем обрушилась в направлении Екатерининской. В целом Старобазарная площадь, как и Александровская, и Новобазарная, также окружалась аркадами. Привозная же – оставалась незастроенной, и это было вполне логично, ибо наличие больших корпусов сковало бы «маневр» гужевого транспорта, собственно и составлявшего *привоз*.

Справедливости ради заметим, что изначально периметр Привозной площади застраивался такими же примерно «пропилеями», то есть одно- и двухэтажными торговыми рядами с портиками ионических колонн, как это было сделано на Новом и Греческом базарах в 1800-1810-е годы. Образцы таких рядов (упоминавшихся щепных, рыбных, мясных) в классическом стиле,

сооруженных по проектам одесских архитекторов итальянского происхождения, можно было видеть, например, на Старорезничной и Новорыбной улицах. Собственно говоря, Новорыбная улица и получила свое второе (после просто Рыбной) название по новым рыбным рядам, построенным младшим братом Франческо Фраполли, Джованни (Иваном). Однако подобная стилистика не была повсеместной и не выходила за рамки отдельных кварталов. Кроме того, домовладельцы далеко не всегда считались с обстоятельствами архитектурного пейзажа: портики за колоннами по их ходатайствам постепенно застраивались перегородками, а то и вовсе заменялись обычными фасадными стенами, некоторые лавки надстраивались, и в результате «золотое кольцо» базарных площадей оказывалось негармоничным, весьма далеким от задуманного проекта. Одно из таких торговых помещений в обезображенном виде еще не так давно находилось на углу Пантелеймоновской (по четной стороне этой улицы) и Екатерининской.

Отличное представление о том, как выглядел Привоз в середине 1870-х годов, дает следующий ернический текст из газеты «Одесский вестник»: «Наша Привозная площадь, – писал современник, – в самом жалком и безобразном состоянии. В промежутках между балаганами проходящие и торгующие на площади отправляют естественные нужды; в зеленом ряду – кучи гнилой зелени, которая в настоящее время (июнь месяц. – О. Г.) разлагается; позади фруктовых балаганов – кучи всякого сору. Вонь от нечистот и различных разлагающихся веществ невыносимая». В другой раз бойкий репортер написал еще покруче: «Возьмите грязь вашего скотного двора, помножьте ее на грязь омерзительного Балтского базара и произведение разведите водою, разлитую возле корыт ваших водопоев, – вот тогда вы и получите настоящую грязь Привозной площади». Описанное привело к весьма печальным последствиям, но об этом – ниже.

В это же время поступали предложения о том, чтобы Распорядительная дума строила на свой счет единообразные торговые будки, лотки и балаганы, ибо Привозная и прочие базарные площади столицы Юга «в архитектурном отношении» мало отличаются «от базаров Балты, Крюкова, Маяк и других бедных

городков». «Это тем более возможно, – говорилось инициаторами подобной «перестройки», – что Дума выручит затраченные деньги с торговцев, которые с охотой купят место с будкой на условиях постепенной выплаты». Предложения эти так и не нашли реализации, и Привоз продолжал оставаться столь же «разнокалиберным», сколь и многоцветным, на манер пестрой цыганской шали.

Рост населения города и соответственно – спроса на продовольствие обусловили необходимость функциональной эволюции Привозной площади. Помимо деревянных лавок, будок и рундуков здесь начинают появляться комбинированные торговые помещения, в частности, так называемые «резницы» (где забивался исключительно мелкий скот и птица, в том числе – по строгим правилам кашрута; крупный скот забивали в городских бойнях на Пересыпи), с каменными цоколями и бетонными полами и водосливами, наличие каковых диктовали существующие санитарные нормы и правила. В Городской думе то и дело дебатировался вопрос о сооружении каменных торговых помещений, – поступали заманчивые предложения от частных лиц. Однако меморандумы эти долго оставались без последствий. В самом начале 1870-х под давлением горожан на власти большая часть площади и некоторые прилегающие улицы и переулки (скажем, Александровский проспект – от Привозной площади до «городских каменных эшоп» Старого базара) были наконец замощены гранитным щебнем. Более-менее пристойно оборудованные отхожие места, да и то немногочисленные, появились здесь гораздо позднее, что постепенно довело санитарно-эпидемиологическую обстановку до критической. Нет, не зря один заезжий литератор остроумно назвал Одессу «миловидной замарашкой». Особой неопрятностью отличался переулок от Малой Арнаутской до Старорезничной, между Александровской и Екатерининской улицами. Здесь издавна стояли многочисленные торговые шалашы, но Шалашным оный закоулок стали называть лишь на рубеже 1870-1880-х годов, а прежде его именовали... просто Грязным. В «Известиях Одесской городской думы» помещена следующая информация от 22 января 1892 года: «Наиболее антисанитарную местность, крайне опасную для народного

здравья, клоаку в густонаселенной части города представляет из себя так называемый Шалашный переулок (...) Обезвредить этот переулок возможно лишь открытием свободного его с Екатерининской улицей сообщения (...)». В это время Шалашный отчленялся от Екатерининской руинами сгоревшей «Теплой синагоги». В конце концов переулок действительно влился в одну из главных городских улиц и одно время даже назывался Сквозным. Статус «клоаки» от этого, однако, ничуть не пострадал...

Значение Привоза как крупного продовольственного рынка особенно стимулировалось тем, что несмотря на принятые Думой решения, все четыре старобазарные площади даже в первой половине 1876 года продолжали вмещать Толкучий рынок, который никак не удавалось перевести на Прохоровскую площадь. И в сложившейся ситуации Привоз стал серьезным конкурентом своему прародителю – Старому базару. Однажды у Привозной площади даже появился шанс вообще похоронить первый одесский базар: среди прочих поступавших в Городскую думу предложений очень серьезно обсуждался проект сооружения на месте «каменных эшоп» Вольного рынка огромного театра – преимущественно для драматических и цирковых трупп. В связи с этим торговлю съестными припасами предлагалось полностью перевести на Привоз, а Толкучий рынок – на Молдаванку. К счастью для Старого базара, этот проект реализован не был. Точнее сказать, театр все же построили, но на противоположном конце Александровского проспекта (бульвара) – на нечетной стороне Полицейской улицы, близ дома Бернштейна, напротив дома Ансельма.

История перемещения толчка со Старого базара на Прохоровскую площадь и связанных с этим функциональных изменений Привоза подробно изложена мной в другом очерке. Здесь же замечу только, что в ходе попытки перевода овощного, зеленого, фруктового и молочного рядов с Привоза на Старый базар вся означенная торговля была, как обычно, «разбросана по обочинам и тротуарам» на всем пространстве Александровской улицы между двумя этими рынками, «стесняя проход». В октябре 1876 года торговцам объявили, что с 1 ноября на Старый базар переходит торг зеленью, рыбой, маслом, печеным хлебом, а на Привозе оставляют реализацию картофеля, лука, фруктов,

кроме того, «курятный ряд», а торгующие в деревянных лавках остаются все, вне зависимости от ассортимента продуктов. Кстати, мы располагаем исчерпывающей информацией относительно количества реализовывавшихся на Привозе до революции основных продуктов питания. Реестр, понятное дело, чересчур обширен, а потому остановимся в первую очередь на излюбленной одесситами птице. «На ваш вопрос, сколько приблизительно в день продается на Привозе кур для истребления в Одессе, – пишет любознательный современник, – один опытный торговец ответил: до тысячи пар». Наивысшая цена за пару хороших кур столетие назад составляла 1 руб. 80 коп. – 1 руб. 90 коп. Торговали птицей в сорока пяти специализированных лавках, однако «рачительные хозяйки предпочитали покупать птицу непосредст-

венно с воза», ибо были уверены, что возьмут дешевле, нежели у перекупщиков, да и товар будет свежее. Анализируя ход птицеторговли на Привозе, местная газета пришла к выводу, что одесситы ежегодно поедают не менее 1.132.800 кур. Небывалый размах ошипанных крыльев! Годовое потребление яиц – порядка 40 млн штук, причем цена за десяток не превышала 25-30 коп. Расчеты показывают, что «одесское чрево» переваривало по 100 кг мяса и более 110 куриных яиц в год на человека! И в этом нет ничего необычного, если учесть, что цены мяса (за фунт) в конце XIX столетия были следующие: 1-й сорт – 9 коп.; 2-й – 8 коп.; филе – 20 коп.; баранина – 7-8 коп.; телятина – 10 коп. и т. д. Например, лучший американский картофель продавался по 50 копеек, а лук – 1 рубль... за пуд! Кварта сметаны (примерно литр) стоила 35 коп., а молока – от 10 до 12 коп. Крупная кефаль оценивалась в полтора рубля за десяток, связка бычков (вспомним и даже невольно простим визгливую мадам Стороженко, а заодно укажем, что постоянные драки между торговками рыбой и их столь же темпераментными клиентками бесконечно приводили к судебным разбирательствам; обычно драчуни подвергались недельному аресту или штрафу, по их собственному выбору) – от 15 до 30 коп. А цена великолепных балтских колбас колебалась от 5 руб. 50 коп. до 5 руб. 80 коп. за пуд! Принимая во внимание то обстоятельство, что квалифицированный рабочий зарабатывал 20 и более рублей в месяц, можно сделать кое-какие выводы...

Замечательный наш одесский краевед Ростислав Александров собрал целый корпус литературных текстов, прямо или опосредованно связанных с базарами, в том числе – с Привозом. Вот, скажем, чрезвычайно вкусные строки Эдуарда Багрицкого: «И в этот день в Одессе на базаре Я заблудился в горах помидоров, Я среди арбузов не нашел дороги, Черешни завели меня в тупик...». Не мог не заглянуть на Привоз и колоритный бабелевский биндюжник Фроим Грач из «Одесских рассказов»: «Грач (...) надел парусиновую бурку и на следующий день отправился в гости к бакалейщику Каплуну на Привозную площадь. Над лавкой Каплуна блестела золотая вывеска. Это была первая лавка на Привозной площади. В ней пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам...». Знаменитый рынок

посещали герои Валентина Катаева, Льва Славина, Сергея Бондарина, Всеволода Азарова, Михаила Жванецкого, Аркадия Львова, Игоря Павлова, Михаила Пойзнера и многих других одесских писателей и бытописателей всех времен. Опыт посещения Привоза оставил неизгладимый след и в памяти рафинированного Антона Павловича Чехова, который вложил в уста персонажа рассказа «Жена» следующую сакраментальную формулу: «...Есть люди, – сказал я мягко, – которые обладают ангельским характером, но выражают свои великолепные мысли в такой форме, что бывает трудно отличить ангела от особы, торгующей в Одессе на базаре»...

Нужда в капитальных каменных строениях на этом крупнейшем городском рынке обозначилась к рубежу веков весьма отчетливо (в перечне городских построек, возведенных в 1889 году, между прочим упоминается и «каменная контора для торгового смотрителя и ветеринарного врача на Привозной площади»), однако активно дело сдвинулось с мертвой точки лишь после одной чрезвычайно скандальной и вместе с тем печальной истории, совершенно выпавшей из летописи города. Едва ли кому теперь известно, что чуть больше ста лет назад, в 1902 году, Привоз был практически полностью сожжен. Причем сожжен предумышленно, во что нелегко поверить, самими одесситами. Что же заставило горожан безжалостно уничтожить один из крупнейших своих базаров? А дело в том, что 9 июня 1902 года в Одессе был зафиксирован первый после солидного перерыва случай заболевания чумой. Чем это грозило, одесситы неоднократно испытали на собственной шкуре (достаточно вспомнить «памятник» эпидемиям 1812, 1829 и 1837 годов – так называемую Чумку, искусственной холм, насыпанный над старым чумным некрополем). Поэтому тотчас же были предприняты самые энергичные противочумные мероприятия: создана специальная санитарно-исполнительная комиссия, при Городской больнице выделен изолированный барак для заболевших, сформированы многочисленные санитарные отряды, занимавшиеся дезинфекцией, причем все их сотрудники превентивно прививались противочумной сывороткой и т. д. Тем не менее без жертв, к сожалению, не обошлось: к 13 октября было диагностировано 47 случаев заболевания бубонной чумой, 15 из которых привели к летальному исходу. Скоро

выяснилось, что все заболевшие так или иначе, а имели отношение к Привозной площади: были торговцами, покупателями либо обитателями соседних домов и т. п. Инфекцию переносили крысы, в огромном количестве скопившиеся в зловонных провалах и подвалах под грязными деревянными настилами торговых помещений, а также в погребах, так называемых *минах*, прилегающих домостроений и в соединенных с этими подземельями несколькими ярусами катакомб.

Поскольку далеко не все лавки и окрестные магазины были такими же «первыми», как мастерски нарисованная Бабелем колониальная торговля упоминавшегося Каплуна, и пахли они вовсе не «прекрасными жизнями, неизвестными нам», еще в 1890 году «торговцы Привозной площади вошли в Городскую управу с жалобой на то, что несметные стаи крыс истребляют товары, и просили о принятии мер к их истреблению». Принятые меры оказались недостаточными, временными, и когда пришла чума, пришлось прибегать к средствам гораздо более радикальным. «После колоссальных трудов по очистке и дезинфекции, после того как всю площадь залили карболовой кислотой и известковым молоком, – писал столичный корреспондент, – было решено попросту сжечь некоторые наиболее грязные лавочки и лотки». Стремление выжечь чуму дотла привело к тому, что реестр означенным деревянным строениям все расширялся и расширялся. При этом частные лавки и балаганы были оценены авторитетной комиссией, и их владельцы получили соответствующую компенсацию. Была уничтожена и большая часть деревянных корпусов, принадлежавших городу и сдававшихся в аренду частным лицам. В ходе противочумных мероприятий торговля с Привозной площади была временно перенесена на Куликовое поле. (В скобках заметим с печалью, что еще задолго до описываемых событий, а именно на исходе марта 1871 года, отдельные одесситы сознательно – или несознательно, как хотите, – искалечили Привоз, да и не только его, в совершенно иной ситуации. Тогда во время варварского погрома разорению, разрушению, поджогам подверглись как раз наиболее опрятные торговые помещения, принадлежавшие еврейским коммерсантам...)

После ликвидации чумной заразы фактически и исчез с лица города тот патриархальный Привоз, каким он был большую часть всего XIX столетия: из сохранившихся фотоснимков видно, что на Привозной площади стояли низкие одноэтажные деревянные торговые ряды с навесами по фасаду, отдаленно напоминавшие каменные торговые ряды Нового и Греческого базаров, построенные по проекту Франческо Фраполли еще в первые десятилетия XIX века. И только городские корпуса, тоже деревянные, были несколько выше, но совершенно непрезентабельные, чисто утилитарные. Означенные строения дополнялись многочисленными и разношерстными рундуками, шалашами, навесами, балаганами, будками и проч. Так, практически поневоле, открывалась новая страница истории знаменитого базара, и в хрестоматийном 1913 году по проекту авторитетного архитектора Ф.П. Нестурха (проектанта здания публичной библиотеки по ул. Херсонской) построен изящный Фруктовый пассаж, венчающий Привоз со стороны Преображенской. Он складывается из четырех двухэтажных корпусов, соединенных арками с коваными воротами, украшенными литыми чугунными фруктовыми вазами. В отличие от, скажем так, классического пассажа, расположенные попарно двумя рядами корпуса не застланы стеклянной кровлей, и к ним примыкает довольно обширный двор. Превосходно продумана внутренняя планировка: каждый корпус имеет в первом этаже анфиладу из десяти торговых помещений, ныне, конечно, перестроенных, и вместительные глубокие подвалы.

С этим замечательным памятником истории градостроительства связан следующий забавный эпизод. 31 марта 1941 года (о Юмориных тогда никто, разумеется, не слыхивал) по улицам слона водили. Отлично знакомого одесситам четырехлетнего слоника Мурзу в числе прочего зверья надумали передислоцировать из местного зоопарка в симферопольский. Едва его вывели из зверинца, он тотчас же обратил свои взоры на Фруктовый пассаж. «В мгновение ока перепуганное население рынка ринулось во все стороны, – пишет репортер «Большевистского знамени». – Передвигаясь вдоль Фруктового ряда, Мурза с аппетитом съел несколько яблок, достал хоботом из бочки соленые огурцы, отведдал несколько кочанов свежей капусты, полакомился сушеными

фруктами». Последовал хэппи-энд: слоника изловили, доставили на станцию Товарная, где его дожидались остальные питомцы зоосада, и загнали в товарный вагон.

К слову, в предвоенные же годы зафиксирована и единственная, насколько я знаю, попытка переименования Привоза. Однако тусклое ура-идеологическое «Октябрьский рынок», разумеется, осталось только на бумаге. Следующая страница каменной летописи Привоза отстоит от предыдущей на целых сорок пять лет и относится ко времени хрущоб. Удивительно, но именно тогда легендарный рынок обрел лучшие капитальные строения тематической торговли, и в 1958 году на месте бывших резниц репрезентовал новый мясной корпус. Архитектора, придумавшего это сооружение, я знал много лет: незабвенная Рашель Абовна Владимирская была деятельнейшей представительницей историко-краеведческой секции «Одессика» при Доме ученых, и именно она и ее супруг, известный искусствовед А.А. Владимирский, пригласили меня в бюро этой секции. Благодаря «Одессике», между прочим, в свое время удалось предотвратить уничтожение того самого Фруктового пассажа! Р.А. Владимирская блестяще решила сложнейшую задачу устройства обширного торгового здания: кроме чисто профессиональных пригодились и специфические краеведческие знания. Используя опыт сооружения крытых рынков конца XIX века (в том числе – в Одессе, на Новом базаре), она применила базиликальную систему пространства. А потому интерьер оказался хорошо освещенным и удобным в эксплуатации. Типологический этот проект несколькими годами позднее был успешно использован и в ходе строительства молочного корпуса.

Остается упомянуть о четырех одноэтажных рыбных корпусах, располагавшихся до конца 1970-х между описанными выше корпусами и железнодорожным вокзалом. Не берусь судить об их архитектурных достоинствах, которых, впрочем, и не было. Но были эти домики вполне функциональны (разумеется, до поры до времени), а главное – привычны. Одесситы со стажем отлично помнят специфику этого привокзального пятачка. Здесь с давних пор, как принято говорить, «на бану», помимо рыбы торговали подержанными часами, нередко поставлявшимися

карманниками. Тут же издавна продавались рыболовные принадлежности, преимущественно для морского лова (закидушки, донки, самодуры и др.).

В 1980-х, по сути, перестала существовать и целая улица – Привозная: с 1985 года начали сносить целый квартал домов между Преображенской и Пантелеймоновской (Новорыбной) улицами, Привокзальной площадью и Привозом, где устроили региональный автовокзал и автостоянку. Последним был разрушен дом № 24, жестяная табличка с ворот которого сохранилась в собрании М.Б. Пойзнера. Дома эти, впрочем, тоже не блистали особой красотой. В 1830-1840-х здесь строились преимущественно купцы и мещане среднего достатка и ниже. А в начале прошлого века тут помещались в основном непрезентабельные торговые и складские помещения, ночлежки, многочисленные питейные заведения (трактиры, «белые харчевни», ренсковые погреба, штофные лавки и т. п.), здесь полиция Бульварного участка периодически проводила облавы и прочие зачистки для выявления беглых арестантов и беспаспортных, каковых отправляла по назначению: кого в инфекционное отделение Городской больницы, кого в арестантские роты или тюремный замок, а кого депортировали на родину. Особо опасными в криминогенном отношении

числились так называемые «дешевки» – подвалы-ночлежки, где разного рода шантрапа имела возможность переночевать за считанные копейки. Спали на соломе вповалку.

В газетах описаны поистине душераздирающие сцены. Большинство «дешевок» в XIX столетии находилось по Рыбной улице, в Щепном ряду, в ближайших к Привозу кварталах Екатерининской и Преображенской. Днем же насельники ночлежек отирались на базаре, демонстрируя виртуозное мастерство облегчения чужих карманов, а равно ридикюлей и корзин. Специалисты в этой области чудеса творили. Так, однажды они ухитрились среди бела дня сседить через трубочки несколько бочек, привезенных одним ротозеем из Молдавии для реализации на Привозе. Практиковались маневры с подбрасыванием кошелька, всучиванием «кукол», подменой часов из драгметаллов дешевыми томпаковыми, продажей фальшивых самоцветов, псевдоянтарных мундштуков, спитого чая, фальсифицированного кофе, сливочного и постного масла и многих других пищевых продуктов. В связи с этим Привоз постоянно ревизовала специально сформированная городом комиссия, в обязанности которой вменялось выявление подобных фальсификатов, во главе с известным химиком-органиком, профессором Императорского Новороссийского университета В.В. Вериге.

Другой вид промысла одесских мазуриков красочно описан в романе бывшего городского полицмейстера В.М. Антонова «Одесские катакомбы» еще в первой половине 1870-х годов. Суть дела заключалась в том, что эти проходимцы перехватывали следовавшие на Привоз продовольственные караваны и фактически занимались рэкетом, то есть правдами и неправдами отнимали или за бесценок перекупали товар, а затем сбывали его втридорога. По свидетельству Антонова, «двести человек факторов-кулаков, ежедневно отправляясь до рассвета за черту города на расстояние десяти верст и более, встречают там возчиков зерновых продуктов, распространяют между ними ложные слухи относительно существующих цен, выманивают у них хлеб за дешевую цену, сунув им в руки ничтожный задаток, привозят зерновой товар целыми обозами в город» и, разумеется, изрядно наживаются на таком бизнесе.

Можно упомянуть и более приличные сооружения, окружавшие Привозную площадь, например, склады ведущих «куриных экспортеров» Мунесса, Фишеля, Кашиха, Метаксы и Монтиньяни, которые экспортировали из Одессы в Европу примерно полмиллиона штук птицы в полугодие. Или, скажем, возьмем коммерческие заведения Новорыбной улицы. В домах № 55 и 57 помещалась «Торговля бессарабскими и кавказскими товарами и сухими грибами Б.Ф. Городецкого». Помимо упомянутых грибов здесь торговали клюквой и сыром, нежинскими огурцами и орехами, хмелем и солодом. Дом № 61 принадлежал Н.Л. Кантору, каковой реализовывал примерно те же товары, что и Городецкий, а кроме того, торговал голландскими сельдями, сухофруктами, лавровым листом, оберточной бумагой, сапожной мазью и проч. В № 97 обособилась «Торговля бакалейными, колониальными и москательными товарами и склад подсолнечных семечек одесского купца К.А. Микешина». В доме № 110 находился «Склад и комиссионерство С.М. Файнштейна», предлагавшие потенциальным клиентам разнообразные корзины, кошельки, соломенные шляпы, а также всевозможные веники. На Новорыбной свой дом построил даже выдающийся итальянский архитектор Ф.К. Моранди, однако все же на почтенном удалении от Привозной площади.

В 1870-х среди домовладельцев Новорыбной улицы находим известные в региональной истории фамилии: Черепенникова (№ 45), Яловикова (№ 55 и № 134), Бирюкова (№ 57), Шифмана (№ 59), Родоканаки (№ 61), Каравья (№ 91), Гладковой (№ 99 и 136), Петрокино (№ 6), Моранди (№ 30), Лашкарева (№ 98), Шапошникова (№ 118), Менделевича (№ 120). Здесь следует уточнить, что в середине 1900-х нумерация этих домов несколько изменилась. В числе охраняемых объектов культурного наследия – ряд доходных домов, примыкающих к Привозной площади со стороны Пантелеймоновской (Новорыбной) улицы. Это, скажем, дома № 76, 82 и 84. Любопытно, что 82-й номер принадлежал известнейшему Торгово-промышленному товариществу «А.К. Дубинин», с 1835 года занимавшемуся поставкой и торговлей морепродуктами. Уже в начале 1850-х его основатель Антон Кузьмич Дубинин владел лавкой в так называемом Рыбном ряду (который и дал название улице), каковая впоследствии транс-

формировалась в большой магазин «в собственном доме». Второй свой магазин Дубинины открыли на Дерибасовской улице в доме Роте, на углу Красного переулка, и это был лучший гастроном Одессы всех времен. Фабрикант рыбных консервов, изобретатель оригинального холодильника Варфоломей Антонович Дубинин удостоился множества медалей на сельскохозяйственных и промышленных выставках в России и за рубежом. В моем собрании имеются роскошные фарфоровые изделия с фирменной атрибутикой Дубининых, специально заказывавшиеся у знаменитого М.С. Кузнецова. В начале прошлого века он выстроил на месте прежнего великолепный новый дом. В 1911 году рядом с ним построился (Пантелеймоновская, № 84; проект архитектора Шульгина) и другой предприниматель, М.Л. Фукс.

Существовали в этом районе и небольшие предприятия – мелкие фабрики, цеха, кустарные мастерские. Например, «Паровая фабрика халвы, рахат-лукума и тахинного масла И.М. Бермана» и при ней магазин – на углу Александровского проспекта и Старорезничной, в доме Болгарова, № 14. Самое забавное заключается в том, что уже в советское время все эти цеха, мастерские, склады и тому подобные заведения были репрезентованы столь же убогими «общенародными». А на смену ночлежкам и «дешевкам» пришли... так называемые дома колхозников. В моей коллекции имеются уникальные послевоенные фотографии, во всех деталях запечатлевшие быт и нравы оных социалистических общежитий. Но как бы там ни было, хорошие, плохие ли, но дома эти, заведения и предприятия, как и их насельники, составляли то, что я назвал бы веществом жизни, бродильным соком города, или, ссылаясь на Тургенева, «теином в чаю, букетом в благородном вине». И этого увядшего букета, этого окончательно и бесповоротно перебродившего жизненного вещества нам иной раз очень недостает. С трогательно родным прошлым всегда жаль расставаться, тем более – смеяться...

Проходят годы, меняются власти и социальные формации, не говоря уже о нравах градоустроителей (ныне на месте ночлежек и «дешевок» выросли просторные корпуса и супермаркеты «Нового Привоза»), но пестрое пряное торжище по-прежнему оптимистично, остроумно, говорливо, непредсказуемо.

«Бродильное начало» в нем, по-видимому, неистребимо. Давеча услышал лаконичный диалог: «Так Валя умерла! У нее, оказывается, был сахар...» – «Вот гнида! Сахар был, а брагу так и не поставила!». А то мы однажды с Шуриком Ройтбурдом (художником столь же авторитетным, сколь и скандальным) приперлись сюда по неотложному

делу. Подходит он вразвалочку к контейнеру и выдает заранее заготовленную фразу: «Девушка, мне пшикалку надо. У меня, вы понимаете, испортились отношения с моими тараканами...». Девушку с Привоза враспloch не захватишь: «А насколько они у вас испортились, – парирует, – на три пятьдесят или на семь?». Мой близкий друг, замечательный одесский бытописатель, автор книги «С Одессой надо лично говорить» Михаил Пойзнер услышал на Привозе следующий диалог. «Стоп! Куда ты лезешь?! Отвали, а то я тебя сейчас обматерю!» – «Ой, не надо, подруга, промолчи! Я же из Шалашного переулка! Лучше давай я тебе эти красивые слова скажу! Не лишай меня куска моего хлеба!». Наш с Пойзнером общий приятель, старый водолаз Сергей Сазонов, торгуется на Привозе весьма оригинально.

- Почем кило картошки?
 - Гривна.
 - Давайте по восемьдесят.
 - С какой это радости?!
 - Как?! Так вы же отдаете в хорошие руки!
- Живи, Привоз!..

Проза

- 102 Анна Михалевская**
Сорок первый карп
- 108 Павел Лемберский**
Де Кунинг
- 112 Елена Андрейчикова**
В начале было слово
- 118 Анна Коренева**
Я подарю тебе Бордо
- 120 Арсенія Велика**
Маріє, помагай
- 131 Евгений Деменок**
Тцара без бровей
- 147 Наиль Муратов**
Настоящая любовь в Лиссабоне
- 202 Сергей Рядченко**
В паутине прореха, смена эпох
- 210 Виктория Петренко**
Формула жизни

Анна Михалевская

Сорок первый карп

Бабушкин буфет треснул на рассвете, под гудок сирены. Трещина шла наискось – через створки и стекла в них, через резные украшения и столешницу. Я с силой дернула на себя заклинившую дверцу, посыпались осколки. На полках не осталось ни одной целой тарелки.

Буфет был последним форпостом этой реальности.

Радио не затихало, даже когда звук был полностью выключен. Каждый божий день оно захлебывалось: выпущено десять, нет, тридцать, нет, сорок ракет... есть жертвы... жилой дом... бомбы попали... беженцы... женщины и дети...

Новости оседали на нас, на шкафах и тумбочках, впитывались в зеркала, сквозняком их задувало под кровать, растаскивало по полу. Они разрушали все, к чему прикасались. Особенно соевую. Сквозь трещины долетал далекий шепот: «Мы будем мстить. Мы никогда не забудем».

Мой мир приходил в негодность.

Вчера я проснулась одна. Подушка рядом пустовала – мужа не было. В комнате родителей – никого. Конечно, я искала. Но соседи сказали: «Не трать силы». Родные застряли где-то там, а мы где-то здесь, ничего не вернуть.

И сейчас, держа в руках осколки, которым никогда не стать целым, я вспомнила слова бабушки: «Если чего-то не можешь найти, спроси на Привозе».

Отчаянно хотелось все склеить как было.

Привоз

Начала с мясного корпуса. Обычно здесь знали всё.

Перебрасывая костреч на прилавок, торговка рывкнула:

– Жека!

Здоровенный детина оторвался от разделки туши. Вытер руки о передник в кровавых разводах. Неожиданно осмысленно глянул на меня.

– Тут мадам спрашивает за какой-то клей, типа если мир потрескался, – начала объяснять торговка.

– Не, у нас такого нет, – протянул Жека, оглядывая тушу. – Биток могу, шею могу, вырезку – тож, а склеить – это к Семенычу.

– Слыхали? Вам к Семенычу, – торговка кивнула в сторону молочного корпуса.

На Семеныча указали сразу – Привоз, если им умело пользоваться, почти как гугл, только механизмы поиска слегка запутаны и сильно непредсказуемы. Приветливый дед выкладывал кругляши брынзы из потертой сумки, когда я спросила его про клей.

– Выстоянная брынза есть, хочешь? Козочка, овечка? Попробуй!

Семеныч чиркнул по кругляшу и протянул на ноже белый ломтик. Рот стянуло от соли, я нетерпеливо поправила лямки пустого рюкзака. Похоже, Жека что-то напутал.

– Ну нет его сейчас, не сезон, – оправдывался Семеныч. – Не первая спрашиваешь. По всем вероятностям и кротовым норам искал – ничего. Ты это, лет через сто загляни...

Я плелась между рядов румяных продавщиц. Творог оплывал перед ними на чистой и не очень марле. Всё как всегда. Если не вглядываться в лица. Через каждое шла паутинка трещин и терялась где-то в глазах.

Выйдя из корпуса, я направилась через фруктовые прилавки.

– Груши-мед!

– Дешевые помидоры! Дешевле только спички!

– Берите огурцы! Сами в рот прыгают!

– Персики! Точный вес!

В привычном гомоне нарастал гул. Иногда мне казалось, что завывла сирена. Иногда слышался низко летящий самолет. По земле пробежала дрожь и отдавалась во всем вокруг.

– Работает ПВО! – продавцы переглядывались с покупателями и подчеркнуто уверенно кивали друг другу.

Но я знала, что это не сирена, не самолет, не ПВО. Так трещал мир, который почему-то пока не треснул окончательно.

Вжимая голову в плечи, я побрела в рыбные ряды. Мне там не нравилось, но именно в таких местах часто находятся ответы на важные вопросы. Наверное, потому что эти ответы нам не нравятся так же, как и места, где они зарождаются.

Стараясь не дышать и пытаясь обойти самые глубокие лужи из рыбной юшки, я купила еще живого карпа и принесла на разделку.

Дядю Яшу я знала давно. Он вопросов не задавал. Окидывал быстрым взглядом, нет, не клиента, рыбу и говорил:

– Десять минут.

Бросал рыбу на разделочный стол и, уже отворачиваясь, вскользь замечал:

– Предложат работу, соглашайся.

Или:

– Мирись первой, хороший мужик.

Или:

– Хватит мямлить. Обнаглей и проси чего хочешь.

Из каких эмпириеев дядя Яша брал эти откровения, знала только умирающая под его ножом рыба. Чаще всего он оказывался прав. В остальных случаях тоже был прав, но какое-то время спустя.

По обыкновению я молча протянула рыбу.

А вот дядя Яша нарушил протокол. Открыто посмотрел в глаза и долго не отводил взгляда. Так долго, что подумалось – мое лицо тоже пошло трещинами.

– Никто тебе его не продаст. Не ищи.

Карпы

Покрепче перехватив трепыхающуюся рыбу, я побрела домой. В ушах стоял оглушительный треск, но спокойные лица людей ничего не выражали. Трещины на лицах стали глубже: через них проглядывала Преображенская, группка ребят с желто-синими повязками на рукавах и уходящий к Соборке трамвай.

Карп оказался на удивление живуч – рыба извивалась и прыгала со стола на стул, со стула на пол. Я набрала ванную, где мы привыкли сидеть с телефонами и ждать неизвестно чего, и выпустила карпа. Тот вильнул хвостом и залег на дно.

Сама же пошла собирать по квартире осколки.

Вот эта чашка треснула, когда мы первый раз услышали, как работает ПВО. В табуретке надломилась ножка, когда небо заволокло чернотой – бомба угодила в нефтебазу. Забытый на огне железный чайник сгорел до углей после дня нескончаемой канонады взрывов. А вишня – голое дерево за окном – засохла в тот день, когда ракета прошила жилой дом, похоронив в обломках младенца, маму и бабушку.

Прислушиваясь к плеску в ванной, я составляла осколки и так и эдак. Но чашка не желала становиться чашкой, а в обгоревшем чайнике уже нельзя было вскипятить воду...

– Любчик, не пойму который час... – в дверях появился сосед Йосип Валерьянович и протянул мне настенные часы без стрелок.

Он и раньше заходил. С тех пор как пропали его дети, мы все время что-то искали. Альбом с отцовскими довоенными фотографиями. Бусы покойной жены Полечки. Галстук, в котором он женился. И костюм, в котором собрался умирать. Находили что-то совсем другое. Похожее. И чужое. Йосип Валерьянович расстраивался, но продолжал поиски. Теперь потерялись стрелки.

– Полтретьего, – наугад сказала я, не особо веря, что стрелки еще есть в этом мире.

– Утра или дня?

– Жизни.

Раздался громкий всплеск. Переступая через груды осколков, мы поспешили к карпу. В ванной плавало уже две рыбины!

– Любчик... – удивился Йосип Валерьянович, – у тебя закончились сбережения? Ты вынуждена торговать рыбой?

– А знаете что, возьмите! – я переложила одного карпа в тазик с водой.

Почему-то была уверена: сосед не станет его жарить.

Часы без стрелок остались на моем подоконнике. В кои-то веки Йосип Валерьянович перестал интересоваться прошлым. И даже будущим, где его ждал только похоронный костюм.

Я засыпала под мерный плеск, доносившийся, казалось, отовсюду. Под закрытыми веками шумело запрещенное море, мины резвились – прыгали через волнорез, туда-сюда, туда-сюда.

Утром в ванной били хвостами уже три рыбы. Я слушала, как плескались карпы, и снова пыталась сложить осколки.

К вечеру пяти карпам стало тесно, пришлось разнести соседям. Те вросли в свои квартиры, их ноги у кого по щиколотку, у кого по колено были присыпаны обломками да осколками.

– Уговори их! Они не хотят ехать! – твердила Настя с первого этажа. И не замечала, что родителей, о которых она беспокоится, уже нет.

Одинокая Марья Федоровна молчала. Хрупкую старушку за обломками было уже не разглядеть.

– Звери, – говорил Ванька. Он сидел за столом в камуфляжной форме и сжимал в руке пустую стопку. – Как можно... Дети...

Они меня не слышали. Только Йосип Валерьянович крутился рядом, помогал наполнять соседские ванны и запускать туда карпов.

Кое-где квартиры шли трещинами настолько широкими, что их приходилось перепрыгивать. Залатывать было нечем. В свою самую большую, между кухней и ванной, я сыпала осколки со всех комнат. Странное дело, трещина затянулась.

С квартирами соседей пришлось повозиться. Обездвиженные обломками и все же не желающие с ними расставаться, соседи злились и отгоняли меня. И мы пошли на хитрость.

– Любчик, – завел Йосип Валерьянович, обращаясь к Ваньке, – никак в толк не возьму, чем хорош этот ваш хваленый HIMARS?

В мутных глазах Ваньки проступило удивление, и он сперва нехотя, а потом все с большим запалом пустился в объяснения. Йосип Валерьянович все сыпал вопросами, а я незаметно отгребала осколки от Ванькиных ног.

И так с каждым соседом. У Йосипа Валерьяновича находились темы для беседы, а у меня новый совок и веник...

Вечером, высматривая в небе огоньки спутников, я неожиданно наткнулась на тишину. Тот звук, который мы долгое время принимали за сирену, на миг стих. И донеслись далекие слова о прощении и прощании.

Я кормила карпов и подолгу смотрела, как они играют в ванной. И во взмахах хвоста, в их огненной чешуе мне чудились силуэт молодой женщины, ребенок в коляске нетерпеливо болтал ножками, и старшая женщина рядом протягивала ему резиновую рыбку. Все возможно, говорили карповы хвосты. Все еще будет...

Не знаю, сколько времени прошло, у нас не было ни часов, ни календарей. Но в день, когда появился сорок первый карп, и мы отнесли его уже в другой двор, рыбы перестали плодиться.

Реальность

Осколки все еще лежали в наших квартирах, в новостях сообщали о взрывах и погибших, канонада оглушала и слух, и здравый смысл. Мы старались чаще сгребать осколки в трещины. Не было ничего другого, чем заполнить пустоту разрухи, – только память о прошлом. Какой бы горькой она ни была. И пространство рубцевалось, прорастая вощеным паркетом, свежими обоями, выдавливая неведомо откуда то заблудившихся животных, то любимые книги, то семейные фотографии.

Когда-нибудь, мы верили, из трещин выйдут пропавшие близкие. И ничего не придется больше склеивать.

А пока в наших ваннах плескались красные карпы. Это было единственное, что мы знали наверняка.

Павел Лемберский

Де Кунинг

Незадолго до развода с Вероникой Сергеевной Петр Андреевич с головой ушел в свои абстракции: наловчился стрелять по баночкам с гуашью, каковые баночки расставлял на равных расстояниях друг от друга перед холстом, приклепленным к стене гаража на два автомобиля, темно-вишневый BMW супруги и собственный неопределенного цвета Capri. Баночки разлетались в разные стороны, краска разбрызгивалась по холсту, образуя всевозможные абстрактные фигуры: перистые облака в виде всадников, похищающих тучных сабиянок; виноградные лозы, смахивающие на тонконогих твистующих модниц; фижмы кизилового цвета, от которого рябило в глазах. Петр Андреевич и раньше любил визуальные искусства, и даже немного лепил по выходным, но перспектива существования без супруги заставила его всерьез взяться за кисть, точнее, за ружье, чтобы по-новому осмыслить, что же на самом деле есть искусство, а что жизнь. Жена как модель, как объект желания, лишенный третьего измерения, но с авоськами и в бигуди, абстрактная жена à la де Кунинг, неулыбчивая и редко дающая, стала довлеть над всеми его помыслами. После стрельбы Петр Андреевич относил холсты в сарай, где тщательно, иногда неделями дорабатывал их, привнося элемент дизайнера, а стало быть, и смысла, в априорно хаотические продукты акционизма, которые он то ли в шутку, то ли всерьез стал именовать арт-артом (или артиллерийским искусством).

Вероника Сергеевна давно намеревалась бросить курить. От плебейского «Парламента» хотела было перейти на ментоловый «Данхилл», но ее близкая подруга, преподавательница йоги

Кимберли Болик, сообщила ей однажды за фраппуччино, что ментол еще более вреден для здоровья, чем обычные сигареты, и вот тогда-то полнощекая и зубастая Вероника Сергеевна решительно затушила последнюю сигарету в чахлом садике при «Старбаксе», поскольку так себе пообещала годом ранее во время пятиминутного приступа кашля в салоне красоты, где работала менеджером. Она разлюбила мужа прошлой осенью и так и сказала ему об этом. Я тебя не люблю, сказала она Петру Андреевичу с брутальной откровенностью. Тот пал духом, но виду не подал, отшутился. Достал из холодильника запотевшую бутылку Carlsberg'a, сделал два больших глотка, потом пошел по банкам стрелять. Это была для него своего рода арт-арт-терапия.

И вот тут в ожидании более мощного электронного микроскопа появляется в повествовании некий профессор иммунологии, из немцев. Откуда он взялся (Вупперталь?) и как оказался в наших широтах («Люфтганза»?) не помнит никто, но на именины к себе он зазвал всех, хотел со всеми сойтись покороче, чтобы и его все к себе приглашали. Он чувствует необычайный прилив сил на новом месте и раскачивается на каучуковых своих подошвах, приветливо улыбаясь гостям и насвистывая арию Росины из «Севильского цирюльника», а мы стоим с Клер в углу, как бедные родственники, и не знаем, можно еще вина или нет, можно тостиков с гусиным паштетом или неловко это, можно пригласить жену немца на танец и кружиться с ней по гостиной, а после, взяв под руку, говорить двусмысленности, пока внизу пытаются этого «австро-венгра», бьют его по заросшему щетиной лицу (тапками, но все равно больно), а Петр Андреевич рассказывает зевающему в кулак брату виновника о том, как Рональд Рейган ему часы в свое время пожаловал за то, что он спас жизнь президенту, когда в секретной службе в отделе баллистики стажировался, а Вероника Сергеевна с мамой жили в Джорджтауне, где и свели знакомство, и он спросил ее на первом свидании, скажите, кто ваш любимый режиссер, только честно, а она смутилась, но нашлась: Билли Уальдер, говорит. Но ранний.

Не так ли и пожилые рассказывают о своей жизни молодым, думая, что молодым это интересно, а молодым это неинтересно? Не так ли и вы им о себе, думая, что это о жизни и потому о них тоже, и им это интересно, а это о вас, и никому и даром не нужно?

Они кивают, но каждый кивок их – скрытый зевок, не обольщайтесь на этот счет, прошу вас. Ваша жизнь прошла, и не нужна никому, и не потому лишь, что место было другое и нет его, но и потому, что время было другое, и тоже нет его. Место изменилось, а время прошло. А вы как функция и того, и другого тоже отсутствуете, точнее, другие, и не нужны ни здесь, ни сейчас. Тем более что то, в чем вы пришли, давно не носит никто. И воротнички сейчас другого фасона, и цвет другой: ярче или вообще салатový. И вторые подбородки младше тридцати пяти не носят, и мешки под глазами в стиле ретро. И грусть, и усталость, и разочарование.

Она симпатичная, эта немка.

На следующий викенд договорились у Петра Андреевича. Он снова будет показывать часы, которые ему пожаловал Рейган, он всегда их показывает. А Вероника Сергеевна бросила курить и на нервной почве настаивает, чтобы ее прижимали в танце. Я готов, но только с Петра Андреевича любезного разрешения. Дело принципа. Потом абстракции пошли.

На полотне фонтан, в фонтане рыбки, на скамейке женщина с коляской, «И один в поле воин» читает, это про разведчика книга. Надо же: стрелял Петр Андреевич по баночкам и наобум, а настрелял маму с книгой, меня настрелял шестимесячного, городской сад с фонтаном, велосипедистку в черном. Или это мальчик на самокате с вытекшим глазом шустрит, не разобрать, но красиво все и жизненно очень.

Негодяй бьет свою венгерку-жену и приговаривает: «От так! От так вот! От так вот это вот!». И как таких земля носит на своей зеленой сутулой спине? И куда смотрят соседи в телевизор?

Девушка с букетом принарядилась, ждет жениха. Притопал хромой чертяка какой-то, долго не отпирала, но засахарилась и воленс-ноленс села к нему на хвост. Он в бумажный стаканчик пискнул только.

Петр Андреевич в шуточной форме принимает комплименты. Иммунологу работы нравятся, Клер тоже. Хотя тут ее склонность не обижать людей скорее сказывается. Отношение Клер к абстрактной живописи я знаю. Что высралось, то и абстракция, заключила она после недавней экспозиции Макса Уолленштайна в Вашингтоне. Тихо, чтобы никто не услышал, заключила.

Теперь так. Давно стало общим местом подтрунивать над современным искусством, лить воду на мельницу апологетам мимесиса и катарсиса, вяло и беспомощно злословить по поводу молниеносного взлета хорватского перформансиста, имя выскочило, ну, усатого этого, того, что на Гималаях целый месяц в мегафон против глобализации чихал. А жизнь не стоит на месте. Если еще вчера можно было бездоказательно проводить параллели между удовольствием от скульптур Дж. Кунса начала 90-х и удовольствием Дж. Кунса от его итальянской супруги Чиччолины, то сегодня эти ласковые: fuck that cock! fuck that cock baby! настоятельно требуют более вдумчивого подхода. «Медведь и полицейский», о чем это? О детерриториализации? О сумме прописью? Да, смешно. И всё? «Мартышка и очки» на Патриарших тоже смешно, но внятно, и мораль есть.

Но где же хозяйка? Вероника Сергеевна что-то показывает брату профессора в гараже, уже минут двадцать показывает. Неужели она не выдержала, и они там курят вдвоем? Брат профессора, совсем еще молодой, неискушенный в житейских вопросах человек, часто краснеет, когда к нему обращаются дамы. Кажется, ему нравится Клер. Он здесь третий год, учится на офтальмолога. Это он задержал «австро-венгра» при попытке перейти границу, причем совершенно случайно.

Сравнивают землю без урожая с женщиной, оставленной мужем. А с чем сравнить мужчину, оставленного женщиной? С урожаем без земли? Но откуда ему взяться – без земли?

Исчезают люди. Одних находят, других и не ищут. Еще людей крадет время. Вот она молодая-привлекательная, а вот у нее уже седые волосы в самых неожиданных местах.

Черт в белом трико разгуливает по веранде, всем сулит вечную молодость. Один дурак клюнул. Второй дурак клюнул. Третий не дурак вроде, а ведь тоже клюнул. Сейчас грустит: все друзья померли, позвонить не к кому.

И еще: двое навеселе, останавливаются, один другому: «Знаешь, что самое главное? Самое главное...» – и идут себе дальше. А я стою, но что самое главное – не слышу. Не идти же за ними.

Елена Андрейчикова

В начале было слово

Позвольте сознаться: впервые за десять лет я радуюсь тому, что мой мальчик именно такой. Правда, искренне радуюсь, негромко и нечасто. Чтобы не вздумали полагать, что бабка сошла с ума.

Да, я его бабушка.

Но будем честны и бескомпромиссны: я его мама.

Его биологическая мать тут же отказалась от него, когда погиб мой сын, его отец. Не, не война, несчастный случай. Не о том история сейчас. Привезла она его в гости, мол, всего на несколько дней, рюкзачок с парой заношенных штанишек, драный плюшевый козлик и чистые нетронутые раскраски, которые я подарила еще года три назад. Привезла Мишку на прошлую Пасху, но больше за ним не вернулась. Я иногда сама ей звоню, камеру включаю, пусть хоть знает Мишка, как выглядит мамашка. Хотя ему все равно, никакой реакции: помаhal, как я заставлю ручку поднять и помахать, – и дальше идет по своим бестолковым делам. Я сердилась на нее, долго сердилась, проклинала, господи прости. Как же это можно? Здоровая девка, руки, ноги, голова, два уха, а она отказывается от своего ребенка? А потом перестала. Слабым душам слабые поступки. А я справлюсь, я смогу, я сумею. Ну и что, что семьдесят! Мы еще и на батуте вчера с Мишкой вместе прыгали. Ну как вместе: я прыгала, а он лежал рядом, иногда его подбрасывало невысоко от моих интенсивных прыжков. Ух напрыгалась! Потом с давлением лежала, но улыбалась.

Черт бы побрал эту невестку.

Простите. Иногда не могу сдержаться и грязно выражаюсь. Я знаю, что слово – это не только слово, это поступок. Но резкость свою считаю справедливостью, хоть и молюсь, чтобы Бог наставил меня на добрый путь, и я перестала сквернословить. Пора бы стать приличной бабушкой. Мальчик мой молчит, хоть и десять ему, совсем молчит, ни словечка, ни буквы еще я от него не услышала. Может, поэтому я иногда и расслабляюсь, не выбирая выражений. Но потом молюсь о спасении своей души сразу после молитвы о спасении моего бессловесного мальчика.

Нелегкое занятие растить дитё, ой, боже мой, для кого сейчас все эти реверансы, я вас умоляю? Это ад, ад! Мне же семьдесят! И нате, здрасьте, разбирайтесь – вдруг внук, еще и бедолажка: умеем только молчать и мычать.

Мишенька совсем не говорит. По каким только врачам его не водила до войны! Молчит, зараза, как Танька Васильева! Это моя подруга юности из Москвы, вместе учились. Ни разу, стерва такая, не позвонила и не спросила, как ты там. Как я тут. Хотя, наверное, ей же лучше. А то я бы слов не сдержала, разумеется, все бы ей рассказала, что я думаю, о нашей денацификации, демилитаризации и деукраинизации.

Мишенька преимущественно мычит. И страшно тормозит, будем честными. Ни черта не понимает, что происходит. Но ест хорошо. Аппетит как у папки его. Но молчит. Взгляд стеклянный, рот всегда открытый, хоть слюни не подтекают – и то отрада. Никто точный диагноз так и не поставил. Каждый врач свое поет: то у Миши такой синдром, то эдакий, то проблемы со слухом, то с речевым аппаратом, то с психикой, то с физикой. И я впервые в жизни радуюсь, что он именно такой. Плевать ему – война не война, знай ест хорошо и музыку включает: обожает Моцарта. Кто его научил? Конечно я. Не мамка же его, коза, уже с мужиком живет новым. В прошлый раз мне по телефону говорит: хотим детей. Ах ты курва, а это ж кто у тебя? Не дети?

Ладно, снова буду материться. Успокоюсь.

Он, зараза, вообще ничего не хочет делать. Одеваться – я помогаю, умываться, ест хоть сам, и то только картошку жареную и котлеты. Долго ест, конечно, одуреешь, пока дождешься.

Я спуску не даю.

Думаю, вот я его залюблю, и он совсем расслабится, не захочется ему сверстников догонять. Я его в строгости держу: Миша! Умываться! Шагом марш! Скажи спасибо! Молчишь? Хоть махни головой! Четче махни, чтобы бабушка поверила!

Машет. И мычит в ответ, и глаза к небу закатывает, мол, отстань, бабка, от меня.

Миша, закрой рот!

Ух заклею однажды!

Вот так и живем. Я, Мишка и драный козлик по кличке Мэээ. Другое имя, как вы понимаете, нам не дается.

Одна радость: война в Украине началась, а мальчик мой ни черта не понимает. Что война ему, что мультики. Appetit стабильный, сон крепкий. Обниматься научился. Как сирены завоют, так я его обнимаю, ушки закрываю. А он решил, что это игра такая. И сам иногда подходит без всяких сирен: обнимет меня и мне уши закрывает. Способный, учится, повторяет. Вот только не говорит. Что ж ты, Мишка, за бабкой не повторяешь? У меня же рот целый день не закрывается! Когда ж уже и ты начнешь, мальчик мой?

Никакой ему печали, ни о чем не думает, ничего не боится. А я на него смотрю – и сама ничего не боюсь. Всегда у него спокойное безмятежное лицо. Без улыбки. Но и не надо. Когда спокойствие такое на детской физиономии, хочешь не хочешь – заразишься. Глазища голубые, папины, как же на сыночка моего похож! Волосы светлые, солома. Мальчик мой.

Опять, зараза, расписал все стену в спальне фломастерами!

Уши закрывает, когда ору.

И мычит.

Ох ты ж зараза, давай заговори. Бабка твоя ж не вечная, ты научись хоть что-то говорить, не всегда я буду твоим переводчиком с миром.

Как ты после меня жить будешь – непонятно. Женить бы тебя, что ли, успеть. На такой же тихой. И безмятежной. И тогда можно на покой.

Снова сирены воют, все нейметса фашистам двадцать первого века Одессу заграбастать, а Мишке хоть бы что – стоит в окно смотрит, еле отвела от окна. Погреб открыла, он счастливый спускается туда и сидит часами. Вот счастье – бабка не кричит, не надо

на прогулку одеваться. Можно рот не закрывать. Сидит дурашка среди банок с огурцами.

– Мария Александровна, поезжайте с Мишей в Испанию, – позвонила мне как-то директор его школы.

– Вы с ума сошли? Какая Испания? Я рассаду высаживаю.

– Мария Александровна, надо. Детей там подлечат, подучат и в безопасности.

– Ни за что!

– Если вы сейчас не поедете, я больше ничего для вашего ребенка делать не буду! И вообще обижусь на вас. Ради внука – поезжайте! Ради сына.

Вот же манипуляторша!

Поехали.

Как я на это согласилась? Сама не понимаю.

Сначала отвезли нас, четырнадцать детей и двадцать взрослых, на автобусе в румынскую деревню. Принимала нас какая-то сектантская американская семья, но люди добрые. А местные какие добрые! Привезли игрушек вагон, еды и одежды. Пожили мы там недельку, пока все документы собрали, и выехали в Валенсию!

Вот же внучок мой молодец, бабуку на старости лет в Испанию вывез! Жаль, обсудить с ним не получается и время, и войну, и вензеля на готических зданиях.

В школу пошел. Как, я вам скажу, они с детьми нашими носят-ся! Тут и мертвый заговорит, прости господи. Но мой молчит. Настойчиво и самозабвенно молчит.

– Мишка, скажи грасиас тете!

Как же! Не дождетесь.

И дельфинотерапия, и арт-терапия, и электротерапия. И слоны, и жирафы в зоопарке – но скажи хоть слово!

Тишина.

Мычит и молчит.

Зря потраченные усилия испанских врачей, учителей, и рассада не высажена.

Сестра моя звонила. Говорит: перестань надеяться, он не заговорит, он отстает в развитии, смириись.

А ты не отстаешь, родная?

Не беспокойтесь, я трубку положила перед этим.

Еще как отстаешь!

Знаете, что она меня спросила в самом начале войны (сама же далеко от нас живет, не скажу геолокацию, а то еще и ей прилетит)? Спрашивает: «А ты как думаешь: это все-таки российская экспансия или стабилизация ситуации?».

Это у вас, родная, дебилизация и децивилизация. А у нас геноцид.

Вот же дура.

И коза.

И в детстве мне покоя не давала. И сейчас. Что говорить, про, казалось бы, близкий народ, когда тут сестра родная такое несет!

Она же старая, на пять лет меня старше, уже маразм крепчает, что с нее возьмешь? А сестра. В трубку я ей только улыбаюсь. А как отключусь – матом. Только ж матом и можно на такое реагировать.

А что ей доказывать и ругаться? Тут и так война, еще и меж сестрами разжечь – небось того и добиваются. Вот я и улыбаюсь.

Счастливый мой мальчик. Никаких бед.

Только, правда, ревнивый.

Ревнует страшно к другим детям – говорить с теми, кто говорит, нельзя, обниматься с ними нельзя. Стоит только заговорить мне с кем-то у школы – так бежит, мычит, бомбит бабку градом слез, мокрая футболка у него, мокрая футболка у меня.

В школе хвалят.

Непонятно, правда, за что.

За красивые небесные глаза.

А вдруг он, зараза, никогда не заговорит? И мычание у него – даже не мычание, какая-то демоверсия звуков. Рот открывает – и как дельфин для самки поет.

А я бы вернулась уже, высадила рассаду, были бы свежие помидорчики к нашему столу. Будет дурнем, так хоть здоровым, напичканным витаминами. Ну и будет молчать. Найдем ему работу непыльную и не очень сложную. Депутатом, например. Тогда точно женю без проблем. Посмотрите.

Размечталась я.

Вспомнила про домашние задания. Сам же не сделает. Мучаю я его каждый день. Потому как испанская наша учительница

очень сердобольная. Если грасиас от Мишки не дождется, так хоть ровненькие цифры, прописанные в ряд, завтра получит.

Усадила его двойки писать. Хуже всех у него идет.

Пишет, глазастенький мой. Мается. И я маюсь.

А сама я в окно засмотрелась и вспоминаю, как до войны я страдала, что мой мальчик такой. А сейчас даже радуюсь. Ничего не знает, ничего не боится, тихий безмятежный мой маленький дух.

Засмотрелась, а он пошел мимо строчек двойки писать, повзлетали они, как облезлые гуси. Как те дикие гуси, что влетели в российский истребитель, который тут же упал, разумеется.

Я же женщина вспылчивая, не умею сдерживаться, сколько ни стараюсь. И кричу на него, бывает. Бабушка горяча всегда была, никогда не сдерживалась в выражениях.

А он смотрит на меня невинными глазами. Один в один, как у его папы. Голубые, прозрачные, чистые, ни злости в нем, ни ненависти, только любовь. Нет, вряд ли это любовь, не думаю, что он понимает, что такое любовь. Хотя я уже во всем стала сомневаться. Может, это я не понимаю, а он и есть та самая вселенская любовь.

Как я устала маяться над его пропащими уроками! Не сдержалась:

– Что за хуйню ты тут пишешь?

И он в Валенсии, в граде культуры, красоты и эстетики, производит свое первое в жизни слово:

– Хуйню.

Анна Коренева

Я подарю тебе Бордо

– Расскажи: как ты? Как устроилась? Что делаешь? Я остался во Франции, в Лионе. Живу в большом доме в семье врачей. У меня своя комната с душем. Ем камамбер, пью бордо и подстригаю розы в саду.

Приезжай ко мне! Я подарю тебе Бордо, я подарю тебе Лион, я подарю тебе Францию! Ты знаешь, меня тут принимают за местного. Хотя язык еще не освоил. Оказался для меня сложным. С моим-то идеальным музыкальным слухом! Да-а, музыку пока не пишу. Пока... Приезжай! Никакого насилия не будет. Хозяйке скажу, что ты моя кузина. Она не будет против. Мы будем вдыхать аромат роз, пить красное вино и говорить, говорить, говорить... Или гулять по городу.

Представь себе, я пользуюсь здесь большим вниманием у женщин! Такого не было уже лет десять! Здесь неважно, сколько тебе лет, лысый ты или толстый. Француженки умеют слушать! Да, они не такие яркие, как одесситки. Они мало едят, следят за фигурой, молодо выглядят, но красивыми их не назовешь. И они знают об этом. Поэтому берут инициативу в свои руки. Но я не размениваюсь. У меня на первом месте – чувства! Приезжай ко мне! Я подарю тебе этот город, я подарю тебе Бордо!

Расскажи наконец, как ты? Как устроилась? Что делаешь?

– Я пью пиво с жареными сосисками, но могу перейти на бордо с камамбером!

Фото автора

Арсенія Велика

Маріє, помагай

Ще жовтень літа не зборов.

А. Малишко

Катерина-старша, прокинувшись рано-вранці, продравшись крізь дрімоту та гальма свідомості, почала згадувати: «Де я? Хто я?».

На дворі сипав, почавшись ще вночі, дрібний тихий дощ. Брезье ще спало. В сусідній кімнаті хропів величезний кіт – сфінкс на ім'я Семен, дуже рідкісної канадської породи, геть лисий, з приємною велюровою шкірою та зі страшною загостреною мордочкою. Але дуже доброзичливий і ніжний.

«Ще можна поспати», – подумала вона, повернувшись на інший бік.

У солодкій дрімоті їй знову згадався вірш:

...Падолист

Іще не вийшов із дібров,
Ще жовтень літа не зборов.
І в ті години, ясні й гожі,
Юнак вже зводивсь насторожі
Відчув живу, гарячу кров...

Сон потроху залишав її тіло. На поверхню почали виринати думки. Війна... Вони – біженці. Як ставитися до себе? Зневажаючи, не зневажати себе. Цей невблаганний маятник, який хитається від тяжких новин з дому до пасторальних красот тут, у майже сонній Європі. Як бути з ним?

А дощ не стихає. Катерина-старша, діставши з шафи нещодавно придбану тут парасолою, зібралася йти за кавою. Кава в домі закінчувалася. Ні, не так щоб зовсім, просто подумалося, що потрібен якийсь рух. Вона любила прогулятися під дощем. Пройти повз стару готичну базиліку. І висока парасоля під дощем – вона, звичайно, додасть їй стрункості.

Катерина-старша поважала свою стрункість. З парасолею під дощем. Тут, в цьому незрозумілому потоку часу, треба було зберегти в собі хоч якісь людські риси. Не перетворитися на нікчемне, обтяжливе для всіх «ніщо». На вулиці сипав все той же заспокійливий дощ. Прогулянка мала бути приємною. Як може бути щось приємного в цей час? Все залежить від того, з ким ти себе порівнюєш, подумалося Катерині-старшій. Вона вже давно жила на цьому світі... Треба брати те, що приготувала тобі доля. Все відносно, хвала Альберту Ейнштейну! Ти просто маєш порівнювати себе з тими, хто перебуває у межах твоєї ж системи координат. З тими, хто має такий же вік і досвід.

«Хвала!» – це дуже гарне словенське слово. «Хвала!» – подякувала Катерина-старша продавчині на касі, ховаючи до сумки баночку розчинної кави. Українською це означає «дякую». На вулиці й далі сів тихий літній дощ.

* * *

Після роботи торохкітливої косарки важкі альпійські трави покірно впали скошеними долу. Катерина-старша вправно згортає сіно легкими граблями з дерев'яними зубчиками. Коли вони, трави, ще хиталися від вітру, дістаючи до колін, вона сказала пану Юстину, що допоможе їх згребти у час косовиці. Розмахуючи граблями, вона згадує веселого розкутого батька, далекі часи та такі ж трави далекого дитинства. Тільки граблі в них були залізні. Держак був, як і тут, дерев'яний, а самі граблі – залізні, заводські. Тут – ні. Тоді вона була струнка, романтична, і сіно також, як зараз, соковито падало до її ніг. Та тоді був тільки гарний вигляд. Від роботи вона швидко втомлювалася. Тоді.

Зараз Катерина-старша витриваліша та стійкіша. Вона знає, що виглядає дещо жінкою крупних форм. Та це, як вона себе впевнила, на користь. З літами людський організм втрачає вологу. Підсихає. Шкіра зморщується. Органи та думки робляться більш заснулими, скрипучими. А от у здоровому тілі життя ще вирує.

Розпашівшись, вона скидає з плеч легку куртку і, лишившись в адідасівській майці, розкуто згрібає тяжкі альпійські трави у невеличкій скирди. Смарагдовий рівнесенький луг тішить погляд своєю неперевершеною досконалістю.

* * *

...Падолист

Ще не вийшов із дібров,
Ще жовтень літа не зборов...

Ці рядки впливають чомусь у пам'яті все життя. Чому? Вони гарні. Можна сказати, довершені.

Вона пам'ятає їх погано. Кожного разу перекуючи, підбираючи в риму замість забутих слів свої. Щось в них є. І не тільки зміст. Вони якісь і заспокійливі: «Падолист. Діброви...» – і в той же час поривчасті, напружені, енергійні: «Жива, гаряча кров...». Вони трагічні. А ще тут ритм. Магічний п'ятивірш. Строфа ніби закільцьована. Вона тебе гойдає, заговорює, як молитва. Алітерації «Ж», «Ч» – наче гудіння джмеля над квіткою. Рими з запрограмованими паузами. Це діє на підсвідомість. І притуплює напруги, затьмарює гризоти. Солодко заспокоює своєю довершеністю. Вони так сприймаються нею, Катериною-старшою. Хоча поет, можливо, в них вкладав зовсім інші сенси. На то воно й геніальний твір, що працює у багатьох вимірах і підіймає в душі кожного зовсім неочікувані, несподівані відгуки.

«Ще жовтень літа не зборов...» Чудова лірика. По-українськи прозоро. Який все ж таки він гарний поет, цей Андрій Малишко...

* * *

Життя таке, що не можна не засмічувати собі голову якимось мотлохом. Катерина-старша вночі крутиться з боку на бік. Сон ніяк не може здолати її свідомість та уяву. Вона згадує роки до війни. Знайомі обличчя. Це був час перелицьовування, перефарбовування, переосмислення. Нові технології, нові товари, житло, новий ритм призвели до того, що, виринаючи із застарілих зв'язків, люди втрачали і тепло, і взаєморозуміння, і звичний архаїчний затишок. Створювались і зникали якісь партії, а люди їм наївно вірили, олігархи в судомах ділили нерухомість, землю. Далекі по-

други зробилися або чванливі, або завидливі. Все розповзлося по своїх шарах. Ніякого спокійного комфортного існування. Весь час адаптація під нові змінені обставини. Найбільше чомусь зараз не хотілося згадувати величезні торгівельні центри. Скільки вони відібрали часу, грошей, життя! Треш. Одноманітність світу споживання. Але вісім років з початку втрати Криму всім нашим людям вогнем пекло це приниження, це російське «расчеловечивание» їх, українців, презирливе хамство з боку Росії. В душі росло почуття розчавленої гідності. І от війна має вже дати вихід цій накопиченій у душі червоній енергії. Цій вольтовій дузі спротиву.

А сон таки не йде. І знову десь з глибини свідомості цей вірш:

А тиха пристань ожива:
В артілі визріли жнива...

Коли ж це було? Восьмий клас. Катерина-старша стоїть обличчям до однокласників. Позаду погано витерта класна дошка. Майже суха ганчірка, вся в крейді, лежить на вузькій полиці під дошкою. Осінь... Класи ще не опалюють. У кабінеті з портретами письменників похмуро та зимно.

На початку місяця їхня молода та довірлива вчителька з української літератури захворіла. В них заміна. Тепер уроки буде вести ця дуже вимоглива та вже літня обважніла Поліна Тихонівна. Її всі в школі бояться та трохи недолюблюють. Хлопці-однокласники втиснулися в парти та вже чекають на солодкий дзвін дзвоника. Уривок вірша вони, звичайно, не вивчили. Та до перерви ще далеко.

Катерина стоїть перед класом і чекає, коли змовкнуть перешіптування – та вона почне.

* * *

П. Юстин наливає в бокали прохолодне сухе вино. Приємно посміхаючись, кидає туди шматочки льоду. Катерина-старша в зручному кріслі сидить на терасі великого сучасного дому. Він тут зветься хижа. Здається, у нас в Україні теж так називають житло. Катерина напружує пам'ять: де вона зустрічалася з цим словом? Можливо, в романах закарпатця Мирослава Дочинця.

Хижа втопає в різноманітних квітах. Вони тут у вазонах – круглих, продовгуватих, в кашпо та в вазах. У двох чи трьох місцях (Катерина ще не зорієнтувалася) на виходах з хижі влаштовані елегантні тераси під смугастими тентами, кожна з великим столом та зручними кріслами. Тут часто пригощають гостей. П. Юстин в минулому дипломат і розмовляє багатьма європейськими мовами. Він запросив їх пожити у нього, коли Катерина-старша з рідними та котом Семеном шукали житло, втікаючи від бомбардувань з України в Європу.

П. Юстина хвилюють події, пов'язані з війною в Україні. Вони з Катериною-старшою часто подовгу розмовляють про Європу, про цінності, про українське життя. Його гості теж вражені війною в Україні. Інколи, як вчора англійці, а ще раніше італійці, підходять до них зі словами підтримки. Тиснуть руки. А ще п. Юстин каже, що стара Європа хвора. І вони сподіваються, що сильні українці вдихнуть у неї нове життя.

Верхівки Альп затягуються синьо-сірими важкими хмарами. «Здається, знову збирається на дощ», – каже п. Юстин, втомившись від триденної червневої спеки. Прохолодне вино запітніло в бокалі. Сфінкс кіт Семен, який ніколи не спускався вдома зі свого десятого поверху, тут обережно ступає м'якими лапками по свіжій стерні. Галявинка перед хижою оксамитово-зелена. Так... так, думає про себе Катерина-старша. Шальки терезів вже майже врівноважилися. Задумлива українська літня леді з бокалом в руках, неначе в легкий шовк, занурюється у тонкий естетизм моменту. Та це сьогодні. А що буде надалі?

* * *

Сивий ранок. Спека ще палить все навкруги. Катерина-старша згрібає листя легкою мітлою. Після дощу воно посипалося з дерев і вкрило доріжки пухким шаром. Вона знову знаходить собі якусь розраду у п. Юстина, щоб цілодобово не сидіти в телефоні. Думки, як оси, кружляють над головою. Як жити зі всіма твоїми людськими потребами в цьому світі? Вдома війна, ця зловіща «російська рулетка». Куди знову потрапить? У вокзал чи торговельний центр? А тут розчахнута на всі двері красуня Європа. Все життя, думає Катерина-старша, приходилося гойдатися в межах цих бінарних опозицій: місто-село, російська-українська, залежність-свобода. І от зараз: спокій-жах, Схід-Захід.

Робота на дворі закінчена. В кімнаті прохолода та спокій. Вона втомлено падає на широке ліжко та відчуває, як знову до кімнати залітає цей вірш:

І в ті години, ясні й гожі,
Юнак вже зводивсь насторожі,
Відчув живу, гарячу кров...

Це, як їй згадується зі школи, уривок з поеми Андрія Малишка «Прометей». Поема – патріотична. Вона про війну. Велику Вітчизняну, як казали тоді в школі, або про Другу світову, як кажуть тепер. Вона про те, як селяни врятували пораненого воїна-росіянина після бою з німцями. Вони виходили, вилікували його, а потім німці знайшли його та розстріляли. Така собі радянська агітка. Дивно, до чого така назва поеми – «Прометей»? Вона не в'яжеється зі змістом. Прометей – це той воїн? Але ж у міфі про Прометея герой, прикутий до скали, не гине. Здається, що все тут не так. Катерина-старша намагається розібратися в своїх соцартівських грішних уподобаннях. І взагалі, це зараз до чого?! Коли йде російсько-українська війна? Не на життя, а на смерть. Але ж вірш застряг у голові та не відпускає. Наздоганяє тебе, де б ти не була. Тут заховано щось інше. Можливо, це не така вже й пропагандистська халтура. Можливо, тут є щось більше, оскільки вірш працює і через багато років.

Це поема про український вимір, про вселенську українську душу. Вона про падолист, про полохливого мокрого птаха, про вечірніх зір м'які заграви. І саме український вимір перемагає сьогодні в цій війні. Як про нього сьогодні написав би Малишко? Чи вистачило б у нього таланту? Написав би з раною в душі. Не сповитий по лікті комуністичними шорами. Про своїх. Про українців, що вгризаються в землю там, під Херсоном, на Донбасі, в укриттях Маріуполя. Написав би своїми гнучкими палаючими римами, своїм зболеним серцем.

* * *

Червень. Четвер. Чрнівець... Чрнівець – так зветься словенське містечко, де Катерина-старша п'є каву. Білу каву. Тут так звуть капучіно. Кожного вечора вона виходить із Брезьє на вечірню

прогулянку та йде порожньою дорогою до самого Чрнівця. Але перед тим Катерина-старша вдягає улюблені кросівки, накидає на плечі спортивну куртку та повільно виходить за ворота. Кіт Семен проводить її до хвіртки. Потім вертається додому. На вулиці ані душі. І тут зразу ж, без усіляких спогадів чи ностальгій, майже на фізіологічному рівні з уст злітає тиха пісня: «Повій, вітре, на Україну...». Колись про-никливо її співав дід Андрій. Так вони і йдуть разом із піснею.

Сьогодні знову прилетіло. Вдарили неподалік Одеси. Житловий будинок. Жертви. Діти. Телефон червоний від страшних звісток. Вечір, але ще спекотно. Ані вітерця. Сутінки сповзають з неба та потроху осідають у пригоршнях Альп. Гори зблизу зелені, далі – сині, а вже зовсім далеко – сиві.

А потім починається вечірній передзвін. Вони, ці дзвіниці, здається, дзвонять по черзі. Спочатку чується здалеку, напевне позаду, з сусіднього села. Потім десь ізбоку. А потім уже дзвонить наш. З базиліки «Маріє, помагай». Така дивна назва собору, не Матері Божої, не Діви Марії, а саме «Маріє, помагай». Катерина бачить, як величезний дзвін починає хитатися на дзвіниці. Спочатку великий, з голосним протяжним гудом: «Бом! Бом! Бом!». Потім він замовкає і після паузи чується вже інший, менший, більш прозорий і дзвінкий: «Бом! Бом! Бом!».

Катерина-старша дивиться вдалину. Сонце сідало за її плечами. Значить, захід – там, між посивілими в сутінках верхівками Альп. Тоді схід – попереду. І там Україна. І знову на підсвідомості з уст злітає пісня: «Повій, вітре, на Україну».

«Бом! Бом! Бом!» – пливе над старовинним містечком, вдаряється в ущелини вечірніх Альп і печально підіймається високо вгору. «Маріє, помагай нам здолати цю отруйну російську гідру! Маріє, зроби так, щоб наші люди більше не гинули в цій нелюдській війні».

«Маріє, помагай! Почуй нас, Маріє!» – тихо шепочуть безголосі губи. І знову безперестанку: «Бом! Бом! Бом!».

* * *

Восьмий клас. Батьківський дім. Вже вечоріє. Катерина відкла-ла підручника з математики та дістала українську літературу.

Ого! На неї з книжкової сторінки глянув довгий уривок вірша. Андрій Малишко, «Прометей». «Відсіль – досіль» позначено сірим

олівцем. Увесь вечір прийдеться згаяти, а за вікном така тиха прозора осінь, і так хочеться на вулицю... Катерина глибоко зітхає.

Всівшись за столом та сконцентрувавшись, вона починає запам'ятовувати незнайомі рядки. Важко. Рими плутаються, заповзають одна на одну, перескакують на інші слова. Як же його вивчити? Катерина приречено відчуває, що завтра її обов'язково визвуть до дошки. Інколи учні чують невідворотне: «Завтра визвуть». І так хочеться, щоб наступний день не настав! Третій, п'ятий раз вона повторює вголос ті ж самі строфи, та вірш ніяк не оселяється в її голові. Вона знову, плутаючись у словах і римах, спускається вниз по сторінці.

А Поліна Тихонівна завтра буде громіздко возсідати за вчительським столом і нервово блискати по класу скельцями своїх окулярів. І буде вимоглива та сувора.

У кімнаті вже майже темно. Катерина ходить з боку в бік, відбиваючи кроками ритм вірша. Вона знову промовляє текст – і знову помилки. Їй ввижається, як вона завтра стоятиме перед усім класом. І безпорадно плутатиме рими, збиватиметься, червонітиме та нервово крутитиме в руках ручку.

Ще раз спочатку. Потім ще раз. Порожня кімната. Кроки туди... назад...

І – о диво! Уривок поеми непомітно, неначе тиха ріка, увійшов у свої береги та без порогів і коловоротів вільно полинув униз. Слова ллються спокійно, без перешкод. Лише настрої, лише біль та густа глибина українського щирого слова.

...Падолист

Іще не вийшов із дібров,
Ще жовтень літа не зборов.
І в ті години, ясні й гожі,
Юнак вже зводивсь насторожі,
Відчув живу, гарячу кров.

Катерина-старша вже впевнено повторює знайомі рядки ще та ще раз. Голос змінюється: то змовкає, то посилюється, то завмирає на паузах. Здається, що вірш уже розчинився в її крові і тепер ясними хвилями розтікається всім тілом. Ритм

розгойдує, заколисує її. Яке то благо, що в школі тобі задають вчити напам'ять гарні вірші. Найкращі лишаються з тобою на все життя. Це як молитви, яким раніше змалечку навчали дітей.

Завтра урок. Та сьогодні ввечері Катерина вже інша. Вона існує в стані вірша, в його настрої, ритмі, в його глибокій напрузі. Вона ходить кімнатою і не впізнає її. І не впізнає себе. Здається, вона зробилася дорослішою, вагомішою, складнішою, коли впустила в себе цей вірш.

* * *

П. Юстин запросив їх сьогодні на концерт, що відбудеться на площі перед базилікою «Марія, помагай». Дивна ця площа. В Європі дуже багато дивного для них, українців. Старовинний готичний собор у Брезьє з високою дзвіницею, з чудотворною іконою «Маріє, помагай», а перед ним розкинула свої шата суперсучасна площа. Вся вона вкрита величезним автоматичним напівпрозорим дахом. Він дуже легко складається взимку. А влітку під ним не спекотно та не дощить. Площа встелена рівною підлогою, на якій рядами розставлено безліч стільців. Тут на свята проходять величезні богослужіння, на які збираються єпископи у пілеолусах та срібляво-білих святкових одяжах. Тут колись служив службу папа Іван Павло II. Єпископи велично возсидають на спеціальному критому помості, який також використовується як естрада для молодіжних концертів. Площу сконструював великий архітектор Йозеф Плечник, у якого в Європі багато споруд із цікавими рішеннями для світла та простору. Ну от, думає Катерина-старша, я неочікувано добралася до зовсім мені незнайомих місць і людей, і споруд. Колись у випускному класі школи серце стискалося від пісні: «Де ти, моя стежина?». А от війна завела і їх сюди, у раніше ані яким духом не відоме Брезьє. Тоді, у школі, страшно та водночас заманливо було йти у нове далеке життя. І Андрій Малишко кликав за собою у ту путь своїми піснями, спонукав залишати за плечами рідний дім, солодке дитинство, батьків: «І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала»... Або: «Де ти, моя стежина?».

На концерт зібралося багато людей. Катерина-старша роздивляється на всі боки, прислуховується, намагається запам'ятати. Це вже завтра вона буде згадувати та розкладати все побачене та почуте по полицях. У своїй системі цінностей. Концерт цікавий.

Він нагадав колись, ще в далекому дитинстві бачені у чорно-білому телевізорі концерти «Мелодії та ритми югославської естради». О, як давно це було! А балканські мелодії й справді напрочуд гарні.

* * *

Катерина стоїть перед класом і чекає, коли замовкнуть перешіптування – і вона почне.

Її голос, несильний, довірливий, гіпнотизує, затягує. Всі пришикли, замовкають.

Як зараз бачу: з-за ріки –
Дві кручі, наче маяки...

Вона говорить, неначе була там, поруч, у той далекий від сьогодні час. І класна кімната разом зі всім класом несподівано поринає у зовсім іншу осінь. В інший простір, в іншу реальність.

Ще вечір спав в очеретах
І полохливий мокрий птах
Шукав гнізда.

Ні, це вже не так. Вже не здається, що вона, Катерина, була там. Вона була десь поруч. Там, де дійсність перетікає в мистецтво. Де народжується щось невимовне, що не існувало до цього. Де вершить світ всевладна сила поезії.

...Падолист
Іще не вийшов із дібров,
Ще жовтень літа не зборов.
І в ті години, ясні й гожі...

О, ці години... Ясні, гожі. Хто ж їх не знає на початку осені? Коли з городів вже закінчують збирати збіжжя, а вечори такі прозорі-прозорі!

Юнак вже зводивсь насторожі,
Відчув живу, гарячу кров...

Він одужав! Він має жити! Юність має жити. Та його знаходять – і він гине. Війна... Вона стишує голос і задумливо відводить очі вбік. Сталося невинувдане. Сталося невідворотне. Стався безрозсудний кривавий злочин.

І місяць в небі, як підкова,
Безумно котиться у світ.

Катерина замовкає. Жодного разу не збилася! Жодної помилки. Напевне, буде найвищий бал. Схвильовано колотиться серце у неї всередині. Та клас несподівано мовчить. Хвилина, друга. У класній кімнаті неначе прозора завіса – незнайома до цього тиша.

Поліна Тихонівна, завмерши на кріслі, ніби схаменувшись, відводить погляд від вікна, і Катерина бачить, що в її очах бриляють сльози.

* * *

У Брезьє знову сіє дрібний спокійний дощ. Тяжкі сірі хмари вкрили верхівки гір. «Бом! Бом! Бом!» – чується крізь безперервний шелест дощу. Низький протяжний дзвін пливе, народившись у дзвіниці «Маріє, помагай», і підхоплений дощовими краплями, замовкає десь у підніжжі Альп. У вечірній імлі гори з зелених робляться спочатку синіми, потім сірими, потім чорними.

«Бом! Бом! Бом!» Помагай, нам, Маріє!

Брезьє, Словенія

Евгений Деменок

Тцара без бровей

Ночь была дождливой. Мы с женой лежали в кровати на втором этаже пражской виллы Винтерниц, кутались в толстые одеяла и с некоторым испугом прислушивались к незнакомым звукам, время от времени доносившимся из глубин дома. Дом был не просто домом, а построенной знаменитым Адольфом Лоосом виллой, и мы ночевали здесь впервые. Те, кто когда-то в первый раз ночевал в большом и чужом доме, нас поймут. К счастью, все три двери, ведущие в спальню, закрывались на ключ, и мы предусмотрительно заперлись изнутри, оставив, однако, приоткрытым окно, ведущее на террасу. Дождь шумел за окном, барабанил по крыше и полу террасы, и я долго ворочался, перекладывая подушку то в изголовье кровати, то в ее ноги в поисках лучшей позиции для сна. Сон долго не приходил, а когда все же пришел, оказался более чем странным.

В большой, залитой светом мастерской какого-то художника с холстами, повернутыми к стенам, и большим мольбертом посредине о чем-то оживленно беседовали трое мужчин и одна девушка. Я почему-то не слышал ни слова из их разговора – словно смотрел немое кино. Один из мужчин, постарше, с почти демоническим лицом, разворачивал перед тем, что помоложе, какие-то большие листы, судя по всему, чертежи. Листы эти постоянно задевали шахматы, стоявшие в сложной позиции на доске, но это почему-то никого не смущало. Второй, невысокий, с моноклом в глазу, рассматривал их внимательно, не забывая при этом обнимать время от времени миловидную девушку приятной полноты, периодически шепча ей что-то на ухо, отчего та каждый раз

начинала хохотать, закидывая голову назад. Третий, художник, – догадаться об этом было нетрудно по испачканному красками халату – с улыбкой смотрел на всех троих, периодически что-то им говоря. Идиллия эта прекратилась в один миг – они одновременно повернулись в мою сторону, словно до этого не догадывались о моем присутствии, а тут вдруг заметили, в одну секунду замолчали, и улыбки на лицах всех четверых сменились замешательством и даже тревогой.

Прямо-таки немая сцена из «Ревизора».

Тут за окном громыхнуло с такой силой, что я проснулся. Проснулся и не сразу понял, куда пропали все четверо. Казалось, секунду назад они еще были в комнате.

Дождь тем временем шумел все громче, однако начало светать. Вылезать из-под одеяла не хотелось, и я снова забылся коротким тревожным сном. На сей раз он был без сновидений.

В отличие от ночи, утро было прекрасным. Робко поначалу пробившись сквозь тучи, солнце постепенно растопило их своим теплом, и мы вышли в сад, чтобы выпить кофе под большой черешней, с которой уже можно было смело срывать плоды. Черешни в этом саду росли уже тогда, когда Йозеф Винтерниц, преуспевающий пражский адвокат, заказал Адольфу Лоосу проект своего дома. Конечно, Винтерниц прекрасно знал, кто такой Лоос, и понимал, что его новое жилище будет выглядеть революционно даже для привыкшей к экспериментам Праги. Понимал он и то, что, скорее всего, заниматься строительством будет вовсе не Лоос, а его многолетний чешский соратник, пльзеньский архитектор Карел Лгота. Но для того чтобы твой дом вошел в историю, достаточно подписи Лооса под чертежами. В конце концов тот был уже совсем болен – и вилла Винтерниц стала его последним законченным при жизни проектом.

Мы влюбились в этот дом с первого взгляда. Удивительно было находиться там одним – сидеть в креслах в зале, листать книги в библиотеке, завтракать в столовой и даже принимать душ в ванной. Я и не предполагал, что простая черно-белая гамма плитки вызовет у меня такой восторг.

А терраса... Терраса, с которой видна вся Прага, оказалась чуть ли не главным местом в доме.

У Лооса нет ничего лишнего. Кажущиеся аскетическими интерьеры восхищают своей гениальной простотой. Солнечный свет, пробиваясь сквозь желтые шторы, делает комнаты теплее. Красный линолеум на полу в комнатах, морковный с синим на лестнице кажутся удивительно гармоничными. Ну а гостиная с белым цветом стен, деревянными панелями и кирпичным камином выглядит роскошно и безукоризненно.

Еще вечером на экскурсии мы узнали о трагической судьбе еврейской семьи Винтерниц. После завтрака мы вновь разглядывали фотографии их всех – самих Йозефа и Дженни, их детей Петера и Зузаны, внуков и правнука. Пытались разобрать мелкий почерк на копиях документов – вот подпись Лооса, вот письма Лготы к Винтерницам с просьбой заплатить еще денег, потому что он отдал Лоосу основную часть, а тот свою часть работы не сделал... Эстетический восторг, волнение от соприкосновения с историей смешивались с саднящей грустью. В 1941 году нацисты конфисковали виллу, семью Винтерниц отправили сначала в Терезин, а потом в Освенцим. Мужчины погибли в газовой камере, женщины, работавшие у станка, чудом выжили. И даже попытались вернуть себе свой собственный дом, в котором в военные годы работал скульптор, но новая, уже коммунистическая власть ввела такие налоги, что им пришлось договориться с государством о передаче ему виллы просто за их списание. Дженни с Зузаной так и не смогли вернуться домой.

В счастье, после Бархатной революции виллу наследникам вернули, те смогли ее реконструировать и вдохнуть в шедевр великого архитектора новую жизнь. Жизнь, в которой есть место не только концертам и выставкам, но и приватным ночевкам для смельчаков.

Да, утро было прекрасным, но сон все не шел у меня из головы. Во-первых, он был необычайно ярким. Во-вторых, интригующим, ведь я сразу узнал двоих из тех четверых, что находились в комнате. Собственно, человека с демонической улыбкой невозможно было не узнать – у Лооса была очень характерная внешность. Мужчина с моноклом был, несомненно, Тристаном Тцарой, кумиром определенного периода моей молодости.

Двух остальных я не знал, и теперь главным моим желанием было узнать о том, кто они, и понять, что вся эта сцена означала.

Подробно рассказать жене о своем сне получилось лишь вечером.

– Постой. Тебя же кто-то приглашал в пражскую мастерскую Тцары, – тут же сказал она. – Ты еще удивлялся – разве он бывал в Праге?

И точно. Как я мог забыть? Петр Банков, выдающийся дизайнер, давно приглашал меня в свою студию и упоминал, что в ней когда-то останавливался отец-основатель дадаизма.

На следующий же вечер я был у него, в чудесном доме на Яначковой набережной, прямо у Влтавы.

– Разве ты разве не знал, что у Тцары был роман с чешской актрисой Наташей Голловой? – удивленно спросил Банков. – Они познакомились в Париже, а потом, когда он приезжал в Прагу, он останавливался здесь, чтобы быть поближе к Наташе, которая жила в соседнем доме.

– Откуда ты это знаешь?

– Соседи сверху рассказали. Уже после того, как я купил эту мастерскую.

Это звучало настолько невероятно, что я, конечно же, не поверил. И, вернувшись домой за полночь и в приподнятом настроении, погрузился в Гугл.

Наташа Голлова, урожденная Ходачова, свое имя получила в честь Наташи Ростовской, а псевдоним взяла в память о деде, историке Ярославе Голле. Родилась в богатой семье в Брно, с детства изучала танец и актерское мастерство, говорила на пяти языках, ездила верхом и музицировала. Отец ее был членом парламента, профессором Чешского технического университета, старший брат стал знаменитым автогонщиком. В 1932-м она снялась в своем первом фильме, комедии «Идеальный школьный учитель». Комедия станет ее коньком.

В том же году двадцатилетняя Наташа впервые попала в Париж. Вместе с танцевальным ансамблем она завоевала на международном конкурсе бронзовую медаль, а еще встретила свою первую любовь. В мастерской у Йозефа Шимы, которому она позировала, она познакомилась с Тристаном Тцарой. Бурный роман

длился несколько месяцев, но в конце концов она решила вернуться домой. Тцара за ней не поехал.

Карьера ее стремительно развивалась – она входила в труппу Театра на Виноградах, а в 1939-м снялась в комедии «Ева делает глупости», которая принесла ей невероятную популярность. «Лида Баарова – самая красивая, Адина Мандлова – самая соблазнительная, а Наташа Голлова – самая образованная», – так говорили о трех главных звездах чехословацкого кинематографа периода Первой республики.

После Второй мировой всех троих обвинили в сотрудничестве с нацистами.

Если говорить о Голловой, то сотрудничеством это можно назвать с большой натяжкой – в кино она снималась нечасто, но, правда, закрутила роман со «смотрящим» за чешским кинематографом, продюсером Вилли Согнелем, и несмотря на то, что после войны волонтером поехала в концлагерь Терезин, где заболела тифом, съемок во время войны ей так и не простили. В кино она вернулась лишь в 1951 году, но былой славы уже не снискала.

А в марте 1946-го в Прагу приехал с лекциями Тцара – и, конечно же, сразу встретился с Наташей. Вот тогда-то он и останавливался то ли у нее, то ли по соседству. Наташа жила в доме номер тридцать три, мастерская Банкова находится в доме тридцать первом. Все сходится.

Правда, в Париж Тцара вернулся сам – Наташа была невыездной. А год спустя она вышла замуж за режиссера Карела Константина, который помог ей вернуться на сцену. К несчастью, он был алкоголиком, а в семейной жизни болезнь эта заразная. Несчастливая и полузабытая Голлова умерла в возрасте семидесяти шести лет в своем доме на Яначковой набережной.

Итак, картина начала проясняться. Двое остальных в моем сне – это, вне всякого сомнения, Шима и Голлова. В общем, я узнал всех четверых. Ликованию моему не было предела.

Теперь оставалось понять, почему все они так напряглись, увидев меня в мастерской. Ну и, конечно, что вообще все это означало.

Утром я рассказал обо всем жене.

– Ты уверен в том, что они увидели именно тебя? – с иронией спросила она, прослушав подробный рассказ о моих потрясающих открытиях.

Сначала я возмутился, но потом...

– Ты права... Мне еще показалось странным, что я смотрел на всех свысока, как будто был высокого роста, и даже во сне это меня удивило.

Весь день я перебирал и отбрасывал варианты, и вечером, не выдержав, вновь усадил жену перед собой.

– Давай порассуждаем вместе. Дело происходило в Париже? В Париже. Там бывали все, потому гадать можно бесконечно. Попробуем сузить поиски. Кем мог быть мой герой? Художником? Вряд ли. Художником там был один Шима, а поразились моему появлению все. «Я» был чехом? Тоже не подходит, вряд ли Лоос и тем более Тцара знали так много чехов, чтобы сразу узнать меня...

– Постой. В каком это было году?

– В тридцать втором, Голлова была в Париже только тогда.

– И кто, говоришь, ее обнимал?

– Тцара.

– Он был к тому времени женат?

– Сейчас погуглю... Да, был, на шведке Грете Кнутсон.

– Она была высокой?

– Скорее всего...

– И что тебя теперь удивляет?

Иметь умную жену – большое преимущество, но иногда это уязвляет самолюбие и понижает самооценку.

В общем, загадка была разгадана. Можно было возвращаться к привычной жизни. И я вернулся, но сон все равно не шел у меня из головы.

Версия жены казалась правдоподобной, но я почему-то в ней сомневался.

Наверное, так проявляло себя уязвленное мужское самолюбие.

В общем, я решил поглубже изучить биографию всех четырех. Оказалось, что Тцара с Гретой разошлись только в 1937 году. Это, правда, ровным счетом ни о чем не говорило. Была загвоздка по-серьезней. Во-первых, Лоос окончательно вернулся из Парижа в Вену в 1928 году. Во-вторых, в 1932-м он уже тяжело болел. По-

следними его работами стали проекты той самой «нашей» виллы Винтерниц и нескольких квартир в Пльзне. То есть никакие чертежи вместе с Тцарой он в 1932 году рассматривать не мог.

Версия с ревнивой женой рассыпалась на глазах.

– Ты ко мне опять со своими парижскими друзьями? – насмешливо спросила жена, когда я предложил ей поудобнее усесться в кресле и выслушать меня внимательно.

– Да.

И я рассказал ей о своих находках.

– Ну это уже полный кавардак. То есть такая встреча физически не могла случиться?

– Получается, что так. Вернее, могла, но без Лооса.

– Может быть, он приснился тебе потому, что мы ночевали в построенном им доме?

– Не знаю. Не думаю.

– Тогда, если мы не привязываемся ко времени, ищи логические связи. Ты же знаешь, что сон – это небывалая комбинация бывалых впечатлений, – сказала жена и ушла жарить битки.

И как можно умудриться совмещать в себе совершенство во всем?

Я лег спать, чувствуя, что очередной день прожит не зря.

Но утром червячок сомнения продолжил свою работу.

Каких бывалых впечатлений, если до этого злополучного сна я ничего о Голловой не знал, Лоосом особо не интересовался, биографию Шимы знал лишь вскользь, и только Тцара был моей давней любовью?

Но в любом случае поиск логических связей был единственным выходом.

Итак, что могло связывать всех троих? С Тцарой и Голловой все понятно – они познакомились у Шимы в мастерской. Портрет Наташи работы Шимы, датированный как раз 1932 годом, хранится в региональной галерее чешской Йиглавы. Выбивается один Лоос.

Причем я был уверен, что он приснился мне не зря.

В общем, нужно было срочно досмотреть сон.

А для этого снова остаться на ночь в Вилле Винтерниц, заплатив за это удовольствие триста долларов.

– Тогда был наш юбилей. И вдруг тебе ничего не приснится? – разбилла моя надежды жена.

Снова потекли рабочие будни. Я написал пару очерков, сделал десяток коллажей, помог клиентам купить пару квартир и проконсультировал с десяток желающих оптимизировать персональные финансы.

Рабочая рутина затягивала. Несколько месяцев пролетели незаметно.

Иногда я забывал о своем сне совершенно, а иногда испытывал невероятный исследовательский зуд и желание во что бы то ни стало разгадать загадку.

И в один прекрасный день я все вспомнил.

Во второй, кажется, наш приезд в Париж мы жили на Монмартре, в квартире Рады Аллой, многолетней приятельницы Бродского. Показывая нам давно ставшие легендой достопримечательности своего округа, показала она и дом Тристана Тцары.

Он был спроектирован и построен Адольфом Лоосом.

Лоос, которому Тцара заказал в 1925 году проект шестиэтажного дома на авеню Жюно, 15, находился к тому моменту в самом зените славы. Он реализовал множество проектов, самым известным из которых был знаменитый дом «Голдман и Салач» на центральной венской площади Михаэлерплатц, прямо напротив Хофбурга. Дом этот, сразу же названный «домом без бровей», то есть без лепнины на фасаде, вызвал у современников шок. Его возненавидел сам император Франц Иосиф I. Говорят, чтобы его не видеть, он приказал навсегда задернуть шторы в одном из залов своего дворца. Стройку даже приостановили, но Лоос согласился декорировать окна фасада цветочными горшками.

Теперь этот дом, понятное дело, является культовым сооружением и одной из достопримечательностей Вены. Так же, как дом Тцары на Монмартре стал одной из достопримечательностей Парижа.

Итак, я увидел его впервые во время второго нашего приезда в Париж и сразу же подумал о том, откуда у авангардного поэта, выходца из румынской еврейской семьи Шмулика Розенштока, который из-за своего происхождения даже не мог до 1918 года

получить румынское гражданство, появилось столько денег, чтобы заказать дом наимоднейшему архитектору современности.

Ну подумал и подумал.

Пожалуй, самым эпатажным проектом Лооса парижского периода стал тщательно продуманный, но так и не построенный дом для великой Жозефины Бейкер. Великая танцовщица вдохновляла многих. Александра Колдера – на создание серии проволочных скульптур, Пикассо и Матисса – на новые холсты, Гертруду Стайн – на стихотворение. А великий Ле Корбюзье рисовал ее обнаженной, после чего построил свою знаменитую виллу Савой.

Лоос тоже не остался в стороне. В 1928 году он спроектировал для Жозефины дом – с мраморным фасадом в черно-белую полосу. Дизайн был совершенно революционным. Правда, он резко контрастировал с видом шато де Миланд – замка, который Бейкер купила десятилетием позже. То есть вряд ли ей понравился бы. Вероятнее всего, Лоос сделал этот проект в целях саморекламы, никак с Жозефиной при этом не контактируя, и хвастался им перед искушенной публикой.

В общем, если бы Жозефина узнала о том, что Лоос показывал проект публике, уверяя, что согласовал его с заказчицей, она бы точно вознегодовала.

Ну что же, это была вполне рабочая версия. Хотя, откровенно говоря, я сам не особенно в нее верил.

Вечером, усадив жену перед собой, рассказал ей о своей догадке.

– Возможно, в этом и кроется разгадка всей истории! – с напускной торжественностью сказал я.

Жена с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться:

– Забавная версия, не выдерживающая никакой критики. Во-первых, Бейкер была бы только рада тому, что всемирно известный архитектор предложил свой проект ее дома. Если она не стеснялась танцевать обнаженной перед Ле Корбюзье и полными залами, что могло ее тут смутить? Во-вторых, зачем бы Лоос показывал свой проект Тцаре, если дом ему уже построил? Ну хорошо, не будем обращать внимания на такие условности, как время и последовательность событий. Но главное – разве Жозефина была такой высокой, как тебе казалось во сне?

Я был разбит в пух и прах. Но все же рассказал о своем давнем удивлении по поводу того, откуда Тцара взял денег на такую грандиозную стройку.

– А вот это уже гораздо интереснее, – ответила вдруг жена. – Вряд ли его заработки позволяли такое.

– Не позволяли, – уверенно ответил я, уже будучи подкованным в вопросе.

– Значит, или украл, или выиграл.

– Я тогда же об этом подумал. Но это, как ты сама понимаешь, нелепо и глупо. Украсть не мог точно, это невозможно было бы скрыть. А выиграть...

– А выиграть мог. Теперь думай, у кого и во что.

– Азартным игроком он не был, в отличие от...

– Маяковского? – вдруг сказала жена.

– Ну да... – ответил я, подумав о том, при чем тут Маяковский.

– При том. Кто специально водил меня в отель «Истрия», где он останавливался? Кто рассказывал, что история о том, как у него украли за минуту все деньги, звучит неправдоподобно?

Я был ошарашен.

А ведь правда, я во время той самой прогулки с Радой Аллой наверняка ввернул что-то о том, что в том же 1925 году у Маяковского в Париже украли все деньги, которые он так долго собирал для поездки в Америку, – двадцать пять тысяч франков, трехгодичную зарплату советского служащего. Это удивительная кража, совершенная за «двадцать секунд», когда он «вышел по делам моего живота», – так он писал Лиле Брик – до сих пор не дает покоя его биографам. И хотя неизменная его парижская спутница Эльза Триоле, описывая тот момент, когда Маяковский обнаружил пропажу, утверждала, что он «посерел», все же многие до сих пор думают, что он, азартный игрок, попросту проиграл эти деньги. Конечно же, это было никак невозможно, и за прошедшее немалое время об этом стало бы известно. Да, кстати, Триоле писала и о том, что в «Истрии» жили подолгу «художник-дадаист Пикабия с женой, художник Марсель Дюшан, сюрреалист-фотограф американец Ман Рей со знаменитой в Париже девушкой, бывшей моделью, по имени Кики и т. д.». А значит, бывал там и Тцара.

Писала она и о том, что Маяковский познакомился с отцом-основателем дада дома у супругов Делоне.

Вспомнив обо всем этом, я совершенно отчетливо вдруг понял, что разгадка полгода мучившего меня сна лежит на поверхности.

И ничего утешительного она не несет.

– Почему ты так погрустнел? – спросила удивленно и даже участливо жена.

– Ты была права. Все это – лишь небывалая комбинация бывалых впечатлений. А жаль...

– Поясни.

– Поясняю. Эта невероятная сцена, которая никогда не могла произойти в реальности, сложилась в моем сне как пазл из того, что я когда-то видел и слышал. Мы ночевали в доме, спроектированном Лоосом, – и из какой-то далекой ячейки моя память достала воспоминание о парижском доме Тцара, построенном Лоосом, и тут же напомнила мне о том, о чем я подумал тогда – как было бы забавно, если бы Тцара украл у Маяковского деньги и именно на них построил дом. Подумал и забыл. О Голловой и ее романе с отцом дада мне наверняка сказал при одной из первых встреч Банков. Во сне я почему-то представил себя Маяковским (что немудрено, поскольку я его люблю и хорошо чувствую), узнавшим о том, кто был тем самым ловким вором, и страшно разгневанным по этому поводу. Ну а вся парижская команда по законам жанра оказалась совершенно растерянной, потому что никак не ожидала Маяковского увидеть.

– Слушай, но ведь как красиво! Это точно не может быть правдой? Ну хорошо, Тцара не крал. Но выиграть он эти тысячи мог?

– Нет. Во-первых, Маяковский был азартным игроком с большим опытом, Тцара же ничем таким не увлекался. Играл он разве что в шахматы, в которые Маяковский, в свою очередь, никогда не играл. Во-вторых, даже если бы случилось невероятное, и Маяковский проиграл ему (ну допустим) крупную сумму денег, это точно стало бы известно.

– Ну как скажешь, – тоже разочарованно сказала жена. – А мог бы получиться замечательный сюжет для рассказа.

– Мог бы, но не получится. В общем, ставим крест на этой истории. Займусь другими, более полезными делами.

И я занялся, хотя по-прежнему сожалел о том, что сон не оказался пророческим.

У всего этого был как минимум один результат – я не на шутку увлекся проектами Лооса. Главным шедевром позднего периода его работы была вилла Мюллера, которая, к счастью, тоже находится в Праге, причем совсем недалеко от дома семьи Фиала, где жили и умерли двое сестер Давида Бурлюка, Людмила и Марианна. Визиты к Ольге Фиаловой, жене Владимира Фиалы, сына Марианны, были важной составляющей частью моей пражской жизни. Ольга была кладезем бесценной информации о Бурлюках и всем круге кубофутуристов.

Я решил совместить два удовольствия в один день. И в одну из дождливых февральских суббот я стоял перед входом на виллу Мюллер, держа в руках мокрый билет. На экскурсии нас было четверо, и обходить запрет фотографировать было сложно – все мы были на виду.

Через несколько минут я забыл о дожде на улице – внутри казалось, что на улице ярко светит солнце. Недаром Лоос так любил желтые занавески.

Все помещения виллы создавали и поддерживали ощущение праздника. Сочетания цветов были безошибочны. Светло-зеленый мрамор и белые стены в огромной гостиной, где установлен точно такой же кирпичный камин, как и на вилле Винтерниц; коричневая мебель и стенные панели – и снова белые стены в кабинетах, желто-белые с голубыми полосами стены и темно-розовый пол в детской, салатовый с розовым в столовой...

Все казалось точным, роскошным, но не избыточным.

А этот желтый цвет рам и дверей с наружной стороны? Один он способен привести в восторг.

Во времена Первой республики Франтишек Мюллер, директор строительной фирмы «Мюллер и Капса» из Пльзеня, преуспевал. Но в 1948 году к власти в Чехословакии пришли коммунисты, и в стране наступили темные времена. Мюллер умер всего через три года от отравления угарным газом. Его единственная дочь Ева эмигрировала, и в большом доме осталась одна жена Мюллера Милада.

В 1955 году вилла была национализирована. Сначала ее использовали в качестве хранилища для коллекций прикладного искусства Национальной галереи. В 1959 году вилла была окончательно конфискована. Миладе Мюллеровой выделили две комнаты и ванную, остальные части виллы стали офисами национальной компании по производству учебников. Вилла начала стремительно ветшать и разрушаться. Милада прилагала невероятные усилия для ее спасения, обращалась к европейским архитекторам. Все было напрасно. Но к середине 1960-х ситуация в стране начала меняться. Вскоре после смерти Милады, в апреле 1968-го, вилла Мюллер была объявлена объектом культурного наследия Чехословакии. После Бархатной революции виллу вернули в собственность Еве Матерновой, дочери Франтишека и Милады; в 1995 году Ева продала ее Праге. Реставрация началась в 1998 году.

Семье Мюллеров повезло больше, чем семье Винтерниц...

От виллы Мюллер до дома семьи Фиала на Оржеховке – рукой подать. Десять минут пешком. Пани Ольга уже ждала меня. Ей было почти девяносто, но она сохранила великолепную память и невероятную бодрость. И, как обычно, меня ждал ее фирменный яблочный пирог.

В этот раз мы говорили о двух приездах Бурлюка с женой Марусей в Прагу. Пани Ольга с улыбкой рассказывала о необычных Марусиных шляпках, о причудах Бурлюка – на устроенном в его честь в Клубе писателей торжественном обеде он вдруг потребовал дать ему кошерные блюда.

После чая с пирогом я рассказал пани Ольге о своей экскурсии по вилле Мюллера

Она заметно оживилась.

– Я была хорошо знакома с Миладой. Их дом построили в один год с нашим. Но, к счастью, на наш государство никогда не претендовало. Она иногда приходила сюда, в гости к Вацлаву с Марианной. Возможно, она даже видела Бурлюка – или в 1957-м, или в 1962-м.

Сам не знаю почему, но я решил рассказать ей о своем необычном сне.

Начиная с середины моего рассказа она все шире улыбалась, а под конец просто расхохоталась.

– Вы напрасно себя укоряли, считая свой сон игрой подсознания. Все было почти так, как вы увидели. Бурлюк во время первого своего приезда к нам рассказал много интересных вещей, попросив держать их в секрете. Прошло уже пятьдесят лет со дня его смерти, да и мне вряд ли долго осталось. Так что я считаю себя вправе кое-что рассказать. Вы же знаете, что Маяковский был в Америке в 1925 году?

– Конечно. Я даже был знаком с дочерью Маяковского Патрицией.

– Ну вот. Тогда, в 1925-м, Маяковский многое рассказал Бурлюку. Во-первых, он строго-настрого запретил ему возвращаться на родину. Во-вторых, рассказал об одном забавном эпизоде...

Она сделала драматическую паузу и продолжила:

– Маяковский познакомился с Тцарой еще в 1922-м в гостях у Робера и Сони Делоне. Они встречались несколько раз, и Маяковский даже хотел включить Тцару в состав «ЛЕФа». Тцара, зная страсть Маяковского к азартным играм и будучи любителем экстремов, сходу предложил Маяковскому сразиться в шахматы, выдвинув убойный аргумент – он ведь многократно играл в шахматы с самим Лениным...

Видя мое изумление, пани Ольга еще раз рассмеялась:

– Да-да, в цюрихском кабаре «Вольтер», откуда и пошел дадаизм. Разве вы не знали? Ленин в 1916 году жил ровно напротив этого кабаре и часто заходил туда. Он быстро познакомился со всеми – Тцарой, Хуго Баллем, Хансом Арпом, Марселем Янко. А с Тцарой он часто играл в шахматы – об этом есть множество воспоминаний. На этом тот и хотел сыграть, раззадоривая Маяковского, который в шахматы отказывался играть категорически. И в конце концов раззадорил окончательно. Маяковский проигрался в пух и прах, потеряв все, на что собирался поехать в Америку. Это было так унижительно для него, что никому, кроме Бурлюка, он об этом не рассказывал. Да и того попросил держать все в тайне. Я думаю, его решение сыграть с Тцарой было вызвано личными непростыми отношениями с Лениным.

Я сидел, не веря в реальность происходящего. Разве так возможно? Маяковский умер в 1930-м, Бурлюк – в 1967-м,

а мы в 2019-м сидим тут, в Праге, в доме, где бывали десятки знаменитостей, и пани Ольга рассказывает мне впервые – так хочется в это верить – тайну, которую мечтали узнать толпы исследователей творчества Маяковского...

– У вас великолепная память! – воскликнул я и осекся. Вряд ли кто-то обрадуется, когда даже комплиментом подчеркивают его возраст.

Не выказав и тени обиды, пани Ольга ответила:

– Кстати, Лоос тоже был шахматистом-любителем. Он активно играл в венском «Café Central», участвовал в турнирах с гроссмейстерами. Так что шахматная доска в вашем сне появилась неспроста.

Мне не терпелось рассказать обо всем жене. Я наспех попрощался с пани Ольгой, поцеловал ей руку и вылетел на улицу.

Как назло, жена вела очередной урок и не брала трубку.

Через час, дома, я усадил ее на диван и потребовал слушать, не перебивая.

Видимо, рассказ произвел на нее впечатление, потому что она действительно не перебивала, задав в конце лишь один вопрос:

– А что за непростые отношения были у Маяковского с Лениным?

Я торжествовал, но виду не показывал:

– Когда Маяковский написал свою поэму «150 000 000», он с автографом и «комфутским приветом» передал ее через Луначарского Ленину. Тому поэма категорически не понравилась, и он отчитал Луначарского, сказав, что автора нужно сечь за футуризм, а подобные поэмы издавать дважды в год крошечными тиражами. Правда, через два года похвалил Маяковского за стихотворение «Прозаседавшиеся», что стало широко известно. Смерть Ленина потрясла Маяковского, которому так и не удалось с ним встретиться и поговорить. Лиля Брик писала, что Маяковский всю жизнь сожалел об этом. Наверное, поэтому он и согласился сыграть с Тцарой – это ведь случилось уже после смерти Ленина.

– Наверное, ты прав, – сказала жена.

Такая похвала стоила тысячи похвал.

Неделю я не мог прийти в себя. Снова и снова перебирал в памяти все мельчайшие детали сна, пытаюсь понять, откуда я мог о них знать или слышать.

А еще через неделю жена неожиданно сказала мне:

– Послушай, у нас ведь скоро очередная годовщина. Давай снова переночуем на вилле Винтерниц?

И, помолчав, добавила:

– Может быть, и мне что-нибудь приснится?

Наиль Муратов

Настоящая любовь в Лиссабоне

Каким ветром занесло меня в Лиссабон?

Допотопный желтый трамвай карабкается вверх по узким улочкам Алфамы, с трудом протискиваясь меж ветхими домишками. На вершине холма крепость, откуда открывается вид на город, к ней-то я и направляюсь. День на осмотр городских достопримечательностей – нормальная история, если прилетишь утром, а улетаешь ночью.

Вагон останавливается у смотровой площадки с видом на Лиссабон, к которой и направляется большая часть пассажиров, но мне в другую сторону. По замощенному брусчаткой кривому переулку поднимаюсь к крепостной стене. На каменной кладке рекламные объявления на португальском и английском, среди них затерялось одно на русском. На скромном плакате фото молодой женщины, под ним две строчки:

Не знаете, что такое настоящая любовь?

Приходите к нам, и вы не почувствуете себя разочарованным!

Ниже номер телефона.

Если бы не фото, можно было бы улыбнуться и пройти мимо. Но точно такое, заключенное в резную рамочку, появилось на письменном столе Вадима – друга и начальника в одном лице – после его возвращения из отпуска в прошлом году. Неделю отжигал в Испании, а вернулся мрачнее тучи. И ни слова о своих приключениях! Похоже, здорово его там зацепило. Теперь понятно почему. Но как можно в здравом уме

угодить в столь примитивную западню? Настоящая любовь по объявлению, ха-ха-ха!

Как вы уже поняли, я не слишком-то верю в любовь. Увлечения – почему бы и нет? Но потерять из-за женщины голову?! Нет, это определенно не для меня.

Раньше я наивно полагал, что и Вадим, успевший после окончания университета вступить в брак с сокурсницей, а спустя год благополучно с ней расстаться, мыслит так же. Оказалось, ошибался. Но как неизвестной авантюристке удалось подцепить его на крючок?

Желание докопаться до истины было настолько сильным, что я невольно достал мобильник. Но кому звонить? Вадиму? И что сказать? Что разгадал его секрет? Так можно лишиться друга, а заодно и работы. Что ни говори, а главная движущая сила в нашей фирме – Вадим, ссориться с ним не лучшая идея.

Поэтому позвонил я не ему, а по указанному на плакате номеру. Берегись, незнакомая авантюристка, я выведу тебя на чистую воду!

Трубку она взяла сразу, будто ждала моего звонка. Молчание, но я слышал ее дыхание. И еще гортанный птичий крик, который ни с чем не спутаешь: так отчаянно и самозабвенно переругиваются между собой зеленые попугаи.

– Я звоню по объявлению! Это не розыгрыш?

– Нет, – отвечает она.

Ее голос – настороженный, невыразительный – плохо вяжется с образом неотразимой женщины.

– Надеюсь, речь не идет о...

Закончить предложение я не успел, она прекрасно меня поняла.

– У нас все серьезно, мы не занимаемся интимными услугами! Но если вам нужна *действительно* настоящая любовь, то вы получите что хотите.

Она сказала «мы». Я начал кое-что понимать.

– Так вы... администратор?

– А как вы думали? – ядовито поинтересовалась она.

Сказать, что эта женщина заинтересована в работе, было бы явным преувеличением! Но она быстро взяла себя в руки и деловито пояснила:

– Наш метод основан в первую очередь на желании самого клиента. Мы ему только помогаем. Вы действительно хотите испытать настоящую любовь?

– Если она существует, – с усмешкой отозвался я. – Только в это слабо верится.

– Не сомневайтесь, настоящая любовь существует! – уверенно сказала она. – И мы это докажем! Если, конечно, вы решитесь. Но должна сразу предупредить: сеанс будет единственным и обойдется вам в тысячу евро.

– Неслабо! – возмутился я. – По-моему, это просто грабеж!

Она дерзко рассмеялась, потом снисходительно заметила:

– Но вы же не думаете, что *настоящая* любовь стоит дешевле?

На такой аргумент невозможно подобрать достойный ответ. К тому же она не оставила мне времени на раздумья, сообщив, что если результат не будет достигнут, то фирма возвращает всю сумму целиком.

– Ну вы рискуете! – рассмеялся я. – Даже если эта афера вам удастся, что мешает мне соврать и получить денежки обратно?

– Вижу, вы меня не обманули! – парировала она. – Вы действительно не знаете, что такое настоящая любовь.

В общем, дама отлично знала свое дело, последнее слово осталось за ней. Но и я не проиграл, поскольку не собирался поддаваться на уловки мошенниц, собравшихся обогатиться за мой счет. Как бы ни старались, меня им не сломать.

– Ладно, наличные принимаете? – спросил я. – И где вас искать?

Оказалось, что идти недалеко. Спускаясь вниз по боковой улице, резко свернувшей вправо, я уткнулся в угловой двор, за забором которого росло лимонное дерево. От прочих лимонных деревьев оно отличалось тем, что на одной из его веток зрели не бледно-желтые лимоны, а ярко-оранжевые апельсины. Молодая женщина, открывшая калитку, судя по голосу, являлась той самой особой, что отвечала на мои вопросы. Особой радости при виде очередного клиента она не выказала и первым делом пересчитала деньги. Затем последовала скучная церемония, напоминавшая инструктаж по технике безопасности на режимном объекте. Завершилась она подписанием договора, после чего

я уже не имел права ни прикасаться, ни угрожать, ни даже просто повышать голос на женщину, которой суждено было со мной работать. Кроме того, запрещалось делать грязные намеки, распивать крепкие напитки и принимать наркотики перед сеансом.

По окончании этой бюрократической процедуры администратор предложила мне расположиться за столиком под лимонно-апельсиновым деревом.

– Ольга вскоре к вам выйдет! – важно сообщила она, направляясь к дому.

– Ольга – это та дама, что на плакате? – крикнул я ей вслед.

– Нет, ее бабушка!

Вернулась она с подносом, на котором с трудом разместились блюдо с тартинками, кофейник, сахарница и две крохотные чашки на несоразмерно больших блюдах.

– Вообще-то, я не заказывал! – сердечно заметил я.

– Успокойтесь, за это мы денег не берем, – в тон мне ответила она и присела напротив, закинув ногу на ногу.

Некоторое время мы тоскливо разглядывали друг друга, прихлебывая кофе, оказавшийся отменным. В какой-то момент, когда я начал вообще сомневаться в существовании Ольги, она загадочным образом возникла рядом со мной.

Заметив, что я от неожиданности вздрогнул, Ольга рассмееялась, и ее чуть хриловатый альт гармонично слился с воплем далекого попугая.

– Неужели мой вид способен так напугать?

Музыкальность ее голоса завораживала, хотя сама Ольга на первый взгляд показалась мне невзрачной. Правда, для того чтобы ярче выразить привлекательность, она не сделала ровным счетом ничего. Облегающее платье, простое, отнюдь не от-кутюр, и никакой косметики, за исключением помады карминного оттенка. Хотя в платье, возможно, и заключался подвох – оно почти с математической точностью отображало идеальные линии нижней части ее тела. О верхней судить было непросто, поскольку на плечи Ольга набросила нечто вроде шали, совершенно неуместной в эту пору года.

– Перестаньте так откровенно меня рассматривать! – протест в ее голосе, перетертый с насмешкой, казался искренним лишь наполовину.

– За что же тогда уплачены деньги? – со смешком поинтересовался я.

– Вам их вернут, если вы собираетесь оставаться таким же буйкой! – укоризненно произнесла она. – Не нужно прикидываться жертвой, вас ведь не ограбили в темном переулке. Я не мошенница, и уж тем более не злодейка. И моя компаньонка тоже.

Компаньонка хмуро взглянула в мою сторону, выразив полное согласие с Ольгой. В глазах обеих дам я выглядел не лучшим образом, но, честно говоря, мне было глубоко на это плевать. Очарование Ольги, если только оно существовало на самом деле, никак на меня не действовало.

– Ладно, если настаиваете, могу постоянно улыбаться.

– Тогда вы здорово упадете в моих глазах! – доверительно сообщила Ольга. – Постоянно улыбаются только клинические идиоты. Расслабьтесь и будьте просто самим собой!

– Вы требуете невозможного. Расслабиться настолько, чтобы быть самим собой, можно только во сне.

– Тогда представьте, что вы спите, – рассмеялась она. – Надеюсь, вы не страдаете от бессонницы?

– Я вообще ни от чего не страдаю. Со мной все в порядке.

– Думаю, вы просто не все о себе знаете!

– А вы? Вы себя знаете?

– В какой-то степени. Хотя порой бываю для себя головоломкой.

– Не понимаете собственных мотивов?

– Зато чужие разгадываю хорошо.

– Тогда разгадайте, какой же мотив у меня?

– В первую очередь любопытство.

Любопытство? А что еще она могла сказать? И разве все остальные приходили сюда не по этой же причине? Или в мире так много глупцов, верящих в настоящую любовь?! И тут меня укололо: мой друг – отнюдь не глупец! – купился на зов этой сирены.

– Я угадала? – спросила она.

– Да, – признался я, – но только отчасти. Это не простое любопытство. Мой интерес вполне конкретен.

– Но любовь в сферу ваших интересов не входит, не так ли?

– Почему же, входит, но больше как философская категория.

– Абстрактно-размытая любовь? – рассмеялась Ольга. – Надеюсь, вы не настолько инфантильны, чтобы искать романтику именно в ней.

– Я вообще не романтик.

– Представьте, и я тоже. Возможно, это единственное, что может нас сблизить.

– С романтиками проблем больше? Почему?

– Да потому, что они уже приходят влюбленными. И это ужасно!

– Но их влюбленность только облегчает вашу задачу.

– Напротив, усложняет. Что легко достается, не может быть ценным. А настоящая любовь – это даже не ценность, она вообще бесценна.

– Вы и вправду в это верите?

– Конечно нет, просто по своей природе я патологическая лгу-нья! – не скрывая иронии, ответила Ольга.

– Но тогда и это утверждение ложно, – заметил я.

– А вы хороший логик. Но любовь, увы, не произрастает из логики. Ей нужна другая почва.

– Какая же?

– Симпатия. Откровенность.

– Так вы со мною откровенны?

– Да, потому что иначе у нас ничего не получится. Вам же не нужна видимость настоящей любви, правда? Это была бы фальшивка, а ее невозможно продать.

Не думаю, что в словах Ольги присутствовала хоть капелька ею же анонсированной лжи. До известной поры абсолютная откровенность может маскировать мошенничество, но в какой-то момент мошенничество все равно проявится. Этого требуют правила игры. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

– Продать настоящую любовь – хорошее словосочетание! – заметил я.

– Парадокс, правда? – улыбнулась она. – Но только на первый взгляд. Ну как, мне удалось пробудить ваш интерес?

– Я был заинтригован уже тогда, когда я увидел ваше фото на плакате.

– Заинтригованы? Приятно слышать, именно этого я и добивалась.

– Боюсь, вы заинтриговали меня в каком-то другом смысле. Не в самом позитивном.

– Я вам не понравилась? Сочли меня излишне самонадеянной?

– Нисколько.

– Что же вас тогда смутило?

– Исходная дефиниция. Настоящая любовь? Неизвестно, какой смысл вы вкладываете в это понятие. Звучит красиво, но выглядит расплывчато.

– Возможно, вы правы. Но я не справочное пособие и не толковый словарь. Формулировать определения – не моя задача.

– Тогда у нас проблема. Согласитесь, сложно достигнуть цели, если она изначально неясна.

– Поверьте, проблема разрешится сама собой в ходе нашего общения, я вам обещаю. Но вы ведь считаете меня шулером, да?

– Я этого не исключаю.

– О, вы не ошиблись! Скажу вам честно, у меня в рукаве козырной туз! – рассмеялась Ольга.

Веселье ее мне не передалось, о судьбе Вадима я не забывал ни на минуту. Что привело его к Ольге? Любознательность? Или он и вправду хотел встряхнуться и полюбить по-настоящему? Первый-то опыт был неудачным.

– Ваше платье без рукавов, так что туз спрятан в другом месте, – возразил я.

– Или его вообще не существует, – парировала она. – Попробуйте взглянуть на наш договор другими глазами.

– У меня нет других глаз.

– Мне кажется, что даже те, что есть, ничего не хотят видеть.

– Не сомневайтесь, зрение у меня нормальное.

– О, не только зрение. Вы вообще – сама нормальность.

– А вы?

– Лишь в малой степени. В этом-то и интрига.

– Интрига?

– Сумеет ли ненормальность взять верх над нормальностью.

– Ставлю на нормальность.

– Я бы тоже поставила, но в этом случае мы оба проиграем.

А мне не нравится проигрывать.

– Думаете, мне нравится?

– Вы не проиграете, если я выиграю. И это вовсе не парадокс, потому что выигрыш и проигрыш – понятия относительные. Или вы думаете иначе?

– В контракте не оговорено, как я должен думать. Но выигрыш – это выигрыш, а проигрыш – проигрыш. На кону тысяча евро.

– И нечто большее, чем тысяча евро. Только вы этого еще не знаете.

– Надеюсь, и не узнаю.

– Встречала я и таких, с ними было неинтересно. Я сразу возвращала деньги.

– Так что, мы расторгаем договор?

– Я сказала *с ними*, но не с вами.

– А чем я лучше?

– Ничем не лучше, вы просто другой и – только не загордитесь! – по-настоящему интересный. Кажется, я вас раскусила: вы ни во что не верите, – произнесла она задумчиво.

– Согласитесь, это вряд ли облегчит вам жизнь.

– Легкие пути неинтересны!

Уж чего-чего, а уверенности в себе Ольге не занимать, но иначе у нее не было бы никаких шансов: она не из тех женщин, на которых заглядываешься при случайной встрече. Или все-таки из тех? Сейчас я бы уже не смог ответить на этот вопрос категорично.

– Ну и как вы заставите меня почувствовать настоящую любовь?

– Заставлять вас я не собираюсь! – ответила она. – Стремление любить заложено в нас Богом.

– Похоже, иногда он делает исключения.

– Сомневаюсь.

– Почему же тогда у меня нет этого стремления?

– Оно, конечно же, есть, но сначала вам нужно преодолеть свой страх. И я готова вам помочь.

– Помочь преодолеть то, чего нет? – улыбнулся я.

Она пожала плечами, показывая, что остается при своем мнении, потом снисходительно пояснила:

– Страх может прятаться так глубоко, что о его существовании и не догадываешься.

– Предположим, вы правы! Какого рода помощь вы собираетесь мне оказать?

– Пока не знаю, мы ведь едва знакомы.

Раскрывать карты раньше времени Ольга не собиралась, стремясь захватить инициативу. И все же в ее позиции скрывалась изначальная слабость: любовь, за которую платят деньги, отдает проституцией и потому не может быть настоящей. Но Ольга вывернулась, заметив, что каждый приходит к своей любви сам, ее же роль вторична и не до конца понятна ей самой. Обезоруживающее признание! Не зная, что сказать, я сосредоточил взгляд на дереве, на ветках которого миролюбиво ужились лимоны и апельсины. Внимательно наблюдавшая за мной Ольга заметила:

– Мы с вами – как эти апельсины и лимоны! Очень разные на вкус.

– Да, общего у нас маловато.

– Если не считать вашей тысячи евро, – рассмеялась она. – Поверьте, я ей совсем не дорожу.

Да, юмор у нее своеобразный. Рассчитан на то, чтобы меня обозлить? Странная тактика оболщения. Или она хочет усыпить мою бдительность?

– А есть что-то, чем вы дорожите?

– Свободой, – не раздумывая, ответила она. – Я живу как хочу.

– Блажен, кто верует! В реальности никто не живет как хочет.

Вам что, нравится сидеть здесь и тратить на меня время?

– Да, – подумав, ответила она.

Наши глаза встретились, что, видимо, входило в ее планы. К этому времени солнце поднялось выше, и освещение в саду изменилось: Ольга, переместившаяся в светотень, выглядела теперь магически-загадочной. Но когда ты понимаешь, что магия – это элемент стратегии, справиться с ней нетрудно. Поэтому я ответил язвительно:

– Вряд ли общение со мной – такое уж большое удовольствие. Вам молоко за вредность не полагается?

– Мою вредность?

– Нет, я про вашу работу.

– Вы называете это работой?

– А почему нет? Разве клиент не платит деньги за услугу, которую вы оказываете?

– У вас редкий талант выставлять все в искаженном свете. Скажите еще, что это медвежья услуга.

– Боюсь, что так оно и есть, – сухо заметил я. – Принося любовь, вы вместе с ней приносите и страдания.

– Если любовь обходится без страданий – это не настоящая любовь.

– Но вряд ли кто-то готов платить деньги за страдания. А именно их вы и продаете.

– Вы осуждаете меня за это?

На такой вопрос не так-то легко ответить. Осуждал ли я Ольгу? Да, потому что идея, лежавшая в основе ее бизнеса, мне не нравилась. И еще потому, что на ее удочку попался мой приятель. С другой стороны, сама процедура была относительно честной. При заключении контракта никто никого не обманывал.

– Кто я такой, чтобы судить? – уклончиво ответил я. – Святой?

– Нет, – улыбнулась Ольга, – но и у меня на спине крылья не растут.

– Если только вы не прячете их под шалью.

– Надеюсь, вы не собираетесь ее с меня стащить.

– Поверьте, я не настолько любопытен.

– А насколько? Вы внесли солидную сумму, не жаль будет с деньгами расставаться?

– Не думаю, что до этого дойдет, – твердо сказал я.

– Какой же вы колючий! – насмешливо заметила Ольга. – Ни дать ни взять ежик.

– Очевидно, в тумане.

– Только туман внутри вас, а не снаружи.

В ее иронии не было ни малейшего смысла: никого нельзя очаровать, насмехаясь. Может быть, она уже смирилась с поражением и готова вернуть мне деньги? Но тогда я вряд ли узнаю о том, что и как у них с Вадимом произошло, а узнать хотелось. Правда, непонятно, зачем мне это. Возможно, дело даже не в Вадиме, а в том, что я воспринял объявление Ольги как нечто личное? Настоящая любовь с предоплатой не может быть ничем иным, кроме вызова!

– В вашем бизнесе есть стандартный сценарий? Или вы действуете по обстоятельствам? – поинтересовался я.

– По-разному, – сухо ответила Ольга. Вопрос ей не понравился. Инициативу она определенно теряла, а с ней и шансы на приз, но особого беспокойства в ее глазах пока не замечалось. Неожиданно Ольга поинтересовалась, богатый ли я человек. На что я ответил, что манна с неба на меня не сыплется.

– Тогда я в полном недоумении, – задумчиво отметила Ольга. – Мужчины, которые к нам обращаются, ищут либо любви, либо приключений. Они готовы потратить на это определенную сумму. Вам же, как мне кажется, ничего такого не нужно.

– Если честно, то я просто хочу вас понять.

– Думаю, вы первый человек, у которого возникло такое желание! – рассмеялась она. – Но, поверьте, на самом деле вам полезнее разобраться в себе, а не во мне. А раз так, то наша встреча закономерна.

Ее альт, взлетев на более высокие ноты, вновь обрел музыкальность. Возможно, голос и был главным оружием Ольги, но одним только голосом мужчину не завоеуешь.

– Закономерность – это всего лишь обратная сторона случайности! – небрежно заметил я. – В конце концов я мог и не наткнуться на ваше объявление.

– Давайте исключим сослагательное наклонение! – безапелляционно заявила Ольга. – Случилось то, что случилось!

– Хорошо, – согласился я. – Но скажите, неужели все ваши клиенты испытали настоящую любовь?

– Почти все. Уже и не знаю, радоваться этому или нет.

Было ли это рисовкой, или она и вправду сожалела об успехе? Скорее первое, чем второе.

– Как-то мне не верится, что разные люди могут испытать одинаковое чувство.

Я оглянулся, ища поддержки у компаньонки Ольги, но она к тому времени умудрилась оставить нас одних, причем так, что я этого даже не заметил.

– Разумеется, у всех все по-разному, – ответила Ольга, – но если любовь настоящая, вы понимаете это сразу.

Похоже, она по-прежнему говорила искренне, не собираясь расставаться с этим своим преимуществом. Честность – лучшая политика даже в искусстве обольщения. Что заставляло мужчин

терять голову рядом с Ольгой? Что они находили в ней такого, чего не видел я?

– Послушайте, вы узнали слишком много моих секретов, давайте теперь изменим правила! – со всей возможной серьезностью сказала Ольга. – Давайте вообще забудем про настоящую любовь, вы все равно не за этим пришли! Давно вы в Лиссабоне?

– Прилетел утром.

– Надолго?

– До полуночи.

– И раньше вы тут не были? Хотите, я покажу вам город? – она слегка понизила голос, будто предлагала что-то запретное. Хотя возможно, что так оно и было. У Ольги наверняка имелся апробированный сценарий оболъщения, и, похоже, она собиралась здорово от него отойти.

– Думаете, так вам будет со мной легче?

Мой грубоватый вопрос вызвал неожиданный эффект: Ольга рассмеялась, будто я сказал нечто очень смешное, а затем сделала шаг и кончиками пальцев коснулась моей щеки. Движение было таким изящным, будто его отрепетировали заранее.

– Видите, мне и так с вами легко! – сообщила она заговорщицки. – Ну что, отправляемся на экскурсию?

– Это не будет нарушением ваших правил?

– Правил не существует, если речь идет об искусстве. Я – художник, а не ремесленник.

– И что же вы собираетесь нарисовать?

– Не что, а кого. Вас, конечно!

– В профиль или анфас?

– Вид из глубины. С самого дна.

– Там только камни и морской песок.

– И много чего еще неизвестного. Уверена, мы скоро это узнаем.

Ее энтузиазм даже забавлял: чем-то Ольга походила на лису, положившую глаз на пять сольдо Буратино. С точки зрения лисы, заполучить их – вопрос времени, и только. Ну что ж, делайте ставки, господа! Игра продолжается!

– Экскурсия так экскурсия, – согласился я. – Надеюсь, вы хорошо понимаете португальский?

– Ни единого слова, – беспечно сообщила Ольга.

– В таком случае нас ждет увлекательная прогулка!

– Не хмурьтесь, многие здесь говорят на английском! – заметила она небрежно. – Это не проблема!

Впрочем, в английском она тоже была не сильна, в чем я убедился чуть позже, когда, направляясь к набережной, мы зашли в антикварную лавку. Безупречно Ольга владела только одним языком – языком жестов, но этого было более чем достаточно, чтобы владелец – пожилой усач в выцветшей тенниске – безошибочно выполнил все ее просьбы. Искала она куклу в национальном португальском платье, хотя, возможно, ей просто нравилось рыться в старых вещах. На мой непросвещенный взгляд единственным подходящим местом для собранной в лавке рухляди была городская свалка, но Ольга думала иначе. Куклу она нашла, правда, владелец лавки заломил за нее несуразную по моим представлениям цену – пятьдесят евро. Торговаться она не стала, лишь умоляюще взглянула. Понимая, что совершаю идиотский поступок, я вручил торговцу рыжеватую ассигнацию. На улице Ольга в очередной раз попыталась меня одурачить, протянув мне куклу.

– Пусть у вас что-то останется на память обо мне! Ее зовут Леонор.

– Поверьте, я вас и так не забуду, – возразил я. – Но девочкам куклы нужнее, оставьте ее себе.

Меня поразило, как бережно Ольга прижала куклу к груди, будто та была ребенком. На каком из моих инстинктов она пыталась сыграть? Или это был ее собственный инстинкт?

Пройдя квартал по хуа-да-Мадалена, мы, как следовало из указателей, свернули к площади Россио. Лиссабон – столица не самой богатой европейской державы, но исторической помпезности в нем хватает. И хотя мой гид мало что могла рассказать о местных достопримечательностях, прогулка выдалась приятной: Ольга выглядела счастливой уже оттого, что просто бродила по городу. Со стороны мы, без сомнения, выглядели влюбленной парой, многочисленные прохожие улыбались нам с одобрением.

На площади скучала в одиночестве конная статуя Педру Четвертого – короля, о заслугах которого Ольга не знала ровным счетом ничего. Несколькими кварталами ниже возвышалось громоздкое сооружение – старый городской подъемник,

воспользоваться которым она не пожелала, заметив, что тринадцать евро – цена двух билетов! – можно потратить более разумно. Извилистая улочка привела нас к площади, главной достопримечательностью которой был расфуфыренный часовой, застывший на посту у казармы местной гвардии. Две девочки лет пятнадцати перешептывались поодаль, затем одна из них решительно направилась в его сторону. Гвардеец в два четких шага вышел из будки, позволяя себя сфотографировать. Без сомнения, церемониал был специально отработан, чтобы способствовать привлечению туристов. С другой стороны, каждый город стремится заработать на приезжих, так почему Лиссабон должен быть исключением? Оставив часового охранять казарму, мы зашли в крохотное полуподвальное кафе, где потратили половину сэкономленных на подъемнике денег, заказав кофе с заварными пирожными. Как многозначительно сообщила Ольга, это были знаменитые пирожные из Белема, но, отведав, я не сумел оценить их по достоинству. Ольга по-прежнему не убирала шаль с плеч, и я поинтересовался невинно:

– У вас на плече выжжена лилия?

– Пусть это пока останется тайной! – кокетливо ответила она. – Но неужели вы видите во мне сходство с Миледи?

– Нет,нисколько. Хотя, возможно, ее тактика оболъщения мужчин и ваша не особо отличаются.

– Так я хочу вас оболъстить?

– Наверное. Иначе зачем тратить на меня время?

– По той же причине, по которой вы тратите время на меня. Мне тоже хочется вас понять. У нас взаимный интерес.

– Пусть так, – согласился я, – но вы не дали ответа на вопрос о лилии.

– Успокойтесь, клейма на моих плечах нет! – улыбнулась Ольга. – Они безупречны.

– Тогда почему бы вам их не открыть?

– Именно по этой причине! Не хочу прибегать к крайним мерам!

– Зря. Со мной без них не обойтись.

– Самоуверенность – замечательная мужская черта.

– Слово *мужская* прозвучало у вас пренебрежительно! Не очень-то вы жалуete нашего брата.

– Отчасти вы правы, – неожиданно призналась Ольга. – Беда в том, что мужчины большей частью предсказуемы и хотят, как правило, одного и того же. А это не может не раздражать.

– Женщины способны раздражать не меньше! – парировал я.

– В том числе и я?

– Нет, вы не раздражаете, – не колеблясь, признался я.

– Приятно быть исключением, но то же самое можно сказать и о вас, правда, с точностью до наоборот. Вам ничего не нужно, вы довольны тем, что имеете. Женщина для вас – деталь быта и не более, но я уверена, что вы способны на большее!

– И вы намерены это доказать?

– О да, хотя проще было бы вернуть вам деньги. Неужели все дело в моей жадности? – спросила Ольга шутливо. Менять тональность диалога – удачный прием: кому не нравятся веселые собеседницы?

– А любовь и жадность могут поладить?

– Они несовместимы! Обратите внимание: разве я что-то избражаю за ваши деньги? Я не имитирую никаких чувств, если вы заметили.

– Заметил, – согласился я.

– И разве вам так плохо со мной?

– Совсем не плохо. Можно сказать, даже интересно.

Ольга удовлетворенно улыбнулась. С ее точки зрения я понемногу сдавал позиции.

– Но сам себе я не кажусь столь же интересным. Скорее скучным, – признался я.

– Ну что вы, с вами совсем не скучно. Вы здравомыслящий и в то же время ироничный собеседник, что не может не нравиться.

– Приятно слышать. Но если бы не контракт, вы вряд ли обратили бы на меня внимание.

Ольга задумалась, затем нехотя со мной согласилась:

– Вы правы. Но это моя беда, а не вина: я практически не общаюсь с мужчинами вне рамок деловых отношений.

Деловые отношения с мужчинами – удачный эвфемизм для бизнеса на настоящей любви, но насколько он прибыльный? Не думаю, что она много на этом заработала. Хотя кто знает? Простакки не переводятся.

– Видите ли, контракт ничего от меня не требует, кроме результата, – попыталась оправдаться она. – Любовь должны испытать вы, а не я.

– И у вас не возникает никаких чувств к клиентам? – удивился я.

– Почему же? Симпатия.

– Сомневаюсь, что я ее у вас вызываю!

– Из-за того, что не верите в любовь? Ошибаетесь, на самом деле вы мне симпатичны. Как и я вам.

– Вы научились читать мысли?

– Нет, полагаюсь на чутье. Я вижу, что мое общество вам приятно, но вы скованны, потому что опасаетесь попасть в ловушку и проиграть. Для вас наше общение – соревнование.

– А для вас нет?

– Конечно. Я просто хочу вас лучше узнать. Вы для меня загадка.

– Потому что мне от вас ничего не нужно?

– А это правда, что не нужно? Вы же за что-то заплатили! Вопрос: за что именно?

– Пусть у меня будет своя тайна.

– Ваше право! Но тайное всегда становится явным.

– По законам жанра это должно произойти не раньше финала.

– Тогда это случится еще нескоро, – подчеркнула Ольга. – Мы пока в начале пути.

Итак, сдаваться она не собиралась. Возможно, дело и вправду уже не в деньгах: Ольгу, как и меня, охватил азарт. Как бы мы с ней ни называли наше состязание, все его признаки были налицо – и игроки, и конечная цель игры, и призовой фонд для победителя.

– Неужели вы не испытываете азарта при общении с клиентами? В конце концов это ваш заработок, – не удержался я.

– Симпатия и азарт – разные вещи! – пояснила она мягко.

Вряд ли такой ответ можно назвать исчерпывающим, но могло ли быть иначе? Женское понимание жизни отличается от мужского, кто бы что ни говорил о равенстве полов.

– Разные, – согласился я, – но из этого не следует, что они не могут дополнять друг друга. Или я неправ?

Мой вопрос заставил Ольгу нахмуриться. Поморщившись, она ответила, что я прав, но только в общем, а не в частности.

– Частность – это вы? – спросил я.

- Возможно.
- А общность – все остальные?
- Я такого не говорила.
- И не надо, вывод напрашивается сам собой.
- Это что-то меняет?
- Ничего.
- Тогда мы опять вернулись к тому, с чего начинали.
- К нулю, – сказал я.
- Ну что вы, ноль – это абстракция, абсолютное ничто, а мы с вами – нечто вполне реальное, хотя и не поддающееся исчислению.
- В таком случае я бы назвал вас вещью в себе.
- Или не в себе, если вы будете продолжать в том же духе. Давайте оставим жонглирование словами, этот город слишком хорош, чтобы от него отвлекаться.
- Вам удастся успешно с ним конкурировать.
- Какой сюрприз: вы умеете делать комплименты?
- Никогда ранее не был в этом замечен.
- Выходит, мне оказана особая честь!
- Я бы не обольщался. Да и вряд ли на вашу самооценку повлияют комплименты.
- Вы совсем не понимаете женщин.
- Особенно вас. Но вы, с ваших слов, и сами себя не понимаете, так что мне простительно.
- О, вам много чего простительно, потому что вы Фома неверующий.
- Это хорошо или плохо?
- В вашем случае, наверное, хорошо. Открою секрет: я действительно испытываю симпатию к клиентам, но скорее как доктор к пациентам. Вам же удалось не вписаться в эту схему. Вы тот больной, который ни в коем случае не хочет выздороветь.
- Или тот здоровый, который не хочет заболеть, – возразил я.
- Ах да, вас смущает, что я могу заставить вас страдать!
- Не столько меня, сколько тех, кого вам удалось сначала околдовать, а затем оставить один на один со своим чувством. Не слишком ли жестоко?
- Не хотел этого говорить, вырвалось само. Просто вспомнился портрет Ольги на столе у Вадима.

– Так вы все-таки собираетесь меня судить? – спросила Ольга.

Когда не знаешь, что ответить, лучше промолчать. Но молчание не всегда золото, это еще и потеря инициативы, чем Ольга и не преминула воспользоваться.

– Разве не очевидно, что настоящая любовь может быть и жестокой тоже?

На некоторое время наши взгляды вновь пересеклись, что было откровенной провокацией. Глаза Ольги блестели, выдавая возбуждение, для которого не было никаких оснований. Словно прочитав мои мысли, Ольга спросила мягко:

– Но лично вы страдать не готовы, не правда ли?

– Со мной это не пройдет, – твердо ответил я.

Мою решительность Ольга восприняла как слабость и поторопилась развить успех.

– Но поверьте, *вы* достойны большего. Собственно, из всех мужчин, с которыми мне приходилось иметь дело, вы больше всех заслуживаете настоящей любви.

– Почему?

– Потому – пусть вы даже не хотите в этом признаться самому себе! – что вы – такое же исключение из правил, как и я.

– С чего вы это взяли? – удивился я.

– Да с того, что мне комфортно разговаривать с вами. Знаете, рыбак рыбака видит издалека. У вас очень интересная правильная речь, а из этого следует, что вы начитаны и умны. Эти два качества редко встречаются в одном человеке.

– Трудно не быть начитанным, когда проводишь столько времени в дороге, – заметил я. – Это не обязательно делает тебя умным.

– Смотря что читать! – улыбнулась Ольга. – Но дело даже не в интеллекте. Если честно, я не очень-то жалею интеллектуалов из-за их заносчивости. Мне легко с вами, потому что вы – хороший человек, а я, наверное, не очень. Минус всегда тянется к плюсу, тут уже ничего не поделаешь.

– Откуда вам знать, что я хороший человек? – мое раздражение давало Ольге преимущество: ей все-таки удалось задеть меня за живое.

– Интуиция, – беспечно пояснила она. – Поверьте, она никогда не обманывает, если ей доверять. Но вы ведь не полагаетесь на интуицию, не так ли?

– Вы здорово ошибаетесь. Именно на нее я и полагаюсь. И когда у меня возникает симпатия к какой-нибудь девушке, интуиция подсказывает, что это ненадолго.

– И, конечно, интуиция вас не обманывает, – задумчиво произнесла Ольга.

– Никогда, – согласился я. – Но, может, это и к лучшему?

Пауза, которую нечем заполнить. Шурша передником, к столу подходит официантка, чтобы забрать пустые чашки. Не понимая ни слова, она тем не менее чувствует возникшую напряженность. Судя по неприязненному взгляду, ее симпатии не на моей стороне.

– И все-таки ошибаетесь вы, а не я, – неожиданно рассмеялась Ольга. – У вас совсем нет интуиции.

– Предположим. Что же тогда мною движет? Осторожность?

– Да вами вообще ничего не движет. Вы просто не встретили пока ту женщину, ради которой можно потерять голову!

– То есть не встретил такую, как вы? Нет уж, спасибо большое, мне и без настоящей любви неплохо.

– Неплохо без любви?! Вам что, уже за семьдесят?

– Слава богу нет. Просто у нас разное понимание жизни.

– Да вы ее вообще не понимаете!

– Послушайте, мы заключили контракт, но, кажется, слишком далеко от него отошли.

– Ну разумеется, контракт! – пренебрежительно ответила Ольга. – Забудьте вы о нем! Мы просто прогуливаемся по Лиссабону. Я ни к чему вас не принуждаю.

В полном несоответствии со своими словами она придвинулась ближе и положила ладонь мне на предплечье. Сдаваться по-прежнему не собиралась, намереваясь любым способом заработать свою тысячу. Но даже осознавая это, я не мог не оценить приятности прикосновения. Ладонь у Ольги маленькая и нежная, как у ребенка: возьмешь такую в руки – и уже не решишься отпустить.

Почувствовав, что инициатива полностью в ее руках – в прямом и переносном смысле! – Ольга поспешно добавила:

– Но самое главное – как вы этого не поняли?! – *вам* я не собираюсь причинять страданий.

В этой фразе ударение на *вам* было столь подчеркнутым, что я не нашелся, что ответить. Покинув кафе и миновав respectable район Шиаду, мы выбрались на хуа-ду-Алекрим и уже по ней добрались до набережной, где не было ничего примечательного, кроме речного вокзала.

– Давайте прокатимся на пароме! – предложила Ольга. – На тот берег. Посмотрим на город со стороны моря.

– Со стороны реки, – поправил я. – С морем Тежу вообще не связана, она впадает в океан.

Ольга рассмеялась – весело и беззаботно, нисколько не обиженная замечанием.

– Вот видите, насколько я необразованная личность!

– Надеюсь, вы хоть школу-то сумели закончить?

– Сумела, – вздохнула она. – Школу, университет, а потом еще и аспирантуру.

– Ну поздравляю... – неуверенно протянул я. Ольга снова сумела меня удивить. – И в какой области аспирантура?

– Философия, – скромно ответила Ольга.

– Знаете, из нас двоих более необразованным можно смело называть меня, – самокритично заметил я. – Вы защитились?

– Нет, не хватило мотивации. Поняла, что наука и преподавание – не мое призвание.

Еще бы! Куда приятнее разводить на деньги легковых мужиков, чем проводить занятия со студентами, изнывая от скуки!

– С тех пор вы и продаете настоящую любовь? – поинтересовался я. – Это ваше призвание?

– Нет, – ответила она, – это всего лишь способ заработать деньги. После аспирантуры я два года проработала в театре. Там ишла свое призвание.

– Кем проработали?

– Разумеется, актрисой.

Ну и биография! Интересно, как Ольга попала в театр? Хотя чему удивляться? С таким, мягко говоря, неординарным талантом, как у нее, нетрудно пролезть в любую щель, было бы желание.

– И все же в театре вы не остались! – заметил я.

– Не осталась, – подтвердила она.

– Подозреваю, что вы были там белой вороной. Или нет?

– Или да. Но иногда и черной тоже.

– Главное – не серой, правда?

Почему мой вопрос прозвучал так сочувственно? Судя по косому взгляду Ольги, я не промахнулся.

– Вот видите, интуиция у меня все-таки есть.

– Это не интуиция! – ее смех вновь приобрел мелодичность. – У вас ее нет совершенно! Это обычная логика!

– Ладно, пусть будет логика! – согласился я.

Странно, но после этого мы оба пришли вчастливое расположение духа, испортить его не смогло даже то, что паром оказался грязной посудиной, сквозь мутные стекла которого Лиссабон выглядел замусоленным дагерротипом из позапрошлого столетия.

Спустя четверть часа наше судно пришвартовалось в Касильяже, главные достопримечательности которого – подводная лодка времен Второй мировой и трехмачтовый деревянный фрегат начала девятнадцатого века. Надпись на пошарпанном рекламном щите гласила, что фрегат назван в честь португальского герцога Фердинанда Второго. Подлодка, обильно подъеденная ржавчиной, выглядела убого, зато фрегат, казалось, только что сошел со стапелей. Входной билет стоил три евро, что вызвало у Ольги стойкое нежелание подниматься на борт. К счастью, мне удалось-таки ее уговорить, о чем мы впоследствии не пожалели. И если вид корабельных орудий на верхней палубе мою уточненную спутницу не заинтересовал, то на двух нижних палубах она осмотрела абсолютно все. Особое впечатление произвели на нее старинные сервизы в кают-компании и роскошное убранство капитанских апартаментов. А вот расставленных тут и там манекенов, изображающих матросов и офицеров, Ольга откровенно побаивалась. Когда мы забрели в полутемную круйт-камеру, где в свое время хранился корабельный порох, она вскрикнула, едва не столкнувшись с одной из этих неподвижных фигур, а потом быстро прижалась ко мне. Не знаю, сделала это нарочно или нет, но, обняв Ольгу, я почувствовал дрожь ее гибкого тела и еще нечто, заставившее нас надолго застыть в объятиях друг друга. Потом она осторожно высвободилась и направилась к выходу,

а я поплелся следом, причем каждый из нас прекрасно понимал, что именно произошло. Вероятно, это все же была спланированная акция, поскольку, спускаясь по трапу, Ольга уверенно взяла меня под руку и уже не выпускала ее до возвращения в Лиссабон.

Обратный путь мы проделали на том же неопрятном судне или, возможно, его брате-близнеце. На набережной было ветрено: несколько альбатросов, распластав крылья, неподвижно зависли в воздухе всего в паре метров над нами. Ольга послала им воздушный поцелуй и потащила меня к площади Коммерции. Противоположная ее сторона упиралась в Триумфальную арку и трамвайные пути. Здесь Ольга ориентировалась неплохо.

– Вы не проголодались? – поинтересовалась она, когда мы свернули на хуа-Ауфандейга – ничем не примечательную улицу с множеством лавчонок и забегаловок.

– Пожалуй да.

– Тут есть место, где отлично кормят! Зайдем?

– Если только не будем заказывать белемских пирожных!

– Не беспокойтесь, у них другая кухня!

Место, где отлично кормят, оказалось вытянутой в длину комнатой, вдоль одной из стен которой располагались в ряд маленькие столики, накрытые обычной клеенкой. Судя по скромности интерьера, заведение для туристов не предназначалось. Ольга уверенно заказала блюдо, называвшееся «бакаляу».

– Вы бывали тут раньше? – спросил я.

– Нет, – призналась она.

– Тогда с чего вы взяли, что здесь приличная кухня?

– Пару дней назад проходила мимо и услышала, как тут поют фаду. Люди, умеющие так петь, не могут плохо готовить.

Сомнительное умозаключение, но спорить я не стал. Увы, петь сегодня было некому: хозяйка в одиночестве хлопотала возле стойки, а неухоженный старик в таком же одиночестве мирно прикорнул за дальним столиком. В общем, идеальное место для обеда, если ты ненавидишь человеческое общество и при этом не страдаешь клаустрофобией.

Любопытно, почему Ольга привела меня сюда – в дешевую забегаловку для местных неимущих? Пройдя пару кварталов вверх, мы могли бы выйти в туристический район, где полно шикарных

ресторанов. Понятно, что финансовое состояние Ольги оставляет желать лучшего, но по умолчанию все расходы во время нашей прогулки ложились на меня. Может быть, она боялась засветиться в тех местах, где ее могут узнать? Сколько мужиков, которым она успела заморочить голову, точили на нее зуб?!

Приготовили бакаляу за считанные минуты. Блюдо с пастой, перемешанной с мелкими кусочками трески и омлета, заняло большую часть столешницы, оставив минимум пространства для столовых приборов. Не сказать, что еда была изысканной, но сытной – безусловно, а вино – просто превосходным.

К тому времени, когда нам удалось справиться с большей частью бакаляу, в зале стало теснее. Вновь прибывшие были не молоды и к местному бомонду явно не относились. Нас с Ольгой старательно не замечали, но и враждебности не проявляли: португальцы – люди воспитанные.

– И все-таки фаду мы еще услышим, господин скептик! – сказала Ольга. – Не зря же народ собирается.

– Скептик? С чего вы взяли? – подчеркнуто удивился я.

– На вас это написано заглавными буквами! – уверенно ответила она.

– Вам больше нравятся оптимисты?

– Совсе нет. Оптимисты чаще всего скучны.

– Тогда пусть лучше я останусь в ваших глазах скептиком. Но почему вы считаете, что оптимисты скучны?

– Да потому, что они не понимают жизни. В ней не так уж много поводов для оптимизма, – не задумываясь, ответила Ольга. – Вы не согласны?

– Почему же, согласен. Разве я не сижу сейчас с бокалом вина в дешевой лиссабонской забегаловке в присутствии особы, которая за мои же деньги должна вызвать у меня настоящую любовь? Где тут повод для оптимизма?

– В бокале, – подумав, ответила Ольга.

– Пожалуй, – согласился я.

– Ладно, в чем-то вы правы, но лишь потому, что боитесь любви как черт ладана. Но от нее вас точно не будет. Впрочем, дело хозяйское, никто никому ничего не навязывает. Если хотите, вернемся домой, и вы сможете забрать свою тысячу.

Хотел ли я этого? Вообще-то, нет, потому что наше состязание занимало меня все больше и больше. Особенно грело душу то, что там, где мой друг вчистую проиграл, я стопудово выигрываю. Ответ мой помимо воли прозвучал снисходительно:

– А куда торопиться? По-моему, мы приятно проводим время. Правда, вы считаете меня человеком в чем-то ущербным, но это лишь оттого, что я плохо поддаюсь на ваши уловки.

– Уловки? – Ольга выразительно приподняла бровь.

– Хорошо, назовем иначе: на ваш нестандартный стиль общения.

– Напрасно стараетесь, вам не удастся меня задеть, – сказала Ольга.

– Да я вроде и не пытаюсь.

– Пытаетесь. И я прекрасно понимаю причину.

– Так назовите ее, – улыбнулся я.

– Это плохая идея. Будет задето ваше самолюбие.

– Пустяки! Стоит ли обращать внимание на такую мелочь, как мое самолюбие? Говорите, переживу, – отмахнулся я.

– Хорошо, слушайте! Вам кажется, что вы себя контролируете, набирая очки в игре, которую сами же и придумали, но на самом деле все происходит с точностью до наоборот.

– И как же?

– Вы в панике.

– Правда? Почему я ее не чувствую? Почему расслаблен и спокоен?

– Вам так кажется, это защитная реакция. Ваша подкорка в состоянии стресса, ей нанесли удар, каких она раньше не испытывала.

Никакого стресса я не ощущал, но меня насторожила уверенность, с какой говорила Ольга. Что она имела в виду?

– Вы и сами знаете! – едва ли не зло отрезала Ольга. – Там, в трюме, когда я жутко перепугалась.

Память может быть услужливой до стервозности. Я будто вновь оказался в скрыт-камере фрегата с дрожащей Ольгой в объятиях.

– Скажите, вы когда-нибудь испытывали что-то подобное? – спросила она.

– Нет, – не колеблясь, признался я.

– Представьте, я тоже.

Сердце мое заколотилось, ровно как и тогда – в кюйт-камере. Да что же это за фокус такой?! Я же ничего к ней не чувствую! Ничего!

– Нечестная была игра, – хрипло произнес я. – Вы специально все подстроили.

– Не говорите глупостей! Я просто испугалась до жути, а вы защитили меня от моего же страха. В тот момент я ощутила ваше полное надо мной превосходство. Поверьте, это новое для меня ощущение.

– И что, ранее вы ощущали только собственное превосходство?

– О, да! Мне всегда было легко управляться с мужчинами.

В этом-то я как раз и не сомневался. Но что было весьма приятно, управляться со мной, несмотря на ее несомненный талант, Ольге не удастся. Да и вряд удастся вообще, просто времени не хватит.

– Ладно, – сказал я. – на корабле, возможно, и случилось нечто такое, с чем ни вы, ни я никогда не сталкивались, но стоит ли на этом заикливаться? Не правильнее ли отнестись к нашему приключению в трюме как к курьезу?

– Ну да, вы ведь любите все делать правильно. То есть в вашу пользу, – в голосе Ольги прозвучал вызов. – Так что попробуйте, проигнорируйте то, что случилось. Вдруг у вас получится!

– Да ничего же такого особенного не было! – заупрямился я. – А если и было, то обязательно связано с любовью. И вообще, так ли это все важно?

– Вы не понимаете, что с вами происходит?! Тогда вы и вправду безнадежный скептик! Поверьте, нет ничего более важного, чем любовь, не зря она дарована нам Богом. К тому, что даровано Богом, нельзя относиться беспечно!

– Но Бог даровал нам не только способность любить, – рассудительно заметил я.

– И что же еще? – небрежно поинтересовалась она.

– Например, такие качества, как способность мыслить, трудолюбие.

– Вы до сих пор не поняли, чем отличается человек от прочих божьих тварей?! – возмутилась Ольга. – Они тоже наделены

трудолюбием, причем не меньшим, чем вы, и уж точно большим, чем я. И мыслить способны ничуть не хуже иных гомо сапиенс!

– Ладно, – неохотно согласился я, – вам виднее. В конце концов, кто из нас эксперт в области настоящей любви?! И, кстати, если ее испытываешь раз за разом, это входит в привычку?

Прозвучало довольно злобно, я тут же пожалел о несдержанности. К моему удивлению, Ольга ответила не очень убежденно:

– К любви нельзя привыкнуть!

И тут до меня наконец дошло: она, как и я, никогда никого не любила по-настоящему. Так всегда бывает: сапожник ходит без сапог. Занимаясь столь изощренным бизнесом, нельзя ни в кого влюбиться, потому что клиент в любом случае остается клиентом. Строго говоря, мы с Ольгой были одинаково одинокими, но мое одиночество являлось осознанным выбором. Недостаток любви к женщине можно легко восполнить любовью к жизни вообще, что в конечном итоге сводится к любви к самому себе. Но, выбирая такой подход, ты заранее понимаешь, что настоящая любовь, не вписываясь в его философию, превращается в неиспользуемую функцию.

Видимо, прочитав что-то в моих глазах, Ольга придвинулась ближе. Легкое дыхание у моего уха, шепот:

– Не уничтожайте меня! Я сама себя осуждаю.

Прозвучало настолько трогательно, что я не мог не обнять ее, что было полной капитуляцией. В оцепенении мы просидели невесть сколько времени, а потом она сделала то, что, видимо, давно намечала: ее губы коснулись моей шеи, оставив тлеющий отпечаток. В поцелуе Ольги было больше признательности, чем чувственности, но я все равно не смог удержаться от иронии:

– Вы полагаете, выиграть можно только таким способом?

– Опять вы о своем! Поймите же наконец, что никакая это не игра, вы меня и вправду по-настоящему заинтересовали, – Ольга вроде и огрызнулась, но взгляд ее говорил другое.

– Хорошо, пусть так, – согласился я. – Но что это меняет?

– А то, что мы можем абсолютно честно говорить друг с другом. Вам следует доверять мне, как я доверяю вам.

Конечно, она была права: мы уже начали привыкать к откровенности и теперь не могли без нее обойтись, как наркоман не может обойтись без дозы.

– Ладно, раз уж мы должны доверять друг другу, ответьте, – обратился я к Ольге, – вы сами когда-нибудь любили понастоящему? Или продаете товар, который не испробовали?

Она отодвинулась, внимательно на меня посмотрела и лишь потом с возмущением произнесла:

– И вы еще обвиняли меня в нечестной игре! Зачем вам это знать?

– Чтобы лучше вас понять, – не слишком уверенно ответил я.

– Унижая меня? Разве я пытаюсь вам что-то продать?

Похоже, мне удалось здорово ее задеть, пришлось дать задний ход:

– Вероятно, это был глупый вопрос.

– Глупый?! О нет, ведь вы очень умный человек! Чудовищно умный! Настолько, чтобы без труда отличить глупость от подлости!

Выволочка была заслуженной, я сразу же извинился, но Ольга продолжала смотреть на меня с вызовом. А затем что-то в ней сломалось, и она неожиданно мягко произнесла:

– Вам не нужно извиняться.

– Почему?

– Вы ведь и сами знаете, что я готова простить вам все.

Этот трюк удался Ольге на все сто, но, ни на мгновение не усомнившись в ее искренности, я все же понимал логику разыгранного представления. Мне пытались продать иллюзию того, во что я не верил. Несмотря на легкое отношение к жизни, у меня никогда не было легких отношений с женщинами, поскольку мои подружки всегда рассчитывали на большее, чем я мог им дать. На их скучном фоне Ольга выглядела принцессой.

– О чем вы думаете? – неожиданно спросила она.

– О вас, – признался я.

– Я вам не нравлюсь?

– Наоборот, нравитесь. Если рассматривать жизнь как будни, то вы – праздник. А кто не любит праздников?

– Только не я! Но вот за вас я бы не поручилась! У меня всегда было множество поклонников, но вы слеплены из другого теста.

– Поэтому я не ваш поклонник.

Она лукаво на меня взглянула.

– Неужели у меня нет ни единого шанса?

– Вам со мной было бы некомфортно, – серьезно ответил я.

– Только не с вами! – Ольга придвинулась вновь, но, к счастью, мне пока удавалось себя контролировать.

Как оказалось, это был самообман. К собственному удивлению, я обнаружил под своими пальцами мягкую ткань, покрывавшую плечи Ольги. Как это все-таки у нее получается?!

Уловив мою неуверенность, она спросила:

– Вас смущает шаль?

– Прежде всего, меня смущаете вы. Но ваша шаль тоже: какая загадка под ней скрывается?

– Под ней не скрывается ничего, кроме меня самой! – рассмеялась она. – Приятно, что я все еще остаюсь для вас загадкой.

– Больше, чем мне хотелось бы! – сознался я.

– Вас это пугает?

– Скорее интригует.

– Послушайте, это всего лишь кусок материи. Вы можете снять его с меня, когда захотите!

Это была очередная провокация, поддаваться на которую ни в коем случае не следовало, но я не колеблясь стянул шаль с ее плеч.

Вырез платья Ольги максимально оголял ее плечи и грудь, к чему она, несомненно, и стремилась. Набросив шаль, она до поры скрывала то, что считала своим главным козырем, – гармонию и изящество форм, но теперь решила, что пришло время им воспользоваться.

Продолжая пристально разглядывать плечи Ольги, я вышел за рамки приличия, что ее только развеселило.

– Вы, наверное, захотите увидеть меня всю? – насмешливо заметила она. – Мне как раз нужно выйти в туалет. У вас будет возможность осмотреть меня и спереди, и сзади.

Выйдя из-за стола, она направилась к дальнему концу зала, причем специально неспешно, чтобы дать мне время подольше ею полюбоваться. Следующие пять минут я не отрывал взгляда от двери туалетной комнаты, предвкушая не меньшее удовольствие, и не зря: обратный путь она проделала все с той же хорео-

графической грацией, которая приобретается упорным трудом либо даруется Богом. Что касается Ольги, можно было смело ставить на второе.

– Ну, вы удовлетворены? – тон ее оставался насмешливым, но улыбка была более чем нежной.

– Не совсем, – пожаловался я. – Вы смошенничали. Вернее, тот тип, который вас сконструировал.

Как я и ожидал, Ольга оказалась достаточно начитанной, чтобы не попасть впросак.

– Итак, рассмотрев меня внимательно, вы пришли к выводу, что я не настоящая! Неужели вы действительно думаете, что меня создал какой-нибудь чокнутый вроде профессора фон Брашлица? – рассмеялась она.

– Почему нет? Реальная женщина не может быть столь пластичной! – уверенно ответил я. – Если просветить вас рентгеном, есть шанс увидеть все эти колесики и провода, что позволяют вам казаться совершенной.

– Но, согласитесь, пока вы этого не сделали, юридически я остаюсь живым существом, – наш диалог забавлял ее все больше. – Поэтому вам придется примириться с моей пластичностью. Она вас раздражает?

– Скорее завораживает, и это мне не нравится, – признался я, – потому что с вами я теряю уверенность в себе.

– О, если так, то вам отлично удастся это скрывать! – воскликнула Ольга. – Мне никогда не приходилось сталкиваться со столь бесчувственным человеком. В сущности, андроидом являетесь вы, а не я. Без сомнения, вас сконструировали с единственной целью – трудиться. И поскольку праздники отвлекают от работы, вы не испытываете к ним симпатии, а заодно и ко мне, потому что в вашем понимании я тоже праздник.

Это притворство или она и вправду находит меня бесчувственным? Если так, то мне есть чем гордиться.

– Ну почему же? Вы мне симпатичны, – мне удалось произнести это нарочито спокойно, что, по идее, должно было ее разозлить. – А что касается праздников, я и вправду к ним равнодушен, но не из-за того, что они отвлекают от работы. Просто у меня плохо получается радоваться вместе со всеми.

– Так вы индивидуалист? Что-то я не удивлена.

– Еще бы, ведь мы одного поля ягоды! И именно поэтому мне трудно довериться женщине, которая пытается мной манипулировать.

– И что же я должна сделать для того, чтобы вы перестали видеть во мне манипулятора? – быстро спросила она.

– Ничего, – я пожал плечами. – В том-то и дело, что вам ничего не нужно делать. У вас все выходит само собой.

– Это вас пугает?

– В известном смысле да. Мне не нравится быть марионеткой, даже если за ниточки дергает такая обворожительная особа, как вы, Ольга!

– Пусть вас это не страшит. На самом деле манипулировать вами невозможно. Мне приходится из кожи вон лезть, чтобы вас к себе расположить, но это напрасный труд: вы лишь немного раскрываете створки раковины, а потом спешно их захлопываете. Это вы не оставляете мне шанса, а не я вам. Знаете, что привлекло меня в вас с первой минуты встречи? В вас нет азарта охотника. Вы даже не пытаетесь произвести на меня впечатление. Просто дружески со мной беседуете. Иногда делая мне комплимент, иногда не давая пощады. Вы остроумный, тонкий и по-своему очень надежный человек. Мне хочется, чтобы и вы видели меня такой же, только это пока плохо получается.

Весь этот монолог Ольга произнесла на одном дыхании, слова ее приятно грели самолюбие. Не поэтому ли я пришел в такое прекрасное расположение духа?

– Проблема в том, что, как выяснилось, ни вы, ни я настоящей любви никогда не испытывали, – улыбнулся я. – Поэтому, даже если у меня и возникнет какое-то чувство, его не удастся идентифицировать.

– Я в таком же положении. Это тупик? – подыграла Ольга.

– Нет! – самоуверенно ответил я. – Критерий есть. Ваша компаньонка сообщила мне, что настоящая любовь не может стоить меньше тысячи евро.

– Думаю, это условие необходимое, но недостаточное, – рассмеялась она.

– Недостаточно тысячи?

– Фи, опять вы о деньгах! – фыркнула Ольга. – Я же сказала, что верну их, мне они ни к чему. Хватит уже и того, что вы потратились на Леонор, – она пересаживала куклу со стула на колени, где та, как истинная женщина, продолжила с упоением прислушиваться к нашему разговору.

– Только не настаивайте на том, что у нас обычная прогулка, – сказал я. – Контракт есть контракт, вы не можете просто взять и забыть о нем.

– Что такое контракт? – презрительно отозвалась Ольга. – Обычный кусочек бумаги. Ощущение собственной свободы важнее, чем следование скучным параграфам текста. Поэтому с настоящим чувством все просто: если оно есть, вам плевать на правила. Если нет – вы ищите отговорки.

Рассерженная, Ольга выглядела потрясающе. Гармоничная во всем, она была вызовом, управы на который не существует в природе.

– По-вашему, я ишу отговорки? – спросил я.

– По-моему, вы способны на большее!

Способен на большее? На то, чтобы и вовсе голову потерять? Как все-таки удачно, что я вот-вот покину Лиссабон, а колдовские чары Ольги со временем рассеются, сохранившись в памяти не более чем приятным воспоминанием.

– До чего же мне хочется, чтобы вы проснулись! – сказала Ольга. – Знать бы, как вас растормошить.

– Со Спящей красавицей меня еще не сравнивали! – усмехнулся я. – Кстати, ее пробудил поцелуй! Не хотите попробовать? Уверен, это верное средство!

– Вы меня провоцируете? – заинтересовалась Ольга. – Я правильно вас понимаю?

– Есть немного, – признался я.

– Даже будь я готова, вы – нет! – с вызовом произнесла она.

Без сомнения, Ольга понимала меня лучше, чем я сам. Намного-намного лучше!

– Ладно, попали в яблочко! – согласился я. – Вам пока не удастся вскружить мне голову, но и вы не теряете своей, что помогает сохранить определенное равновесие меж нами. В нашем

общении с самого начала не было ничего тривиального, поэтому оно так интересно. Разве вы не испытываете того же?

– Конечно же нет! – воскликнула она. – Мне хорошо с вами не из абстрактных соображений, а просто потому, что вы мне нравитесь. Скажу больше, я никогда не встречала нормального с виду парня, столь далекого от нормальности, но ведь и обо мне можно сказать то же самое, а двое ненормальных – это уже ненормальность в квадрате.

В ее словах не было никакой иной логики, кроме женской, но прозвучали они убедительнее моих.

– Ладно, ваша взяла! – согласился я. – Возможно, мы с вами и вправду ненормальность в квадрате. В квадрате Малевича.

– То есть в кромешной тьме, – взгляд Ольги переместился в сторону входной двери, будто именно за ней скрывалась кромешная тьма. – Знаете, такая афористичность меня пугает.

– Вас пугает не афористичность, а форма квадрата. Его угловатость не сочеталась бы с вашим изяществом.

– Вы опять смеетесь надо мной! – Ольга погрозила мне пальцем.

– Всего лишь пытаюсь взять реванш. Вы постоянно берете надо мной верх, с чем я уже почти смирился. Мне остается только изредка огрызаться, чтобы вы не сочли меня банальным, – произнес я смиренно.

– Банальным? Вы шутите? Меня еще никто так часто не загонял в угол, а я достаточно изворотливая особа.

– Но свою изворотливость вам удастся хорошо маскировать. Вы выглядите настолько беззащитной, что нет ни шанса вам противостоять.

– Зачем же мне противостоять? – укоризненно спросила она. – Разве я делаю что-то вам во вред?

– Коту перед известной операцией тоже говорили, что это нужно для его же пользы. Проблема в том, что сам кот понимает пользу иначе.

– Но я ничего вам не навязываю!

– Если не считать настоящей любви, – заметил я, – но всегда можно отговориться тем, что мы заключили контракт.

– Вы жалеете, что его подписали?

– Нет, нисколько! Вы делаете свою работу настолько талантливо, что вами нельзя не восторгаться!

– Вы опять про работу?! – обиделась она. – Хорошо хоть, что не отказываете мне в таланте! Неужели вы не чувствуете, что сегодняшний день – особенный? Никогда бы не поверила, что найдется парень, способный управляться с такой строптивницей, как я.

– Управляться? Да вы просто водите меня за нос. На самом деле у вас все складывается, хотя – и это льстит моему самолюбию! – возможно, не так гладко, как с другими. Разве я не испытываю восхищения вами? И где граница между восхищением и любовью?

Ольга задумалась, смешно прикусив нижнюю губу. Инициатива вновь уплывала из ее рук.

– Вы настоящий фарисей! Одной фразой сумели и уколоть, и выразить восхищение, причем граничащее с любовью. *Граничащее* – какое замечательное слово! Только границу вы переходить не намерены, не так ли? Вам слишком хорошо на той стороне.

– Ничего другого мне из себя не выжать, – честно сказал я. – Вы и так добились слишком многого.

– Слишком многого с вашей точки зрения, но слишком мало-го с моей, – упрямо возразила Ольга. – Общаясь с вами, я попала в плен вашего странного обаяния. И стала таким же безвольным предметом, как этот сувенир.

Она заботливо поправила оборки на платье куклы, перенаправляя на нее мое внимание.

– Такой я вам нравлюсь больше, не правда ли?

– Менее всего вы ходите на куклу! Кукла не может быть настолько неотразимой.

– Неотразимой? Нет, неправда! Какую игру вы затеяли? – испытующе спросила Ольга. – В вас сейчас совершенно нет искренности.

– Вы ошибаетесь: к чему мне быть неискренним? Стараясь понять вас, я перестал понимать себя – до сей поры вполне здравомыслящего человека. Ольга, вас можно сравнить со щукой, соревнующейся с пескарями: в таком состязании у пескарей нет шансов унести ноги!

– Унести плавники! – поправила меня Ольга. – У пескарей нет ног. Видите, я тоже могу кусаться.

Мне захотелось обнять ее, и это желание, видимо, настолько хорошо читалось в моих глазах, что Ольга инстинктивно придвинулась ближе. Глаза ее сияли.

– Забудьте, что вы здравомыслящий человек! Вы перестали понимать себя, но и я тоже. Мне следовало бы ненавидеть ваше здравомыслие, но я склоняю перед ним голову! Во мне самой его нет вовсе, поэтому мы с вами отлично дополняем друг друга, а значит, ничего еще не потеряно.

Как же она была хороша! Лицо, покрасневшее от возбуждения. Глаза, заслонившие собой полмира. Их гипноз оказался необоримым настолько, что я невольно сделал движение навстречу, и наши губы соприкоснулись. На мгновение, не больше, после чего Ольга отпрянула и замерла, не отрывая от меня растерянного взгляда. Спустя несколько секунд детское недоумение на ее лице сменилось откровенным испугом.

– Вы обиделись? – прошептала она виновато.

Эта метаморфоза – от неприятия поцелуя до полного раскаяния – настолько меня поразила, что я промедлил с ответом.

– Простите! – настойчиво попросила она. – Я понимаю, что обманула ваши ожидания.

В этот – самый неподходящий! – момент к столику подошел пожилой португалец, которому, судя по всему, и принадлежало заведение. Вопроса его я не понял, но Ольга уверенно кивнула головой. Хозяин, добровольно исполнив обязанности официанта, забрал со стола все лишнее, оставив только бокалы с вином. На меня не взглянул, зато Ольге улыбнулся сердечно.

– Вас не за что прощать, – после долгой паузы сказал я. – И, конечно, мне понятна ваша реакция.

– Ничего вам не понятно! – возразила она.

– Ну почему же? В контракте прописано, что мне нельзя вас касаться. Можно дойти до бог знает чего, если позволять клиентам лишнее.

– Спасибо, что вы мне все это разъяснили! – съязвила она. – Приятно, что вы по-прежнему считаете себя клиентом.

А разве нет? Ольга не оставляла попыток затянуть меня в пропасть, из которой уже не выбраться. Вадим, например, не смог. И непонятно: это хорошо продуманная игра или Ольга настолько

вжилась в роль, что искренне верит в то, что говорит? В таком случае она непобедима, остается только сдаться. И тут меня осенило: сдаться – это лучший тест на искренность. Безошибочный и очень дорогой.

– Хотелось бы надеяться, что я нечто большее, чем просто клиент, – осторожно начал я.

– И что же мешает? – насторожилась Ольга.

– Вопрос: насколько большее? Мы оба понимаем, что как бы ни было это приятно, общаться друг с другом нам осталось недолго. Хотелось бы остаться в вашей памяти таким, какой вы останетесь в моей.

– Но вы же еще не улетели!

– Пока нет, но час отлета близок, и у нас просто ни на что не остается времени.

– Вы сдаетесь?

– Да, причем в самом буквальном смысле. Я готов признать, что вы добились цели. Считайте контракт успешно выполненным.

– С чего бы это? – возмутилась Ольга.

– Причина очевидна: изначально я хотел всего лишь разоблачить эту вашу настоящую любовь. Но, как выяснилось, здорово ошибся. Настоящая любовь существует, в чем нет никаких сомнений. Поэтому контракт исполнен, деньги – ваши. Мы можем расстаться хоть сейчас.

Ольга пронзила меня взглядом, разгадать который не удалось бы даже опытному психоаналитику. Мрачно усмехнулась:

– Вы непредсказуемы.

– Учусь у вас.

– Но я бы не сдалась так легко.

– Вас не устраивает победа?

– Победа? В чем она? Вы вознамерились сыграть в поддавки. Ну что ж, ваше право. Но почему это должно меня радовать? Вы вообще не понимаете моих мотивов, потому что не верите ни единому моему слову.

Ольга вроде бы меня и отчитывала, но с каждым ее словом на сердце становилось все радостнее и радостнее. Тест она прошла. Но по большому счету радоваться было нечему. Ольга

оставалась честной и со всеми теми мужчинами, кому вскружила голову до меня. Просто я вынудил ее зайти намного дальше.

– На самом деле я верю в вашу искренность, Ольга! – сказал я без воодушевления. – Вы согласны хотя бы это считать успехом?

– Расстаться – это успех? Вы действительно хотите расстаться со мной прямо сейчас?

– Конечно нет. А вот вы вольны покинуть меня в любой момент. Я не буду требовать деньги обратно.

– Послушайте, я уже тысячу раз повторила, что мне наплевать на этот контракт и что мне не нужно ваших денег. Мы просто прогуливаемся, и вы упорно игнорируете мои попытки к сближению, не забывая всякий раз аккуратно напомнить мне о моем бесстыдном с вашей точки зрения прошлом. И тогда я начинаю смотреть на себя вашими глазами и перестаю нравиться себе самой. А ведь на самом деле мне нечего стыдиться! Я никого не обманывала и никому ничего не обещала сверх того, что было обговорено заранее.

– Да, вы никого не обманывали, – согласился я. – И что, кому-то было от этого легче?

– Вы снова хотите заставить меня заплатить за чужие страдания? – насмешливо поинтересовалась Ольга.

– Ни в коем случае! Дело на самом деле не в вас, а во мне. Похоже, я впервые в жизни испытываю смятение.

– Вы ни в чем не виноваты! – горячо возразила Ольга. – Просто вам так же трудно, как и мне. Не надейтесь, что я оставлю вас в таком состоянии!

– Но у вас есть на это полное право, – упрямо возразил я. – Вы достигли цели, я полностью удовлетворен.

– Как мало вам для этого нужно! Спрошу еще раз: вы хотите, чтобы я сейчас ушла?

– Вы же знаете, что нет. Но я хочу исключить из формулы наших отношений деньги. Мне кажется, так мы сможем больше доверять друг другу.

– Я и так вам ни разу не солгала, только этого, видимо, мало. Страх ошибиться и довериться не тому человеку – это наша с вами болезнь. Но нельзя же страшиться всю жизнь! Она просто пройдет мимо, и когда вы наконец очнетесь от летаргического

сна, будет поздно. К несчастью, эта мысль, очевидная для женщины, мужчинам недоступна.

– Недоступна, – не скрывая иронии, согласился я. – Мне, например, никогда не казалось, что жизнь проходит мимо. Как вы отметили, это моя болезнь, но с такой болезнью я готов жить и дальше. Что же касается страха довериться не тому человеку, то простая логика подсказывает, что вы и есть тот самый «не тот человек». Парадокс в том, что, даже понимая это, я не могу устоять перед вашим дьявольским обаянием.

Моя обличительная речь произвела, как ни странно, обратный эффект: глаза Ольги заблестели еще больше, и влажный ее взгляд выразил столько приязни, что ее хватило бы на десяток таких непробиваемых парней, как я. Думаю, сыграть такое было бы не под силу даже Саре Бернар. Положив ладонь на мое колено – смело, да?! – Ольга спросила:

– Вы действительно думаете, что я ничего не испытываю? Только потому, что я испугалась вашего поцелуя?

– Но ведь вы действительно испугались! – мягко ответил я. – Испугались того, что слишком далеко зашли.

– Далеко зашла?! Бросьте! Откуда вам знать, насколько далеко я готова зайти? И разве вам это интересно?

– Мне в вас интересно все! – честно ответил я. – Для вас это не тайна.

Но Ольга – теперь инициатива целиком принадлежала ей! – бросила небрежно:

– Повторите еще, что вы никогда не встречали такой необыкновенной девушки! Ведь с вашей точки зрения – это лучший способ меня осчастливить.

– Да, – согласился я, – у вас есть повод считать меня банальным, ведь вы наверняка слышали это сотни раз. Или, возможно, тысячу. Но есть обстоятельство, меня оправдывающее: я такого еще никому не говорил.

Наверное, это было именно то, что она и хотела услышать. И потому отвернулась, чтобы я не увидел торжества в ее глазах. Сидела неподвижно, выпрямив спину, словно меня больше не существовало. Что ж, ей удалось добиться того, что не удавалось никому другому. Собственно, мне было уже все равно,

сколько мужчин было в ее жизни, и как она поступила с моим другом. Мне было плевать, искренна она со мной или нет. Я любовался идеальной формой ее плеч, понимая, что готов любоваться ими всю жизнь.

В какой-то момент Ольга порывисто обернулась. Что удивительно, ее глаза были полны слез.

– Почему вы плачете? – никогда не подозревал, что в моем голосе может быть столько нежности. – Нет никаких причин расстраиваться!

Но моя неуклюжая попытка приободрить вызвала лишь вымученную улыбку.

– Вы довольны? Я вас не разочаровала?

– Подумать только, я мог сегодня и не увидеть вашего объявления!

– Я бы вам этого никогда не простила.

– Да и я себе тоже. Как жаль, что наше время истекает.

– Жаль, – согласилась она. – Какое замечательное слово!

Но до чего же жестоко звучит.

Она была права, но я не мог сказать ей ничего другого, потому что мы подошли к финалу, дальше занавес и аплодисменты. Как же это приятно: аплодировать самому себе. Парень, ты избежал ловушки! Ты остановился вовремя, на самом краю, и уже не повторишь судьбу лучшего друга. Такая боль тебе ни к чему.

– Куда бы нам еще пойти? – спросил я, но прозвучало это на редкость фальшиво. Идти было некуда и незачем.

– Проводите меня домой, – попросила Ольга.

Хозяин тут же принес счет. Спустя минуту мы уже шли по узкой хуа-Ауфандейга к дому с лимонно-апельсиновым деревом. Ничто вокруг не радовало: ни унылые строения на унылой улице, ни встречные унылые горожане. Я чувствовал себя подавленным, как никогда в жизни. Что ощущала Ольга, так и не проронившая ни слова, оставалось неизвестным, но когда буквально в метре от нас промчался старомодный трамвай, она вновь инстинктивно ко мне прижалась. И, запрокинув голову, взглянула с таким вызовом, что я выпалил первое, что пришло на ум:

– Мы так и не выяснили, как далеко вы готовы зайти.

– Настолько, насколько вы захотите. То есть никак.

– Послушайте, но ведь это вы оттолкнули меня, а не я вас!

Ольга даже в лице изменилась. Воскликнула возмущенно:

– Я же попросила прощения!

И, заметив мое изумление, смутилась.

– Это очень личное. Я просто была не готова, мне нужно время, чтобы привыкнуть.

– Вы что, никогда раньше не целовались с мужчинами? – поразился я.

– Еще как целовалась! Я вовсе не недотрога.

– Тогда в чем же дело?

– Мне не хочется об этом говорить.

– Хорошо, не будем, пусть это останется тайной, – сказал я. – Можно говорить о погоде.

– Сегодняшнее утро было ясным, без осадков, – голос Ольги ничего не выражал.

– А день?

– Временами облачность, а впереди холодная-холодная ночь.

– Может, завтрашнее утро снова будет теплым? – сказал я без особой надежды.

– Вы в это верите?

– Нет.

– Я тоже.

Взгляд она по-прежнему не отводила, напротив, приблизилась настолько, что наши ресницы едва не соприкасались. В какой-то момент, когда мы уже почти слились в одно целое, глаза Ольги закрылись. Я осторожно поцеловал полуоткрывшиеся губы, а она так же осторожно ответила.

– Вот видите, в этом нет ничего страшного! – тихо сказал я.

Ответа, конечно, не дождался. Остаток пути до ее дома мы проделали молча. Было невыносимо грустно, потому что день подходил к концу. А с ним и мое пребывание в городе, несколько часов в котором перевешивали всю мою остальную жизнь.

Дойдя до стены, за которой пряталось в сумерках лимонно-апельсиновое дерево, мы остановились, поскольку идти дальше было уже некуда. Из-за угла выполз потрепанный белый «Фиат» и, обдав нас черной гарью, тяжело пополз вгору. Ольга безучастно следила за ним, пока он не скрылся за углом, и только после этого

взглянула на меня. Не удержавшись, я резко привлек ее к себе. Наверное, она ждала чего-то подобного, потому что ее руки сразу же обвили мою шею, а губы потянулись к моим губам. В этот раз мы целовались по-настоящему: до бешеного стука сердца, до остановки дыхания. Но... скрипнула калитка, на что ни я, ни Ольга не обратили внимания. А напрасно! Из темноты донесся возмущенный голос:

– Что ты делаешь?!

Компаньонка Ольги, казалось, готовая меня растерзать, на самом деле обращалась не ко мне:

– Боже, ты сошла с ума!

В этом возгласе слышалось больше растерянности, чем настоящей злости, да и выглядела Евгения так, будто увидела в своей постели крокодила. Но Ольга отпрянула от меня, словно и вправду провинилась.

– Послушай, ты уже взрослая девочка, никто не должен указывать тебе, как себя вести, – холодно сказал я.

Но Ольга была в таком смятении, что не ответила. Почувствовав состояние подруги, Евгения обняла ее за плечи и едва ли не приказным тоном предложила:

– Иди домой, я тут сама разберусь!

Ольга бросила на меня взгляд, полный отчаянья. Интересно, что все это означало? Даже если она и нарушила некие внутренние правила, придерживаться которых обязалась, что с того? Нарушить правила порой даже полезно. Насколько и чем она обязана своей подруге, чтобы так перепугаться?

– Вы – ее няня? – спросил я у Евгении. – Никогда не слышали, что совать нос в чужие дела нехорошо?

– Представьте, Ольга мне не чужая! – парировала Евгения. – А вот вам – да!

– Я так не думаю, – ответил я, сдерживая раздражение. С этой дамой у нас не заладилось с самого начала.

– А вы вообще в состоянии думать?! – поинтересовалась Евгения.

– Не сомневайтесь! И первая мысль, что приходит в голову: у вас нет права принимать решения от лица Ольги, – спокойно ответил я.

– Есть, потому что я ее самый близкий друг. И знаю, что для нее хорошо, а что плохо.

– Для нее или для вас? – вскипел я.

– Для нас обеих!

– Прекратите! – неожиданно вмешалась Ольга.

– Нет уж! – с нажимом произнесла Евгения. – Ты совсем расклеилась, кто-то должен тебя защитить.

– Защитить от чего? – вмешался я.

Но никто не ответил. Ольга и Евгения уставились друг на друга, не обращая на меня внимания. Так ненужную вещь задвигают подальше в угол, а быть ненужной вещью – малоприятная роль. Евгения, по-прежнему обнимавшая Ольгу, мягко сказала:

– Выбрось этого авантюриста из головы. Подумай сама: завтра его и след простынет, а мы с тобой останемся. И все будет как прежде.

– Или не будет, – не удержался я.

Увы, на меня опять не обратили внимания. Смешно, но в глазах Евгении именно я был авантюристом, хотя дело обстояло с точностью до наоборот. Не я состригал по тысяче евро с доверчивых клиентов. Но у девочек своя правда. Женская.

Евгения потихоньку начала оттеснять Ольгу к калитке. Уже в ее створе Ольга остановилась.

– Она ведь права, да?

Я не мог ей врать. И не мог не ответить, потому что в окружающем меня мире что-то изменилось, хотя, скорее всего, это что-то изменилось во мне самом. А правда прозвучала горьковато:

– В том, что меня след простынет, – права. В том, что все останется как прежде, – нет.

– Я тоже так думаю, – печально согласилась она. И, сбросив руку Евгении, вошла во двор. Уже из его темноты донесся ее голос:

– Пожалуйста, верни ему деньги!

– Ну, ты доволен? – спросила Евгения без особой враждебности.

И правда, последнее слово осталось за ней. Их совместное с Ольгой пространство дало трещину, но не разбилось вдребезги, и теперь должно было постепенно вернуться на круги своя. Так чего злиться на залетного фрэера, который в скором времени исчезнет за горизонтом!

- Думаю, у тебя больше поводов быть довольной, - ответил я.
- Не сказала бы. Будь моя воля, я бы тебе деньги не вернула. Что ни говори, но условия контракта ты нарушил.
- Формально - да. Но правда в том, что в нашей с Ольгой прогулке не было ничего формального.
- Это я заметила, - сказала она с иронией. - Никто еще не вел себя с ней так разнузданно.
- Где ты увидела разнузданность? - возразил я. - Мы целовались, это не преступление. Между мальчиками и девочками иногда такое случается.
- Только не с Ольгой. Ты ее вынудил.
- Каким, интересно, образом?
- Ты смошенничал с самого начала, - уверенно пояснила Евгения. - Тебе вовсе не хотелось настоящей любви, ты пришел к нам с иной целью. Я права?
- Да.
- Оказывается, даже с Евгенией получается говорить откровенно. Такой сегодня особенный день.
- На сто процентов уверена, что, прочитав наше объявление, ты решил унижить Ольгу.
- Зачем мне это?
- Стремиться к власти над женщиной - нормальный инстинкт самца. Никакой другой мотивации не нужно, - снисходительно сообщила Евгения. - Я читаю вашего брата как раскрытую книгу.
- Век живи, век учись! Приятно узнать, что я самец с нормальными инстинктами.
- Радоваться нечему, - сухо заметила Евгения.
- Наверное. Но ты неправа. Мне хотелось не унижить Ольгу, а понять ее. Это не одно и то же.
- И что ты понял?
- Что она так же одинока, как я.
- Ошибаешься. У Ольги есть кому о ней позаботиться.
- Есть кому позаботиться? А ты не подумала, что одной только заботы недостаточно? Может быть, ей нужно что-то еще.
- Ну да, нужно, как и любой женщине. Только ты ей этого дать не сможешь.
- Уверена?

– На все сто. Ты даже не попытаешься, потому что уже удовлетворил свое эго, да у тебя и времени не остается. И самое главное, ты не способен любить никого, кроме себя самого. Так что счастливого пути, скатертью дорога!

Увы, в чем-то Евгения была права: времени на выяснение отношений у меня практически не оставалось. Как и желания их выяснять. Что я мог предложить Ольге? Общение в Инстаграме?

– Жаль, что все так получилось, – сказал я. – Видимо, с другими соискателями настоящей любви у вас проблем не возникало.

– Не возникало. Все они получили то, за что заплатили.

– Разбитые сердца. Разочарование.

– Да, но оно того стоило, поэтому претензий не было. И они играли честно, в отличие от тебя.

– Ты не понимаешь, Евгения! Игра была лишь затравкой. С какого-то момента мы это переросли.

– Тебе так казалось, но давай будем откровенны: Ольга талантливая актриса и режиссер в одном лице, а настоящая любовь в ее исполнении – это моноспектакль для одного зрителя. По сути, его собственная драма. Вот как это работало.

– Но не со мной.

– Да, потому что ты неспособен любить. В этом и проблема. Ольга, стараясь тебя увлечь, слишком глубоко вошла в роль. Понятно, что ничего хорошего из этого не вышло, ей понадобится время, чтобы выйти из образа. Но ничего, я рядом. А теперь извини, мне нужно к ней вернуться. Подожди минуту, принесу твои деньги.

– Успокойся, я их не возьму, – сказал я.

Евгения взглянула на меня странно, словно и ожидала, и не ожидала моего отказа, потом пожала плечами.

– Ну, дело твое.

И скрылась за калиткой.

Вот так мы расстались. Можно сказать, по-хорошему. Оставшееся до отлета время следовало чем-то заполнить, и я направился к набережной, чтобы бросить прощальный взгляд на полноводную Тежу, но загадочным образом оказался вновь на хуа-Ауфандейга. Из открытых дверей знакомой забегаловки доносилось пение: фаду здесь все-таки исполняли!

Ни одного свободного места внутри уже не осталось. Хозяин, примостившийся на стуле в углу, аккомпанировал на гитаре весьма приятной на вид женщине с черной шалью на плечах. Петь она умела. Я слушал фаду, стоя у входа, и грустная ее мелодия проникла прямо в сердце. Когда песня закончилась, хозяин под аплодисменты обнял исполнительницу и, прошептав ей что-то на ухо, увлек прямым ко мне. Как оказалось, в качестве переводчицы.

– Почему вы вернулись без девушки? – спросила она на английском.

– Мы расстались, – нехотя ответил я.

– По какой причине?

– Наверное, мы не так уж нуждаемся друг в друге.

Услышав это, хозяин не на шутку разволновался, лишний раз доказав, что противоядия от очарования Ольги не существует.

– Вы ошиблись! – перевела исполнительница. – Поверьте, мой отец разбирается в женщинах, и он говорит, что вы нужны своей девушке. Она любит вас. Оттолкнув ее, вы поступили неправильно.

Но ошибался не я, а он – этот назойливый португалец! Я никогда не отталкивал, так же, как никто не отталкивал меня. Мы расстались, потому что не нашли никакого другого решения.

– Вы сомневаетесь в ее чувстве? – спросила исполнительница. – Но будьте уверены, это настоящая любовь!

Настоящая любовь?! Да неужели?! *Приходите к нам, и вы не почувствуете себя разочарованным!* Но я еще никогда не чувствовал себя настолько разочарованным! Меня одурачили уже в тот момент, когда я начал читать это злосчастное объявление!

– Настоящая любовь – это миф! – гордо изрек я.

То, что случилось дальше, не поддается объяснению: положив руку мне на плечо, хозяин проникновенно прошептал несколько слов, и их смысл я понял без перевода.

Если вы не верите мне, пойдите и спросите у вашей девушки. Вы все прочтете в ее глазах.

Возможно, он владел какой-то особенной формой гипноза, потому что в странном состоянии полусна я послушно направился к дому с лимонно-апельсиновым деревом. На звонок никто не отозвался, и от раздраженья я пнул калитку ногой. Никакого движения. Тишина. Но сдаваться я не собирался, ударил еще раз.

Потом еще. Настойчивость, как известно, всегда вознаграждается. За стеной слышались шаги.

Калитку открыла Евгения. Кто бы сомневался?! Ей в охранной фирме работать – цены не было бы. Берегла Ольгу как зеницу ока.

– Так и думала, что вернешься! – Евгения достала из кармана банного халата купюры – злосчастную тысячу евро. – Жадность всегда побеждает.

– Я не за деньгами!

– А за чем? – Евгения изобразила удивление.

– За кем. Попроси Ольгу выйти.

– С какой стати? Она спит.

– Так разбуди.

– Еще чего! Ты и так достаточно над ней поизмывался!

– Не хочешь звать – я сам позову.

– У тебя совесть есть? Собираешься и дальше ей голову морочить?

– Просто хочу поговорить, не нервничай... Ольга! – неожиданно даже для себя выкрикнул я.

Евгения возмутилась:

– Ты бы вел себя потише, а? Сказала же, спит! Да и не о чем вам с ней говорить.

– А давай мы сами разберемся! Без посредников.

– Да уже и так со всем разобрались. Чего ты еще хочешь?

– От тебя – ничего.

– Слушай, мы вроде нормально расстались. Все обсудили. Что за эти полчаса изменилось? – со вздохом спросила Евгения. Негромко, чтобы не разбудить подругу.

– Тебя это никаким боком не касается.

– Да неужели?! А по мне, еще как касается! Кто после твоего визита будет Ольгу в чувство приводить? Папа римский?

– Брось ты эту демагогию! Просто сходи и позови.

– Да ни за что!

Наши пререканья прервала Ольга. Как и в первый раз, появилась неожиданно, словно ниоткуда. Осунувшаяся, на бледном лице глаза – бездна, полная печали. И я знал, что хочу в эту бездну прыгнуть.

– Что случилось? – спросила она.

- Да ничего. Разговариваем, – досадливо поморщилась Евгения.
- Вообще-то, я к тебе, – сказал я, обращаясь к Ольге.
- Да? И что же ты хочешь? – выглядела она измученной, сегодняшний день стоил дорого нам обоим.
- Хочет продолжения спектакля, – ответила за меня Евгения.
- Просто поговорить, – уточнил я.
- Да не о чем ей с тобой разговаривать! – взбеленилась Евгения. – Уже обо всем поговорили.
- Я, между прочим, не к тебе обращался.
- Хорошо, – сказала Ольга.
- Что хорошо? – спросили мы хором.
- Хорошо, поговорим. Подожди меня.

Ольга отправилась к дому, Евгения следом за ней. Перед тем как они скрылись, я услышал призыв Евгении не делать глупостей. Предназначался он Ольге, но, возможно, и мне. Ждать пришлось минут десять, появилась Ольга с Леонор в руках. Евгения, слава богу, осталась дома. То ли Ольга настояла, то ли сама не захотела быть третьим лишним. В последнее, правда, верилось слабо.

Ольга протянула мне куклу.

- Хочу вернуть ее тебе. На память.
- Ты же знаешь, что я не возьму. Это подарок, – мягко сказал я.
- О чем ты хотел поговорить?
- Честно говоря, не знаю. Похоже, я перестал соображать.
- Такого не может быть, – грустно улыбнулась она. – Ты же образец здравого смысла.
- От него больше вреда, чем пользы.
- Ты вернулся, чтобы мне это сказать?
- Я вернулся, чтобы посмотреть тебе в глаза.
- Зачем тебе это?
- Чтобы увидеть то, чего раньше не разглядел.

Говорили мы тихо, и для того, чтобы лучше слышать, придвинулись друг к другу почти вплотную. Близость оказалась настолько искушающей, что я почти непроизвольно положил руку на талию Ольги.

- Евгения наблюдает за нами в окно. Я обещала ей не совершать опрометчивых поступков, – едва слышно произнесла она.
- Ты и не совершаешь. Но я-то ничего ей не обещал, правда?

- Да, - подумав, согласилась Ольга.
- Чтобы она на нас не пялилась, можно уйти со двора.
- Только недалеко, хорошо?

Далеко мы и не ушли. Сразу за калиткой я притянул Ольгу к себе, и она покорно ко мне прильнула. Не знаю почему, но в этот раз поцеловать ее я не осмелился.

- Как скоро тебе в аэропорт?
- Самое позднее через час.
- Целая вечность, - сказала она. Скорее всего, с иронией, потому что час - абсолютное ничто в паутине тех мировых линий, в которых мы запутались.
- Самая короткая вечность в истории, - уточнил я.
- Ложная вечность.
- Ложно все, истинно одно: я не хочу с тобой прощаться, - сказал я.

- Я тоже. Но ты же понимаешь, что придется.
- Понять понимаю, а в голове не укладывается.

Ольга обвила мою шею руками. Уличный фонарь освещал половину ее лица, казавшуюся прекрасной. Вторая пряталась в тени, грозившей вот-вот поглотить Ольгу целиком.

- Что мы делаем друг с другом? - пожаловалась она.
- Прощаемся.
- Почему это так больно?
- Потому что режем по живому.
- Ты прав, по живому. У меня ощущение, будто жуткая сила вот-вот разнесет мозг.
- Мой уже разлетелся на части.
- Пусть хотя бы одна из них принадлежит мне, - шепнула Ольга.
- Они все принадлежат тебе, но не могут ужиться друг с другом.

- Это признание в любви?
- Нет, это признание конкретного факта. Откуда мне знать, что такое любовь?! Я знаю только то, что ничего не знаю.
- Другие не знают и этого, если верить Сократу, - подбодрила меня Ольга.
- Надо же, запомятовал, что ты философ по образованию. Зря старался блеснуть эрудицией.

– Ничего не зря, – убежденно сказала она. – И я сейчас не философ.

– А кто?

– Девушка, которой вскружили голову и бросили. Шучу! Неужели я обрекала всех их – ты понимаешь, о ком я! – на то же, что испытываю сейчас сама?

– Да, в том числе моего друга. Это из-за него я заинтересовался вашим объявлением.

– Понятно теперь, почему ты поначалу так странно на меня смотрел!

– Как?

– Со здоровым любопытством, будто я бабочка на булавке.

– Увы, так и было.

– Как ни странно, такой ты мне очень понравился. До жути захотелось тебя растормошить.

– Это как растормошить осиное гнездо. Максимум пострадавших при минимуме усилий.

– Получилось то, что получилось, – вздохнула Ольга. – Я не жалею.

– Не жалеешь?!

– О чем? С тех пор как меня вежливо попросили из театра, я впервые счастлива.

– Почему же я – нет?

– Потому что ты теряешь, ничего не приобретая взамен.

– А ты?

– А я заболела тобой, но взамен исцелилась от другого недуга.

– От какого?

– Не скажу. Это тайна.

Еще одна тайна или та же самая? Я вспомнил, как отпрянула Ольга, когда я в первый раз ее поцеловал. И тут меня осенило! Да ведь это было реакцией не на лично меня, а на всех мужчин вообще. Даже полностью вжившись в роль, глубоко в подсознании Ольга боялась их естественных реакций, потому что в нем они оставались всего лишь клиентами. Не я первый пытался ее поцеловать, думаю, многие, теряя над собой контроль, делали то же самое, разрушая либидо Ольги, и этот постоянный конфликт истощал ее психику. Продавая настоящую любовь, сама она теряла способность любить.

– Кажется, я уже знаю, от чего ты исцелилась. От саморазрушения, – предположил я.

– Ты по-настоящему умен, – согласилась Ольга. – А мне было стыдно тебе признаться, что отношения с мужчинами вне деловых рамок у меня больше не получаются.

– Потому что они не купили входной билет в театр?

– Видишь, ты все-все понимаешь. Я была и актрисой, и театром одновременно, но раньше, когда спектакль подходил к концу, как змея, сбрасывала кожу. А с ней и способность любить.

– А сегодня кожа не сбросилась?

– И не подумала.

– Это так плохо?

– Во все нет, но новая кожа тесна, мне и хотелось бы освободиться, и не хотелось бы.

– А я вот освободиться не хочу. Меня все устраивает.

– Еще бы не устраивало! Веселое приключение в Лиссабоне, будет что рассказать друзьям.

– Похоже, что мне сейчас весело?!

Как ни странно, этот упрек стал своего рода катализатором: на нас опять накатило. Я стиснул Ольгу крепче, поцеловал, она страстно ответила. Очнулись мы, правда, быстро.

– Так будет только хуже! И ты опоздаешь на рейс! – сказала Ольга, отстранившись.

– Полечу следующим, – заметил я легкомысленно.

– Нет, если задержишься, мне будет труднее с тобою расстаться.

Она была права, но правотой, с которой невозможно смириться. Не зная, что сказать, я стоял истуканом, и тогда Ольга вновь протянула мне Леонор.

– Может, все-таки возьмешь ее?

– Это твоя кукла, как же я вас разлучу?

– Тогда забери нас обеих! – вырвалось у Ольги.

Четыре слова, сказанных сгоряча, но что-то во мне переломилось. Странное, почти болезненное ощущение, когда вдруг понимаешь кто ты есть на самом деле – самовлюбленный эгоист, живущий в свое удовольствие. И этот человек перестал тебе нравиться. Забрать обеих? А почему нет?! С плеч словно гора свалилась, и будь у меня хоть какое-то подобие крыльев, я бы взмыл в небеса.

– По рукам! – мне понравилась твердость в собственном голосе. Но Ольгу она напугала.

– Ты... сошел с ума? – недоверчиво спросила она.

– Ну да. Есть с кого брать пример, – улыбнулся я. – Едешь?

– Нет... Да... Не знаю.

Хороший ответ, позволяющий выбрать любой из предложенных вариантов.

– Собирайся, – уверенно сказал я. – У тебя десять минут.

– Никуда она с тобой не поедет!

Евгения, черт бы ее забрал! И давно подслушивала? Хотя какая теперь разница?!

– Не тебе решать! – грубо ответил я.

– А кому еще? Вы же оба невменяемые!

– Слушай, не отнимай время, мы и так опаздываем! Ольга, бери только самое необходимое и не забудь паспорт!

– Оля, даже не думай! – Евгения перешла на крик. – Ты не видишь, что это авантюрист?!

– Я, наверное, тоже! – Ольга порывисто обняла подругу, после чего помчалась со всей возможной резвостью к дому.

Евгения попыталась рвануть за ней, но замешкалась, и я успел преградить ей дорогу.

– Не старайся зря, без Ольги не уеду!

– Козел!

– Может, и так, даже не буду спорить. Может, все это ошибка – и ее, и моя. Но мы попытаемся. У тебя нет права нам мешать.

– Да ради бога! Ты не знаешь, на что подписываешься! Думаешь, Ольга подарок? И все так просто?

– Ну я тоже не сахар! Но у нас есть шанс, по-твоему, мы его должны упустить? А потом всю жизнь корить себя за это?

– Ты сейчас от страсти ничего не соображаешь! Я тут таких повидала! Говорю тебе, вам двоим вместе ничего не светит.

– Никто не может этого знать – ни мы, ни ты. Так что извини, но лучше тебе расстаться с Ольгой по-хорошему. Ничто не мешает вам оставаться подругами и дальше. Мне, например, чем больше я тебя узнаю, тем больше ты нравишься, – миролюбиво предложил я.

– Ну ты и скотина! Выцарапать бы тебе глаза! – как ни странно, но злости в голосе Евгении поубавилось.

– Может, когда и выцарапаешь. Только ногти к тому времени отрасти, с такими, какие у тебя сейчас, дело не выгорит, – улыбнулся я. Сориться с лучшей подругой любимой женщины смысла нет.

Видимо, с отъездом Ольги Евгения смирилась. Попытки прорваться к дому больше не делала, стояла молча, что-то просчитывая. Но что в такой ситуации можно просчитать? Ольга появилась через пару минут. В руках сумка, причем не очень объемистая. Теперь уж Евгения порывисто обняла подругу. С минуту что-то шептала Ольге на ухо, а она согласно кивала головой. Со стороны было очень похоже на инструктаж: что делать, если любимый оказался сволочью и бросил тебя одну в незнакомом городе. Но, возможно, они говорили о чем-то другом. В любом случае времени на прощание уже не оставалось, и я осторожно коснулся плеча Ольги.

– Пора! Нам еще нужно вызвать такси.

– Я уже вызвала, пока собиралась, – сообщила она.

Ну и самообладание! И это в таких-то обстоятельствах! Как много мне еще предстоит об Ольге узнать?

Такси прибыло буквально через минуту. Когда мы садились в салон, Евгения спохватилась и достала из кармана халата стопку злополучных купюр.

– Держи, подруга, свои командировочные!

Вот так мы с ней и расстались – на иронической ноте. Что ни говори, вариант не самый худший. В такси Ольга спросила:

– Успеем?

– Как будто у нас есть выбор!

На всякий случай я попросил водителя поторопиться. Английского он не знал, но смысл понял и поехал чуть быстрее. К счастью, дороги в Лиссабоне в это время свободны, да и аэропорт от центра города недалеко. Билет Ольге я купил через приложение прямо в машине, цена была непомерной – обычная практика авиакомпаний для тех, кто решил лететь в последний момент.

На регистрацию мы успели, а чуть позже и на посадку, спасибо толерантным европейским пассажирам, безропотно пропустившим нас на досмотр без очереди. К указанному в посадочном талоне терминалу пришлось бежать, придерживая одной рукой Ольгу, а другой – обе наши сумки. Дух перевели только

в самолете. Места наши были далековато друг от друга, но мне удалось уговорить своего соседа, склонного к полноте очкарика, поменяться с Ольгой местами, так что мы оказались в креслах рядом. Возле иллюминатора уже сидела пожилая дама, чьей жизненной позицией было полное равнодушие к происходящему. Минут через десять после взлета она благополучно уснула.

– Я бы так не смогла, – сказала Ольга.

– А было бы неплохо, – улыбнулся я. – Нам лететь четыре часа.

– Все равно не усну. Мозг вот-вот взорвется.

– Ты его недооцениваешь. Мозг себе не враг.

– Себе-то, может, и не враг, но мне – точно.

– У вас все отдельно?

– В каком-то смысле – да. Мы и раньше не дружили, а сейчас и подавно. Скажи, это очень умно с моей стороны – бросить все и улететь непонятно куда с парнем, которого почти не знаешь?

– А ты хочешь его узнать?

– Конечно хочу! – не колеблясь, ответила Ольга.

– Тогда ты поступила умно, потому что другого способа просто не существует.

– И все равно мне страшно. Я могу представить себя рядом с тобой только до момента приземления. А дальше – черная дыра. И никто не в состоянии в нее заглянуть.

– Ольга, нет там никакой черной дыры. Мы просто сядем в такси и поедem ко мне домой.

– У тебя есть свой дом?

– Не совсем мой. Я снимаю квартиру. Там тесновато, но в остальном нормально. Все для жизни есть.

– Вот именно эту самую жизнь я и не могу представить. Тебе проще, ты работаешь, а чем я буду заниматься?

Хороший вопрос. И вправду – чем? Пришлось признать, что никаких идей на сей счет у меня нет. И, похоже, у Ольги их тоже не было: попасть в театр ей уже никогда не удастся, а продавать настоящую любовь, когда она сама влюблена, ей просто противно. Все, что остается – пойти на какие-нибудь курсы переквалификации и осваивать новую профессию. Нужную в народном хозяйстве.

– Боюсь, придется нам на эти курсы ходить вместе, – сказал я. – У меня, как и у тебя, есть все шансы остаться без работы.

- Ты о своем друге?
- Ну да, работать вместе нам теперь будет сложно. По крайней мере мне.
- Но ты же ни в чем не виноват!
- Это точка зрения девочки, у мальчиков все иначе. Я виноват в том, что посягнул на любимую женщину лучшего друга.
- Но я ему не принадлежу!
- Ну и что с того? Он-то тебя любит.
- Может, это постепенно пройдет? – с надеждой спросила Ольга.
- Все проходит, – неопределенно ответил я. – Вопрос – когда?
- Наверное, не очень скоро?
- Даже не сомневайся! Вадима я хорошо знаю.
- Я осталась без подружки, ты – без друга, и оба – без работы.
- Хорошее начало!
- Уж какое есть. Лично я его ни на что не променяю!
- До чего же приятно это слышать! Слушай, а у тебя дома есть какие-нибудь продукты? Я, наверное, должна приготовить что-нибудь на ужин?
- Какие-то есть. Но, вообще-то, я и сам могу приготовить.
- Нет, давай я! Евгению нравится моя стряпня. И мне хочется о тебе позаботиться.
- Представь, мне о тебе тоже.
- Кажется, у нас намечается первая ссора, – улыбнулась Ольга.
- Скандал! – согласился я.
- Ольга потянулась к моему уху и укусила. Потом положила голову мне на плечо и спросила:
- Так кто готовит?
- Ты, – не колеблясь, ответил я.
- Спасибо! – совершенно серьезно сказала она, что меня расстрогало. Как я мог жить без нее раньше?
- Не за что!
- Есть за что. Ради меня ты готов пожертвовать всем, даже не зная, получится ли у нас что-то.
- Люблю риск. Да и все у нас получится.
- И я так думаю! И сделаю все, чтоб тебя не разочаровать.
- Мне тоже придется постараться. Вообще-то, я не подарок.
- Догадываюсь. Но я еще больший не подарок.

– Мне уже страшно! Если б пассажирам полагались парашюты, уже выпрыгнул бы из самолета.

– Так легко тебе от меня не отделаться! Я бы выпрыгнула вслед за тобой, – рассмеялась Ольга.

– Было бы здорово! Жаль, что парашюты здесь не предусмотрены. Ты когда-нибудь прыгала хотя бы с вышки?

– Нет.

– И я нет. Видишь, как много у нас общего?

– Действительно много. Еще мы не пели на сцене Большого театра. И не летали в космос.

– Насчет космоса я бы не был так уверен. Чем ты докажешь, что не инопланетянка? Что ни говори, земные девушки выглядят иначе.

– Какие тебе нужны доказательства? Очевидно, анатомические? – лукаво поинтересовалась Ольга. – Мне прямо сейчас раздеться?

Я впервые (впервые!) представил себе ее обнаженной, а затем и то, что нам предстояло сегодняшней ночью. На лице моем вспыхнуло нечто вроде зарева, и Ольга не удержалась, прыснула.

– Как же все-таки Евгения ошибалась! Тебе до хладнокровного авантюриста как до неба!

– Если не захочешь, можешь вообще не раздеваться.

Хотелось сказать это решительно, с некоторым даже превосходством, по получись почему-то с оттенком обиды. Ольга опять прыснула, потом – как это ей удастся? – сказала очень серьезно и нежно:

– Я захочу. Уже хотя бы для того, чтобы еще раз увидеть тебя таким милым.

– Вообще-то, быть милым мне несвойственно, – признался я.

– Ты просто недостаточно хорошо себя знаешь, – отмахнулась Ольга и вновь склонила голову мне на плечо.

А спустя минуту уснула. Было бы разумным последовать примеру, но, увы, сон не шел. Остаток ночи принадлежал нам с Ольгой, но уже днем я должен был встретиться с Вадимом. Разговор предстоял серьезный, мужской. И не имело значения, чем он окончится, продолжать работу в фирме мне вряд ли удастся. Как бы легкомысленно ни относился я к жизни, близких друзей

не подводил никогда. Конечно, это довольно спорный вопрос, подвел ли я Вадима на самом деле, но отношения наши прежними уже не будут. А я так не могу. Итог закономерен: всего один день в Лиссабоне – и ты теряешь все, что имел. Правда, взамен приобретаешь нечто большее, как бы пафосно это ни звучало.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – бортпроводница подкатила к нашему ряду тележку с напитками и пластиковыми контейнерами с едой.

Есть вообще-то хотелось, но стоило ли тревожить спящую Ольгу?

– Кота в мешке, если можно, – шутливо попросил я.

Стюардесса – где они берут таких остроумных?! – скосив глаза на Ольгу, таким же шутливым тоном ответила, что кот в мешке у меня уже есть, а она может предложить только стандартный сухой паек с соком или чаем.

– Может быть, в следующий раз, – вежливо отказался я.

– Надеюсь, что это будет рейс *нашей* авиакомпании, – улыбувшись, стюардесса покатила тележку дальше.

Незаметно достав из кармана смартфон, я включил его и взглянул на цифры, показывающие точное время.

До приземления оставалось чуть более двух часов.

Сергей Рядченко

В паутине прореха, смена эпох

Рассказ специального назначения

Воспользовавшись намеренно хоть и кратким, но убедительным отсутствием связи с мировой паутиной, перечитал, друзья, не спеша, со вкусом, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Трех мушкетеров» и «Учителя фехтования» Александра Дюма-отца, коротенькую пьесу Сервантеса «Два болтуна», «Моби Дика» Германа Мелвилла, «Фауста» Гете; «Жизнь драмы» Эрика Бентли и всего нашего Григория Сковороду; «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека; Воннегута «Завтрак для чемпионов», «Колыбель для кошки», і в українському перекладі «Бойню номер п'ять» с эпохальным «Бува й таке», – две книги точно знаю, которые по-украински звучат звучнее, чем на родном английском, – это, как сказано, «Бойня» с «Бува й таке», и «Вінні-Пух», где «Паць кувікнув від хвилювання»...

В который раз прочитал внимательно «Реквием по каравану PQ-17» Пикуля, кто бы что бы о нем ни думал, ни говорил; отчет о последней кавалерийской атаке под Омдурманом Уинстона Черчилля, в которой он, улан двадцатитрехлетний, принимал непосредственное участие; «На Западном фронте без перемен» Ремарка и «Три товарища»; «Вино из одуванчиков» и «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери, а также его рассказ «Попугай, который знал Папу»; энциклопедию *постмодернизма*, сперва подряд, а потом на выбор; потом «Энергию заблуждения», «Гамбургский счет» и еще что-то Виктора Шкловского; «Былое и думы» (4-й, 5-й, 6-й и 7-й тома зеленого собрания сочинений) Александра Герцена; «Шум и ярость», «Медведь», «Возмутитель праха», «Авессалом, Авессалом!» и обожаемый избранный том рас-

сказов, а в нем, с пристрастием, разумеется, «Красные листья» и «Поворот кругом» Уильяма Фолкнера и все, что у него еще про Йокнапатофу; «Кобзаря» Тараса Шевченко и бесподобную на английском толстенную биографию «Ernest Hemingway: A Life Story» by Carlos Baker; «Детство, отрочество, юность», «Хаджи-Мурат», «Севастопольские рассказы» и пьесу «И свет во тьме светит», и даже «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого; и Толстого же, но Алексея Николаевича, «Аэлику», «Ибикус» и «Гиперболоид...»; всего Гайдара (Аркадия); «Ходжу Насреддина» и «Старика Хоттабыча»; и «Обещание силы» Томаса, под которым сокрыт Кастанеда, и без того таинственный; «Графа Безбрежного», книжицу презанятную про Федора Толстого-Американца; «Все о Незнайке и его друзьях» Николая Носова; Марка Твена «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» и «Принц и нищий»; «Алый знак доблести» Стивена Крейна и все рассказы Амброза Бирса; Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» и «Факультет ненужных вещей» Домбровского; «Мифы и легенды Древней Греции» и «Мифы и легенды Древнего Рима»; «Махабхарату», «Рамаюну» и отдельно еще раз, и с комментариями, «Бхагавад-гиту» из «Махабхараты» про знаменитую беседу Кришны с Арджуной на колеснице перед битвой на Курукшетре; и, конечно, Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие»; Даниэля Дефо «Молль Фландерс» и «Гулливера» декана Свифта; филдингскую «Историю Тома Джонса, найденыша» и «Приключения Перегрин Пикля» Тобайаса Смоллета; и «Гаргантюа и Пантагрюэль» пера Франсуа Рабле, для общего счета; «Отверженных» и «Собор...» Гюго; «Воспитание чувств» Флопера; Эдварда Бульвер-Литтона «Кенелм Чиллингви, его приключения и взгляды на жизнь», «Пелэм, или приключения джентльмена» и «Последние дни Помпей»; Котляревського «Енеїду» та збірку віршів Павла Тичини, де мої улюблені рядки:

Та нехай собі як знають
божеволють, конають, –
нам своє робить...

всю прозу Пушкина и всю прозу Лермонтова – к их прочтению каждый год еще с юности пристрастился, и никаких сбоев в доступе к мировой паутине для этого, собственно, и не нужно, а тут вот повторно возможность выпала, так чего ж не перечитать? – перечитал и не пожалел, восторг с каждым разом не убывает, а прибывает, вы ж сами знаете. Перечитал Тургенева «Записки охотника», полную версию, – в ней, разумеется, два шедевра про Чертопханова – «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова», с этой его гремющей в финале фразой: «Столбовой дворянин Пантелей Чертопханов умирает; кто может ему препятствовать? Он никому не должен, ничего не требует... Оставьте его, люди! Идите!» – во как.

Сполна наслаждался, пофразово, пословесно, тыняновскими «Вазир-Мухтаром», «Кюхлей» и «Пушкиным» – неизменно тоска сердце жмет оттого, что дописать «Пушкина» не судилось, – и его же, Тынянова, повестушками «Малолетный Витушишников» и «Поручик Кижэ». «Хромого беса» перечитал Луиса Велеса де Гевары и «Хромого беса» Алена-Рене Лесажа, и его «Похождение Жиль Бласа из Сантьяны».

«Симплициссимус» Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена, то бишь «Вновь наилучшим образом упорядоченный и повсюду многожды исправленный затейливый Симплициус Симплициссимус»; коль не читали, рекомендую.

Подвернулся под руку и безжалостно перечтен был «Улисс» Джойса, и что? Опять ничего. В третий раз подтвердил себе свое мнение. Непопулярное. Вообще о Джойсе и, в частности, об «Улиссе». Скажу по секрету вам, только ж не сдайте, ни ирландцам, и никому. А то ж полетят в меня камни со всех сторон. А мнение таково, что роман «Улисс» – это казус, именно казус в мировом литературном процессе. Между замыслов громадьем и воплощением их (если замыслов) и его (ежели громадьа) – пролегла неудача автора, творческий, мягко скажем, облом; и волею судьбы, стечением обстоятельств, этот облом назначен в шедевры и на весь мир прославлен. Эка, ну в добрый час!

С полок сняты и бегло пролистаны «Отсюда и в вечность» Джеймса Джонса, «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера и «Молодые львы» Ирвинга Шоу, «Смерть героя» Ричарда Олдингтона и пара-тройка романов Ивлина Во: «Возвращение в Брайдсхед»,

«Мерзкая плоть», «Пригоршня праха», «Люди при оружии», «Офицеры и джентльмены» и «Безоговорочная капитуляция». Перейдя на иноходь, перечитал подряд три романа незабвенного Грэхема Грина: «Комедианты», «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване»; и Сомерсета Моэма разное: «Луна и грош», «Дождь», «Подводя итоги». Потом «Фиесту» Хемингуэя, ту, в которой *восходит солнце*, и его рассказ «Что-то кончилось» – захотелось к юности прикоснуться; трехтомник сказок от Афанасьева и собрание братьев Grimm, и все тома «Тысячи и одной ночи» с Шахерезадой и Шахрияром; «Морфологию сказки» и «Проблемы комизма и смеха» Владимира Проппа; Бахтина о природе смешного, о мениппее; и сюда ж ко двору пришла бездонная работа Татьяны Щепанской о культуре дороги в мифоритуальной традиции.

С удовольствием, не спеша, перечитал Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». До чего ж пронзительное произведение, до чего ж замечательные стихи! На этой волне заодно осилил и их с Панаевой «Три страны света»; ну это так, для порядку, как говорится, чтоб было, тарелочки подкрутил. Зато «Джан», «Такыр», «Чевенгур» Андрея Платонова перечитал на одном дыхании.

После с трепетом погрузился в хорошо знакомый мне мир одной из любимых книг другого Некрасова, Виктора Платоновича, «В окопах Сталинграда». И как всегда, после этой книги молчать долго хочется; просто слов нет. После «Окопов» только и можно, что Василя Быкова «Дожить до рассвета», да еще «Пядь земли» Бакланова, где «Жизнь на плацдарме начинается ночью». Григорий Яковлевич Бакланов как-то раз нам с Валерой Дашевским рассказывал, что долго после войны не мог приступить к написанию, пока наконец не придумалась первая фраза: «Жизнь на плацдарме начинается ночью».

Непостижимая тайна творчества.

Дабы отдышаться после «Окопов», «Дожить...» и «Пяди...», взял передышку и прочитал все пьесы Шекспира, «Гамлета» дважды, и вослед – исследование Ильи Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», откуда выходит, хочешь не хочешь, что нас провели всех как простаков; и поневоле запомнишь новое имя – Роджер Меннерс пятый граф Ратленд, соученик в Падуанском университете Розенкранца и Гильденстерна.

После Шекспира-Ратленда случились братья Стругацкие, Аркадий с Борисом, с «Трудно быть богом», с «Улиткой на склоне», «Жуком в муравейнике», «Пикником на обочине» и с «Понедельником, начинающимся в субботу». Воодушевленный Стругацкими, перечитал всего, что сыскалось на полках, Роберта Шекли, кумира далеких наших годов студенчества. Потом все про Хогбенов Генри Каттнера; обожаю про них читать. Клиффорда Саймака «Все живое». И любимое из Азимова – «Даже боги»; если вместе сложить названия трех частей, то получится: «Против глупости даже боги сражаются тщетно». Оно-то так. Но сражаться ж надо? Надо. Будем сражаться.

Прочел стремительно «Тигр снегов» о восхождении на Эверест Тенцинга Норгея с Эдмундом Хиллари; про путешествия на «Кон-Тики» и на «Ра» Тура Хейердала; ошеломительную хронику выживания в океане «В дрейфе» Стивена Каллахена; и несравненную историю Славы Курилова «Один в океане» про его побег с борта лайнера «Советский Союз» – в маске с трубкой и в ластах он трое суток плыл в бушующем океане и чудом выплыл на берег острова Сиаргао на Филиппинах – поступок, достойный звучать в веках.

Чтобы жизнь не казалась медом, взял Достоевского «Бесы»; ну что сказать, бесы они и есть бесы, ату их! Закусил их «Селом Степанчиковым и его обитателями»; полегчало. Рванул отсель к Гоголю, к «Мертвым душам»; ну что сказать, шедевр он и есть шедевр. Продолжил «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Миргородом» и «Петербургскими повестями»; завершил «Ревизором», опять смеялся. Прочел «Бригадира» с «Недорослем» Фонвизина. Набокова «Машеньку» и «Защиту Лужина», «Истребление тиранов» и «Соглядатая», «Приглашение на казнь», «Дар», «Лолиту», «Комментарий к роману «Евгений Онегин», «Solus Rex» и «Ultima Thule». Эх, Набоков, Набоков, на Нобелевскую премию шесть раз выдвигался, но не случилось – из-за Лолиты. Против глупости даже боги...

С наслаждением проглотил Ромена Ролана «Кола Брюньон». До чего ж круто сваренный пирожок!

Собравшись с духом, взялся за «Книгу тайн. Вигьяна Бхайрава Тантра», за все пять томов бесед-комментариев Бхагвана Шри Раджниша, который Ошо, к медитативным техникам Шивы, чис-

лом сто двенадцать, которые Шива любезным образом излагает супруге Девы в процессе их длительного соития. Размышляя по-долгу над каждым способом медитации, один за другим, восторгался многообразием и отвлекался, и в отвлечениях составлял невольно мысленный список того, что хотелось еще прочесть. Оказались там у меня Анатолий Франс, давно не читал, соскучился; Шарль де Костер с его «Уленшпигелем»; «Тихий Дон» с «Поднятой целиной», кто бы их в самом деле ни написал; Джон Стейнбек с Теодором Драйзером, О'Генри, Фенимор Купер и Эдгар По; и Скотта Фитцджеральда «Ночь нежна», и «The Agony and the Ecstasy» by Irving Stone про Микеланджело, лучшее, что читать доводилось про высокую жизнь творца. Еще у меня в моих отвлечениях от медитаций по Шиве наметилось перечитать «Золотого осла» Апулея; Светония «Жизнь двенадцати цезарей»; оба издания – «Плоть и кость дзэн» и «Кости и плоть дзэн»; за ними «Чжуан-цзы» с «Лецзы»; Еврипида, Эсхила, Аристофана; все пьесы Бернарда Шоу; что-нибудь из абсурда, например, «В ожидании Годо» Беккета; всего Овидия; Данте «Божественную комедию»; «Квантовую психологию» Роберта Уилсона; «Думу про козака Голоту»; мемуары батеньки Махно; хорошо бы и Кастанеду, все тома про дона Хуана Матуса, старого индейца из племени яки, отдавая отчет себе ясно в том, что жывал ли и в самом деле на Земле такой дон Хуан, или же Карлос его сочинил нам, никакого значения не имеет. Как же так? – вы спросите. Да вот так. Еще хорошо бы Алана Уотса, Тимоти Лири, Вильгельма Райха, Карла Густава Юнга, Зигмунда Фрейда – их бы работы перечитать. И непременно Виктора Франкла, его «Человека в поисках смысла». И «Le Phénomène humain» де Шардена, Пьера Тейяра; и Дэвида Хокинса «Путь принятия».

Хорошо бы еще бы много чего бы, да всех одним махом и не припомнишь. По мере, стало быть, поступления.

Сквозь отвлечения и спотыки добрался я все же до сто двенадцатой медитативной техники Шивы и подналег на нее уж, как понимал. Не преминул, ничтоже сумняшеся, и советом Ошо воспользоваться. Совет простой. Если вам ни одна из техник, как ни бились, не подошла, то позабудьте вы про духовность и живите дальше себе на радость. Вот такой еще метод нам, сто тринадцатый. Кстати, трудноосуществим не менее прочих. Осилим как-нибудь.

Когда ставил на полку последний том, из него выпал сложенный лист, исписанный моим почерком. Уж и не помню, когда писал, и мое это или чье-то. Там простым карандашом размашисто было написано вот что:

«Пожалте бриться (рассказ). Слушайте, это было в начале, в самом начале восьмидесятых; мы с объектов после работы по горам вниз топали, спускались к дороге. Могли сутки топать, могли и двое. А на дороге нас поджидали бэтээры шестидесятые, бээмдэшки и бээмпэшки. Разместившись, в них возвращались к себе на базу. Там сутки ехать. Бывало короче, бывало дольше. Я в эрдэхе с собой таскал, как талисман, опасную бритву Золинген, от отца, трофейную, с той войны, с перламутровой ручкой, с поющим лезвием. В бэтээрах, знаем, качает. А еще в них бывает скучно. Развлекались просто. Бросали на пальцах; на кого выпадет, получал от меня мой Золинген и пытался побриться им. Пустил кровь себе – значит, продул. Передавай опаску соседу. И так по кругу. Смешно до чертиков. Все в крови; улыбаются; всем неловко от своей неловкости. Уморительно. Победителю, если был бы, на базе вручили бы флягу спирта или, на выбор, солидный баш местной травки. Теперь гадайте, кто б выбрал. Не угадаете, потому что, увы, никому из нас так ни разу и не случилось побриться насухо. Ай да сталь! Меня контузило, и мой Золинген со мной вернулся домой в свой час. И чем друзья мои без него развлекались потом по пути на базу, ломаю голову до сих пор. Наверняка могу лишь одно сказать, вы так и знайте, – нам было мало».

Ну вот, такое еще прочел.

Тут и вай-фай заработал. Однако ж засесть за компьютер, вернуться в сеть, плотно заново уловиться в ее паутину не получилось. Громыкнуло где-то и раз, и два-три; от взрывной волны задрожали стекла в окнах. Оказалось, что наступило двадцать четвертое февраля. Утро взвыло воздушной тревогой. Свет мигнул. Телефон звонит. Друг, с которым пятнадцатого отметили годовщину вывода войск, сказал в трубку категорично:

– Оженись на вольній волі!!!

От него украинского не слыхал, полагаю, что со времен школьного нашего с ним обучения во втором интернате на Ботанической. Из чего оставалось предположить, что дело серьезное. Все же переспросил:

– На козацькій долі?

– В точку, старик. Давай выдвигайся в темпе сюда ко мне в батальон. У меня тут тероборона.

– Так захвачу с собой Генку с Серегой.

– Уже прямують сюди. Тебе позвонил последнему, поскольку ты у нас быстр на сборы.

– Рады стараться! Оружие выдашь?

– А ты как думал?

– Я так и думал.

Отложив все замыслы на потом, исполнил в точности что мне велено. И другом, и сердцем, и всей душой. Не отмечать больше с другом нам прежних праздников. Отобьемся, – а мы умеем, а теперь еще и хотим, – со всем нашим козацьким драйвом расколошматим этих уродов, и *Перемогу* отметим, как полагається. Завоюем себе новый праздник на долгие времена. Тогда и любимые книги перечитаем. И, может статься, прочтем и напишем новые.

Возврата к старому больше нет; пропал в одночасье что звук пустой.

Мы обязательно победим.

¡Venceremos!

¡No pasaran!

І все буде Україна, шановні друзі!

Одесса, 10 апреля 2022

Виктория Петренко

Формула жизни

Рушить стены и строить мосты –
мне казалось, эта формула доказана временем.

В сумме – взаимодействие.

Взаимоуважение, наверняка дружба, возможно любовь.

Я ошиблась. Рушить мосты и строить стены –
вот формула безопасности. Формула жизни.

В сумме обязательно мир. Только теперь мир будет не существительным, а глаголом.

Для того чтобы пройти через темноту, не захлебнувшись в ней, я включаю маяки из светлых воспоминаний. Иду на теплый свет и верю, что все еще будет. Сейчас счастье – жить, быть вместе, слышать тишину, улыбаться, не бояться. И видеть чистое небо, в которое однажды вернешься.

Поэзия

- 212 **Анна Маліцька**
Планета людей
- 216 **Инна Квасивка**
Посреди событий и времен
- 220 **Александр Аванесов**
Я пошел на войну
- 224 **Ольга Лесовикова**
Ластик времени

Анна Маліцька

Планета людей

* * *

Тиша колись була затишна, нині ж – лячна.
Хочеться шумовиння дороги з відкритих вікон
І бодай меншого звуку (тільки б не плачу).
І посмугованих відблисків фар на повіках.

Бо це – колискова вулиць, дихання міста,
Доказ того, що ніхто не зникне вночі нікуди,
І ночі нема взагалі, бо вогнів намисто
Спростовує темряву. Можливо, і ту, що – в людях.

Коли календар розпадається під хрестами,
Якими рахують війну, ніч стає, як видих,
І посеред неї, в своєму ліжку, ти до нестями
Вслухаєшся в довгу пустку й фантомний вибух.

...Ми призвичаїмось – майже до стану «забути» –
До напівмертвого міста в ліхтарній міді.
Страшніше буде не спромогтись заснути,
Поки під вікнами мирні машини їдуть.

Планета людей

Нам ще довго летіти крізь синяву
І волоссям ловити південний вітер,

Небо сьогодні лагідніше
За дотик вуст,
За проминулі долонню пелюстки квітів.

Хто на землі, вип'ють за нас нехай,
Сльози залишим червню, а страх – нікому.
Все це – заради ранку,
Заради перлистих хмар,
Простої любові й легкого шляху додому.

Знаєш, самим непримхливим птахам
Вдається завжди бути на Батьківщині.
Ми сходим, як голуби,
В цей синьоокий храм.
Небо – лише для тих, хто сповідав щирість,

І викресана планетою мить краси
Належить лиш тим, хто у любові винний.
Ми з тобою живемо
В найкращі з усіх часів,
Хоча б через те, що в них тільки є живими.

Небо розвидниться

Небо розвидниться, вибілить вітер хмари,
Море розпустить кучері на піску...
Вірити нині, що наші життя не марні, –
Це все одно що вірити в літні ранки,
Знаючи, що не в нас вони зацвітуть.

Сонце сягає завше самої суті...
Брате, скажи, лишивши дороги дум,
Що тебе більш лякає в хвилини люті –
Бути людьми зневаженим чи забутим?
Встояти там, де друзі твої впадуть?

Небо розвидниться. Завтра й за сотні років
Сонця свічу здійматимуть в небеса.
І, коли йтимеш краєм своїм широким,
З тихим дощем зіллються і наші кроки,
На твої чоботи сядуть, немов роса.

Хмари століть жорстоких розсіє вітер,
Й наші вогні здмухнувши з земних долонь.
Але зостанеться твій, щоб у них світити,
Твій, що чорнила зродить для нот і літер,
Твій, що людей зігріє своїм теплом.

Ждатимуть знов зірок понад літнім ранком,
Поміж зірками ждатимуть сяйва дня.
Небо розвидниться, вибilitь вітер хмари...
Вірити б лиш, що все це не буде марним,
Вірити – й пити чашу свою до дна...

Птахи

Говори, що ми не належимо більше світу,
Але навіть птахи навчилися вити гнізда.
І я хочу лишатись там, де немає вітру,
Куди не дотягнеться небо, пухке і грізне.

Я дивитись інколи хочу в оце безмежжя
З засипаних світлом вулиць, з блакитних вікон.
Говори про війну і зраджену обережність.
Я хочу вернутись. І більше прожити віку,

Ніж метелики літа, що ловлять подихи свічки.
Людські маяки вивершують біль розлуки.
Птахи відлітають у вирій. І шлях цей – вічний.
Насправді ж вони так хочуть до неї в руки.

Я повернусь додому

І я повернусь додому.
В кишенях застигнуть століття.
Я повернусь у місто,
Засніжене ліхтарями,
І, як акварель – водою,
Розміє за вікнами вітер
Бруківку з кленовим листям,
Бульвар і портові крани.

Пройдуся по тротуарах,
Стрункими квадратами вулиць.
Таксисту скажу: «Люстдорфська».
Він – «Чорноморська?»
«Саме».
Дорогою бризнуть фари.
«То звідки ви повернулись?»
«Здалека»...
Життя, як торфом,
Засипане небесами.

І ключ захриплий не видасть
Того, що я знову поряд,
У рідній своїй квартирі,
Де все, як було. І досі
Із вікон на сході видно
Засріблену стрічку моря
Та поодинокую зірку,
Заснула над хмарочосом.

Инна Квасивка

Посреди событий и времен

Летом

Нестерпимым летом, страшным летом
в форму камуфляжную одеты
парки и леса, поля и горы...
вот из берегов выходит горе
и смывает все, что на пути, –
эту реку нам не перейти.

Нестерпимым летом, страшным летом
гнезда вьют крылатые ракеты
посреди больниц, на школьных крышах,
в шатких колыбелях, там, где слышен
щебет человеческих птенцов.
Нынче смерть с младенческим лицом.

Нестерпимым летом, страшным летом
мертвым матерям приносят дети
воду, хлеб, консервы на могилы
прямо во дворах, где погубили
их чужие – в прошлом тоже дети –

добрые, наивные, как эти.

Нестерпимым летом, страшным летом
мы в иглу войны, как нить, продеты –
и война, от края и до края

крестиком несчастье вышивая,
заполняет клеточки земли,
сколько о пощаде ни моли.

* * *

Все, что нам осталось, – просто жить,
не желая лучшего, не веря,
как загон для раненого зверя –
родина моя. Стальную нить
протянула смерть – в ее границах
спеет время, время колосится,
чтобы дать живым насущный хлеб.

Вот мой дом – святилище и склеп!

Расскажи: кому теперь молиться,
чтоб чужие огненные птицы
здесь не вили гнезда и во степь
города вокруг не превращали.
У свинцовой ночи есть начало,
у свинцовой ночи нет конца.

Тяжелее этого свинца
только безвоздушная тревога –
я сроднилась с ней, как дьявол с богом,
и она – смотри – на пол-лица,
половину сердца съела, что же...
Я ведь и сама тебя тревожу,
как тревожить может страшный сон.

Посреди событий и времен
я едва держусь (чего бы ради?),
стойкий оловянный мой солдатик
сам собой убит и побежден.
Не желая лучшего, не веря,
я подобна загнанному зверю.

Все, что мне осталось, – просто быть.

Ни слова

Ни слова о войне.
Побудь наедине
со мной, пока еще
вдвоем быть можно,
пока цветет сирень,
и мы в плену сирен,
как пойманные птицы,
осторожны.

Пока не грянул гром
и цел под небом дом,
и молнии ракет
не засверкали –
не говори про то,

что жизнь, как решето:
просеет много, но оставит
мало.

Молчи, чтоб тишина
окутала сполна,
чтоб сквозь нее
не прорвалось ни звука,
как будто мы давно
мертвы, и нам дано
все лучшее, рождаемое
в муках.

Еще о том молчи,
как слезы горячи,
как пальцы холодны
перед разлукой.
Я промолчу в ответ,
я не сломаюсь – нет –
ни слова о войне.
Ни даже звука.

* * *

Отчего же ты, брат Каин,
поднимаешь на меня руку,
превращаешь в живой камень,
высекаешь на мне буквы
и, на прочность мой нерв пробуя,
освящаешь, как крест надгробия?

Освящаешь родной смертью,
заставляешь стоять ровно
у могил, где всю черви
разъедают твоих кровных,
чтобы новых убитых авелей
на съедение предоставили.

Пожелай же мне, брат Каин,
среди мертвых, среди невинных
жить и здравствовать без скитаний,
жить и здравствовать на руинах,
если только смогу не спятить я

у кладбищенского распятия.

Александр Аванесов

Я пошел на войну

* * *

Запах приснился мне...
Глаженных простыней...
Будто бы я на войне,
И дым от горящих стеблей...
Гулкие взрывы гранат,
Пуль пролетающих свист...
Рядом убитый солдат,
И кружит осенний лист...
Весна – и осенний лист.
Вот уж действительно сон...
И взгляд у солдата так чист...
И кружится лист в унисон.
Приснится ж такая жуть...
Я очень проснуться хочу.
А ночью спокойным уснуть,
Не думая, что закричу.
Запах приснился мне...
Глаженных простыней...
Все это было во сне.
Не было мертвых парней.

* * *

Какая детская война...
В нее играли дети в Буче...
У нас же мирная страна,

Для нас же дети – солнца лучик.
В войну играли в Ирпене,
Играли в Харькове детишки,
Как и в любой другой стране:
Мечи, щиты, машинки, пушки...
Играли лучики в войну...
В глаза нам глядя, улыбались...
Их часть – я чувствую вину –
В войну ушли и в ней остались.
Какая детская война...
Какая глупая война...
Любая глупая война...
Такая страшная война...

* * *

Я пошел на войну,
Я пошел убивать.
На войне это дело обычное.
Я оставил семью,
Чтоб ее защищать.
А идти, не идти – дело личное.
Дождь неспешный идет,
Я в окопе сижу
С автоматом и ночью в обнимочку,
И пытаюсь понять, что теперь меня ждет,
И судьбы своей вижу улыбочку.
Я пошел на войну,
Я пошел убивать.
На войне это дело обычное.
Я не шел на войну,
Чтобы здесь погибать.
На войне это дело обычное.
Да... Идти, не идти – дело личное...

* * *

Вечером прийти домой с работы,
Сесть за стол с дочуркой и женой.
Добрые семейные заботы...
Обсудить грядущий выходной.
Посмотреть любимый мультик вместе,
Посмотреть уже в десятый раз.
И на самом интересном месте
Задремать в еще не поздний час.
Знать, что в этой маленькой квартире
Счастье поселилось и живет.
Это важно – знать, что в этом мире
Тебя кто-то вечерами ждет.
Здесь любые не страшны невзгоды,
Время тихо и размеренно течет.
А счастливо прожитые годы
Домовой ревниво стережет.
Вечером прийти домой с работы,
Сесть за стол с дочуркой и женой.
Добрые семейные заботы.
...Так и было все... перед войной...

* * *

На желтое поле цветущего рапса
Небо нежно-голубое упало.
И неба нежно-голубого масса
Поле цветущее желтого рапса даже не смяло.
Так бы и жили – поле и небо, долго и радостно.
Неба голубого и поля желтого равенство.
Только безумства глухого затмение горько и пакостно
Уничтожить решило неба чистого, поля желтого таинство.
Дым и копоть чистое небо испачкали
И железом и кровью желтое поле засеяли...
Чтоб вороны погромче над трупами каркали...
Чтобы флаги над полем трехцветные веяли...
Битва желтого поля и неба с безумным затмением –

Зло с добром не впервые за мир этот борются.
Этой битве потом сложим горестный реквием.
А пока зло с добром будут верой и доблестью мериться.
На желтое поле цветущего рапса
Небо нежно-голубое упало.
Это наше желтое поле...
Это наше голубое небо...

* * *

Бродит кошка на войне
И под нос мурлыкает:
«Людям скучно в тишине,
Небо странно блымакает...
На окне не полежать,
Потому что нет окна,
Шубку негде полизать –
Говорят, идет война...
Как в их головы вложить,
Пусть они меня простят,
Что без войн возможно жить,
Жить, растить своих котят...»
Тихо подойдя ко мне,
Вдруг на руки прыгает.
Бродит кошка на войне,
Все под нос мурлыкает...

Ольга Лесовикова

Ластик времени

Це не ластівка,
Він гнізда не в'є,
Він руйнує вщент.

Камень был – песок,
память бьет в висок,
найден черепок,
вспоминай, дружок,
снами,
картинами,
сюжетами...
мы прорастаем об этом ли,
эхом из прошлого, ласточкой,
точкой на белом
в тетрадке ли
почерком шатким выводится
слово живое и мертвое.
Между войною и миром,
что прорастает всегда, –
божья трава,
трава...

Искусство – ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО

- 226 Виктория Коритнянская**
Художник Фросте – парижанин, погребенный в Одессе
- 239 Виктор Михальченко**
Некоторые дополнение к статье В. Коритнянской
«Художники Силин и Ковшаров»
- 244 Евгений Деменок**
Великий, друг великих. Томас Венцлова в Праге
- 259 Вадим Перельмутер**
Фрагменты о Липкине
- 272 Александр Грабовский**
Геннадий Гармидер – городу и миру
- 279 Марк Яковлев**
Doga

Виктория Коритнянская

Художник Фросте – парижанин, погребенный в Одессе

Об одесском периоде жизни художника Фросте известно до обидного мало. Вероятно, он был одним из первых заезжих профессиональных художников, осевших в нашем городе. Прожив в Одессе последние тринадцать лет своей жизни, Фросте был похоронен на Первом городском кладбище [3]. Могила его, как, впрочем, и все кладбище, была уничтожена большевиками в 30-х гг. XX в.

Пополнив творческую часть французской колонии в Одессе, Фросте щедро делился с одесситами своим талантом: преподавал, писал портреты, украшал своими произведениями храмы... К сожалению, нам не удалось узнать, была ли у Фросте семья, и, думается, художник вряд ли занимал в Одессе какую-нибудь официальную должность, но наверняка он, будучи католиком, посещал костел Успения Пресвятой Девы Марии и уж точно ездил в Крым ради лечения целебными лиманными грязями...

Жизни Фросте в Одессе предшествовали яркий французский и Санкт-Петербургский периоды. О них, к счастью, известно больше. Но начнем все по порядку.

Никола-Себастьян (Николя-Себастьян, Николас-Себастьян, Николас Себастьян, Николай-Себастьян, Николай Себастьянович, Николя, Себастьян) Фросте (Фростэ) (21 августа 1790¹, Париж – 1856, Одесса). Портретист, жанрист, исторический живописец. Выпускник Школы изящных искусств (1810-1812), ученик Жана-Батиста Реньо, педагог, неоднократный участник парижских Салонов.

Первые известные нам произведения Фросте датированы 1810-1812 гг. [по материалам сайтов: www.artnet.com, fr.wikipedia.

org и др.]. Тогда же художник начинает активно участвовать в Салонах:

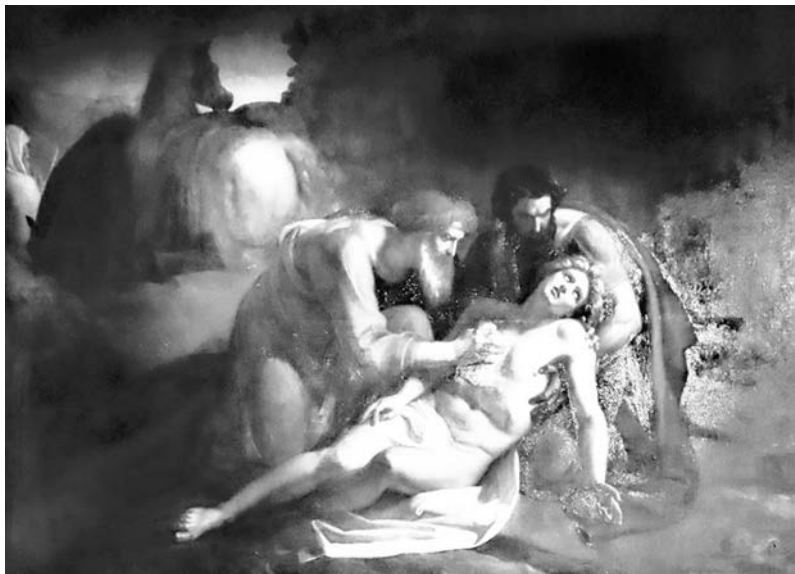
Салоны 1810 и 1812 гг.: «Portrait du fils de S. E. le général comte Vandamme» («Портрет сына его превосходительства генерала графа Вандамма». Здесь и далее перевод с французского – автора), № 399 [26, 27]. Место хранения картины в настоящее время неизвестно.

Салон 1817 г.: «Veillée funèbre près d'Atala» («Погребение Аталы»), № 346. Описание картины: «Шактас, сняв саван, покрывавший Аталу, предается зловещим размышлениям, созерцая ее в последний раз. Отец Обри молится» [25, 28]. Место хранения картины в настоящее время неизвестно.

Салон 1819 г.: «Le bon Samaritain» («Добрый самаритянин»), 277×260 см, № 469 [29]. В издании «Annales du Musée et de l'École moderne des beaux-arts. Salon de 1819» представлены сопроводительный текст и репродукция картины. Фрагмент текста (замечание критика): «...хочу сравнить произведение Рембрандта («Самаритянин») с картиной месье Фросте. Мы не можем отказать последнему в похвале за стиль и «la sagesse» (дословный перевод – «мудрость», в данном случае, вероятно, композиция, построенная по классическим канонам. – **Авт.**) композиции, рисунок обнаженных тел и построение драпировок. Однако его кисть могла бы быть тверже, прикосновение более блестящим, а колорит шире и мягче. Три фигуры, составляющие группу, слегка прижаты друг к другу и кажутся поэтому изолированными в середине изображения. Это «неудобство» не возникло бы, если бы художник пролил больше света

Портрет художника Н.-С. Фросте.
Н. Бьянковски, 1832 г., Гравюрный кабинет
Государственного художественного собрания
Дрездена (Германия). Фото Н. Loos, 1931-1945 гг.
Хранится в SLUB / Deutsche Fotothek,
фото №: df_hauptkatalog_0150386, негатив

«Добрый самаритянин». Н.-С. Фросте, 1819 г., Музей изящных искусств г. Орлеана (Франция).
Фото из открытых источников

на задний план своей картины» [36]. Первоначально картина предназначалась для кафедрального собора в городе Орлеане (Франция), в настоящее время хранится в собрании местного музея изящных искусств [34].

Салон 1822 г.: «Saint-Etienne, premier martyr» («Святой Этьен Первомученик»), работа также известна под названием «Martyre de Saint-Etienne» («Смерть святого Этьена»), № 509. Описание картины: «После его побивания камнями приходят христиане, чтобы забрать бранные останки» [30]. Картина была отмечена известным политическим деятелем и историком Адольфом Тьером, в настоящее время находится в соборе Святого Этьена в Тулузе [34, fr.wikipedia.org]. В «Словаре художников, скульпторов, рисовальщиков и граверов» Е. Бенези [24] упоминается, что данное произведение находилось в министерстве внутренних дел Франции.

В Салоне 1824 г. участвовали четыре картины Фросте.

1). «Jésus-Christ guérit un possédé» («Иисус Христос исцеляет одержимого»), 317,5×249 см, № 678 [31]. Описание картины (и замечание критика): «Иисусу Христу представлен человек, одержимый дьяволом, этот несчастный, кажется, близок к смерти от жесточайших страданий. Наш Господь исцеляет его в присутствии учеников и нескольких людей из народа. Эта картина по заказу префекта Сена для парижской церкви выделяется нервозностью и в то же время «la sagesse» композиции, но рисунок фигуры на переднем плане имеет некоторую тяжеловесность, а колориту в целом не хватает легкости» [37]. Картина находится в церкви Нотр-Дам-де-Блан-Манто в Париже [34];

2). «Saint Charles Borromeo» («Святой Шарль Борромео» (святой Карло Борромео – кардинал и святой католической церкви. – Авт.), № 679 [31]. Картина находится в часовне Сен-Шарль Борромео Кафедрального собора Святого Людовика в Версале [24, 34]. Любопытно, что о картине оставил заметку посетивший Салон Стендаль: «Я нашел много физических живописных достоинств, если мне будет дозволено так выразиться, в «Святом Карле Борромейском» Фросте*; тут есть и колорит, и рисунок. Автор, слыхавший, что у св. Карла был крупно очерченный нос, взял себе поэтому натурщика-итальянца. Святой изображен молящимся на коленях перед распятием. Почему эта картина оставляет нас равнодушными? Потому, что лицу св. Карла недостает умиления и, осмелюсь сказать, выражения страсти. Вовсе не с таким поразительным хладнокровием обращается слабый смертный к всемогущему существу, от которого зависит спасение его души. Художник не имел случая изучить выражение лиц у нескольких сот усердно молящихся христиан. Ошибка его в том, что он не зашел в какую-нибудь деревенскую церковь Южной Италии. Бюст, голова которого представляет собою слепок с лица св. Карла после смерти, существует на Борромейских островах, близ Ароны; можно было бы этим бюстом воспользоваться» [17].

* Сноска Ф. Стендаля: Фросте (1790-1856) изобразил св. Карла Борромейского в обычной, канонизированной его позе – на коленях перед распятием. Этой неблагодарной для живописи позой критики хотели объяснить невыразительность и «холодность» картины.

Портрет Фросте в молодые годы. Автор – крымская художница Сидикова, время создания неизвестно, Сакский музей краеведения и истории грязелечения. Фото из открытых источников

3) «S.A.R. Monseigneur le duc d'Angoulême visitant l'hôpital militaire de Chiclana (en Espagne)» («Его королевское высочество монсеньор герцог Ангулемский во время посещения военного госпиталя Чиклана» (в Испании)), № 680. Описание картины: «Его королевское высочество награждает орденом Почетного легиона молодого раненого солдата» [31]. Место хранения: Парижский музей Валь-де-Грас [fr.wikipedia.org].

4) «Portrait de M.F., sous-intendant militaire» («Портрет М.Ф., военного субинтенданта»), № 681 [31]. Место хранения картины в настоящее время неизвестно.

Заметим, что одна из работ Фросте, участвовавших в Салоне 1824 года (какая, увы, неизвестно), была награждена золотой медалью (данные о награждении Фросте в Салоне 1827 г. [3], вероятно, ошибочны) [22, 23, 24, 34]. Кроме того, в 1828 году Фросте был награжден серебряной медалью на выставке промышленности и изящных искусств в Камбре [34].

К участию в Салоне 1827 года были допущены две работы Фросте: «Psyché abandonnée» («Брошенная Психея»), 290×230 см, № 420. (Комментарий под названием картины отсылает нас к повести Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона»: «Купидон улетел, и дворец исчез, не было больше нимф, не было больше Зефира, бедная жена оказалась одна на дрожащей бледной скале... Однако Купидон остался в воздухе, чтобы увидеть, до какой крайности дойдет его супруга, ибо не желал, чтобы та совершила какое-либо насилие над своей жизнью») и «Scène d'Inquisition» («Сцена инквизиции»), также известная под на-

званием «*Condamné reçoit sa sentence*» («Осужденный получает приговор»), 79×90 см, № 421 [32]. Среди отзывов о картине находим, что «Сцена инквизиции» художника Фросте исполнена с довольно твердым талантом» [35]. Место хранения картин в настоящее время неизвестно.

В Салоне 1831 г. также участвовали две работы художника: «*Portrait en pied de Mme la comtesse de S***, avec son enfant*» («Портрет мадам графини де С*** в полный рост с ребенком»), 280×210 см, № 849, и «*Vue de la Piazzetta, à Venise*» («Вид на Пьяцетту в Венеции»), № 850 [33]. Место хранения картин также неизвестно.

Кроме указанных выше полотен известны и другие произведения французского периода творчества Фросте: «*Portrait de jeune fille*» («Портрет молодой девушки», 1810 г., вероятно, частное собрание); «*Portrait en pied de Louis XVIII*» («Портрет Людовика XVIII в полный рост»; также: «Людовик XVIII верхом» [38]), выполнена в 1827 г. по заказу королевского двора Ренна (г. Ренн, Бретань)); «*Le Sommeil*» («Сон»), 95×82 см, и «*Odalisque fumant le narguilé*» («Одалиска курит кальян»), 113×136,5 см, обе последние указанные работы были написаны в 1827 г., в настоящее время находятся в собрании Музея изящных искусств в Труа, Франция [22, 34].

Любопытно, что из многочисленных каталогов и пояснений к Салонам, а также из выпусков «*Almanach des 25000 adresses des principaux habitants de Paris*» разных лет известно, где жил Фросте в Париже до отъезда в Россию. К примеру, с 1810 по 1817 гг. художник жил на улице du Four-Saint-Honoré (в настоящее время – la rue Vauvilliers (район Ле-Аль, так называемое чрево Парижа)) в доме № 7 или № 9 (в разных источниках по-разному) [26, 27, 28]. В 1819-1822 гг. адрес художника – улица du Cloître Saint-Merry, дом № 16 или № 18 (снова в разных источниках по-разному) [21, 29, 30]. С 1827 по 1832 гг. – на rue Monsieur-le-Prince, 20 [22, 23, 32, 33, 34].

В Россию, в Санкт-Петербург, Н.-С. Фросте прибыл, вероятно, в конце 1832 – начале 1833 гг.² Об этом, в частности, можем косвенно судить по нескольким зацепкам: во-первых, в Альманахе за 1832 г. [22] еще присутствуют сведения о художнике, во-вторых, участие Фросте в Салонах заканчивается 1831-м годом [24], тем же годом датированы и его последние французские работы

[33, 34, fr.wikipedia.org и др.], и в-третьих, время создания первых его произведений в России – 1833-1834 гг. (именно в эти годы была написана Фросте по заказу императора Николая I для галереи портретов Большого фельдмаршальского зала в Зимнем дворце, пожалуй, одна из самых знаменитых его работ – «Портрет генерала-фельдмаршала князя Александра Васильевича Суворова»³). В это же приблизительно время Фросте также был написан «Портрет Петра I» (вымышленный тип; изображение в рост, $\frac{3}{4}$ влево; у стола с бумагами, с подписью: «Пис. въ СП Бургъ Н. Фросте» и посвящением: «Его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. С чувством глубочайшего благоговения посвящено художником Н. Фросте»; утрачен), ставший известным благодаря сделанной с него в Париже Р. Ролле гравюре в технике акватинта [5, 16]. Позднее гравированные портреты Петра Великого с оригинала Фросте, выполненные Ролле, И.Г. Робинзоном и др., пользовались популярностью в Российской империи и даже продавались в магазинах. К примеру, в конторе «Отечественных записок» и в магазине гг. Белизара и Егтерса (г. Санкт-Петербург) они стоили: выполненные в технике акватинта – 35 руб., оттиски *avant la lettre* – 60 руб. [20].

В собрании Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника также находится приписываемый кисти Фросте «Портрет Ольги Станиславовны Нарышкиной» (в девичестве Потоцкой) – супруги двоюродного брата М.С. Воронцова, генерал-майора Льва Александровича Нарышкина [8, 19]. Известно, что супруги после свадьбы поселились в Одессе, где, очевидно, с середины 1820-х гг. жили в усадьбе Нарышкиных (в настоящее время в этом здании располагается Одесский художественный музей) [4]. Поскольку портрет Нарышкиной датирован 1830-ми гг. и поступил в Алупкинский музей-заповедник из собрания Эрмитажа [3], написан он был Фросте, вероятно, в Санкт-Петербурге.

В столице Российской империи Фросте кроме выполнения заказов (впрочем, как в Париже, так и потом в Одессе [1, 34]) зарабатывал на жизнь частными уроками рисования. В 1836 году Императорской Академией художеств ему было присвоено звание назначенного академика [7, 8, 18, fr.wikipedia.org]. На юг империи, в Одессу, художник переехал в 1843 г. [3].

В Одессе портретист Фросте жил на улице Итальянской в доме Герша Тальянского⁴ [9, 10]. Добавим, что Фросте был болен хроническим ревматизмом (вполне возможно, что это и послужило причиной переезда. – **Авт.**), поэтому неоднократно прибегал к лечению лиманскими грязями не только в окрестностях Одессы, но и в Крыму. В частности, сохранились сведения, что в 1844 году художник посетил курорт целебных грязей в Саках, где под наблюдением доктора Оже «принял восемь ванн, после которых испытал значительное облегчение» [8].

Портрет О.С. Нарышкиной. Н.-С. Фросте, 1830-е гг. Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник.

Фото из открытых источников

Фросте писал большемерные картины на библейские и мифологические сюжеты для различных храмов Одессы. Его работы украшали Римско-католический кафедральный собор (собор Успения Пресвятой Девы Марии) и Одесский кафедральный Спасо-Преображенский собор [2]. В последнем на западной стене при выходе из Николаевского придела по желанию архиепископа Гавриила (Розанова) была написана Фросте большая картина, представляющая пророка-псалмопевца, играющего на арфе. По мысли архиепископа, картина должна была служить «живым поучением приходящим во храм, как это видно из надписи внизу картины: «Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ». Картина вначале располагалась у самого входа в собор, прямо напротив главного алтаря, позднее, после открытия на том месте парадного входа, была перенесена в один из приделов [15].

Указанная картина Фросте удостоилась также и небольшой заметки в «Одесском вестнике»:

«Г. Фросте кончил картину в семь аршин высоты (без трех сантиметров пять метров. – **Авт.**), заказанную ему для здешнего

собора его преосвященством Гавриилом, бывшим архиепископом Херсонским и Таврическим. Предмет ее: царь Давид, поющий псалмы с арфою в руках. Картина прекрасно исполнена; она открыла нам в господине Фросте талант, с которым мы еще не были знакомы. Нам известно, что этот художник исполнил в Париже много значительных работ и был знаем с выгодной стороны в Петербурге, но до сих пор в Одессе мы видели только его портреты, правда, хорошо нарисованные и с большим сходством, но которые не давали нам возможности познакомиться с ним как с историческим живописцем.

В этом случае Одесса также должна быть признательна архиепископу Гавриилу, который, отъезжая, оставил ей на память картину, которая заняла бы почетное место в лучших столицах Европы» [11].

В ноябре 1848 года архиепископ Гавриил (уже после своего отъезда в Тверь) в письме к протоиерею С.А. Серафимову также писал, что для размещения в портретной галерее всех святителей епархии с момента ее основания в Тверском кафедральном соборе ему необходим его портрет, и он просит Серафимова спросить у Фросте: «Не напишет ли он копию с его портрета в монастыре?» [14]. Чем закончилось дело, где в настоящее время находившийся в монастыре (и в каком именно) портрет преосвященного Гавриила, и написал ли с него копию Фросте – увы, ответы на все эти вопросы пока остаются загадкой...

В 1850 г. Фросте вместе с Айвазовским участвовал в сборной выставке художников разных стран,⁵ проходившей в Одессе в здании Биржи на Приморском бульваре. Известно, что художник представил на ней две картины: «Одалиска» и «Святое семейство» (последняя была заказана предводителем губернского дворянства Станиславом Юрьевичем для католического храма в Бершади⁶ [3]), которые «обратили на себя внимание» публики [12]. Дальнейшая судьба этих полотен также, к сожалению, неизвестна.

Автор благодарит О. Барковскую, Т. Балановскую, И. Глебову, В. Михальченко, И. Русину, а также сотрудников краеведческого музея в г. Бершадь (Винницкая обл., Украина) и Музея изящных искусств в Труа (Франция) за помощь в написании публикации.

Примечания

¹ В «Словаре художников французской школы XIX века» («Dictionnaire des artistes de l'école française, au XIX siècle») [34], «Справочнике французских художников» («Annuaire des artistes français») [23] и «Историческом словаре живописцев всех школ с древнейших времен до наших дней» («Dictionnaire historique des peintres de toutes les écoles depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours») [39]] дата рождения художника Фросте – 1794 г. В то же время на портрете художника из коллекции Гравюрного кабинета Государственного художественного собрания Дрездена, непосредственно под изображением в строке после его имени четко прочитывается год 1792, затем, менее четко, слово «Париж» (в подписи к портрету, очевидно, на основании надписи на рисунке также указаны годы жизни художника: «1792-1856»).

² В издании «Allgemeines Künstler-Lexicon» [38] указано, что Фросте прибыл в Петербург в 1835 г. Учитывая то, что все портреты для Большого фельдмаршальского зала писались художниками в ограниченные временные сроки, в условиях постоянного общения с архитектором непосредственно на месте, то есть в зале, и т. д., считаем, что это вряд ли возможно. В то же время не исключено, что после окончания работы над портретом Суворова Фросте ездил в Париж, после чего, в 1835 г., вернулся в Россию.

³ Любопытно, что портрет Суворова кисти Фросте со временем оказался в Одессе – правда, в виде копии, выполненной другим и соратником Т.Г. Шевченко, Г.Н. Честаховским (1820-1893). В 1847 г. Одесским обществом истории и древностей были начаты переговоры с руководством Императорской Академии художеств по поводу создания серии портретов для Галереи портретов выдающихся исторических личностей (в серию кроме портрета Суворова должны были также входить портреты Петра I, М.И. Кутузова, И.Н. Инзова, Б.Х. Миниха, Александра I и др.). Выполнение части указанных копий было поручено Честаховскому (за каждый портрет художник получал 35 рублей серебром). Портрет Суворова был написан Честаховским в 1850 г., в 1851 г. он был приобретен обществом, в настоящее время картина находится в собрании Одесского историко-краеведческого музея [6].

⁴ Улица Пушкинская, 11.

⁵ Выставка проходила с 5 по 19 ноября 1850 г. в биржевой зале Одесской биржи и работала ежедневно с десяти часов утра до трех часов пополудни. Из двадцати представленных картин четырнадцать принадлежали кисти собственно нидерландских живописцев фламандской школы, шесть – живописцам других стран. Цена за вход составляла 25 копеек серебром, столько же стоил каталог выставки. Все вырученные средства передавались в пользу бедных [12, 13].

⁶ По материалам информационного портала «Бершадь.ua», икона, представляющая Святое семейство, висела в костеле Святого Станислава (г. Бершадь, Винницкая обл., время постройки храма – 1848-1850 гг.) за главным алтарем, на стене в большой деревянной позолоченной раме. К сожалению, дальнейшая судьба картины неизвестна. С приходом советской власти все имущество

костела было уничтожено: в храме вначале размещался клуб, затем кинотеатр, позднее ЗАГС, кроме того, по сведениям сотрудников Бершадского краеведческого музея, существует также вероятность, что картина была вывезена. Добавим, что ни одно из произведений одесского периода творчества Фросте или его изображение не сохранилось.

Литература

1. Александров Р. Профессор с Дерибасовской. – Одесса: Optimum, 2011. – 322 с.
2. Галяс О. Французы в Одесе. Les Français á Odessa. – К.: Наш час, 2012. – 245 с.
3. Губарь О.И. Первые кладбища Одессы. – Одесса: ТЭС, 2012, с. 376-377.
4. Губарь О.И. Мифы и легенды старой Одессы. – Одесса: Optimum, 2020. – 402 с.
5. Дружинин П.А. Собрание русских гравированных портретов в коллекции Г.Н. Геннади. (Описание.) – Москва: Трутень, 2004. – 304 с.
6. Каталог выставки «Исторический портрет XVIII – начала XX вв.» из фондов Одесского историко-краеведческого музея. – Одесса: АО «Одесская книжная фабрика», 1996 [стр. не нумер.].
7. Кондаков С.Н. Список русских художников. К юбилейному сборнику Императорской Академии художеств. – СПб., 1915. – 473 с.
8. Кондратюк С. Известный французский художник. – Газета «Слово города». 14.01.2021 г.
9. Новороссийский календарь на 1854 год. – Одесса: Городская типография, 1853. – 412 с.
10. Новороссийский календарь на 1855 год. – Одесса: Городская типография, 1854. – 434 с.
11. Одесский вестник. – 1848, 19 июня, № 49.
12. Одесский вестник. – 1850, 4 ноября, № 88.
13. Одесский вестник. – 1850, 15 ноября, № 91.
14. Письма бывшего Херсонского архиепископа Гавриила Розанова к протоиерею Серафиму Антоновичу Серафимову. – Херсонские епархиальные ведомости. 1906, № 10.
15. Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. Одесский кафедральный Преображенский собор (окончание). – 1860, 15 августа, № 4.
16. Ровинский Д.А. Подробный словарь гравированных портретов: П–Ф. Приложения, заключение и алфавитные указатели. Том. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889, с. 1383.
17. Стендаль Ф. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 6. История живописи в Италии. – М.: Правда, 1959, с. 492.

18. Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817-1859). – СПб.: БАН, 2015. – 768 с.
19. Фадеева Т. «Я люблю Побережье, и мой долг сделать его цветущим!..» Южный берег русской аристократии. Из истории освоения крымского Южно-бережья 1820-1830-х гг. в неопубликованных письмах княгини А.С. Голицыной Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам. – М.: Прогресс-традиция, 2016. – 416 с.
20. Художественная газета. – 1840, 18 февраля, № 4.
21. Almanach des 25000 adresses des principaux habitans de Paris, pour l'année. – Paris, 1820, p. 280.
22. Almanach des 25000 adresses des principaux habitans de Paris, pour l'année. – Paris, 1832, p. 238.
23. Annuaire des artistes français. 1re année. – Paris: M. Guyot de Fère, 1832.
24. Benezit E. Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs, graveurs. – Paris, 1939. V. 2. – 822 p.
25. Chateaubriand: 1768-1848: exposition du centenaire, Paris, Bibliothèque nationale, 1948 / [catalogue par Mme Jean Adhémar, Mlle Darembert, Pierre Josserand, Jacques Lethève, Jean-Pierre Seguin et Jacques Suffel]; [avant-propos de Julien Cain]. Paris, Bibliothèque nationale, 1948. 1 vol. – 175 p.
26. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Napoléon, le 5 Novembre 1810. – Paris, 1810, p. 42.
27. Explication des ouvrages de peinture sculpture architecture et gravure, des artistes vivans, exposés au Musée Napoléon, le 1 Novembre 1812. – Paris, 1812, p. 42.
28. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure, des artistes vivans, exposés au Musée Royal des Arts, le 24 avril 1817. – Paris, 1817, p. 39.
29. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Royal des Arts, le 25 août 1819. – Paris, 1819, p. 53.
30. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Royal des Arts, le 24 avril 1822. – Paris, 1822, p. 61.
31. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Royal des Arts, le 25 août 1824. – Paris, 1824, p. 74-75.
32. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Royal des Arts, le 4 Novembre 1827. – Paris, 1827, p. 76.
33. Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Royal des Arts, le 1er mai 1831. – Paris, 1831, p. 66.
34. Gabet Ch. Dictionnaire des artistes de l'école française, au XIXe siècle: peinture, sculpture, architecture, gravure, dessin, lithographie et composition musicale. – Paris, Vergne, 1831, p. 281.
35. Jal A. Esquisses, croquis, pochades, ou Tout ce qu'on voudra, sur le Salon de 1827. – Paris: A. Dupont & Cie., 1828, p. 318.

36. Landon Ch. P. Annales du Musée et de l'École moderne des beaux-arts. Salon de 1819: recueil de morceaux choisis parmi les ouvrages de peinture et de sculpture exposés au Louvre le 25 août 1819 et autres nouvelles productions de l'art gravés au trait avec l'Explication des Sujets et quelques observations sur le mérite de leur exécution. V. 2. – Paris: Au Bureau des Annales du Musée, 1820, p. 21.

37. Landon Ch. P. Annales du Musée et de l'École moderne des beaux-arts. Salon de 1824: recueil des principales Productions des Artistes vivans, exposées au salon du Louvre le 25 août 1824 gravées au trait et accompagnées d'Explications et d'Observations sur le genre et le mérite de leur exécution. V. 1. – Paris: Au Bureau des Annales du Musée, 1824, p. 23.

38. Muller H. A., Singer H. W. Allgemeines Künstler-Lexicon. Band VI. – Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten ö Loening, 1922.

39. Siret A. Dictionnaire historique des peintres de toutes les écoles depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours: Précédé d'un Abrégé de l'histoire de la peinture, suivi de la Nomenclature des peintures modernes et d'une collection complète de monogrammes. – Perichon, 1848. – 527 p.

Виктор Михальченко

Некоторые дополнения к статье В. Коритнянской «Художники Силин и Ковшаров»

В девяностом номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» была опубликована статья Виктории Коритнянской, посвященная двум художникам ранней истории Одессы. Один из них – «комнатный» живописец, позолотчик, резчик по дереву и камню Иван Иванович Ковшаров, в большей степени известен как иконописец. Несмотря на то, что Ковшаров и другие мастера кисти, безусловно, формировали облик Одессы того времени, писать о них довольно сложно. С одной стороны, они не были настолько знамениты и, как принято сейчас говорить, публичны, чтобы о них оставили воспоминания мемуаристы, в то же время упоминания, иногда буквально крупницы информации о художественных мастерах, разбросаны в самых различных источниках.

Биография и творческое наследие И.И. Ковшарова не являлись для меня предметом специального поиска. Но когда я просматривал огромные массивы исторических материалов в Государственном архиве Одесской области, время от времени встречались отдельные документы, связанные с жизнью художника и членов его семьи. Мне думается, что было бы непростительно лишить одесситов и исследователей художественного прошлого Одессы сведений, которые, к сожалению, не попали в интересную статью В. Коритнянской. Надеюсь эти дополнения окажутся полезными всем, кто интересуется историей нашего города.

В метрических книгах Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора разных лет сохранились записи, касающиеся венчания Ивана Ковшарова, а также крещения и смерти его

дочерей. В частности, во второй части метрической книги собора о венчании за 1835 г. находим, что: «31 января художник 14-го класса Иван Иванов сын Ковшаров, холостой, с девицею римско-католического исповедания Аглею Антоновою, дочерью французско-поданного Антона Дюрана. Поручителями со стороны жениха и невесты были: одесский 3-й гильдии купец Адольф Семенов сын Юргенсон, служащий в Одесском портовом карантине коллежский регистратор Спиридон Иванов сын Леондари, одесский 3-й гильдии купец Франонда Вонтер и вольноотпущенный Даниил Антонов сын Думшин. Венчал протоиерей Нестор Святенков» [1].

В следующем, 1836 году, 27 декабря молодая семья Ковшаровых крестила в Преображенском соборе дочь Гликерию. Восприемниками при крещении были: отставной поручик Иоаким Андреев сын Фонтана (?) и французско-поданного Антона Людвигова сына Дюрана супруга Маргарита Иванова дочь [2]. Интересно, что из этой метрической записи становятся известны имена родителей Аглаи Антоновны Ковшаровой – Антон Людвигович и Маргарита Ивановна Дюраны. Последняя стала для новорожденной внучки крестной матерью.

Следующая запись, в метрической книге Преображенского собора за 1841 год, наводит нас на мысль, что дочь Гликерия не была первенцем в семье Ковшаровых. В конце 1835 года Аглая Антоновна родила дочь Елисавету, которая умерла в пятилетнем возрасте: «13 февраля 1841 г. умерла Елисавета, дочь Ивана Ковшарова, чиновника 14-го класса, 5 лет, от водяной болезни» [3].

В статье В. Коритнянской указано, что у художника Ивана Ковшарова было семь сыновей [4]. Однако среди данных переписи населения Одессы за 1897 год нашлось имя еще одной дочери Ковшаровых – Елены, которая проживала в квартире № 7 дома № 12 на Надеждинской улице: «Ковшарова Елена Ивановна, квартирантка, 50 лет, девица, дворянка, родилась в Одессе, образование домашнее, живет на средства брата, отставного полковника» [5]. Который из братьев содержал Елену Ивановну, неясно. Правда, еще об одном брате – Сергее Ивановиче Ковшарове, мы обнаруживаем информацию в Адрес-календаре города Одессы за 1889 год. Здесь он в звании поручика служит помощником старшего адъютанта Окружного артиллерийского управления, проживает в доме Сикарда на Торго-

вой улице, № 6 [6]. Вряд ли сестра Елена находилась на попечении Сергея Ивановича Ковшарова, ведь в 1897 году он имел лишь звание штабс-капитана, однако к концу своей военной карьеры смог дослужиться до генерал-майора и как участник Белого движения в Сибири подвергся репрессиям, умер 22 августа 1920 года.

В 1833 году, находясь на гребне успешной карьеры, художник Иван Ковшаров вознамерился выстроить собственный дом и подал прошение в Одесский строительный комитет: «Желая построить дом по плану на пустопорожном месте, состоящем в 3-й части во вновь прибавленном к бульвару 1 квартале под № 2 и 3. Почему покорнейше прошу Строительный комитет приказать кому следует освидетельствовать означенное место и отвести мне на общих постановлениях» [7]. Дом Ковшарова находился в Воронцовском переулке под № 2 [8], и согласно Ведомости недвижимых имуществ, состоящих на Одесской городской земле за 1867 год, его оценочная стоимость составляла 22.700 руб. [9].

Аглая Антоновна Ковшарова пережила своего супруга на двадцать один год и умерла в апреле 1882 года. Об этом узнаем из некролога, опубликованного в 95-м номере газеты «Одесский листок»: «Сыновья и дочери, с душевным прискорбием извещая о смерти матери их Аглаи Антоновны Ковшаровой, скончавшейся 29 апреля, покорнейше просят родных, друзей и знакомых пожаловать на вынос тела усопшей в субботу, 1 мая, в 12 часов дня из дома Тюнеева, Воронцовский переулок, в Католическую церковь, а оттуда на кладбище. Особых приглашений не будет» [10].

Сложно представить, с какими финансовыми трудностями пришлось столкнуться многодетной вдове после смерти мужа, как ей удалось справляться с долгами эти двадцать с лишним лет без него. Известно о случае, когда в 1861 году Аглая Ковшарова подавала прошение в Одесский приказ общественного призрения «об отсрочке долга ее по займу» [11].

Но, вероятно, денежные проблемы открылись еще при Иване Ковшарове, что заставило семью с 1856 года сдавать часть помещений дома «для нижних чинов, занимающих караулы при квартире и канцелярии генерал-губернатора» за 4 руб. 50 коп. серебром в месяц [12]. Но даже повышение наемной оплаты до 10 руб. не исправило финансового положения семьи, о чем свидетельствует

прошение Аглаи Антоновны Ковшаровой: «следуемые за наем помещения с 1 ноября 1860 по 1 декабря 1861 по 10 руб. в месяц, всего сто тридцать руб. серебром покорнейше прошу Городскую думу зачислить следуемых с него в доход города за прошлый и настоящий год $\frac{3}{4}$ % денег за дом, состоящий в 1-й части по Воронцовскому переулку под № 2». Аналогичный вариант расчета за дом Аглая Ковшарова использовала и впоследствии, вплоть до 1864 года [13].

В феврале 1862 года в документах архивного дела также находим письмо одесского коменданта в Одесскую городскую думу, где со ссылкой на начальника штаба армейского корпуса говорится о том, что «караульня при доме Ковшарова холодная, и печь не обогревается», и предъявляется требование «понудить домовладельца к исправному отоплению упомянутой караульни». Вероятно, все усилия повлиять на Ковшарову оказались напрасны, поскольку в августе этого же года одесский комендант снова обращается в Думу. Он уведомляет, что «караульня при доме г-жи Ковшаровой сыра, холодна, печь, двери, окна и полы требуют значительного исправления, а потому имею честь покорнейше просить Думу предложить г-же Ковшаровой заблаговременно привести означенную караульню в исправленный вид, так равно уничтожить в комнате, занимаемой караулом, перегородку и не дозволить размещать там же посторонних постояльцев». В противном случае комендант просил Думу приискать вблизи другое помещение. Вероятно, угроза прекратить аренду возымела действие, так как ниже в письме отмечено, что г-жа Ковшарова изъявила согласие ликвидировать все неисправности.

Но на этом «дело караульни» при доме Аглаи Ковшаровой не окончилось. В сентябре 1862 года комендант покорнейше просит

A handwritten signature in cursive script, reading 'Аглая Ковшарова'. The signature is written in dark ink on a light background. The letters are fluid and connected, with a prominent flourish at the end of the last name.

Подпись супруги Ивана Ковшарова Аглаи Антоновны под одним из прошений в Одесскую городскую думу

Думу принудить Ковшарову непременно настлать в караульне деревянный пол вместо земляного, так как последний в ненастную погоду не просыхает, и от «постоянной сырости легко могут заболеть караульные нижние чины». Через гласного Посохова просьба коменданта была передана хозяйке дома. Известно, что Аглая Антоновна сменить полы согласилась, однако с условием увеличения платы за аренду помещения до пятнадцати рублей серебром в месяц [14].

Как известно, дом, построенный Иваном Ковшаровым, удержаться в семье не удалось – в 1880-х годах он уже принадлежал Тюнеевым [15]. Вероятно, к 1890 году его новым владельцем стал одесский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Александр Федорович Рафалович. Он возвел здесь новый трехэтажный дом, ставший в наше время знаменитой достопримечательностью и знакомый одесситам и гостям города как Дом-стена.

Литература

1. Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 37, оп. 3, д. 467, л. 81.
2. Там же, д. 488, л. 115.
3. Там же, ф. 37, оп. 6, д. 9, л. 227 об.
4. Коритнянская В. Художники Силин и Ковшаров. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 90. – Одесса, 2022, с. 265-280.
5. ГАОО, ф. 2, оп. 8, д. 1447, л. 14-15.
6. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1889 г. – Одесса, 1888, с. 95.
7. ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1717, л. 1.
8. Новороссийский календарь на 1845 г., издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1844, с. 295.
9. Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1867, 27 июля, № 80.
10. Одесский листок. – 1882, 1 (13) мая, № 95, с. 1 <рамка>.
11. ГАОО, ф. 1, оп. 81, д. 127 (1861) – дело не сохранилось.
12. Там же, ф. 4, оп. 36, д. 501, л. 1-2.
13. Там же, л. 12, 27, 29.
14. Там же, л. 28.
15. Путеводитель по городу Одессе с подробным планом. Сост. Висковский. – Одесса, 1884, с. 72.

Евгений Деменок

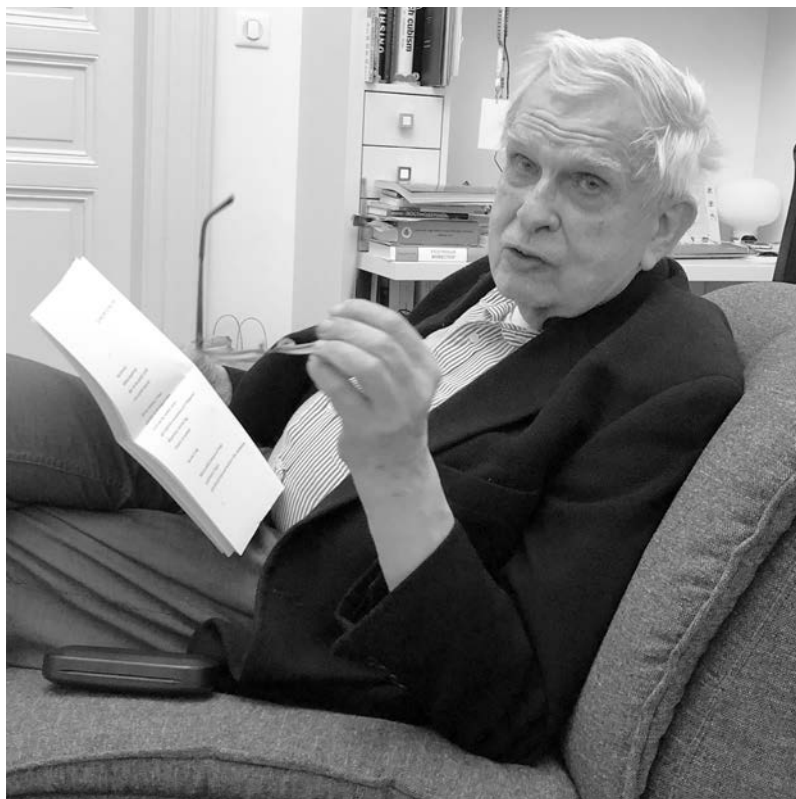
Великий, друг великих. Томас Венцлова в Праге

С великим (без малейшего преувеличения) Томасом Венцловой мы познакомились несколько лет назад в Берлине на литературном фестивале. Вежливый, внимательный, открытый Томас, близкий друг двух нобелевских лауреатов по литературе, Иосифа Бродского и Чеслава Милоша, узнав о том, что я одессит, сразу рассказал о том, что его бабушка и дедушка познакомились в Одессе и у нас же сыграли свадьбу. Это в очередной раз укрепило меня в мысли о том, что все великие люди имеют то или иное отношение к Одессе (шучу, но ведь в каждой шутке, как известно, лишь доля шутки).

Это краткое общение оставило у меня такие приятные воспоминания, что, увидев Томаса прошлой осенью в черногорской Будве на форуме «СловоНово», я радостно бросился к нему. Конечно, он меня не вспомнил, но его супруга, очаровательная Татьяна, узнав о том, что мы живем в Праге, сказала, что Томаса приглашают весной туда (то есть к нам сюда) на литературную резиденцию. И они будут рады встрече уже в Праге.

Время всегда летит быстро, а в период трагических событий еще больше ускоряется. С конца февраля все наше внимание было приковано к войне, потом в Чехию поехали украинские беженцы, и звонок Татьяны в начале мая показался приветом из прежнего, счастливого мира. Слово «счастливый» тут не случайно, потому что каждая встреча с Томасом – это счастье, опять же без малейшего преувеличения.

На этот раз Венцловы остановились прямо в доме Кафки на одноименной площади, и в первый же день Томас сказал

мне, что хотел бы написать стихотворение о предполагаемой встрече в Праге Кафки и Марины Цветаевой – чисто гипотетически она могла состояться осенью и зимой 1922-го или весной 1923 года, и если могла, то, конечно же, в одном из пражских кафе. Поэтому один из выходных дней мы посвятили походу по знаменитым пражским кофейням – «Славия», «Лувр», «Монмартр». А спустя две недели Томас, будучи с Татьяной у нас в гостях, впервые прочел свое стихотворение «Кафе возле Влтавы, 1923», переводя его прямо с листа на русский язык – стихи Томас пишет только на литовском.

Потом мы ездили по местам Марины Цветаевой – от пражского дома на Шведской улице до Вшенор, а по дороге Томас рассказывал удивительные истории из своей жизни – о знакомстве и дружбе с Бродским, о том, как единственный раз в жизни он надел смокинг на нобелевскую церемонию при награждении Бродского; о том, что одной из тех двух бутылок водки, которые тот увез с собой в эмиграцию, была бутылка, принесенная Томасом, – для Уистона Хью Одена. Уже потом я нашел записи Бродского об этом:

«Маркштейны и К: за стеклом. Таможенный досмотр – 1 минута – Шнапс или сигареты везете? Две бутылки (одна для Одена от Томика [Венцловы]). Показываю. Очень заинтересован. Отвечаю, что литовская».*

Рассказывал и о том, что приоритеты в «большой четверке» поэтов у них с Бродским были совершенно разными. Бродский на первое место ставил Цветаеву, потом Мандельштама, Ахматову и Пастернака.

– Цветаеву он обожал, и чем дальше, тем больше. У меня список такой: Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Цветаева. Мариону Ивановну ценю как поэта, но не очень люблю ее человеческие качества.

Говорил о том, что, несмотря на добровольное изгнание и многолетнюю эмиграцию, жизнь его сложилась счастливо:

– Мне удалось избежать четырех вещей: нищеты, ссылки, тюрьмы и психушки.

И много, очень много рассказывал о своей Литве, Каунасе, Вильнюсе.

«Вильнюс – это литературная столица по меньшей мере четырех народов, другой такой нет на земном шаре. Даже Нью-Йорк не такой: там больше народностей, чем где бы то ни было, но чтобы он был для них литературной столицей? А вот Вильнюс – это литературная столица для литовцев, поляков, белорусов и евреев (на идиш, на иврите есть прекрасная литература)»,** – эти

* <https://www.colta.ru/articles/literature/7416-iosif-brodskiy-popytka-dnevnika-vena-4-8-iyunya-1972-goda#ad-image-0>

** <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1641567/kak-tomas-ventslova-voshiol-v-pervuii-desiatku-kosmonavtov>

слова, сказанные во время вильнюсской презентации своей книги «Точка притяжения», Томас Венцлова повторял и повторяет неоднократно.

О своем любимом Вильнюсе – среди многочисленных его книг есть и «Вильнюс. Город в Европе», и «Диалог о Восточной Европе. Вильнюс как форма духовной жизни» (в соавторстве с Чеславом Милошем) – Томас рассказывал и на литературном вечере, который прошел 21 июня в Пражской городской библиотеке. Рассказывал о своих встречах с Анной Ахматовой, Надеждой Мандельштам, о дружбе с Натальей Горбаневской, конечно же, о Бродском. А стихи его звучали в тот день в переводе на чешский.

При каждой нашей встрече мы говорили о войне в Украине. Защитники Мариуполя были в те недели у всех на устах – и первым стихотворением, написанным Томасом Венцловой в Праге, стала пронзительная «Азовская кампания».

За несколько дней до их отъезда в Вильнюс мы с Томасом и Татьяной отправились в Мельник – славный королевский город, место рождения святой Людмилы и место слияния Эльбы и Влтавы. Был жаркий солнечный день, замок, виноградники и реки предстали перед нами во всем великолепии, а Томас рассказывал о своих многочисленных путешествиях по разным странам и континентам. С вопроса о путешествиях я и решил начать интервью. Нужно сказать, что, пожалуй, все детали необычайной биографии Томаса Венцловы освещены в книге «Точка притяжения. Разговоры с Элен Хинси», которая складывалась на протяжении шести лет, и в его многочисленных интервью. Однако скромно надеюсь, что, возможно, некоторые вопросы и ответы будут оригинальными.

– Во время наших поездок и прогулок по Праге меня все время поражало то, как хорошо вы знаете город. Какой это по счету ваш приезд в Прагу и в Чехию вообще? Кто пригласил вас на этот раз?

– Из СССР меня за границу, в общем, не выпускали (два раза был в Польше, но тогда неполиткорректно говорили: «Курица не птица, Польша не заграница»; о других «народных демократиях», тем более о западных странах, не было и речи). В 1977 году

я эмигрировал, но тогда как для «врага народа» для меня оказался закрыт так называемый соцлагерь. Впервые попал в Чехию, тогда еще Чехословакию, в горбачевские времена, летом 1990 года. Потом был в ней несколько раз – сколько, не сосчитать, и страну (не только Прагу, но и Чески Крумлов, Кутна Гору, Карловы Вары, Марианске Лазне, Брно, Злин, равно как и словацкие местности) знаю неплохо.

– Когда мы возвращались из поездки в Мельник, вы сказали о том, что это наконец-то напомнило вам вашу обычную, полную путешествий жизнь. В скольких странах вы бывали и какие поездки были самыми запоминающимися? И какие места в Праге и Чехии вам нравятся больше всего? В интервью «Радио Прага» в 2014 году вы сказали, что считаете себя скорее путешественником, чем туристом. В чем разница?

– Специально для вас подсчитал: оказалось ровно сто стран на всех континентах, кроме Антарктиды. Сюда включены бывшие советские республики и такие места, как Косово, Северный Кипр, Мартиника (формально – часть Франции), Гренландия, даже Северная Корея – в Паньмыньчжоне я, как многие, ровно на метр углубился в ее территорию. Мог бы сосчитать и больше, но принципиально не включаю Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, ОРДЛО («чудище ОРДЛО, озорно, огромно, стозевно и лаяй») – там тоже бывал, но это явно незаконные образования. Посетил решительно все страны Европы, в том числе карликовые; практически все в Южной Америке, многие в Африке, в Азии, а также, например, в Полинезии. В Италии, Германии, Франции бывал, наверно, десятки раз, в Японии и Китае по три раза (включая Тибет), в Австралии два. Считаю себя путешественником, не туристом, так как практически никогда не покупаю готовые маршруты, а строю их сам, обычно по ходу дела. Больше всего люблю итальянские, испанские, далматинские места (в Далматии, точнее, Черногории, обычно живу летом). В Чехии, пожалуй, наибольшее впечатление на меня произвел Чески Крумлов, но не только (а вилла Тугендхат в Брно? а злинский ансамбль? а собор в Кутна Горе?).

– Не могу не задать несколько вопросов о Чехии – Чехословакии. Начнем с того, что вас назвали в честь Томаша Гаррига Масарика. Как это случилось?

– Мои родители были людьми леволиберального толка и Масарика уважали – как, впрочем, многие литовцы. Я родился 11 сентября 1937 года. Три дня спустя все газеты сообщали о кончине Масарика, это повлияло на выбор моего имени. Впрочем, Томас (Тамошюс) был и мой дед, отец отца, умерший в 1919 году.

– Вы несколько раз упоминали, что, по семейной легенде, семья Венцлова происходит из гуситов. Это по материнской или отцовской линии?

– По отцовской. Но это только легенда. Несколько гуситских семейств, как полагают, переселилось в Литву в XV веке, потом они перешли в католичество. Фамилия «Венцлова» имеет чешский колорит. Отец любил шутить, что Вацлавская площадь в Праге – «наша» (он в Праге был в 1948 году, даже сочинил о ней стихи, и город ему нравился).

– Были ли вы близко знакомы с кем-то из чешских политиков, интеллектуалов, литераторов?

– В общем нет. Когда-то и где-то видел Йозефа Шкворецкого, Ивана Климу. Писал Милану Кундере, приглашая его в редколлегию польского эмигрантского журнала «Зешиты литерацке», но он не согласился. Кстати, обсуждал с Иосифом Бродским его известную дискуссию с Кундерой – мы даже вместе вырабатывали какие-то ее формулировки. Да, хорошо знал переводчицу с литовского Алену Влчкову – после кончины в ее архиве была

обнаружена и опубликована целая книжка моих стихов. Если говорить о классиках – я перевел «Белую болезнь» и «Мать» Карела Чапека для литовского театра; правда, с русского языка – чешского, в отличие от польского, не знаю, хотя в общем понимаю.

– О вашей дружбе с Натальей Горбаневской уже неоднократно расспрашивали и вас, и ее. К моменту ее выхода на Красную площадь в составе «демонстрации семерых» вы были знакомы уже восемь лет. Ожидали ли вы, что она решится на такой шаг? Обсуждали ли вы потом это?

– Я знал Наташу Горбаневскую года с 1958-го, так что в момент ее выхода на площадь мы были знакомы уже лет десять. Мы посещали квартиру философа и автора самиздата Григория Соломоновича Померанца в Москве – так же, как Алик Гинзбург и многие другие. При этом Наташа была то ли однокурсницей, то ли даже одноклассницей, во всяком случае подругой моей первой жены Марины Кедровой, а спустя много лет помогла познакомиться с теперешней женой Таней Миловидовой. Я знал, что она занимается конспиративной деятельностью, но выяснять детали этого не было принято – мало ли что, проговоришься или расколешься на допросе. Поэтому понятия не имел, кто редактирует «Хронику текущих событий», а выход на площадь для меня, как и для большинства, был неожиданностью, хотя и в характере Наташи. Тогда я написал об этом стихи, посвященные «Н. Г.», и даже их напечатал, – литовская цензура не поняла, о чем речь (русская, вероятно, поняла бы). После выхода Наташи из заключения и нашей с ней эмиграции мы это особенно не обсуждали – все было ясно и так.

– О связи Чехии и Литвы мы неоднократно говорили во время пражских встреч. Вы упоминали святого Войтеха-Адальберта, убитого язычниками неподалеку от Кенигсберга-Караялчуса; в пражском соборе Святого Фомы видели надгробие литовского князя Бутаутаса... Но это далеко не все имена. Совсем недавно, уже после вашего отъезда, я нашел на Виноградах мемориальную доску Йонасу Басанавичюсу, который недолго стажировался в Праге. Кто еще из знаменитых литовцев жил тут – и наоборот?

– Святой Войтех-Адальберт был просветителем древних балтов (не литовцев, а пруссов, которые относятся к литовцам примерно как словаки к чехам), и погиб при этом мученической смертью. Бутаутас, брат Витаутаса (Витовта), пытался произвести в Литве государственный переворот, но проиграл, бежал на Запад и крестился; был близок к Карлу IV, а его сын стал ректором Краковского университета. Самого Витаутаса гуситы пригласили на чешский престол, и он какое-то время управлял страной через наместника. Ян Жижка вместе с Витаутасом участвовал в Грюнвальдском сражении. Бенедикт Рейт, архитектор Градчан и Кутна Горы, вероятно,

спроектировал в Вильнюсе знаменитый готический костел Святой Анны. Историей Литвы и литовским фольклором занимались чешские романтики – Франтишек Челаковский и Юлиуш Зейер. Как вы заметили, в 1882-84 годах в Праге жил «литовский Масарик» – ученый и политический деятель Ионас Басанавичюс, который женился на пражанке Элеоноре Моль; под воздействием чехов в 1883 году он основал первый литовский вольный журнал «Аушра» («Заря») и тем самым положил начало движению за независимость Литвы. Был еще Донатас Малинаускас, кончивший сельскохозяйственную академию в Таборе, участник движения младочехов, знакомый Масарика, первый посол Литвы в Чехословакии – он погиб в сталинской ссылке. Так что значительных исторических и культурных связей у нас много.

- За время пребывания в Праге вы написали два стихотворения. Во время выступления в Городской библиотеке вы сказали, что написали всего двести пятьдесят стихотворений, и в Праге сейчас как раз двести сорок девятое и двести пятидесятое. Могли бы вы рассказать, о чем они?

- Не совсем так – это двести сорок седьмое и двести сорок восьмое стихотворения. Первое, «Азовская кампания», – об украинской войне и взятии Мариуполя. Второе – о воображаемой встрече (точнее, невстрече) Цветаевой и Кафки в пражском кафе, то ли в «Славии», то ли в «Лувре». Они находились в городе одновременно в 1923 году, но, видимо, даже не знали друг о друге (Цветаева прочла Кафку в конце тридцатых, после его смерти).

- О чем бы мы ни говорили, где бы ни были, мы не можем не думать об ужасной войне, которую Россия развязала в Украине. Радикализация настроений неизбежно привела к разговорам об «отмене» русской культуры, о том, что Россия и демократия – вещи несовместные. Как вы считаете, Россия все же сможет когда-нибудь стать свободной?

- Разговоры об «отмене» русской культуры понятны, но бессмысленны, так же, как разговоры об «отмене» немецкой культуры в сороковые годы. Отменить можно (и нужно) Кобзона и Гergieva, но не Пушкина и Чехова. Можно отменить неумные, хотя и лихо написанные антиукраинские стихи Бродского (я ему советовал их не печатать, и он послушался, но однажды, увы, публично прочел). Однако всего Бродского никак не отменишь. Сможет ли Россия стать свободной – что ж, об этом есть латинское выражение *dum spiro – spero* (пока дышу – надеюсь). Это не является невозможным, ибо она была свободной между февралем и октябрём 1917 года, а потом в 1991-2000 годах.

- Как одессит не могу не задать несколько вопросов о родном городе. Ваша мама родилась в Болграде, где преподавал в гимназии ваш дедушка. Если я не ошибаюсь, именно в Одессе он и познакомился с вашей бабушкой, в Одессе и сыграли свадьбу. Можно попросить вас рассказать об этом поподробнее?

– Мой дед, литовец из окрестностей Шяуляя, поступил на классическую филологию в Петербурге (рассказывал, что избрал ее, потому что на химии у Менделеева или физиологии у Павлова в аудиториях было слишком тесно). Кончил курс в Одессе, был библиотекарем у Маразли и женился на польско-украинской шляхтянке из-под Шепетовки. Литовцы тогда не могли служить на родине, потому он оказался в Болграде (гимназия сохранилась, я не столь давно там был). Позднее работал в Херсоне, а после революции перебрался с семьей в Литву, в Каунасский университет.

– Вы бывали в Одессе неоднократно и рассказывали об этом и в своих интервью, и в прекрасной вступительной речи, с которой выступили в 2020 году на открытии Одесского международного литературного фестиваля. И все же спрошу – какой из приездов вам запомнился больше всего? И что вы думаете о нашем городе?

– Я бывал в Одессе и в детстве с отцом, еще при советской власти (отец об Одессе писал) и позднее. Город, что ни говори, замечательный и в архитектурном, и в литературном, и в чисто бытовом смысле. Дай Бог ему сохраниться в наши трудные времена.

* * *

Два стихотворения Томаса Венцловы, написанные в Праге (оба переведены с литовского на русский Георгием Ефремовым, поэтом, переводчиком, публицистом, завлитом Русского драматического театра Литвы).

Кафе возле Влтавы, 1923

1

в этой кофейне
часто думаю
о том что могло случиться
но кажется не сбылось

тут где каштаны и липы
не задеты недавней войной
и еще не застигнуты вестью
о ноябрьских волнениях возле Хофгартена
о смертельной болезни диктатора
в имении недалеко от столицы

кафешка и всё

за окном обязательно конский цокот
скрежет рельсов
и возможно первые капли на мосту
на его барочных скульптурах

2

женщина в темном углу
за мраморным столиком

откинута крупная голова
волосы надо лбом коротко стрижены
и уже немного посеребрены
мундштук
стискивают мужские пальцы

холщовая кровелька над стеклом
сквозь агавы просверкивают байдарки
безобидно зеленеющий склон
еще не ставший ее горой
той самой

этот город по сути чужой
как бы красив он ни был

она тут бывает всего раз в неделю
заказывает кофе
гонорар обеспечен газетой
детищем нескольких эмигрантов

жизнь как вокзал
раскладываться не стоит

3

по мосту переходит мужчина
одолевает отвесную улицу

выражаясь ее словами
мостовая как шахматная доска
черный квадрат следом белый
кто ведет игру неизвестно

кашель невыносим однако
трамвай пришел вовремя

несгибаемый стан неуловимый взгляд
строгий костюм как чиновнику подобает
уже все самое важное совершено
уже испытана одиночная краткая ласка Милены
уже он умер не раз

уже решено
сжечь все что написано
ибо оно не приносит надежды

это его пожелание не будет рассмотрено

она прочтет его книги
лишь когда они сбудутся

4

он с извинением идет мимо
ее углового столика
кельнер предлагает газету мужчина отмахивается
неотрывно следит за силуэтом облака
не глядит на короткую стрижку
а она занята спором с дочерью

им раньше наверняка случалось разминуться на улице

его речь из одних лишь заглавных букв
ее из крика и шепота

оба они в этом городе
видят мир зорче всех
и они за это заплатят

его горло затопит горечь
ее захлестнет петля

на лагерных нарах
умрет Милена
забыв как его голова
касалась ее плеча
а отцу неугомонной дочери
пуля в подвале
раскроит затылок

но шахматист будет милостив
и этого не позволит дожидаться

5

он встает и движется к выходу
механически улыбаясь

огibaет столик и смотрит
на параболу арки в зеркале
на пилястр белого гипса

ей видна только тень у двери
она допивает свой кофе
обращается к дочери «нам пора»

хочется чтобы они
увидали друг друга

поговорили
соединив ладони

словно это способно что-нибудь изменить

Азовская кампания

Будь незабвенна, богиня Истории, окруженная свитой
из шелухи ракетной и солдатни убитой!

Прячешься до поры... Но тебя мы не опознаем, что ли,
в скрежете гусениц и мельтешне вертолетной моли?

После мы все привыкаем к твоим велениям. Для начала –
рваная рана многоэтажки и перелом причала,
связки растерзанных рельсов, войной иссеченные степи,
на чьей черноземной сцене Петр угрожал Мазепе.

Смерть еще молода. Ей навык нужен и время.
Она себя пробует, учится, требует повторенья,
и слышен «огонь!», и расшлепан мир, как сырое тесто:
попадание (с пятого раза). И после – мокрое место.

Дрон пролагает в небе круги, а иногда квадраты.
Двадцатилетний охранник ведет вдоль щербатой ограды
задержанного из местных (потихе, уж очень борз ты) –
последних три шага для них обоих длиннее, чем версты.

Содержимое бойни из одних руин, утонувших в дыме,
перетекает в другие. Спутник, застряв над ними,
фиксирует безучастно: вот пушка, гараж, цистерна.
Занято десять кварталов – *gloria nostra aeterna*.

Боже, как далеки спасительные вокзалы и порты!
Повсюду вокруг – неизвестность, свои и чужие когорты,
гибельные блокпосты. Брошенные мародерам
овцы, куры и козы, гаснущий взгляд, в котором

недостойные мѣста на карте Мерефа, Ирпень, Тростянка,
чьи обреченные крыши дрожали в прицеле танка,
где купол церковный в крапиве лежит, расколот,
а малые дети заучивают: «винтовка», «предатель», «голод».

Черный пунктир приборя картечь прострочит, не чайка,
голубизна в зеркальных осколках чиста и случайна –
с ужасом встретят ее в подземелье зачатые дети,
ведь небо теперь – не рай, а раздолье стервятников, Божьи нети.

Пятно загустевшей крови. Полдень грозит распылом.
Эфиальты, естественно, всем суждены Фермопилам.
Бог с ними, будем гадать: пусто нам или густо;
пути сожжены, а мидийцы – они все равно прорвутся.

Что ж, богиня Истории, неминуемы твои кары.
Млеют в лучах заката вражеские бульвары,
и студентик под липой, кляня тоску и дороговизну,
старые повторяет строки: «Как сладостно ненавидеть отчизну», –

а военный – чье имя друзьям по вайберу скиньте –
все еще жадно дышит в удушливом лабиринте.
Губы едва дрожат, но слышно в мешке бетонном
крепкое слово, врагу адресованное Камбронном.

Вадим Перельмутер

Фрагменты о Липкине

...Мы были знакомы лет тридцать, но общались *фрагментарно*. Подчас с перерывами в полгода, а то и больше, иногда весьма регулярно, особенно во второй половине семидесятых, когда Липкин и Лиснянская зачастили в гости к Штейнбергу, у которого я тогда бывал чуть ли не еженедельно.

Несколькими годами ранее Штейнберг нас и познакомил – еще на Шаболовке, в утесненной книгами и картинами и без того не просторной двухкомнатной «хрущобе» окнами на трамвайные скрежеты и звоны.

А первое упоминание Штейнберга о Липкине запало намертво – к слову пришедшийся фрагмент. Разговор шел о переводах стихов по издательскому заказу – и по собственному *выбору* поэта.

Пришлось однажды, рассказывал Штейнберг, помучиться над «заказным» стихом, изошренно сочиненным, технические всякие штучки никак не давались. И вдруг – получилось, да так удачно, что сам удивился. И похвастаться кому-нибудь из понимающих охота. И тут как раз заглянул к нему Липкин. Едва открыв дверь, Штейнберг гостеприимно предлагает угощение: «Сёма! Дай-ка я тебе почитаю один перевод!» – «Стоп, Аркадий! Сначала ответь мне: если бы тебе за работу ни копейки не платили, ты стал бы это переводить?» – «Ты с ума сошел!» – «Тогда не читай»... И как отрезало: с тех пор, кроме как на «заказных» же вечерах, Штейнберг читал только *своих* поэтов. А что издавали их и деньги платили, так тому обстоятельства иногда благоприятствовали.

Если память не изменяет, на переводческих средах в ЦДЛ видел я Липкина единственный раз – на одном из чтений Штейнбергом очередных книг «Потерянного рая».

В семьдесят первом на вечере по случаю своего шестидесятилетия Липкин переводов не читал вовсе, только стихи.

Вечер тот происходил почему-то в... ресторане ЦДЛ, откуда на несколько часов вытащили все, кроме одного – для юбилея, столы, стульев добавили разнокалиберных – из буфета, из других комнат, расставили плотно, не протолкнуться, все желающие послушать стихи едва уместились. После первого стихотворения грохнули аплодисменты. Липкин дождался тишины и попросил больше этого не делать, потому что не концерт – стихи. Так и читал – среди напряженного молчания по машинописям, изредка поднимая глаза от очередного листка...

Насколько удалось узнать, ни до, ни после подобных ресторанных вечеров в ЦДЛ не бывало. И необычайность эта странным образом срослась с услышанным.

При первой встрече с Лиснянской и Липкиным я вдруг сообразил, что однажды уже связал их между собой – вполне, впрочем, бессознательно. Потому что первая моя рецензия, напечатанная весной шестьдесят шестого в «Московском комсомольце», где тогда работал, была о книге Лиснянской «Из первых уст». А первая курсовая по современной литературе в Литинституте годом позже – о книге Липкина «Очевидец».

Совпадение это ему, видимо, понравилось. И он пригласил при случае заглянуть к нему в гости...

Через несколько месяцев после выхода «Очевидца» в Москве книга Липкина с таким же заглавием была издана в Элисте, где его, переведшего еще в тридцатых годах калмыцкий – буддийский! – эпос «Джангар», поистине *боготворили*.

Липкин рассказывал, как в начале войны ему пришлось вывести из окружения подразделение конных калмыков. «Наверно, с ними трудно было?» – «Никаких сложностей. Я ведь был для них *бодисатва*, спаситель от несчастий»...

К тому же книгу опекал влиятельнейший в литературной Калмыкии Давид Кугультинов, с которым Липкин дружил – и был его основным, и лучшим переводчиком.

Как-то я подошел к Кугультинову в ЦДЛ с каким-то мелким поручением Липкина, то ли книжку передать, то ли на словах нечто, не помню. Но помню, как при упоминании этого имени бесстрастное, словно из дерева высеченное лицо Кугультинова мимолетно осветилось изнутри...

Так что книга, в отличие от московской, вышла, не искусанная цензурой-редактурой. Именно ее, а не принесенную мною с собой совписовскую, Липкин взял с полки и надписал-подарил.

Десять лет спустя история повторилась – на сей раз в Душанбе переиздали в авторской, так сказать, версии и под непроходимым для Москвы, опять же, авторским заглавием «Тетрадь бытия» изувеченную «Советским писателем» вторую книгу Липкина, «Вечный день».

Собственно говоря, под одной этой обложкой – две книги: первая – без потерь прошедший либеральную *местную* цензуру «Вечный день» (о причине сего *либерализма* – чуть позже), вторая – «Из таджикской классики» (избранные переводы: Рудаки – Фирдоуси – Ибн-Сина – Хайям – Анвари – Хафиз – Джами). И не исключено, что сознательно – Липкин к подобным вещам был пристально-внимателен – *двойственность* подчеркнута, опять-таки, для внимательного читателя, тем, что второе заглавие делит «Тетрадь» ровно пополам...

Разумеется, решающую роль сыграло не только то, что Липкин с блеском переводил таджикскую классику, но более – многолетняя дружба с Мирзо Турсун-Заде, ровесником, которого он начал переводить еще в конце тридцатых.

Книге, которую, так сказать, патронировал – пусть негласно, на Востоке афишировать сие нет нужды – всемогущий поэт, депутат, член ЦК, лауреат и прочая, и прочая, благосклонность редакторско-цензорская была обеспечена.

Мирзо умер в том же году. Так что издание «Тетради бытия» стало вроде как прощальным – благодарственным – жестом...

В этой книге есть стихотворение, которого нет – и не могло быть – в московской.

...Я-то что? Помолюсь, отойду
Да в молитвенный дом побреду.

Говорят мне сестрицы: «Беда,
Слишком ты, Акулина, горда,

Никогда не видать твоих слез,
А ведь плакал-то, плакал Христос».

Липкин рассказывал, что жившие в окрестностях Душанбе молокане, узнав, что напечатано стихотворение «про них», приезжали в городские книжные магазины, покупали книжку – и тут же, на выходе, вырывали эти две странички – шестьдесят четвертую и шестьдесят пятую, с Акулиной Ивановной, а остальное выкидывали...

«Вечный день» вызвалась готовить к печати – случай небывалый! – главный редактор «Советского писателя» собственной персоной, некто Карпова, дама малоприятная во всех отношениях. В замах у нее ходили, верней, сидели два вполне ортодоксальных советских критика – Соловьев и Левин, соображения свои о чужих стихах, преимущественно авторов покойных, писавшие-печатавшие. Не иначе как начальница надумала показать им, как надо управляться с *живыми* поэтами.

«Стартовая» встреча-беседа ее с Липкиным длилась несколько часов. Расставаясь, условились о следующем свидании. Которое не состоялось. Один из подручных начальницы, Фогельсон, объяснил поэту, что отныне она станет передавать свои пожелания и указания через него, через *посредника*. Потому что Липкин умнее – и может убедить ее в чем угодно. А так – никаких споров: не с кем...

Так и «работали» они над рукописью, по большей части – ножницами. И *доредактировали* ее до того, что в «содержании» вышедшей книги названо стихотворение «Тот же признак», которого в книге нет. Из текста выкинули, а вычеркнуть заглавие на последней странице забыли.

...Средь уродливых, грубых диковин,
В дымных стойбищах с их тишиной,

Так же страстен и так же духовен
Поиск воли и доли иной.

В ту пору Липкин заехал однажды к Штейнбергу прямо из издательства и в лицах описал, как уродуют его рукопись, приспособивая к печати.

«Зачем тебе это надо? – удивился Штейнберг. – Стоит ли издаться увечно?» – «Что делать, Аркадий? – вздохнул Липкин. – Я воспитан в уважении к изобретению Гутенберга».

Я много раз просил у него почитать неопубликованные вещи. Он не отказывал, говорил, что непременно даст, вот только... там правки много, а почерк у него неважный, и надо, чтобы машинистка аккуратно все перепечатала, и вот тогда, конечно...

Почерк у Липкина был очень даже внятный...

Владимир Михайлович Зверин, многолетний метранпаж «семерки» (бывшей типографии Левенсона, построенной в девятидесятых годах Шехтелем в Трехпрудном переулке, той самой, где печаталась вторая книга жившей по соседству Цветаевой), свел знакомство со всей «Квадригой» еще в тридцатых, особенно сдружился со Штейнбергом – до конца дней своих. Но и с Липкиным, можно сказать, приятельствовал, был на «ты», хотя виделся нечасто. Однажды за чаем у Штейнберга он поведал, что встретил на днях Липкина и сказал ему, что не может забыть сильного впечатления от его стихотворения «Молдавский язык»:

Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке...

Липкин насторожился, напрягся: «Откуда ты его взял?» – «Да ты сам его читал у Аркадия». Сразу успокоился, улыбнулся даже...

Он был осторожен, понимал, что если стихи распространятся в самиздате, их могут вообще перестать печатать, даже самые невинные.

Вскоре после выхода «Метрополя» и устроенного в Союзе писателей и в газетах судилища Липкин принес к Штейнбергу

«аккуратно перепечатанное» собрание своих стихотворений и поэм. И вскоре машинописный тираж этого тома разошелся по Москве, Ленинграду, Еревану, Сухуми, Риге, Тбилиси...

Позже в нескольких сухумских домах я видел переписанную от руки поэму «Нестор и Сария»: с экземпляра, который привез своим друзьям – артистам театра имени Чанба.

У Липкина была незыблемая репутация переводчика-классика, мастера переложений поэзии Востока, который *и стихи пишет*, и время от времени их публикует.

Ему удалось маловероятное – *изменить репутацию*. Стать для читателей *поэтом*, который отчасти по склонности, но больше волею обстоятельств сорок с лишним лет занимался переводом – и делал это замечательно.

Судьба дала ему рискованный шанс. И Липкин воспользовался им решительно и безошибочно.

В одну из наших первых встреч, в начале семидесятых, я спросил, так ли хорош Мирзо Турсун-Заде, как выглядит и звучит в переводах. Речь, понятно, шла не об официально-лауреатских поэмах, но о лирике, где есть очень хорошие стихи. «Мирзо – очень талантливый человек, – ответил Липкин. – Я давно с ним знаком и перевожу его точно, насколько это вообще возможно»...

Признаться, сомнения мои не развеялись. И в дальнейшем несколько раз задавал тот же вопрос, неизменно получая тот же, слово в слово, как будто на пленку записанный ответ.

Потом Карл Профер издал «Метрополь», и Липкина перестали печатать.

Мирзо к тому времени уже умер. Липкинские переводы его стихов – бóльшая часть наследия – сплошь авторизованы: это означало, что переводить их заново можно было только с согласия Липкина, таджикский советский классик становился, таким образом, не издаваемым, вернее, не переиздаваемым по-русски.

Однако новые переводы все же появились. Я сообщил о них Липкину – и посоветовал подать на издателей в суд, получить с них деньги, с паршивой овцы...

«Я не стану этим заниматься, – вяло отреагировал Семен Израилевич, – пусть делают что хотят, – и, помолчав, добавил: – хотя, конечно, досадно: я его так хорошо... придумал».

Примерно тогда же, в пору жесткой *издательской блокады*, он как-то встретил на улице поэта – из тридцатилетних, из питомцев Григория Левина в «Магистрали», прежде его навещавшего – стихи почитать. И тот рассказал, что издательство предложило ему наново перевести изрядный кусок восточного эпоса, некогда переведенный Липкиным. «И что вы ответили?» – поинтересовался Липкин. «Согласился. Ведь если не я, отдадут кому-нибудь... мерзавцу»...

Впрочем, этот хотя бы пытался оправдаться – тем, что хотел как лучше. Другие запросто обходились без подобных угрызений. Скажем, Солоухин, не колеблясь, взял в издательстве все материалы, приготовленные (и оплаченные) Липкиным для перевода «Гэсэра» и преспокойно переложил якутский эпос *по чужой канве*...

У Георгия Иванова: «Над кипарисом в сонном парке Взмахнет крылами Азраил, И Тютчев пишет без пометки: «Оратор римский говорил»...

Не знаю, бывал ли Иванов в Мюнхене, и едва ли ему было известно, что «Цицерон» написан именно здесь, но его явно италийский кипарис, зеленое пламя которого колышется взмахом темного крыла, и замечательный звук строки оборачиваются *точной деталью*. Найти кипарисы в любом из мюнхенских парков не стоит труда.

Липкин в Мюнхене бывал. Посетил Дахау. Написал стихи: «Маляр, баварец белокурый, В окне открытом красит рамы, И веет от его фигуры Отсутствием душевной драмы»... И далее – о печах: то ли предтечах грядущего, то ли знаках былого. Закрепленное за нацистскими лагерями и повоеванным духом *клише* предварило собственные впечатления, вытеснило их *мысленным* представлением. Он описал то, что увидел, но увидел *не то*.

Мне подумалось, что он это почувствовал, и не потому ли – случай у Липкина редкий – во второй, таджикской публикации вымарал начальную строфу:

Без боли колет воздух туя,
Береза бело-золотая,
Сама себя живописуя,
Пылает, блещет, облетая, –

из-за чего распалась охватывавшая стихотворение метафора *памяти-листопада* – и вся композиция как бы перекосилась. Я тогда спросил его о причинах столь резкой правки. Он ответил, что зачеркнутая строфа была неуместно-красивой – и тут же, без перехода, заговорил о стихотворении «Зола», написанном сразу вслед первому и на ту же тему. Прямо не прозвучало, но выходило так, что одно стихотворение было *подступом* к другому...

Он не был ревнив в поэзии. Среди поэтов мне такое встречалось нечасто. Тарковский, например, по-моему, *ревновал* к ахматовским похвалам Бродскому, по свидетельству Липкина – и не его одного – говорил, что это «способный мальчик, не более того». Да и позже переменял свое мнение, так скажем, не радикально: «Ну что вы со своим Бродским носитесь? Он – не мой, потому что слишком длинно без стержневой мысли пишет, неоправданно длинно»... – вспоминала-цитировала Тарковского Лиснянская. У нее же и о «ревности» есть...

«Семен Израилевич, Бродский – хороший поэт?» – спросил Витковский. – «Лучший».

К позднему своему *книжному дебюту* – в пятьдесят шесть лет – он относился не без горечи, но философски. Ссылаясь на Алишера Навои (которого он, конечно, тоже переводил), говорившего, что полководцы и поэты начинаются после сорока: прежде этого срока у полководца дети малые, и воюет он с оглядкой, а у поэта не пережиты влюбленности, о которых он только и пишет...

Как-то он упомянул, что накануне провел часа два перед телевизором – смотрел останкинский вечер Гамзатова. А месяцем то ли двумя раньше – такой же вечер Евтушенко. И заинтересовал его, как он выразился, «механизм успеха, переходящего в славу». В обоих случаях, да и в других тоже, по его наблюдению-мнению, самыми знаменитыми становятся стихи-песни, в которых обязательно есть нечто логически немотивированное, зато эффектно звучащее: высказывание (или метафора), вокруг

него, на разные лады повторяемого, все выстраивается, и вовсе неважно, *верна* мысль или нет, важна *запоминаемость*. «Хотят ли русские войны?...» Но ведь никакой народ не хочет войны, ее затевают политики и правители. И с тем же результатом такой вопрос можно задавать американцам, шведам или китайцам... Или про солдат, которые «не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей», и дальше только про них, журавлей, хотя в христианской, например, традиции эта метафора «душа-птица» *орнитологически* не персонифицирована...

Интуиция Липкина (не знаю, как назвать, – вернее, быть может, наитие) однажды меня поразила.

В середине июля девяносто седьмого я привез ему в Переделкино подготовленные мною и только что вышедшие однотомники Штейнберга («К верховьям») и Шенгели («Иноходец») – их выпустило одно и то же издательство с интервалом в... два дня.

Он осторожно, как бы не совсем веря, взял обеими руками книгу друга, до книги стихов так и не дожившего, отогнул картон переплета, взглянул на портрет, закрыл – и вдруг поднес к губам, поцеловал. Так же осторожно положил на стол: «Потом»...

И наугад разломил том Шенгели, поднес страницу совсем близко к глазам, стал читать. Я заглянул через плечо – и едва сдержался, чтобы не выдать впечатления.

В одном из комментариев мне пришлось исправить *ошибку памяти* из мемуаров Липкина о Шенгели. Всего строчек двадцать в пятисотстраничной книге. И он первым делом раскрыл ее именно на этом развороте и стал читать... о себе.

А потом рассказал, что Мария Петровых, с которой он всю жизнь дружил, была отчаянно влюблена в Шенгели. Я об этом знал из письма Шенгели к Ланну, правда, имя женщины в письме не названо, однако все совпало. То письмо начинается с просьбы: сразу по прочтении непременно уничтожить. Теперь оно хранится в государственном архиве...

По ассоциации... Шенгели познакомился с Мандельштамом в середине девятьсот десятых. Их тогда сблизило общее для обоих тогдашнее увлечение французскими парнасцами. Десятилетие спустя оно отзовется у Шенгели стихотворением «Прожект»: «Друзья, Леконт де Лилль и Мандельштам, Всего лишь трое нас,

непогрешимых...». Позже пути разошлись, однако на взаимоотношения это не повлияло, они остались вполне дружескими. В тридцатых Шенгели, служивший в Госиздате, помогал Мандельштаму, а позже и его жене подрабатывать на жизнь переводами.

И, по-моему, резонно предположить, что Мандельштам знал о той *влюбленности*, когда в середине тридцатых годов, будучи сам влюблен в Петровых, написал не только «Мастерица виноватых взоров...», но и почти одновременно – «И чтобы вы без всякого представительства Вошли к Шенгели в кабинет издательства И вышли, нагруженная гостинцами – Полурифмованными украинцами»...

В восемьдесят шестом Липкин написал и, если не ошибаюсь, годом позже опубликовал большой, почти на полсотни страниц, мемуарный очерк «Вечер Шенгели». Впервые через три десятка лет после смерти поэта дал возможность читателям познакомиться с обстоятельными размышлениями о нем, о его судьбе и стихах. Читателям, которые имели об этом «забытом» поэте весьма туманное представление. Ежели вообще имели.

Среди историко-литературных вопросов/проблем, связанных с поэзией, которые, по моим впечатлениям, много лет привлекали внимание и мысль Липкина, была тема забытых поэтов. Он много размышлял и не раз говорил о причинах забвения поэтов не просто талантливых, ярких (бездарные, естественно, не в счет), но и бывших при жизни более или менее длительное время известными, даже знаменитыми, читаемыми – и почитаемыми.

Семен Израилевич упорно пытался понять: чего же им не хватило, почему их наследие оказалось не востребованным новыми читательскими поколениями? «Я читаю забытых поэтов. Почему же забыты они? Разве краски закатов, рассветов Ярче пишутся в новые дни?» – писал он еще в 1963 г. («Забытые поэты»).

Мне думается, что двадцать три года спустя, когда Липкин взялся писать о Шенгели, воспоминания об этом поэте представлялись ему едва ли не идеальным материалом – для того чтобы наконец сформулировать свой ответ на вопрос. Случай действительно редкостный – возможностью поверить историко-литературные факты собственными впечатлениями, отстоявшимися, отфильтрованными от случайных примесей.

И поэтому, думаю, прежде чем добраться до разговора собственно о Шенгели, он обстоятельно и неторопливо (почти на десятке страниц) размышляет о нескольких «забытых», цитирует их стихи (отличные!), пытается понять – как, почему *такое* могло исчезнуть? И тем самым проясняет читателю, о чем пойдет речь, какая мысль-тема является для мемуариста опорной, если угодно, концептуальной.

Обо всем об этом мы говорили с Семеном Израилевичем вскоре после публикации. Некоторые мои сомнения он принял сочувственно, но, в принципе, стоял на своем.

И даже такой веский, по-моему, довод, что бóльшая – и лучшая – часть поэтического наследия Шенгели (примерно три четверти написанных им стихотворений и поэм) оставалась тогда все еще не опубликованной, мягко отвел: дескать, мало издать, надо, чтобы кому-либо это захотелось читать...

И включил «Вечер Шенгели» в свой однотомник «Квадрига», вышедший почти одновременно с «Иноходцем», несколькими месяцами раньше. И подарил-надписал его мне в тот самый день, когда получил от меня том Шенгели.

Примерно месяц спустя я снова навестил его. И Липкин признался, что, подобно Катаеву, недооценивал Шенгели. Говорил, что многое из впервые прочитанного – вещи замечательные, а «византийская повесть», «Повар базилевса», – сочинение огромное (его эпитет), что ничего подобного он не видит в русской поэзии, да и не только в русской. И посоветовал, что книга вышла только что, а не хотя бы годом раньше: тогда была бы возможность дописать «Вечер Шенгели», включенный в книгу «Квадрига».

А еще несколько месяцев спустя порадовался, что тираж «Иноходца» разошелся очень быстро, хотя книжный дефицит в ту пору уже отошел в советскую историю.

Я, конечно, не упустил случая напомнить слова Вяземского о том, что «старое» вовсе не обязательно «устаревшее», не так уж редко бывает, что оно «просто вышло из употребления», и что спрос на него может возродиться... Потому попытка современников, даже долгожителей, подвести исторические итоги всегда, мягко говоря, рискованна: у истории совсем иная мера времени, ей спешить некуда...

Я не знаю причин, по которым Липкин позже не дополнил, хоть кратко, свой очерк о Шенгели, – и не хочу гадать.

...Стихотворение «Квадрига» Липкин сочинил в июне 1996 года.

Я был у него в Переделкине несколько дней спустя – уважил настойчивые просьбы прозаика Игоря Шварца, жаждавшего отснять новенькой видеокамерой «говорящего Липкина». Договорившись с Семеном Израилевичем по телефону, я привез к нему Игоря.

Съемка длилась более двух часов. Игоря уже давно нет. Получить обещанную им копию видеозаписи мне так и не удалось. Все еще надеюсь – пока.

Тогда-то Липкин и рассказал историю стихотворения.

Узнав о присуждении ему Пушкинской премии (германского фонда Тепфера), он был взволнован, долго не мог заснуть. А потом – единственный раз в жизни – ему приснились стихи. Наутро он их записал, сразу набело.

Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных...

Здесь внезапно память откликнулась пастернаковскими реминисценциями, сначала из «Смерти поэта»: «...В предгорьи трупов и трусих», – потом – отчетливей – из соседних по времени стихов: «...Как тени, вертеться четыре семейства»...

Но – мелькнуло и ушло. Дальше иное, дальше – о каждом из «Квадриги», из друзей, с которыми вместе начинал. О Тарковском. О Штейнберге. О Петровых. Об уже ушедших. И о себе:

А мне, четвертому, ломать
Девятый суждено десяток.
Осталось близких вспоминать,
Благословляя дней остаток...

Никому еще не удавалось определить границу сна и яви.
И попробуй это сделать, если сознание спит, а слух бодрствует.
И до него доносится:

Нас было много на челне:
Иные парус напрягали...

И еще:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?..

Принимай и записывай. Без черновика.

Стихи были хороши. И все-таки я не удержался – захотелось понять удивительную эту впечатлительность, такую бурную реакцию, казалось бы, все видевшего и пережившего в литературе поэта на сообщение – о чем? – о премии. Ему ли не знать цену всем этим «отличиям». Взять хотя бы одно то, что «старую» Пушкинскую премию Российской Академии наук дважды не получил Случевский, зато – опять-таки дважды! – была удостоена ее Мирра Лохвицкая...

Липкин выслушал мою тираду. Помолчал. И как-то неуверенно произнес: «Знаете, все-таки – Пушкин»... И после паузы – твердо: «Все-таки – Пушкин»...

2003-2008

Александр Грабовский

Геннадий Гармидер – городу и миру

На моем письменном столе миниатюра с видом, хорошо знакомым каждому одесситу: оперный театр с прилегающим кварталом Ланжероновской. Глядя на него, можно путешествовать! От дома Навроцкого – к кафе Фанкони или напротив, к Робина, дальше сквозь зелень Городского сада выйти к шедевру одесской неоготики реформаторской церкви на Пастера. Или, свернув влево по Преображенской, оказаться у дома Либмана с пышной лепниной модерна на фасаде. Это офорт Геннадия Гармидера «Театр и город». На пространстве размером с ладонь оживлены с поразительной точностью одесские архитектурные жемчужины и притягивающая взгляд городская круговерть.

Офорт – сложная и очень трудоемкая техника, нечасто используемая современными художниками. Необходима филигранная техника, чтобы в зеркальном отражении нанести иглой рисунок на лаковую поверхность металлической пластины, а затем после травления кислотой по контурам получить детализированное изображение в металле. Зато уверенная рука мастера с помощью офортного станка делает с такой формы особенно выразительные, почти объемные оттиски на бумажном листе. Офорт – удел избранных.

Творчество таких выдающихся художников, как Альбрехт Дюрер, Рембрандт, Франсиско Гойя, Джованни Пиранези, Хосе де Рибера трудно представить без их офортов. Первым выдающимся украинским мастером этого вида графики был Тарас Шевченко, удостоенный именно за офорты звания академика.

Геннадий Гармидер – признанный мастер офорта, умеющий придать почти тактильные ощущения изображению, наполнить

Обложка номера на сей раз содержит работу Геннадия Гармидера, который всю жизнь пишет и рисует Одессу и одесситов. Поздравляем его с юбилеем!

строгую черно-белую гамму опьяняющим воздухом поэзии и романтики. Одесса давних лет, сегодня и всегда – главная тема творчества художника. Его графические серии, охватывают всю историю города – от начала XIX века до нашего, XXI. Еще студентом Одесского художественного училища он был поглощен идеей запечатлеть колорит легендарного города у моря. Зарисовки деталей декора, карандашные наброски архитектурных символов города, уличных сценок из студенческого альбома со временем становятся основой для будущих художественных открытий его Одессы.

«Львицы» света и полусвета, вальяжные биржевики и уличные торговцы, портовые грузчики и лепетутники из «Фанкони», биндюжники и фланирующие у Мавританской арки дамы в кринолинах, налетчики и городовые оживают на его офортах, словно только что схваченные с натуры.

Вот элегантные господа торопятся получить свежий номер «Journal d'Odessa», переносит очередного щеголя через лужи труженик живого извоза. Чем не иллюстрация к строкам Пушкина – «Лишь на ходулях пешеход по улице дерзает вброд...»? Но уже цокает по булыжной мостовой конка, пыхтит паровой трамвайчик перед отправкой публики на дачи Большого Фонтана, готовится выйти в море пароход регулярной линии Одесса – Марсель... А вот и романтики моря нового времени возвращаются под парусом в родной порт.

Есть у Гармидера особая работа, запечатлевшая с потрясающей детализацией и достоверностью весь исторический центр города как бы с высоты птичьего полета. Дроны тогда еще не летали, но каждый памятник, дом, улица, переулок, собранные на этом офорте в первозданном облике, создают уникальный слепок времени и образ той, удаляющейся от нас Одессы.

Воскрешая с документальной точностью и любовью образы родного города, Геннадий Гармидер воспроизводит времена «Золотого века» нашей Южной Пальмиры. Серии его одесских офортов сродни историческим гравюрам Карла Боссоли, сохранившим для нас образы Одессы первой половины XIX века. Одесса Гармидера защищена от эрозии времени и пасмурной повседневности. Этот город покоряет, вдохновляет, заряжает потоком энергии и рождает эмоциональный отклик. Поэтому такими естественными выглядят на его офортах узнаваемые одесские типажи и герои... парящие в небе над городом. Обычная магия! Магия таланта.

«Моя Украина» – еще одна тема и любовь на всю жизнь. Без красок передать колорит, разгадать и отразить в монохромной технике этнический код страны – вызов даже для большого мастера. Черный, серый и белый цвета – его единственные средства выражения. У Гармидера они погружают в суть изображения, концентрируют все внимание на ней. «Яблоня в снегу», «Старая хата», «Прялка», «Ледоход», «Тишина», «Потеплело», серия, посвященная посевшему от времени, но все еще колоритному городку Седневу на Черниговщине... В каждом офорте безошибочно узнаваемая Украина.

Путешественник по натуре, наделенный счастливой способностью очаровываться красотой и талантом неповторимо отражать ее черты на офортном листе, он каждую поездку превращает в творческую экспедицию. Так появляются новые циклы офортов:

«Десять дней на тримаране» и потрясающий гимн красоте – серия «Города мира». О Барселоне, Венеции, Генуе, Флоренции, Риме, Париже, Лондоне, Иерусалиме лучше любых статей говорят его дышащие историей и зовущие в путешествие образы великих городов мира. Каждый – самобытный мини-спектакль со своим сюжетом, историческим фоном и такими узнаваемыми типажами.

Со временем эти впечатления перейдут и на его живописные холсты, обогащаясь светом и цветом. Тонкое чувство света отразилось уже в работе Геннадия Гармидера над одесскими сериями офортов. Деликатно подсвеченные мягкими золотистыми тонами, они наполняются солнцем, а порой становятся декоративным элементом, выделяющим контуры зданий или персонажей.

Каждый раз, заходя в его маленькую мастерскую, невозможно отказать себе в удовольствии задержать взгляд на картинах, плотно развешанных по стенам до самого потолка. Его живопись, словно выскользнув из строгих пределов графики, разливается на холстах сочными густыми красками, создающими особенное лиричное звучание. Любимые цвета – синий, голубой и зеленый с их перекличками и оттенками. Удивительно, но этот узкий диапазон тоновых переходов позволяет Геннадию Гармидеру создавать особую цветовую гармонию, напряженность и глубину пейзажей. Вот где проявляются абсолютный слух художника и основательная школа, приобретенные годами учебы в одесской Грековке и киевской Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры.

Очень люблю его картину с лиловым закатом на площади Святого Петра в Риме: колоннада и очертания собора вот-вот поглощаются сумерками, и только блики закатного солнца на крыльях голубей и пламенеющие вдаль холмы удерживают последние мгновения уходящего дня. Завораживающий итальянский диптих: два сюжета – с площади Навона в Риме и улицы в Генуе – решены в двух цветах: белом и том же лиловом, но на этот раз легком, как бы рассеянном в предвечернем теплом воздухе.

Гармидер-колорист решает цветовые задачи экономно, почти всегда в приглушенной тональности насыщенных цветов с тонко выделяемыми контрастирующими деталями. И всегда попадает в цель: притихшие после дождя улицы и площади Парижа, ангел над колокольной сельского храма, вырванный лучами лунного

света из ночного тумана, дорога к густой синеве леса на вершинах Карпат... И только в пейзажи родного города врывается охра, привнося ощущения теплоты и мажорности.

Каждая картина говорит нам что-то важное о художнике. О Геннадии Гармидере лучше всего говорят созданная им галерея портретов и, конечно, автопортреты. Фотографичность ему явно претит – неинтересно. Интересны настроение, характер, индивидуальность.

Не знаю у него заказных портретов. Гармидер-портретист пишет духовно близких ему людей: своих муз – жену, двух дочерей и внуку, друзей и рожденных воображением романтических персонажей, причем исключительно прекрасной половины человечества. И тут палитра кардинально меняется. Это яркая колористика, обогащенная и смягченная светом.

Поиск характерных черт личности на холсте у Гармидера всегда сопряжен с созданием своей версии образа. «Он мог бы жить в Париже», – комментарий мастера в уголке замечательного по выразительности портрета художника Владимира Миненко. Сосредоточенное лицо и вся фигура погруженного в свои мысли человека выхвачены прозрачным струящимся светом: кажется, в эту минуту он на пороге озарения. Я знал Володю Миненко, увы, ушедшего от нас в Край еще в декабре 2006-го. Какое удовольствие было работать с ним над подготовкой к изданию первых книг Олега Губаря «Пушкин. Театр. Одесса» и «Сто вопросов «За Одессу»! Он был оформитель от Бога, даже без специального образования ставший

мастером книги. Главными, притягивающими человеческими качествами этого в высшей степени профи были, пожалуй, даже избыточная скромность и благородство – то, что так узнаваемо отразил в его портрете художник. «Человек-издательство», – говорили о Владимире Миненко за умение создавать архитектуру издания. Сложно даже сказать, скольким книгам подобрал он тот единственный иллюстративный ряд, становившийся продолжением и украшением текста. Но издательский бум первых лет независимости к концу 90-х стал угасать, и талант Миненко все чаще становился невостребованным. О, если бы тогда он жил в Париже!

В творчестве Геннадия Гармидера целое собрание очаровательных, порой почти мифических женских образов в разной степени обнаженности, написанных раскованно, щедрыми мазками с неожиданными цветовыми переходами, заражительной симпатией и подкупающим мягким юмором. С той же легкой ироничной улыбкой пишет он автопортреты с котом на плечах (я свободен!) и неожиданную «переключку с классиками». «Даная. Дунайская сельдь»: девушка-нимфа с впечатляющими формами возлежит на ковре из ламинарий в водах Дуная – озорной парафраз хрестоматийной картины Рембрандта. Его вариант «Девушки с персиками»: девы нового поколения отдают предпочтение ракам и пиву. Вдохновленный импрессионистами, он отважно сажает обольстительную натурщицу на колени персонажу, подозрительно напоминающему автора. Кипучую энергию таланта, по-доброму цепляющий одесский юмор, раскованность мысли и кисти продемонстрировала персональная выставка художника «Мастер хулиганит», с большим успехом прошедшая во Всемирном клубе одесситов. А то! Гармидер все-таки!

Геннадий Гармидер – один из самых успешных арт-амбасадоров Одессы. Произведения художника разлетелось по миру, как его «Urbi et orbi» (с латыни: послания городу и миру), как культурные посланцы Одессы и Украины. Офорты и картины Гармидера есть у президентов и коллекционеров в Европе, Америке, Австралии, Китае. Они хранятся в музеях Украины, Болгарии, Венгрии, Польши, Финляндии, Франции, США, Хорватии.

Пришло время собрать на страницах художественного альбома созданное мастером за десятилетия творчества. Работа над альбомом к грядущему восьмидесятилетию Геннадия Гармидера

уже начата группой энтузиастов, объединенных Ротари-клубом «Одесса-Ришелье». Альбом-биллингва (украинский/английский языки) соберет репродукции самых значительных графических и живописных работ художника. Это нескорый и сложный путь, особенно во время военного лихолетья. Но мы начали и обязательно преодолеем его вместе с нашими добровольными помощниками. Благодаря первым благотворительным взносам уже оцифрованы 300 офортов и картин.

Может возникнуть вопрос: а время ли в дни войны, ежедневно приносящей столько разрушений, смертей и горя, собирать средства на творческий проект, пусть даже и выдающегося художника?

Именно с началом полномасштабной войны за независимость и само свое существование Украина оказалась в центре внимания изумленного мира. Мира, который, к сожалению, так мало знает о нашей стране, отделенной от убийственной тени России. О ее истории, культурной самобытности, искусстве... Не только жизнь, но и свою идентичность нам приходится защищать сегодня. Именно сейчас так важно поддержать мастеров, способных создавать образ настоящей Украины, представление о ее духовной инвестиции в современный мир. Поэтому поддержка художника, не оставляющего кисть в военное время, важна и уместна.

В мастерской продолжается жизнь, авторские доски возвращаются на офортный станок, чтобы вновь воспроизвести для будущего альбома сотни образов и сюжетов. Каждый отпечаток снова становится явлением искусства – авторским оригиналом.

Явлением искусства должен стать и этот альбом к юбилею мастера, миссию создания которого мы начали вместе с нашими добровольными помощниками. Любое, даже самое скромное участие станет еще одним шагом к этой цели.

Подробнее об этом проекте вы можете узнать на сайте, созданном инициативной группой тоже на благотворительной основе. Полистайте его хотя бы для того, чтобы увидеть избранные работы певца Одессы, уникального художника Геннадия Гармидера: <http://garmider.tilda.ws>.

Марк Яковлев

Dora*

Эссе о жизни Доры Шварцберг

Нью-Йорк: день второй. Иегуди Менухин

Перед выступлением в Линкольн-центре Менухин пригласил Дору вместе пообедать, чтобы обсудить детали будущего концерта. Дочь Менухина Замира шепнула на ушко Доре: «Проследи, чтобы папа не забыл взять с собой в ресторан деньги». Менухина деньги мало интересовали, он часто забывал брать их с собой. Однажды в Лондоне великий скрипач, опаздывая на репетицию в Альберт-холл, поймал такси. Подъехали к концертному залу, но оказалось, что Менухин забыл взять с собой кошелек. Он извинился перед таксистом и сказал, что отдаст деньги.

– А кто вы такой? – поинтересовался таксист, глядя на Альберт-холл.

– Менухин, – ответил скрипач.

– Вы – Менухин?! – удивился таксист. – Я вас много раз видел по телевизору. В телевизоре вы такой большой и солидный, а в жизни – смотреть не на что!

Накануне концерта в Линкольн-центре великий скрипач пригласил Дору в бархатном пальто ярко-синего цвета.

– Менухин мог себе это позволить, – мечтательно добавила Дора.

Маэстро витал в музыкальных облаках и мог себе многое позволить: забывать деньги дома, расплачиваться контрамарками,

* Окончание. Начало в кн. 90.

Yehudi Menuhin Conductor **Dora Schwarzberg** Violinist
Members of The New York Philharmonic Orchestra
Avery Fisher Hall, Lincoln Center
Sunday, March 13, 1983, 7:30 p.m.

PROGRAM

Bachet
 Beahms
 Schubert

Adagio for Strings
 Concerto in D Major for Violin and Orchestra, Op. 77
 Symphony No. 9 in C, "The Great"

YEHUDI MENUHIN
 He has been the great maestro of his time for the past generation. In the eyes of the new generation of musicians, he is the greatest of all. The New York Times.

In the concert world, Menuhin is a name that is synonymous with the finest of the world's musical talent. He has an extraordinary gift for music. He has a unique ability to communicate with the audience. He has a unique ability to communicate with the audience. He has a unique ability to communicate with the audience.

DORA SCHWARZBERG
 First Concerto
 The Carnegie Hall Concerts have been a great success. Dora Schwarzberg is the first violinist to play the first concerto in the Carnegie Hall Concerts. She has a unique ability to communicate with the audience. She has a unique ability to communicate with the audience.

присниться юной даме накануне концерта в бархатном пальто ярко-синего цвета – цвета николаевского и одесского неба. Только одного не мог себе позволить Иегуди Менухин – плохо играть на скрипке!

В 1976 году в Лондоне на конкурсе скрипачей имени Карла Флеша, где Иегуди Менухин возглавлял жюри, Дора заняла первое место, и маэстро пригласил лауреатку конкурса и ее пианиста Виктора Деревянко к себе домой. Дора набралась храбрости и попросила Менухина показать, как надо играть окончание десятой сонаты Бетховена. Менухин ответил, что он покажет, как надо играть окончание сонаты Бетховена, если Дора покажет ему, как она играет одно место в «Чаконе» Баха. Вот такой получился «обмен производственным опытом» у скрипачей разных поколений. Великий скрипач не постеснялся поучиться у молодой скрипачки тонкостям ремесла. Менухин был великим не потому, что он всю жизнь учился, а потому, что он великим родился.

Выход замуж, или Деревня Брайтон-Бич, где скучал Романов

Мама Мира сказала дочери: «Хватит выходить на сцену, пора уже выходить замуж!». А в это время на Брайтон-Бич скучал Иван Романов. Нельзя сказать, что уж очень сильно скучал. Он познакомился там со многими интересными людьми: Эфраимом Севелой, Иосифом Бродским и другими знаменитыми эмигрантами. С Иосифом Бродским Иван познакомился в картинной галерее Эдуарда Нахамкина на творческом вечере поэта. Иван сам прекрасно читает стихи, и ему, естественно, было интересно послушать чтение Бродского. Он попросил поэта прочитать стихотворение «Стихи под эпитафией», написанное Бродским в восемнадцатилетнем возрасте. Ивану нравилось это стихотворение, и особенно запомнилась строка: «В каждой музыке – Бах».

– Ну что вы, – ответил поэт, – это совсем детское стихотворение. Лучше я прочитаю «Письма римскому другу».

Владимир Бабаджан, директор музыкальной школы в Нью-Йорке, где детей учили «музыке и Баху» сказал Ивану Романову, что познакомился с дамой его сердца!

– Она то, что тебе надо! Поверь мне, я в этом деле понимаю! – повторил он фразу великой тети Симы.

Иван попросил телефончик и на следующий день позвонил Доре. Голос у Ивана был обворожительный еще с тех пор, как он работал диктором на одесском телевидении и радио, там он говорил «за всю Одессу!». Правда, к тому времени Дора уже училась в московской консерватории и слушала Бетховена, Брамса и Брука, а не голос Ивана Романова на одесском телевидении и радио.

На свидание Иван надел красную рубашку, черные брюки и белый пиджак. Приехал на новой двухдверной машине «катлас суприм» серебристого цвета и, главное, вовремя, чего с ним давно не случалось. Все говорило о «серьезных намерениях». Дора пришла на свидание в той же цветовой гамме: красное, черное и белое. Их цветовые гаммы совпали!

Музыкальные гаммы совпали тоже. На вопрос Доры «Какая музыка вам нравится?» Иван многозначительно произнес: «В каждой музыке – Бах!» – скромно умолчав, что строка из Бродского. Строка произвела на Дору впечатление – она вспомнила, как играла «Чакону» Баха для Иегуди Менухина.

Гаммы в партитуре любви так же совпали, и дело двигалось к свадьбе. На смотрины Иван пригласил домой писателя Эфраима Севелу, а к Доре прилетела мама Мира из Израиля. Смотрины прошли удачно, если не считать маленького «пограничного инцидента» между сторонами. Патриотка Израиля мама Мира «замочила» Эфраима Севелу, утверждавшего, будто евреи, разбросанные по всему миру, – это одобрения для других стран, а собранные вместе в Израиле – куча дерьма. Вот в этих одобрениях и куче дерьма мама Мира и «мочила» писателя.

На свадьбе гуляла «вся нью-йоркская Одесса», ресторан был полон гостей. «За столом на первом месте сидели жених с невестой. Это их день. На втором месте сидел Сендер Эйхбаум», – так у Исаака Бабеля «В Одесских рассказах». А у Доры с Иваном на втором месте сидел тезка Бабеля Исаак Стерн. Потому что он хотя и не был свидетелем на свадьбе, но это его право, право суперзвезды! Стерн на свадьбу пришел последним. Он вообще везде любил приходиться последним – чтобы все видели, как в зал входит звезда! Помните, Дора сказала о пальто Менухина: «Он мог себе это позволить!»? Так же и Стерн мог себе это позволить – всюду приходиться последним, кроме музыки.

Последняя их встреча произошла в Вене. Стерн принципиально никогда не выступал ни в Германии, ни в Австрии из-за нацистского прошлого этих стран. В 2001 году, незадолго до смерти, Стерн приехал в Вену как турист и увиделся с Дорой и Иваном последний раз. Сидели в ресторане, позвонил Грегори Пек, голливудская звезда, лауреат «Оскара», и пригласил Стерна на банкет в Белый дом на свое награждение у президента США.

– Что же ты раньше не позвонил? – пошутил Стерн. – Я бы тогда не ел до банкета!

Дочь Нора и внук Яшенька

Нора родилась в Нью-Йорке. Когда дочери было полтора года, родители переехали в Вену, и она выросла в европейской столице музыки. Девочка Нора постоянно крутилась среди музыкальных гостей дома Романовых-Шварцберг и слушала их разговоры. Мама решила чем-то завлечь дочь в ее детскую комнату и повесила в детской на окнах очень красивые новые занавески. Дочь пришла из школы, увидела красивые занавески, очень обрадовалась, захлопала в ладошки, обняла и поцеловала маму.

– Ну вот, – облегченно вздохнула довольная мама, – теперь ты будешь с радостью заниматься в своей комнате и не мешать взрослым в гостиной!

– Неужели ты думаешь, что занавеска может сделать человека счастливым?! – серьезно воскликнула семилетняя девочка.

А папа девочки, наблюдавший эту сцену, опять, как когда-то в Одессе, голосом диктора процитировал Бродского:

– Скатерть спорит с занавеской в смысле внешнего убранства.

Так и росла девочка Нора среди разговоров взрослых о музыке, репетиций и концертов.

Однажды Нора шла с няней из школы и встретила на улице маминого знакомого, часто приходившего в гости, известного венского музыканта, очень тонкого исполнителя. Когда он приходил в гости к папе и маме, а их не было дома, он рассказывал девочке Норе о своих проблемах. Сейчас музыкант тоже был грустен.

– Хочу с тобой поговорить и поделиться своими проблемами, – сказал музыкант девочке.

– У тебя опять проблемы? – тихо поинтересовалась первоклассница Нора у пятидесятилетнего музыканта.

– Да, – ответил музыкант, – у меня проблемы: я ее люблю, а она меня не хочет видеть.

– А ты ей говорил, что ты ее любишь? – поинтересовалась первоклассница.

– Нет, – ответил музыкант.

– Так скажи ей об этом! – посоветовала девочка.

– Точно! – воскликнул музыкант. – И как я до этого раньше не додумался? Вот когда с тобой поделишься проблемами, сразу находишь их решение, и становится легче...

– У меня тоже есть проблемы, и даже две, – вздохнула Нора.

– Выкладывай! – воскликнул повеселевший музыкант.

– Я хочу шоколадное мороженое.

– А вторая проблема? – поинтересовался музыкант.

– А вторая проблема, – чуть не плача сказал девочка Нора, – я хочу еще и сливочное мороженое, а няня деньги забыла дома.

– Ты хочешь, чтобы я купил тебе мороженое? – радостно спросил музыкант и полез в карман за портмоне

– Нет, – сказала Нора любимое слово своей мамы, – я просто тоже хотела поделиться с тобой своими проблемами.

Став постарше и начав играть на альте, дочь Нора, глядя вверх, как-то заявила маме:

– Музыка улетает, а счастье остается.

– Ваша мечта – научить внука играть на скрипке? – спросил я Дору.

– Нет, – ответила Дора, – моя мечта, чтобы мои близкие занимались делом, которое они любят! Поэтому я не буду заставлять внука играть на скрипке...

– Но мальчика назвали в честь известного скрипача Яши Хейфица?

– Нет, – снова ответила Дора, – просто маме и папе нравится имя Яша.

Тут я опять вспомнил девочку Дору, отвечавшую на ташкентском базаре на все вопросы «нет!».

– Хотите вы этого или нет, но ваш внук обречен быть музыкантом!

– Почему вы так считаете? – спросила Дора.

– Потому что имя Яков означает «идущий за кем-то», «следующий по пятам». А по чьим пятам может пойти ваш внук, если его мама – альтистка, бабушка – знаменитая скрипачка, прабабушка – виолончелистка, прадедушка – скрипач, а все его одиннадцать братьев и сестер – музыканты, прапрабабушка – тоже скрипачка...

В конце 90-х годов Дора исполняла сложный концерт для скрипки, смычок коснулся струн, выпрыгнул из руки и полетел по дуге в зрительный зал. Дочь Доры, сидевшая в зале, поймала смычок мамы в воздухе, взбежала на сцену, вернула его маме, и та продолжила играть. К тому времени дочь еще не решила окончательно, чем она будет заниматься в жизни, но этот удивительный случай стал символом передачи эстафетной палочки от матери к дочери. Нора стала альтисткой и недавно вернулась с международного музыкального фестиваля в Мексике, где прекрасно выступила.

Дочь Нора и внук Яшенька

Юрий Башмет говорит, что Нора – это его совесть! Она заставляет его работать!

Но остался открытым вопрос, поймает ли смычок внук Яшенька, когда тот выпрыгнет из рук его мамы.

Дары Доры – ее ученики

«Научить технично играть на скрипке не очень трудно. Трудно научить чувствовать и передавать эти чувства слушателям, извлекая музыку. Извлечение звука – самое ценное и дорогое, что есть у музыканта!» – так говорит Дора. Всех ее учеников-скрипачей перечислить просто невозможно. Дора подготовила около двадцати концертмейстеров, играющих в разных оркестрах по всему миру. Одним из них является Илья Коновалов – сейчас первый концертмейстер израильского филармонического оркестра. Еще один концертмейстер, с которым

Ученик Доры испанский скрипач Гийом Паш

я познакомился в Вене, – Кирилл Максимов.

За три дня, что я был в гостях у Доры, передо мной предстали четыре ее ученика. Приехали с мамой два брата двенадцати и четырнадцать лет из Берлина. ДШ сбежала на три часа из госпиталя, чтобы провести с ними занятие перед экзаменами. Результат: двадцать пять и двадцать четыре балла из двадцати пяти! Приехала с папой девочка четырнадцать лет из Бари, Италия. Она готовилась в июле играть на острове Иския в Неаполитанском заливе. Приехал с родителями необычный мальчик из Китая.

– Ты заметил, что в одном месте сыграл фальшиво? Можешь исправить? – спрашивает его Дора.

– Я-то заметил, – вздыхает мальчик, – но уже поздно исправлять, музыка-то улетела, – и мальчик показывает большим пальчиком наверх, на небо...

Вечером пришел на консультацию бывший ученик Доры, испанский скрипач Гийом Паш. Он полтора года проходил стажировку в московской консерватории и сумел сделать невероятное – вернуться назад без русской жены! Но с рекомендацией профессора продолжить в Вене у Доры Шварцберг свое музыкальное образование.

Гиша, как любовно называет его Дора, пригласил Дору и Хорхе Боссо провести мастер-классы в Испании, в маленьком городке, состоящем из одной улицы. Дора любит такие маленькие уютные городки, где невозможно потеряться. Сидит себе Дора в кафе на единственной улице и пьет прекрасный испанский кофе. Подходит Гиша в сопровождении пожило-

го джентльмена и его спутницы в широкополой шляпе. Гиша представляет джентельмена – это его дедушка, который хочет познакомиться с музыкальным педагогом внука. Джентльмен протягивает Доре руку и на высоком немецком языке «Hochdeutsch» начинает говорить Доре, как он рад за внука и его успехи в музыке.

Когда джентльмен со спутницей уходят, Дора спрашивает Гишу, почему его испанский дедушка говорил с ней на прекрасном немецком языке,

– А это его родной язык, дедушка – внучатый племянник Рихарда Штрауса, – отвечает Гиша, быстро наливая себе кофе.

Чашка в руке Доры начинает слегка подрагивать, она ставит ее на стол и долго смотрит вслед медленно удаляющейся пожилой паре...

Из городка с одной улицей самолеты в Америку не летали. Надо было лететь через Мадрид. Гиша оставил Доре и Хорхе ключи от мадридской квартиры, а сам обещал прилететь чуть позже. Войдя в квартиру Гиши, Дора первым делом взялась рассматривать фотографии на стенах. На одном овальном фото была красивая рыжеволосая женщина в обнимку с... Омаром Шарифом.

– Кто эта женщина? – спросила Дора Гишу, когда он вернулся домой.

– Это моя бабушка, а рядом с ней ее родной брат Омар Шариф, я тебя с ним познакомлю!

Омар Шариф и десять «Волшебных флейт» Моцарта

Встречу назначили в роскошном ресторане. Седовласый жизнерадостный Омар Шариф понравился Доре даже больше, чем актер в фильме «Доктор Живаго». Он рассказал, что родился в Египте в семье христиан из Ливана, и настоящее его имя – Мишель Демитри Шальхуб. Семья была богата, но далека от европейской культуры. Мама Шарифа Клара Шальхуб довольно часто играла в карты с самим королем Египта Фаруком I. Для игры в карты

Омар Шариф и Дора Шварцберг в мадридском ресторане

не надо было знать ни Моцарта, ни Бетховена.

Став звездой американского и европейского экрана, дважды лауреатом «Золотого глобуса» и номинантом на премию «Оскар», другом Марии Каллас и других звезд, Шариф понял, что надо наверстывать упущенную культуру. Первым делом он пошел на оперу Моцарта «Волшебная флейта». Еле-еле высадил два действия. Но Шариф не был бы Шарифом, если бы бросил начатое дело. На следующий день он пошел еще раз. И так десять раз подряд, пока не полюбил оперу настолько, что основал общество поддержки оперного искусства.

Он дружил не только с Марией Каллас, но и с Давидом Ойстрахом, и любил его игру, говорил, что у скрипача потрясающая правая рука! Так он стал разбираться в музыке.

Шариф поблагодарил Дору: наконец-то в их семье появился свой музыкант – Гийом. Он часто приглашал его в Париж, и внучатый племянник играл ему то, чему научился у Доры.

Разговор зашел о религиях, и Шариф проявил удивительную осведомленность в них, включая православие. Он с юмором объяснил Доре, что изучал религии по женам своего сына Тарека, вместе с которым снимался в фильме «Доктор Живаго». Последняя жена Тарека была русская, отсюда и знание православия. Когда несколько лет назад Омар Шариф умер, Гиша пришел к Доре с печальным известием и сказал, что не знает, ехать или не ехать на похороны. Масса родственников, похоронная суета... Дора однозначно ответила: «Ехать! Ты себе этого никогда не простишь!». Гиша поехал на похороны. Тарик подарил ему часы отца, сказав, что тот просил это сделать в память о нем.

Коллеги, или У всех свои игровые компашки

Всех коллег и друзей Доры, как и ее учеников, трудно перечислить. Марта Аргерих – выдающаяся пианистка современности, одна из множества коллег и близких друзей Доры. Вместе они записали диск в Брюсселе, где живет Марта. Совместная работа и для скрипачки, и для пианистки была наслаждением. Биографии музыкантов, вообще-то, надо рассказывать по их записям, музыка – это единственное, что имеет смысл!

Дора Шварцберг и коллега-подруга пианистка Марта Аргерих во время записи CD в Брюсселе

Еще один коллега Доры, с которым мне посчастливилось познакомиться, – американский пианист Николас Ангелич. Он стал в пять лет обучаться игре на фортепиано под руководством мамы. В семь лет исполнил фортепианный концерт Моцарта, в тринадцать поступил в парижскую консерваторию. В 1994 году стал лауреатом международного конкурса пианистов имени Джини Бахауэр в США, а в 2002-м на фортепианном фестивале в Германии получил премию «Молодой талант» из рук самого Леона Флейшера.

Короче говоря, у всех свои игровые компашки: мама Омара Шарифа играла с королем Фаруком I, а Дора Шварцберг играла с Николасом Ангеличем и Мартой Аргерих. У всех свои не только игровые компашки, но и свои игры: у кого покер и бридж, а у кого Моцарт и Бетховен.

Кирилл Максимов – бывший ученик Доры, а сегодня концертмейстер одного из лучших оркестров Вены – позвонил и пригласил своего педагога на концерт, где будет играть Николас Ангелич, и где будут исполнять «Петрушку» Игоря Стравинского. Конечно, мы пошли! А кто бы от такого концерта отказался?

Венский дом моделей Романов-Шварцберг

Дом Доры Шварцберг и Ивана Романова стал «русским домом» в Вене. Через него прошла вся артистическая элита страны: Людмила Гурченко, Зиновий Гердт, Михаил Жванецкий и много-много других знаменитых артистов, приезжавших в Вену. Точно так же в Милане «русским домом» был дом Эвелины Шац: Юрий Нагибин, Белла Ахмадулина, Юрий Любимов, Андрей Кончаловский, Борис Мессерер и многие другие. Такие же «русские дома» были в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Но «русский дом Романов-Шварцберг» отличался тем, что давал отъезжающим гостям еще «кое-что с собой». Дары Доры!

Вероятно, эта привычка заботиться о других родилась, когда мама Мира присылала студентке Доре рюкзачок с разными вкусными деликатесами, а дочка делила их со всей музыкальной компанией, жаждавшей не только духовной пищи, но и кое-чего посушественней.

Михаил Жванецкий, Дора Шварцберг и Иван Романов в одесском дворе, где жил писатель

На этот раз все оказалось сложнее. Я уже опаздывал на поезд, выскочил с чемоданом в переднюю, быстро надел пальто и собирался отпрапортовать: «Спасибо! И пока!» – как вдруг Дора сказала Ивану:

– Посмотри, как ему идет пальто! Может быть, ему подойдет и твой новый плащ, из которого ты вырос?

Иван бросился к шкафу, достал плащ и скомандовал:

– Ну-ка, примерь!

– Вы с ума сошли, – парировал я, – у меня у самого дома два плаща висят: белый и синий!

– А этот серый! У тебя такого еще нет! – возразил Иван.

– Да, нет, не надо, – отнекивался я, – да и чемодан уже полный, положить некуда!

И вдруг Дора решительно сказала:

– У нас тут был Михаил Жванецкий, так Иван ему свой пиджак подарил!

– Ну, и что из этого? – возразил я, глядя на часы.

– А то! – веско произнесла Дора. – Взяв плащ, вы сможете всем говорить, что одеваетесь в венском доме моделей «Романов-Шварцберг», как и Михаил Жванецкий!

Этот аргумент Доры добил меня окончательно: я быстро скинул пальто, примерил плащ, Иван передал моей жене привет вместе с просьбой перешить пуговицы, сложил плащ в чемодан и помчался на вокзал.

Дорогой читатель, заявляю совершенно официально: автор одевается в том же венском доме моделей «Романов-Шварцберг», где одевается Михаил Жванецкий!

Лет десять назад Дора зашла в офис Михаила Жванецкого на Тверском бульваре в Москве. Писателя не оказалось на месте, и Дора решила подождать его, устроившись с книжкой в дальнем углу комнаты у окна. Первое, что сказал Жванецкий, когда открыл дверь:

– Люблю Дорочку за то, что ее можно обнять практически из любого угла комнаты.

В свой день рождения вечером Дора позвонила писателю.

– Что-то случилось? – спросил Жванецкий. – Сейчас просто так никто никому не звонит.

– Да, – ответила Дора, привыкшая говорить «нет», – у меня случился день рождения!

– И ты по этому поводу мне звонишь? – еще раз спросил Михал Михалыч.

– Да, звоню по этому поводу, хочу, чтобы ты меня поздравил.

– Обычно мне звонят на мой день рождения, а ты звонишь на свой – это оригинально, – сказал сатирик, которому три недели назад исполнилось восемьдесят пять лет.

– Звоню на свой день рождения, потому что на твой к тебе не дозвониться!

«Петрушка» Стравинского и «Петрушка» Шварцберг в Вене

Каждый выходящий на сцену артист – Петрушка, он хочет быть любимым зрителями. Любовь зрителей – наркотик для артиста, без нее артист не может жить. Но зрители своим пронзительным свистом могут отрубить голову артисту, так же, как Арап отрубает голову Петрушке в балете Игоря Стравинского. Свист зрителей – это опилки, которые сыплются из Петрушки-игрушки по всей сцене его души. Но чаще всего на сцену сыплются цветы...

Наш разговор – как бесконечная косичка, в нее все время вплетается засушенная соломка новых, не записанных воспоминаний, какие-то веселенькие ленточки и увядшие цветочки, и концы этой вьющейся косичке памяти не видно.

Научить внука играть на скрипке, или Публичное одиночество артиста

На моей визитной карточке написан девиз в одном предложении, но на трех языках: «Tell me your dream und ich sage dir кто ты!». «Расскажи мне о своей мечте, и я скажу тебе, кто ты!» Когда я ехал к Доре и обдумывал вопросы для интервью, то решил за-

Мальчик хочет играть на скрипке, а отец, футбольный фанатик, заставлял сына играть в футбол. Старец Лук (актер Ян Деклер) учит мальчика Финна играть на скрипке. Кадр из фильма «Финн и магия музыки», 2013

дать ей наивный детский вопрос: «Какая у вас мечта?» Для меня ответ был почти ясен. Она – известный во всем мире исполнитель и музыкальный педагог с несколькими десятками или даже сотней учеников по всему миру – должна была ответить: «Научить внука играть на скрипке!». Именно так я хотел назвать свое интервью и сказал об этом Доре.

– Нет! – услышал я в ответ голос девочки с ташкентского базара. – Это не моя мечта! Я не собираюсь заставлять своего внука учиться играть на скрипке. Он будет заниматься тем, что ему больше всего нравится, – это моя мечта! Захочет играть в футбол, а не на скрипке, – пусть играет в футбол!

В недавно проведенном среди людей старше семидесяти пяти лет опросе был задан один вопрос: «О чем вы больше всего жалеете в жизни?». Пенсионеры чаще всего отвечали: «О потерянном на нелюбимой работе времени». На втором месте был ответ: «Слишком мало времени провели с любимыми людьми».

– Как жаль! – сказал я. – Мне так нравилось придуманное для интервью название: «Научить внука играть на скрипке». Почти как в фильме Яна Деклера.

– У меня есть другое название, – сказала девочка Дора, мечтавшая быть артисткой: «Публичное одиночество артиста».

К.С. Станиславский писал о публичном одиночестве актера на сцене. Но многие артисты и вообще люди искусства одиноки не только на сцене, но и в жизни. Для актеров или музыкантов-исполнителей это одиночество связано с тем, что, проникая и погружаясь глубоко в пьесы великих драматургов или в музыку великих композиторов, они живут их чувствами, а не собственной частной жизнью. Отсюда и публичное одиночество. А музыка – это наслаждение и убежище для всех одиноких...

Философия Доры

Философия Доры основана на ее собственном жизненном опыте и на том, что говорили ее учителя и что говорят ее ученики. Прошло то замечательное время, когда достаточно было одной виртуозной игры на скрипке, фортепиано или виолончели, чтобы привести публику в восторг. Сейчас нужен синтез искусств: музыки, поэзии, живописи, танца. Скажу даже больше: нужен синтез искусств с науками: с лингвистикой, математикой, нейрофизиологией. Мир стремительно развивается, и кто этого не поймет, останется, как провозглашали футуристы, «за бортом современности»!

Американский лингвист и философ Ноам Хомский говорит: «Все там уже есть», – и показывает, как юный китайский ученик Доры, большим пальцем в небо. «Все основные мелодии уже написаны, – вторит ему Дора, – нам осталось их только исполнять по нотам, но интерпретировать своими чувствами».

Композитор подслушивает мелодии в музыкальной студии Создателя, в высших небесных сферах, записывает их на нотный стан и передает ноты исполнителю. Настоящий исполнитель – это передатчик, транслятор, медиум: он возвращает

Создателю музыку, подслушанную у него композитором, и при этом мы слышим ее.

Владимир Познер в интервью с российским психолингвистом Татьяной Черниговской, хорошей знакомой Доры, задал вопрос: «Что является наивысшим достижением человеческого мозга в искусстве: литература, живопись, музыка, танец?». Черниговская мгновенно ответила – музыка! Потому что музыка – наиболее абстрактный и универсальный язык людей, а может быть, и животных, по крайней мере птиц.

Дора не считает, что для того, чтобы играть Моцарта, надо обязательно родиться в Зальцбурге. Но место и его аура как-то влияют на язык, на выражение чувств. Раньше Дора немного побаивалась играть Шуберта и не донести биение его сердца, биение его пульса до слушателей. Но однажды в венском лесу, идя по тропинке у озера, она услышала щебетание птичек и вспомнила четверостишие Мандельштама:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Тогда Дора поняла, что «венский птичий гам», должен быть и в музыкальных гаммах тоже, и боязнь играть Шуберта прошла. Мандельштам помог Доре: «Быть может, прежде губ уже родился шепот». А шепот – самый сильный язык: когда вы говорите громко, вас слышат, когда вы говорите тихо – к вам прислушиваются.

Как объясняет Татьяна Черниговская, в мире шесть-семь тысяч человеческих языков и наречий. Кроме этого, языками являются математика, музыка, живопись, танец и т. д. Самый рациональный язык для передачи сообщений – азбука Морзе: SOS! Save our souls! Спасите наши души! Музыка – это то, что спасает наши души.

– Я человек не религиозный, – говорит Дора, – но к лучшей музыке человечества нельзя подобрать другого слова, кроме как «божественная»!

– Прежде, чем мы начнем играть, скажите мне: для кого вы играете? – спросил однажды Дору известный итальянский и норвежский дирижер перед концертом.

– Думаю, что для себя, – ответила Дора.

А я думаю, что Дора играет не только для себя, но и для Создателя тоже. Она все делает для других, включая и Его, – это «Дары Доры». Она возвращает Создателю музыку, которую подслушали у Него в небесной студии великие композиторы. Композиторы и поэты – избранники богов, они пасутся на небесных пастбищах, подслушивая мелодии и стихи в студии Создателя. А музыкант-исполнитель возвращает Создателю взятую у него взаймы гармонию. Так же и чтец: возвращает Создателю подслушанные поэтом в Его небесной студии стихи.

Возвращаясь с мастер-классов в Израиле, Дора купила в аэропорту книгу современного философа Юваля Ной Харари «Номо Deus. Краткая история будущего». Философ пишет: «Именно наша свободная воля наполняет Вселенную смыслом...». Каждый день вы едете на работу и слушаете в машине или метро любимую музыку, которую выбрала ваша свободная воля. Значит, музыка наполняет Вселенную смыслом.

ДШ: «Мы, музыканты, норовим сделать немножко больше, чем нам платят, потому что момент извлечения музыки – момент извлечения истины. Это самое дорогое, что у музыканта есть! Музыкант – предназначение, и мы должны ему служить, исполняя и храня музыку».

Дора – каюр III степени

– Вы много летаете по всему миру. Какие поездки вам запомнились больше всего? – спросил я Дору в конце нашего разговора.

– Больше всего мне запомнились поездки на Камчатку, в Норильск, в Сибирь. Потрясающая, уникальная природа!

– А что запомнилось в этих поездках?

– Я горжусь, например, тем, что участвовала в соревнованиях на собачьих упряжках и получила высокое звание «Каюр III степени».

– Все-таки от тети Симы вам перепало желание управлять всем миром: от мастер-класса в Вене до собачьей упряжки в Сибири.

– Нет, не всем миром, просто интересно попробовать то, что ты в жизни еще не делал!

– Вы только что прилетели из Китая, где давали мастер-классы. В июне вы снова полетите в Пекин. Перед этим вы были в Брюсселе. Через неделю вы улетаете в Израиль, опять давать мастер-классы, и так каждый месяц. Потом вы летите в Италию, оттуда в Норвегию... Куда несется ваша «собачья упряжка»? И управляете ли вы ей?

– Мне бы хотелось не только оставить воспоминания внуку, но и передать свое ремесло дочери. А после этого я бы хотела тихо сидеть в маленьком испанском городке с единственной улицей, ведущей к морю, слушать музыку, пить маленькими глоточками прекрасный испанский кофе и смотреть вслед уходящему от меня внучатому племяннику Рихарда Штрауса.

Когда-то Михаил Жванецкий сказал: «Люблю Дорочку за то, что ее можно обнять практически из любого угла комнаты». Перефразируя писателя-сатирика, я говорю, что сегодня Дору можно обнять практически из любого угла мира: Японии, Китая, России, Израиля, Европы, Америки и даже Африки – Омар Шариф, родившийся в Египте, обнял Дору в мадридском ресторане. Остались не охваченными Дорой только два континента – Антарктида и Австралия. Но я не удивлюсь, если завтра узнаю, что наш каюр третьей степени несется по Антарктиде на собачьей упряжке или по Австралии на упряжке кенгуру.

Дора: «Я горжусь тем, что участвовала в соревнованиях на собачьих упряжках»

Круги Доры

В жизни все возвращается, как написано в Библии, «на круги своя», возвращается все, но на другом уровне и в другом качестве. Дора уехала из Вены в Израиль и вернулась в Вену профессором Венского музыкального университета. Дора уехала из Израиля в Европу и вер-

нулась в Израиль профессором музыкальной академии Бухман-Мета в Тель-Авиве. Несется, несется «собачья упряжка» Доры Шварцберг, каюра третьей степени, по миру, наматывая жизнь «на круги своя», круги Доры. Несется, несется все быстрее и быстрее, аж ветер свистит в ушах!.. «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя».

Возвращается все, кроме прошедшего времени и прожитой жизни. Прожитая жизнь, словно музыка, улетает ввысь к ее Создателю. Но, как говорит дочь Доры: «Музыка улетает, а счастье остается!..».

Публикации

- 300** **Алена Яворская**
Театр «Крот», Вера Инбер и «Девушка из Нагасаки»
- 330** **Аня Яблонская**
Одесса на театральной карте мира

Алена Яворская

Театр «Крот», Вера Инбер и «Девушка из Нагасаки»

В 1918 году закончилась Первая мировая война. В 1920-м – Гражданская. Начинается мирная жизнь. Народ хочет зрелищ, а поэты – хлеба. В такой ситуации и возникает в Одессе в 1921 году театр «Крот».

Об этом театре, его репертуаре и актерах уже были отдельные публикации на страницах альманаха*, но все же хочется составить достаточно полную картину существования этого, пожалуй, слишком легкомысленного и веселого для того сурового времени театра, повторяя вновь некоторые тексты.

Итак, город Одесса, год 1921.

«Если б какой-нибудь любознательный чужеземец прошелся у нас сейчас по Дерибасовской-Лассалю тож, и взял бы на себя нелегкий труд прочитать все «анонсы» и плакаты театров, расцветившие всеми цветами радуги улицы и перекрестки, – то он, несомненно, решил бы, что Одесса стала театральными Афинами, и что одессит живет не столько хлебом и воздухом, сколько «Гамлетом» и «Женщиной, которая изобрела любовь»**, – таково мнение газеты «Моряк» о театральной ситуации в городе. В той же газете регулярно сообщают о репертуаре театра «Крот», который открылся в марте 1921 года в подвальном помещении на углу

* Инбер В. Ад в раю // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 214-229. Публикация А. Яворской.

Рина Зеленая. Разрозненные страницы... – Там же, с. 230-235.

Кравцов Я. Театр в подвале... Там же, с. 236-240.

** А. Свет и тьма // Моряк: Краевая газета Черного, Азовского и Каспийского морей. – Одесса, 1921, 21 сент., № 131, с. 4.

Екатерининской и Театрального переулка, недалеко от оперного театра, и просуществовал почти полтора года.

Название «Крот» обыгрывалось дважды: это и аббревиатура «Конфрерия рыцарей острого театра», и намек на подвальную сцену – ведь крот живет под землей. Руководителем театра был режиссер и актер Виктор Типот. А участвовали в спектаклях среди прочих поэтесса Вера Инбер и совсем молодая артистка Рина Зеленая, в 1919-м закончившая Московское театральное училище.

К тому времени тридцатилетняя Вера Инбер была автором двух поэтических сборников. Первый, «Печальное вино» (1912), она издала в Париже, где провела четыре года (1910-1914), второй, «Горькая улада» (1917), – в Петербурге.

«Театр пользовался большим успехом у молодежной аудитории преимущественно интеллектуального уровня, отличаясь от грубоватых коллективов ТРАМов (Театр рабочей молодежи). Подвергался строгому контролю реперткома, был под постоянной угрозой сокращения и закрытия»^{***}, – писал одесский краевед В. Гридин.

В справочниках даты существования театра указаны неточно, разнятся и расшифровка названия. Так, например, о Викторе Типоте – организаторе, режиссере и душе театра – «Энциклопедия циркового и эстрадного искусства» сообщает: «1918-1922 руководитель, автор, режиссер, актер и конферансье Одесского театра миниатюр «Крот» («Конгрегация рыцарей острого театра»).^{****}

Неправильно указано время существования театра и в статье о Рине Зеленой: «Сценическую деятельность начала в Одессе: в 1919-21 в театре КРОТ (Конфрерия рыцарей острого театра)». ^{*****} Украинские источники сообщают о деятельности «Крота» в Москве, хоть туда переехали лишь бывшие актеры театра. ^{*****}

^{***} Шахлиевич А. Одесские ТРАМы и драмы. <http://porto-fr.odessa.ua/1997/27/27-142.htm>

^{****} Энциклопедия циркового и эстрадного искусства <http://www.ruscircus.ru/encyc?func=text&sellet=%D2&selword=2650>

^{*****} Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/1991566.

^{*****} «В Одесі після встановлення рад. влади організовано К. «КРОТ» (рос. «Конгрегация рыцарей острого театра»; від 1922 діяло у Москві), в трупі якого працювали В. Типот, В. Инбер, Р. Зелена, Д. Ойстрах». – Сучасна українська енциклопедія http://esu.com.ua/search_articles.php?id=11952.

Первым летописцем «Крота» стала Вера Инбер – актриса театра и автор пьес – в повести «Место под солнцем» (1928). Она называет театр «Созеп», Типот выведен под именем Аркадия Грама.

«Аркадий Грам, хитрый и веселый человек. Грам не любил, чтобы люди грустили: ему самому нельзя было отказать в умении создавать своеобразное и не вполне благополучное веселье, когда жизнь начинает казаться сборником неизданных анекдотов. <...> Аркадию Граму предназначалась роль режиссера в центросюзном начинании».*

Вспоминала Типота и Рина Зеленая, с блеском выступавшая на сцене «Крота»: «Наш режиссер Виктор Типот, химик по образованию, будущий автор первых советских оперетт «Свадьба в Малиновке», «Вольный ветер», «Сын клоуна» и других, был не только режиссером, но и автором, и завитом, и худсоветом, хотя в худсовет входили также Вера Инбер, которая уже тогда была Верой Инбер, Е.А. Левинсон, А.Н. Фрумкин, будущий академик, известный всему миру химик.**

В ее интерпретации театр «Крот» возник как продолжение домашних театральных постановок: «И люди здесь были другие совсем: молодые, они были образованными, умными в разной степени, воспитанными и демократичными. Их, совсем разных, объединяла любовь к театру, к сцене. Уже давно, многие годы, у себя в домах они устраивали спектакли. Сами писали пьесы или переводили в стихах и прозе, делали костюмы, пели, танцевали для своих друзей и знакомых. Теперь они хотели показывать эти спектакли зрителям, всем желающим».**

О том, что «Крот» вырос из домашних спектаклей, вспоминала костюмер театра и жена режиссера Виктора Типота Надежда Блюменфельд:

«Зимой в начале 1919 года при белых есть было нечего, но мы, молодежь, как-то этого и не замечали, много смеялись,

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1954, с. 127.

** Рина Зеленая. Разрозненные страницы. – Москва, Всероссийское театральное общество, 1981, с. 24.

*** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

жизнь шла своим чередом. <...> Вот тогда-то и затеяли домашние спектакли. Но после прихода советской власти дело изменилось: начали организовываться кооперативы. Возник Центросоюз. Его директор посмотрел наши спектакли, предложил устраивать их официально, организовать театр. В городе зрелищ никаких еще не было.

Назвали новый театр «Крот». Спектакли давали по субботам. За это получали бутерброды. А вы знаете, что значит в голодное время – бутерброды?

Здесь шла первая пьеса Багрицкого «Месть Калиостро»****. (Типот играл Калиостро, а Инбер – его даму)».*****

Тем не менее о первых спектаклях театра пресса сообщает лишь в начале сентября 1921 года: «Театр Крот. Первые два спектакля-дебюта театра Крот в клубе им. Гифона прошли с большим успехом, ввиду чего группа намерена поставить целый ряд таких спектаклей. В субботу, 10-го, и в воскресенье, 11-го, состоятся очередные спектакли при участии певицы Добровольской, поэтессы Веры Инбер, Типота, Полякова и др.»*****

Газеты сообщают о нескольких спектаклях в неделю, но воспоминания участников этому противоречат, достаточно противоречивы и сведения о зрителях. Яков Кравцов, один из молодых актеров театра, вспоминал: «Спектакли ставились раз в неделю, по-моему, по субботам или воскресеньям. Билеты распространялись только среди знакомых, в открытую продажу

**** Пьеса в стихах Э. Багрицкого и Г. Шенгели «Месть Калиостро» опубликована В. Перельмутером: «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 46. – Одесса, 2011, с. 247-258.

***** В прессе о постановке водевиля в «Кроте» сведений нет, есть информация «В театре Государственных производственных мастерских принята к постановке пьеса-водевиль местных поэтов Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого «Калиостро». Уже приступлено к работам по изготовлению эскизов декораций». – Б. п. Театр // Моряк – 1921, 7 сент., № 123, с. 4. Спектакль не был поставлен. По воспоминаниям Н. Данилова, роль Калиостро играл Э. Багрицкий, который перед премьерой перестал ходить на репетиции. – Данилов Н. Месть Калиостро / Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. – Москва: Советский писатель, с. 78-79.

***** Скорино Л.И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В.П. Катаева. – Москва: Советский писатель, 1965, с. 127.

***** Б. п. Театр // Моряк, – 1921, 8 сент., № 124, с. 4.

не поступали. Зрители была постоянные – молодежь, студенты, интеллигенция».*

Прима «Крота», актриса и автор текстов, Вера Инбер писала: «Спектакль шел как по маслу, и переполненный театр (двести пятьдесят зрителей: такова была его вместимость) аплодировал нам из всех сил своих пятисот ладоней».**

Но все сходятся в том, что репертуар меняли еженедельно. Рина Зеленая: «...нужно было петь, танцевать, переодеваться каждую минуту, играя по пять ролей в один вечер. Для меня перестал существовать голод и холод. Целые дни надо было работать, чтобы менять программу каждую неделю. Репетиции, спектакли – ведь зрители платили деньги, которые делились между всеми».**

Вера Инбер гордо писала о том же, впрочем, намекая на некую политическую отсталость: «По совести, нельзя сказать, чтобы все написанное нами было вполне созвучно эпохе. Положительно, были отклонения от правильной линии, но это объяснялось тем, что мы каждую неделю давали новую программу: ведь публика у нас всегда была одна и та же. Каждую неделю! За это многое простится».**

Газеты сообщают: «В субботу 24-го и вторник 27-го сентября в театре имени Гифона состоятся очередные спектакли труппы «Крот» под упр. Виктора Типота. В этот цикл включены лжеоперетта «Венское веселье», буффонада Веры Инбер «Ад в раю»**** и др.*****».

По словам Рины Зеленой: «В. Инбер очень увлекалась своей театральной работой, ждала с нетерпением рецензий. В каждой программе она писала для себя очаровательную крошечную миниатюру. Действие всегда происходило в Вене. Действующие лица – Она, Мици и ее муж, толстый немец (всех немцев играл

* Кравцов Я. Театр в подвале. Рукопись, датируется 1960-ми гг. Одесский литературный музей, архив, б. н. [без номера].

** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 131.

*** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

**** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 131.

***** Рукопись буффонады «Ад в раю» в форме самодельной тетради, шифр Р-54, хранится в фондах Одесского литературного музея. Опубликовано: Инбер В. Ад в раю // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 214-229. Публикация А. Яворской.

***** Б. п. Театр // Моряк. – Одесса, 1921, 24 сент., № 133, с. 4.

Митя Кесслер – впоследствии крупный инженер-энергетик в Москве. Он всегда играл туповатых и толстых персонажей в нашем театре)».*****

30 сентября 1921 газета «Моряк» сообщает о другом, совершенно новом репертуаре следующего выступления: «В ближайшую программу театра Крот включены произведения местных авторов «Картофель в мундире» Ф. Багрова, «Царь Рауль» – балаганное действо И. Вершинина, «Лулу и господин во фраке» – Веры Инбер».*****

Актер театра «Крот» Яков Кравцов (он же одновременно и журналист газеты «Моряк») оставил воспоминания о театре, где перечислил ряд актеров и довольно подробно описал большинство пьес, о которых сообщали театральные афиши 1921-22 годов.

«На том же Австрийском пляже я свел знакомство с Виктором Яковлевичем Типотом – руководителем весьма своеобразного любительского театра «Крот». <...> Так вот, по приглашению Виктора Типота я и стал актером этого театра, будучи одновременно газетчиком. В театре «Крот» выступали: Виктор Яковлевич Типот, Вера Михайловна Инбер, Рина Васильевна Зеленая и ее сестра Зинаида Васильевна (балерина), Анна Черткова, Федор Поляков, Дмитрий Кесслер, Владимир Ландау. <...> Была еще Надежда Семеновна Можаровская, наш бессменный аккомпаниатор. Она окончила Берлинскую консерваторию, а в театре стала нашим «концертмейстером». С ее помощью мы с Виктором Типотом создавали свои оперетты и другие музыкальные, обычно одноактные, пьески. Я жил в том доме, где процветало знаменитое в свое время кафе Робина и где помещался театр Миниатюр (как его в шутку прозвали, «Театр имени ТЮР») – здесь ставились оперетты, и мне с самого детства были знакомы многие мотивы. Я их напевал, Виктор Яковлевич сочинял слова, Надежда Семеновна это проигрывала. Вот так и получались наши собственные оперетты. Помню одну из них. Называлась она «Долли Файф, или Венская жизнь» (очевидно, имеется в виду лжеоперетта «Венское веселье» – А. Я.). Я в ней играл героя-ловеласа Виконта де Бражелона, а Рина Зеленая кафешантанную диву Долли Файф. В свои

***** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 25.

***** Б. п. Театр // Моряк. – Одесса, 1921, 30 сент., № 137, с. 4.

17-18 лет я выступал во фраке и цилиндре, в твердой манишке с такими же накрахмаленными манжетами и в лаковых туфлях. Все это «снаряжение» заимствовал у нашего соседа, зубного врача Якова Семеновича Плоттера, который, видимо, сохранил свою «амуницию» еще со времен свадьбы. Исполняя по ходу пьесы песенки и канканы, я выглядел в этом фраке и шапоκляке довольно импозантно, но, очевидно, и смешно. <...>

Весьма популярным был тогда «Гимн Кротов». Вся труппа перед началом спектакля выходила на сцену, впереди наши девушки в кротовых кофточках, и хором пели:

Смиранный крот
В земле живет,
Во мраке и тиши.
Родит детей
В норе своей
И счастлив от души.
Но мы, наземные кроты,
Не так проводим дни:
Мы любим солнце и огни,
Улыбки и цветы...

Припев:

В зной ли, в холод
Будешь ты стар или молод,
Каждый с радостью придет
Посетить веселый «Крот».
В вечер синий,
Будет то дождь или иней,
Сгладят хмурые черты
Бодрые кроты...*

Большой успех имела песенка Веры Инбер «Веселые голландцы». Она выходила на сцену в национальном костюме этой страны, стройная, миниатюрная, и своим тонким приятным голоском пела:

* Автора гимна установить пока не удалось.

Нас к вам прислала наша мама,
Мы к вам пришли из Амстердама...**

И припев:

В милой Голландии славно живется,
Курица трижды там в сутки несется,
Ну а коровы – это не ново –
Бродят там гурьбой...
Сливки голландских не сыщете слаще,
Черных тюльпанов там целые чащи,
Вместо ромашек
Лен для рубашек
Вырос сам собой...

При этом Вера Михайловна еще очень мило и нарочито неуклюже пританцовывала. Этот номер неизменно вызывал шумные аплодисменты. <...> Музыку к этим и другим сольным номерам неизменно сочиняла Надежда Можаровская. И эти песенки «кротов» распевали многие одесситы. Репертуар тогдашнего «подземного» театра был самый разнообразный. Точного распределения ролей, обычного профессионализма не было и в помине. Все выступали в различных жанрах. <...>

Ставили «Черепослов, сиречь френолог» – оперетту в трех картинах, сочинение Петра Федотыча Пруткова (отца). В ней я играл роль фельдшера Иванова. Шли «Революция в колоде карт»***,

** «Ныне седовласая маститая и «орденоносная» Вера Инбер в те годы начала в подвальном кабаре – «Коробочка», где писала тексты для таких песенок, как:

«Нас к вам прислала мама. Мы к вам пришли из Амстердама». – Волков А. Четверть века на театре // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 207.

*** Рина Зеленая вспоминала об этой пьесе: «Появились попытки отразить современность: восставала против короля червей колода карт». – Разрозненные страницы... с. 24. В воспоминаниях Н. Блюменфельд указывает автора: «Вера Инбер написала две пьесы в стихах – «Шахматы» и «Карты», где символически говорилось о революции». – Скорино Л.И. Писатель и его время, с. 128.

«Немая жена»* с Риной Зеленой в главной роли, «Паноптикум»**, «Голубой бриллиант», «Фокусник Бенали»***, «Ад в раю» и многие другие. Нравились публике «Патэ-журналы» (были в то время в моде такие хроникально-видовые киноальбомы, предшественники теперешних «Новостей дня»). Мы их иллюстрировали в живом виде.

Например, Виктор Типот выбегал на сцену в майке и трусах с номером на груди, как заправский спринтер, тяжело дыша, а диктор объявлял, что это победитель на стометровой дистанции. Или Володя Ландау, здоровенный детина, появлялся в коротких штанишках и бархатной блузке с огромным белым бантом, со скрипкой у подбородка. Это был «вундеркинд». Музыки «скрипача» не было слышно – ведь тогда фильмы были немые. Или выходил Митя Кесслер в обычном костюме, а Виктор Типот

* «Немая жена» – комедия в двух действиях А. Франца, шла на сцене петербургских театров миниатюр с 1909 г.

** «Паноптикум» (1914) – пьеса В. Мазуркевича. Она существовала и в форме оперетты, и называлась «Любовь в паноптикуме» (1914). «Театральные миниатюры Серебряного века». Составление, подготовка текста, вступит. статья, биографические очерки и примечания Норы Букс. – М.: ОГИ, 2020, с. 49-50.

*** О выступлении Бен-Али сообщила газета «Моряк» за 20 сентября 1921, с. 4: «Манеж Подиванской (Торговая, 26), сегодня, 20 сентября, первая гастроль сильнейшего в мире гипнотизера Бен-Али. <...> Два спектакля: в 7 ч. и 10 ч. окончание около 11 с пол. ч. Сеансы Бен-Али строго научны и проверены органами РС.Ф.С.Р.».

О нем же писал в стихах В. Ланской:

Суррогат не только в хлебе:
И на сцене суррогат.
–Первый! В мире!! Бен!!! Али!!!!
Разбирайся в пестрой банде!
Эй, подваливай, вали!
<...>
Хлеба! Зрелищ!
... Чем богаты!
Бен-Али! Пассаж! Манеж!
Хлеба, правда, маловато,
Но уж «первых» – только ешь!

В. Ланской: «Чем богаты...» // Моряк, 1921, 24 сент., № 133, с. 4.

бросал в него игральные карты и кромсал их на клочки, поясняя при этом, что он «рвал и метал». Либо подбегал с сантиметром в руках, распускал его сверху вниз и разъяснял популярное выражение: «Он мерил его с ног до головы».^{****}

Дополняет сведения о репертуаре «Крота» Рина Зеленая:

«Шли пародии на оперетты. Потом это стало для всех маленьких театров тривиальным приемом, но тут все было в первый раз, все надо было придумывать самим. Даже балет «Красная Шапочка» был, по-моему, придуман и поставлен впервые. Вера Михайловна Инбер написала для меня и для себя маленький диалог кукол. Она была французская кукла Мариэтта из Прованса, а я – русская Матрешка (по-моему, тогда Матрешка появилась впервые; зато потом – ой-ой-ой!). В финале В. Инбер пела:

Я Мариэтта, родом из Прованса,
Люблю поэта Анатоля Франса.

А Матрешка, впервые заговорившая со сцены, отвечала:

А у нас есть свой поэт московский –
Владимир Владимирович Маяковский».^{*****}

Сама Вера Михайловна в повести «Место под солнцем» перенесла эту сценку в Москву и нарисовала картину ужасающего провала:

«Я стояла на выходе, одетая французской куклой. Кукольный румянец лежал аккуратными кружочками на каждой щеке, вокруг глаз были нарисованы длинные лучеобразные ресницы. На мне был кисейный чепец и бархатный корсаж. Как всегда, перед началом было зябко, и жидкие белила неприятно сохли на голый спине. Моя партнерша, тоже кукла, но русская, деревенская, с кирпичным загаром, подвязывала лапти. Третий партнер, тоже кукла, солдат, стоял рядом, выпрямляя грудь.

Мы встали на наши подставки и окаменели в кукольных позах. Скрипка и рояль заиграли вступление, и пестрый занавес

^{****} Кравцов Я. Театр в подвале...

^{*****} Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 24.

раздвинулся в обе стороны. В лицо пахнуло теплом, жужжание голосов стало глуше. Мне надо было начинать. Я открыла рот, чтобы произнести под музыку свою первую фразу: «Я Мариэтта, родом из Прованса», – так начиналась эта кукольная комедия, – открыла рот, но ничего не сказала.

Наш скрипач, проворный и молодой, делая вид, что ничего не произошло, вторично заиграл вступление, качая головой и скрипкой и грозя мне глазами. Он снова доиграл до рокового такта, но «Мариэтта родом из Прованса» безмолвствовала. Тогда, не теряя самообладания, он встал со своего места, вылез на сцену, поднес скрипку к моему лицу и, смеясь и напевая, как бы желая растормошить неподвижных кукол, в третий раз заиграл вступление, но глаза его, приближенные к моим, были страшны. Тогда я разжала пересохшие губы и доложила, наконец, ужинающим все, что полагалось».*

В воспоминаниях Кравцов не упоминает рабочих сцены. Этот пробел восполнила Рина Зеленая:

«Рабочим сцены, например, была Люся Гинзбург – угловатая девочка, неловкая, умная до такой степени, что сейчас она доктор филологических наук, профессор-литературовед в Ленинграде, автор многих научных трудов. Она же на занавесе, ей же за все попадает».**

Лидия Гинзбург была младшей сестрой Виктора Типота. Современные исследователи придерживаются мнения, что в ранних ее произведениях некоторые из героев списаны с актеров театра».**

Кроме перечисленных Риной Зеленой и Я. Кравцовым звезд работали в «Кроте» и другие актеры. «Скупые строчки об остальных выступавших на подмостках сцены «Крота» артистах, таких, как Илья Вершинин, Дмитрий Кара-Дмитриев****, Дмитрий Кес-

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 156.

** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

*** «Возможно, прототипами героев Гинзбург были сотрудники «Крота» / Савицкий С.А. Частный человек: Лидия Гинзбург в конце 1920-х – начале 1930-х годов. – СПб.: Европейский университет в СПб., 2013, с. 14.

**** Кара-Дмитриев Дмитрий Лазаревич (1888-1972) – русский советский актер театра, кино и эстрады.

лер, Рафаил Корф****, Яков Кравцов***** , Владимир Ландау, Аркадий Погодин (Пиливер)***** , Анна Черткова и др., – можно встретить в энциклопедии «Эстрада в России. XX век» (2004), газетных и журнальных статьях».

В воспоминаниях Я. Кравцов описывает бытовую сторону жизни театра зимой: «...было весьма и весьма голодно и холодно, помещение, естественно, не отапливалось. Зрители сидели в зале в верхней одежде, а актеры под своими нарядами, положенными им по роли, носили фуфайки, простите, трико или теплые кальсоны».

Отдельного разговора заслуживает костюмер – Надежда Блюменфельд. Первой описала ее нежно и немного иронично Вера Инбер:

«Вся наша труппа, вся семерка заболела любовью к «Созэпу». Это была настоящая любовь, с нежностью, с порывами страсти, с ревностью к другим театрам, с бессонными ночами и самозабвением. Достаточно было взглянуть на жену Грама, нашу костюмершу, когда она, бледная от вдохновения, непричесанная и неумытая, вдувала жизнь в старые отцветшие тряпки.

Она одевала нас необычайно, и костюмы ее обладали только одним недостатком: сшитые всегда наспех и в крайней экзальтации, они были непрочны. Они жили один вечер, даже меньше. Иногда здесь же, на сцене, они распадались на две половинки, и актер выпадал из своей одежды.

Бывало и другое: так как запасы ткани были до смешного незначительны, то жена Грама придумала делать костюмы только

**** Корф Рафаил Григорьевич (1893 – 1941/1942?) – русский советский актер, режиссер Московского театра сатиры. Погиб на фронте.

***** Кравцов Яков Григорьевич – журналист, многолетний сотрудник газеты «Моряк», близкий друг К.Г. Паустовского.

***** Пиливер (псевдоним Погодин) Аркадий Соломонович (1901-1975) – советский эстрадный и джазовый певец. Об А. Пиливере, первом исполнителе песни «В парке Чаир» см.: Галяс А. В песне останется жить // Вечерняя Одесса: Общественно-политическая газета. – 2009, 29 янв., № 14 (8948), <http://vo.od.ua/rubrics/kultura/9974.php>.

***** Ратушняк Э. Каждый весело идет навестить задорный «Крот» // Вечерняя Одесса: Общественно-политическая газета. – 2009, 15 янв., № 6 (8940), <http://www.vo.od.ua/rubrics/kultura/9869.php>.

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

наполовину, на фасад, которым актер обращен к зрителю. Были такие счастливые роли, когда не нужно было поворачиваться.*

Яков Кравцов вспоминал:

«Костюмером была Надежда Германовна Блюменфельд, жена Виктора Яковлевича Типота, помогали ей ее сестры Евгения и Александра. Надежду Германовну отличал безукоризненный вкус, но, не располагая достаточным выбором, она нередко вынуждена была халтурить, сметывая костюмы, что называется, на живую нитку. И вот бывало, что у кого-нибудь на сцене в самый ответственный момент спадали брюки. Или же приходилось играть, находясь все время к зрителю лицом (не дай бог повернуться спиной – там не было никакого «оформления»).

Однажды у Виктора Типота на сцене отвалилась борода. Ничтоже сумняшеся, он подхватил свою искусственную бороду, положил ее на бутафорский камин и продолжал играть».**

Как правило, анонсы давались и за несколько дней до спектакля, и в тот же день. Они дополняли друг друга. Скажем, если в предыдущем («Моряк», 30 сентября 1921) могли быть указаны авторы пьес, то в следующем («Моряк», 1 октября 1921) сообщалось о песенках и танце. «Перед занавесом. Сегодня в театре «Крот» (Пале-Рояль) в программу спектакля поставлены «Картофель в мундире», «Принцесса Сандрильо», «Куклы» – Веры Инбер, «Собачий вальс» – танец и французские песенки».*** Впрочем, необходимо заметить, что авторство Веры Инбер – ведущего сценариста театра – указывалось всегда.

«Кроту» исполнился год. В 1922-м появляются и подробные, не всегда комплиментарные рецензии в журнале «Театр». Но название театра изменяется – реже «Крот», чаще – «бывший Крот» или «2-й малый театр». Меняется и адрес.

«Театр «Крот» (2-й малый театр, помещение бывшего «Красного факела», Колодезный переулок, 9)

От шаблонного типа театра миниатюр «Крот» выгодно отличается литературностью, стремлением к изяществу и утонченности.

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 134-135.

** Кравцов Я. Театр в подвале...

*** Б. п. Театр. Перед занавесом // Моряк, 1921, 1 окт., № 138, с. 4.

В нем не все выдержано, правда, в красивую программу вры-
вается довольно грубый номер в виде пародии на паноптикум;
временами отдает любительщиной, дилетантизмом, но налицо
имеются и признаки подлинного искусства. Украшение театра –
Вера Михайл[овна] Инбер, выступающая с прелестным моноло-
гом «Манон Леско и я» и изящной сценкой «Фарфоровые сердца».
Очень мило поет французские песенки Р. Зеленая. Красиво звучат
стихи покойного Гумилева, стихотворение которого «Дон-Жуан
в Египте» инсценировано довольно эффектно. Театр располагает
хорошим любовником в лице Климова и настоящим сочным
простаком (что нечасто встречается) в лице Полякова. Послед-
нему, впрочем, напрасно поручаются иногда совершенно чуждые
ему роли. Тягучую и нудную мимодраму («Сундук Коломбины»)
можно было бы не ставить. Публике театр, по-видимому, пришел-
ся по вкусу: зал полон».^{****}

В том же номере журнала в разделе рекламы объявление:

«2-ой Малый театр бывш. «КРОТ» (Колодезный пер., 9)

В пятницу 31 марта, субботу, 1, и воскресенье, 2 апреля,
СПЕКТАКЛИ 38 ЦИКЛА. В программе «Принцесса Катрин», «Смо-
родинный сок», «Мариетта и Машута», «Голубой бриллиант»
(2 серия) и др.

Руководитель Виктор Типот

Уполномоченный театра А. Шинберг.

Начало в 10 час[ов] по оф[ициальному] вр[емени]»^{****}, ^{*****}

В воспоминаниях Яков Кравцов цитирует песенку, очевидно,
из «Фарфоровых сердец»:

«Еще запомнилась такая песенка в исполнении Веры Инбер:

Ее папаша был фарфор,
Он знатный был синьор,

**** Л. К. [Коган Л.Р.]. Театр «Крот» // Театр: орган художественного сектора
Одесского губполитпросвета. – Одесса, 1922, 28 марта, № 1, с. 14.

***** После Октябрьской революции декретом Совета народных комиссаров
РСФСР от 22 декабря 1917 года (по старому стилю) стрелки часов были переве-
дены на час назад. По воспоминаниям одесских старожилов, в 1920-е гг. в гости
приглашали «в столько-то часов «по ихнему времени».

***** Реклама // Театр. – Одесса, 1922, 28 марта, № 1, с. 3 обложки.

Мамаша же простой фаянс,
Их брак был мезальянс,
Ручки, шейка и головка –
Все прилажено так ловко.
Но пустая я внутри,
Если хочешь – посмотри.*

Практически в каждой рецензии отмечают игру Веры Инбер,
Рины Зеленой и Типота.

Шутливая частушка о Рине Зеленой и театре «Крот»

Я служу в театре «Крот» –
Дело немудреное.
Никто замуж не берет,
Говорят – Зеленая!**

была впоследствии широко известна и не менее широко цитировалась.

Критики отмечают:

«Спектакли последнего цикла лучше предыдущих – и в отношении исполнения, и в особенности по репертуару.

«Принцесса Катрин», несомненно, хороший образец подлинной политсатиры. Шаблонная по сюжету, но интересно поставленная мелодрама «Смородинный сок», проводится с большим нервным подъемом; особенно хороша исполнительница центральной роли Лизон – Зеленая. Очень мила кукольная буффонада «Машута и Мариетта». Дружно и весело разыгрывается 2-я серия «Голубого бриллианта» – остроумной пародии на уголовно-детективные фильмы.

Слабым местом программы являются хореографические №№, в особенности ученически исполненный «танец Анитры».

Конферансье Типот выгодно отличается от своих одесских коллег находчивостью и умением создавать живую связь между зрительным залом и сценой.

* Кравцов Я. Театр в подвале...

** Уварова Е.Д. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзикл-холлы (1917-1945). – Москва: Искусство, 1983, с. 75.

Молодое дело растет и крепнет с каждой программой, постепенно освобождаясь от основного своего недостатка – любительской недоделанности».^{***}

Репертуар театра постоянно обновляется. Реклама сообщает: «2-ой Малый театр бывш. «КРОТ» (Колодезный пер., 9). В четверг 6, пятницу 7 субботу 8 и воскрес. 9 апреля СПЕКТАКЛИ 39 ЦИКЛА. В программе «Немая жена», «Венская жизнь», «Урок», «Песенки Конки Джо» и др. АНОНС! С понедельн. 17 по воскрес. 23 апреля ежедневно спектакли 40-го (праздничного) цикла и детские утренние спектакли.

Руковод. Виктор Типот. Уполном. театра А. Шинберг.

Начало в 10 час. по оф. вр.».^{****}

В праздничном цикле была исполнена ставшая уже известной песня «Девушка из Нагасаки» на стихи Веры Инбер. Бытует ошибочное мнение, что песня была написана в середине-конце 1920-х годов, но первое известное печатное упоминание о ее исполнении датируется декабрем 1918:

«Программа кончается и начинается настоящее. Шумное, бурное, внезапное. Откуда-то звенит гитара. Пьяная, нежная гитара де Лазари.

«Шарабан мой, шарабан».

Это Раисова. Сама Раиса Михайловна. И вас охватывает жгучая истома наивной мелодии. Хочется плакать или безумно, радостно смеяться. Отлетают назойливые мысли дня, и новый голос звенит под гитару.

«Он юнга, родина его Марсель».

«Девушка из Нагасаки». Ильсаров. Поднимается поэт. Бледный юноша с перевязанным лбом читает о распятой России и обезьянке Марго. И никого не смешит это сочетание. Каждое слово доходит до обостренного раскрытого сознания».^{*****}

В третьем номере журнала «Театр» сразу три информации о жизни «Крота» – о репертуаре и будущих постановках, пополнении труппы и бытовых условиях:

^{***} Б. п. Театр «Крот» // Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 10.

^{****} [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 3 обложки.

^{*****} «Красный кабачок» (Сумская, 6) // Театральный журнал. – Харьков. 1918, 22 дек., № 7, с. 10.

«На пасхальной неделе во 2-ом Малом театре (б. «Крот») будут поставлены 2 цикла (41 и 40й). В программу включены: «Девушка из Нагасаки [так!]» с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетному и по оперному), «Торжество Панталона» или «Испуганные кавалеры» – комедия дель-арте, «То, чего не было, нет и не будет» («Диктатура женщин») и друг.

Театр б. «Крот» организует цикл детских спектаклей. К постановке намечены: «Джунгли» («Жизнь Маугли») по Р. Киплингу, «Принц Свинопас» по Андерсену, «Ванины именины» по Мамину-Сибиряку, «Если бы я был принц» и др. Первый спектакль состоится 23 апреля.*

В информацию вкрадываются опечатки – искажено название стихотворения В. Инбер «Девушка из Нагасаки», неправильно указаны инициалы Рины Зеленой: «Состав труппы театра б. «Крот» пополнился актерами б. «Свободного театра» Илимовым, Назаровым, Шимковским и краснофакельцем** Бузичем, которые вместе с прежними премьерами труппы С. [так!] Зеленой, В. Инбер и Поляковым составляют ныне основное ядро труппы»***

Театры того времени не только испытывают недостаток в костюмах и декорациях – и для актеров, и для публики поход в театр дело опасное: могут ограбить. Часто спектакли переносят из-за отсутствия света: «Ввиду неисправного функционирования городской электрической станции администрация драматич. театра им. Шевченко и 2-го Малого театра «Крот» приняты меры, чтобы предотвратить отмену очередных спектаклей. В связи с этим театры переклещиваются в сеть блокстанции быв. «Московской гостиницы»****

В рекламе более подробная информация о спектаклях 40-го и 41-го цикла: «В воскресенье 16, понедельник 17, вторник 18 и среду 19. В четверг 20, пятницу 21, субботу 22 и воскресенье 23 апреля СПЕКТАКЛИ 40 41 цикла»*****

* Б. п. [Хроника] // Театр. Одесса, 1922. № 3, 14 апр., с. 16.

** Актер театра «Красный факел». В помещение этого театра перебрался «Крот».

*** Б. п. [Хроника] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3, с. 15.

**** Б. п. [Хроника] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3, с. 16.

***** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3 [с. 20].

«Девушка из Нагасаки» в обоих случаях указана первым номером, четвертым – «Музыкальные и хореографические антракты». Далее репертуар различался.

40 цикл:

«1) «Девушка из Нагасаки «с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетн., по оперному)

2) «Торжество Паталона»

комедия дель-арте

3) «Версальские кружевницы»

41 цикл:

«1) «Девушка из Нагасаки «с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетн., по оперному)

2) «То, чего не было, нет и не будет»

Фантаз. в 3-х сц. с прол.

3) «Игра» драмат. сцена Н. Гумилева

В воскресенье 23 апреля открытие цикла детских спектаклей театра б. «Крот».

Начало спектаклей: вечерних – в 10 ч. веч. по оф. вр.

утренних – в 2 ½ дня по оф. вр.»*****

В последнем номере журнала вновь рецензия на спектакли театра:

«Лицо молодого театра с каждой новой программой становится все серьезнее, задания его все углубленнее, а исполнение – все менее и менее любительским и дилетантским.

Последняя программа включает в себя – пьеску из истории борьбы бонапартистов и Бурбонов «Эмилия Лавалетт», недурно переданной артистами Зеленой, Климовым (прекрасным любовником) и Поляковым.

Очень забавно сделана пародия на трансформацию, исполненная под хохот всего зала, мужским составом труппы.***** Скучноват опыт исторического исследования «В отсутствие супруга».

Все же театр пытливо ищет путей своего жанра, путей очень трудных и еще, конечно, далеко не найденных.

В. Типот – еще не совсем опытный конферансье, но именно отсутствие типично актерских приемов и навыков, отсутствие

***** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3 [с. 2 обложки].

***** Очевидно, речь идет о спектакле «То, чего не было, нет и не будет».

шаблона – составляет большой плюс в этом безусловно культурном руководителе театра.

Заметно отражается на репертуаре театра отсутствие В. Инбер.*

В другой заметке сообщают об изменении в графике работы и ближайших премьерах:

«С 10 мая в театре «Крот» спектакли пойдут 5 раз в неделю (среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье). Ежедневно будут даны 2 цикла.

Ближайшие новинки «Крота» – обстановочная опера «Менестрель» и гротеск из истории франц. революции «Жозеф Барра».

Готовится группой театра «Крот» специально детский спектакль. Пойдет пьеса «Свинопас». Пишутся оригинальные декорации.**

4, 5, 6 и 7 апреля в «Кроте» шли спектакли 43 цикла. В программу входили: «Жозеф Барра» – рев. гротеск, «Свирепый американец и его соперники» и др.***

В прессе информация о репертуаре и предстоящем вечере Виктора Типота: «Сегодня в театре «Крот» – повторение новой программы 46 цикла. В программе: пародия на уголовно-детективно-спортивный трюковый киноман «Голубой бриллиант» в 4-х сериях.**** Завтра – детский спектакль. В четверг, 1 июня, в театре «Крот» вечер руководителя, автора, конференсье и актера театра Виктора Типота.*****

После вечера появляется небольшая заметка в газете «Вісті-Известия»:

«Театр «Крот» – вечер Виктора Типота.

Программа обширная и несколько утомляющая зрителей. Все же в ней были занимательные миниатюры. Наиболее стройно была сыграна пародия В. Инбер «Ад в раю». Остроумные частушки, посвященные бенефицианту, спела Рина Зеленая. Хорошо задумана

* Б. п. «Крот». Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 8.

** Б. п. В театре «Крот» // Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 13.

*** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 20.

**** «В программе был даже многосерийный детектив «Голубой бриллиант» В. Инбер и В. Типота. Для каждой программы писалась новая серия», – Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 24.

***** Б. п. Театр // Вісті-Известия. – Одесса, 1922, 27 мая, № 740, с. 2.

балетная сценка «Черный офицер». Совсем неинтересна пьеска «В гостях у Чарли», состряпанная по американскому меню.

Следовало бы завести в театре музыкальные антракты, это несколько оживило бы длинноты.

Только на этом вечере удалось посетителям расшифровать название театра «Крот». Оказалось, что это означает «Кружок работников остроумного театра».

Название, конечно, хорошее. Содержание театра, однако, значительно отстает».*****

Итак, название зрителям разъяснили через год. А вот некоторые актеры узнали об этом почти полвека спустя.

«До самого последнего времени я представлял, что название свое театр получил потому, что размещался в подвале, в Театральном переулке «под землей». Но недавно один из организаторов и основных актеров театра того периода Дмитрий Осипович Кесслер разъяснил мне, что стал он именоваться по первым буквам весьма выпяченного, но, как казалось по тем временам, звучного сочетания первых букв слов: «Конфрерия рыцарей острого театра».*****

Кравцов описывает и причину того, почему «Крот» просуществовал так недолго: «Наступило время, когда нашу молодежь потянуло в Москву. Уехали Вера Михайловна Инбер, Рина и Зина Зеленые, Виктор Яковлевич Типот. Тогда и закончил свое существование театр «Крот».*****

Бесспорно, Вера Инбер была ведущим драматургом «Крота», а ее пьеса «Ад в раю» – одной из самых популярных в репертуаре. Рина Зеленая упоминает ее вскользь: «Шла у нас пьеса «Ад в раю» – миниатюра в стихах В. Инбер о невыносимой обстановке, сложившейся в раю для Адама и Евы».*****

А вот автор пьесы, опять же перенося постановку в Москву, пишет не только о самой пьесе, но даже и о костюмах главных действующих лиц. И, как и в случае с «Мариэттой из Прованса»,

***** В. в. «Крот» – вечер Вик. Типота // Вісті-Известия. – Одесса, 1922, 3 июня, № 746, с. 2.

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

***** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 25.

пишет о провале. «Скетч» об Адаме и Еве увидел, наконец, свет рампы. В качестве «гвоздя» он был оставлен на второе отделение программы, и это обстоятельство погубило его».*

Тем не менее она и подробно описывает возникновение замысла, и пересказывает сюжет.

«Если верить библии, этой почтенной старой книге, все мы произошли от Адама. Но, независимо от того, произошли мы или нет, независимо от того даже, существовал ли Адам на свете, его облик чрезвычайно любопытен. Его история – это первая история любви на земле, отмеченная литературой.

Возникновение Адама, чудесное превращение его ребра в юную золотоволосую Еву, их любовь, яблоня райского сада – вся эта история известна всем. Но далеко не все поставлены в известность, что Ева была вторая жена Адама, что Адам был женат дважды. Что, кроме Евы, у него была еще одна жена, первая по счету, которая именовалась Лилит.

В противоположность Еве, созданной из мужниного ребра и тем самым лишенной индивидуальности, Лилит была сотворена из горсти земного праха и ночного воздуха. Хотя и по-иному, чем Ева, она была прекрасна. Ее походка была исполнена лунного скольжения, черные волосы окутывали ее всю. Она была умна и склонна к ведовству. Она варила тайные зелья и собирала травы. Адам не мог с ней ужиться. Она вела себя так плохо, что была лишена звания жены первого человека. Ее постигла печальная участь. <...>

Впрочем, все это несущественно. Достоин упоминания только то, что, истощив все свои темы для «Каравая», использовав свое небольшое знание современности, я отпрянула назад, в библейские времена. Таким образом, благодаря мне Лилит приобрела широкую и, как вскоре выяснилось, довольно печальную популярность в нэпманских кругах, посещавших «Каравай».

Созданные мною персонажи получили окончательное воплощение в нашей костюмерной. Лилит как демоническое начало была окутана в черный шелк. На лбу ее ночным блеском горел лунный камень, и ее рукава были широки и перепончаты, как крылья летучей мыши. Ева была кудрява, стрижена. От райско-

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 165.

го солнца она покрылась легким золотом веснушек. Адам был русский юноша, несколько ленивый, в шелковой косоворотке; отмечено было, что он не любит бриться. Змей – янтарный брюнет в сумрачной пижаме. Кроме перечисленных лиц был «Ангел для услуг», с крыльями и в переднике. Он носил ключи у пояса и заведовал кухней.

Первый акт уяснял «Каравая» взаимоотношения Адама и Лилит. Их семейная жизнь не ладилась; она протекала в причудливо обставленном полутемном покое. Хозяйство шло вкривь и вкось. Ангел был растерян. Змей наблюдал издали. Все кончилось бурным уходом Лилит.

Обстановка второго акта радовала зрителя обилием света, плетеной дачной мебелью, атмосферой «дома отдыха», где отдыхал Адам после операции извлечения из него ребра. Ева кормила его манной кашей и целовала плохо выбритую щеку. Она порывалась испечь ему яблоко, зная, что это полезно выздоравливающим, но Адам просил ее воздержаться: он боялся яблок.

Все шло бы хорошо в этом счастливом доме, если бы не Змей. Это он внушил Еве мысль, что слушаться мужа необязательно. Это он поднес ей яблоко, надкусив которое, она ощутила свою женскую прелесть. Это он смутил ее янтарной гладкостью идеально выбритых щек. Это он, наконец, раздвинув листья винограда, показал ей далекий мир, полный соблазнов. Это он, это он, это он.

Ева уходит со Змеем из светлого дома, Ангел потрясен, Адам снова одинок. Он сиротливо сидит под фиговым деревом, спелая фига падает к его ногам: это все.

Алексей Алексеевич остался чрезвычайно доволен результатами моего творчества. В его пылком юношеском соображении невинная шутка на двадцать минут превратилась в антирелигиозную сатиру, под красотью формы скрывающую огненные мечи сарказма, способные пронзить сердца ночных посетителей «Каравая» и обратить их в неверие. С его точки зрения, это была настоящая «благоуханная и современная вещь», в которой нуждался его театр.

У меня были сомнения на этот счет, но я молчала.**

** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 163-165.

Кабаретное творчество Инбер два ее современника, имевшие возможность оценить чтение стихов самой поэтессой, оценивали диаметрально противоположно. В советской стране Эдуард Багрицкий в рецензии на книгу «Бренные слова» писал: «...резким и неприятным диссонансом звучат юмористические стихи, помещенные в конец сборника. Слишком много в них буржуазно-слащавого и северянински-ресторанного».*

А вот эмигрант Дон Аминадо придерживался иной точки зрения:

«...жеманная поэзия Веры Инбер, воспевавшей несуществующий абсент, парижские таверны и каких-то выдуманных грумов, которых звали Джимми, Тэдди и Вилли.

<...>

Никаких звездных путей она не искала, но, обладая несомненной одаренностью, писала манерные и не лишённые известной прелести стихи, в которых над всеми чувствами царили чувство юмора и чувство ритма.

Миниатюрная, хрупкая, внешне ни в какой мере не убедительная – недоброжелатели называли ее рыжиком, поклонники – златокудрой, – она, помимо всего, обладала замечательной дикцией и знала толк в подчеркиваниях и ударениях.

Читая свои стихи, она слегка раскачивалась из стороны в сторону, сопровождая каждую цезуру притоптыванием маленькой ноги в лакированной туфельке.

В стихах чувствовались пружины, рессоры, покачивания шарабана, который назывался кэбом.

Милый, милый Вилли! Милый Вилли!
Расскажите мне без долгих дум –
Вы кого-нибудь когда-нибудь любили,
Вилли-Грум?!

Вилли бросил вожжи... Кочки. Кручи...
Кэб перевернулся... сделал бум!

* Desi [Э. Багрицкий]. Вера Инбер. Бренные слова / Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 16.

Ах, какой вы скверный, скверный кучер,
Вилли-Грум!»**

«Буржуазно-слащавые стихи», которые, скорее всего, исполнялись со сцены «Крота», вошли в сборник стихов Инбер «Бренные слова», изданный в Одессе в 1922 году тиражом 1000 экземпляров. В 2000 году книга была переиздана,*** в нее вошли кроме стихов еще и статьи о моде. Но тираж, увы, был всего 150 экземпляров.

Из книги «Бренные слова»

* * *

Как объяснить сей парадокс?
Сам черт себе ломает ножку:
Случилось так, что некий фокс,
Что фокстерьер влюбился в кошку.

И нежно-приторен стал фокс.
Он пел, рыдал румынской скрипкой;
Он говорил: – У ваших ног-с
Готов я умереть с улыбкой!

Я дал бы хвост свой отрубить,
Когда бы не был он отрублен,
Чтобы поехали вы жить
Со мной в Чикаго или Дублин!

В стране, где выдумали бокс,
Ничьи б не привлекало взоры,

** Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. – Москва: Терра, 1994, с. 613.

*** Инбер В. Цветы на асфальте / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса, 2000.

Что молодой шотландский фокс
Женат на кошке из Ангоры! –

И кошка, женщина в летах,
Прельстясь мальчишескою страстью,
Сложила вещи впопыхах,
Бросая родину для счастья!

Среди маисовых полей
На ферме зажили супруги,
Вкушали лук и сельдерей,
И обходились без прислуги.

И ровно, ровно через год
У них родился фоксокот!

* * *

Жил да был на свете еж,
Круглый и колючий,
Так что в руки не возьмешь,
Не пытайся лучше.

Забияка был тот еж,
Лез ко всякой роже;
Он на щетку был похож
И на муфту тоже.

У ежа с такой душой
Друг был закадычный,
Поросенок небольшой,
Но вполне приличный.

– Я да ты, да мы вдвоем, –
Еж кричит, бывало,
– Целый свет перевернем,
И того нам мало! –

Но однажды еж вошел –
В кухне пахло тленом...
И приятеля нашел
Он уже под хреном.

Еж воскликнул, слезы лья:
– Как ужасны люди!
Лучший друг, почти свинья,
И лежит на блюде... –

С той поры стал еж скромней,
(Вот так перемена!)
И боится он людей,
И боится хрена.

А теперь скажу вам все ж
По секрету, тихо:
Это вовсе был не еж –
А ежиха.

Октябрь 1921 г., Одесса

* * *

Один американский бар
Паштетом славился и виски,
Там были также и сосиски,
Но лучше всех там был омар.

Он, занимая важный пост
(На полке медную кастрюлю),
Так надоел лакею Жюлю,
Что тот плевал ему на хвост.

Лежал он год, лежал он два,
Ему меняли обстановку:

Петрушку, свеклу и морковь;
Он постарел едва-едва.

Но, доживая дни свои,
Влюбился он в свою соседку,
В одну усатую креветку,
И объяснился ей в любви.

Но в этот миг... всему конец.
Но в этот миг случилось чудо!
Жюль выложил его на блюдо,
Шепча сквозь зубы: «Вот подлец!»

И толстый лысый бегемот,
Который съел сего омара.
Был бледен, выходя из бара.
И отирал холодный пот.

Октябрь 1917 г., Москва

* * *

Увы! На жизни склоне сердца все пресыщённой,
И это очень жаль:
У маленького Джонни горячие ладони,
И зубы, как миндаль.

У маленького Джонни в улыбке, в жесте, в тоне
Так много острых чар.
И что б ни говорили о баре Пикаддили,
Но это славный бар.

Но ад ли это, рай ли, сигары и коктейли,
И кокаин подчас,
Разносит Джонни кроткий, а денди и кокотки
С него не сводят глаз.

Но Джонни – он спокоен. Никто не удостоен,
Невинен алый рот,
В зажженном им пожаре в Пикаддили баре
Он холоден – как лед.

Но хрупки льдины эти! Однажды на рассвете
Тоску ночей гоня,
От жажды умирая, в потоке горностая
Туда явилась я.

Бессонницей томима... Усталая от грима...
О возраст, полный гроз!
О жажда (ради Бога), любить еще немного
И целовать до слез.

Кто угадает сроки! На табурет высокий
Я села у окна,
В почтительном поклоне ко мне склонился Джонни,
Я бросила: «Вина».

С тех пор прошли недели, и мне уж надоели
И Джонни, и миндаль.
И выгнанный с позором, он нищим стал и вором...
И это очень жаль!

Июнь 1918 г. Одесса

* * *

Он юнга. Родина его Марсель.
Он обожает ссоры, брань и драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь,
На ней татуированные знаки...

Но вот уходит юнга в дальний путь,
Расставшись с девушкой из Нагасаки.

Но и в ночи, когда ревет гроза,
И лежа в жаркие часы на баке,
Он вспоминает узкие глаза
И бредит девушкой из Нагасаки.

Янтарь, кораллы красные, как кровь,
И шелковую кофту цвета хаки,
И дикую, и нежную любовь
Везет он девушке из Нагасаки.

Приехал он. Спешит, едва дыша,
И узнает, что господин во фраке
Однажды вечером, наевшись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки.

* * *

Маленький и нежный рот у Вилли,
Ясные глаза и быстрый ум.
Куртка с галуном без дыр и пыли:
Вилли-грум.

С каждым днем глядит он злей и суше,
Он всегда серьезен и угрюм.
У него породистые уши:
Вилли-грум.

И коснувшись раз его перчатки,
Золотистой-желтой, точно Мумм,
Я ему сказала очень сладко:
Вилли-грум!

Милый Вилли! Милый, милый Вилли!
Отвечайте мне без долгих дум –

Вы кого-нибудь когда-нибудь любили,
Вилли-грум?

Вы совсем не смотрите на даму,
На ее прическу и костюм.
Гляньте-ка в глаза мне, Вилли, прямо,
Вилли-грум.

Вы всегда сидите с кислой миной,
Морщитесь на самый легкий шум,
Разве не пора вам стать мужчиной,
Вилли-грум?

Вилли бросил вожжи. Кочки... Кручи...
Кэб перевернулся... Сделал: бум!
Ах, какой вы скверный, скверный кучер,
Вилли-грум!

Октябрь 1917 г., Москва

Публикация Алены Яворской

Аня Яблонская

Одесса на театральной карте мира*

Мне 8 лет и страшно. Я не понимаю, зачем я должна здесь сидеть: в темноте, в узком проходе, вцепившись в золоченые подлокотники кресла. Почему нельзя просто взять и уйти? Почему мы все сдавали на это деньги? Почему на меня шикает Наталья Макаровна, когда я нервно смеюсь, от страха поджимая коленки?

Происходит что-то плохое. Огромное мохнатое чудовище ревет истошным голосом, пытаюсь влезть в крохотный дощатый домик, где уже примостились какие-то ужасные пожилые существа – у одного к голове приклеены уродливые уши, позади виснет облезлый хвост, оно отвратительно пи-

щит. Другое, в зеленом, квакает, вываливая гигантский красный язык, и прыгает, как ошпаренное. Рядом, сгорбившись, беспокойно клопочет что-то свое высокий тощий заяц с проплешинами между

* Написано в 2010 году для «Петербургского театрального журнала».

ушей. Вся эта недобрая живность находится совсем рядом, в опасной близости от меня, и все ревут, кричат, размахивают лапами. Они вот-вот разрушат маленький домик, очевидно не предназначенный для того, чтобы там тусовались все эти дикие твари.

И еще эта музыка откуда-то снизу. Музыка, похожая на скрипы всех на свете дверей. Мне сказали, что это звучит «из ямы», но про то, что в эту «яму» музыкантов сбросил медведь (для того, наверное, чтобы потом сожрать), а эти скрипы – олицетворение предсмертной агонии, – об этом я уже сама догадалась.

Меня давно мутит и хочется выйти, но время тянется так медленно, звери продолжают орать и петь, и в этом оре не разобрать ни одного человеческого слова, и совсем невыносимо сжимается сердце, когда медведь начинает лезть на крышу утлого строения...

Я закрываю глаза. Но тут же слышу оглушительный грохот: так и есть – теремок пал. Значит, сейчас вся нечисть ринется в зал и сожрет нас, как марципановых человечков. Но вдруг музыка прекращается, зажигается свет – Медведь, Лягушка, Мышь и прочие животные кланяются, машут нам лапами из искусственного меха и папье-маше, делают реверансы, посылают воздушные поцелуи. Мои одноклассники аплодируют, и я тоже аплодирую (я рада, что все закончилось, и мы остались живы). Наконец нам разрешается встать и последовать к выходу.

* * *

Перед спектаклем Наталья Макаровна сообщила классу, что одесский оперный театр уступает по красоте лишь итальянскому Ла Скала и считается одним из красивейших в мире зданий. Но, протискиваясь в толпе таких же, как и я, восьмилетних людей, я совсем не думаю о театральной красоте, а думаю только о том, как бы поскорее оказаться на воздухе. Я не рассматриваю удивительный расписной сводчатый потолок, красно-бархатный и сусально-золоченый зал, лепные балконы – изящные, словно парящие в воздухе. Я ничего этого не вижу. Я настолько поражена зрелищем под названием «спектакль для детей младшего школьного возраста «Теремок», что меня не интересует красота

архитектуры – я охвачена ужасом и принимаю серьезное решение: больше никогда в жизни по доброй воле в театр не ходить.

Я выхожу на улицу и смотрю на оперный, который уже давно стоит в лесах (и простоит так еще лет пятнадцать, все мое детство и юность). Я сравниваю свои впечатления от спектакля «Теремок» с недавно увиденным кинофильмом «Кинг-Конг» (какие-то энтузиасты транслировали его в актовом зале нашей средней школы). И это сравнение не в пользу «Теремка».

В том черно-белом фильме (1933 год, режиссеры Мэрион Купер и Эрнст Шодсак) гигантский горилла влюбляется в девушку по имени Энн (меня тоже зовут Аня, это же по-английски Энн, и я помню об этом все время, пока смотрю на экран), но гориллу усыпляют газом и на пароходе отправляют в Нью-Йорк, чтобы за деньги показывать публике. Когда этот обезьянин пробуждается и видит красавицу, то разрывает кандалы, врывается в город и крушит все на своем пути.

Я понимаю, что сцена, в которой оперный медведь лезет на крышу «Теремка», даже на йоту не может приблизиться к моменту, в котором Кинг-Конг влезает на Эмпайр-Стейт-Билдинг. Странно: и то, и другое зрелище вызывает ужас, но от фильма невозможно оторваться, а спектакль начинаешь ненавидеть с первой минуты. Это – мое первое театральное впечатление.

Второе случилось в десятом классе. Мне уже пятнадцать лет, я стою за кулисами того самого актового зала, где много лет назад впервые увидела небезызвестного американского гориллу, и держу в руках здоровенный кусок ржавой металлической трубы. Труба тяжелая, я почти надорвалась, но все-таки крепко держу эту железяку, одним глазом наблюдая за происходящим на сцене. Там одноклассники разыгрывают пьесу моего собственного сочинения. Пьеса душераздирающая: двое парней из одной школы любят девушку из другой школы, а заканчивается все тем, что какой-то из подростков достает пистолет (только не спрашивайте, где он его взял!) и палит в другого подростка. Так вот, когда мои актеры изображают смертоубийство, используя для этого купленный на рынке детский «пестик», я, приняв на себя не только драматургию с режиссурой, но и спецэффекты этой постановки, ро-

ню себе на ногу железную трубу в надежде имитировать звук выстрела. Дальше не помню. Кажется, это был провал!..

В общем, мне ли роптать на театр, точнее, мне ли роптать на то, что происходящее в одесских театрах – это до сих пор нечто среднее между оперой «Теремок» и школьной самодеятельностью, если я сама еще в старших классах школы приложила к этому руку! Мне ли жаловаться, если одесские афиши пестрят именами только Шекспира и Чехова? Провинциальные театры всегда берутся за «Ричарда III» или «Дядю Ваню» и ставят их «по всем правилам» – в пыльных кринолинах и бархатных панталонах.

А за окнами одесских театров – настоящая жизнь. В ней на каждом шагу разыгрываются такие «спектакли», которым позавидовали бы самые искусные актеры дель арте.

Этот город полон театра, он дышит им. Театр есть в каждом стареньком дворике (которых, правда, осталось так мало, что можно сосчитать по пальцам), где вечно сушатся на веревках белые простыни в голубой цветочек. Он у нас на трамвайных остановках, рынках, вокзалах, в ЖЭКах и в почтовых отделениях – везде-везде, кроме разве что тех красивых зданий с воображаемыми колоннами, на которых написано «Театр».

Конечно, нельзя сказать, что в родном городе я не видела ни одного хорошего спектакля. Видела. Целых пять. Правда, все они были в одном месте – в Украинском драматическом театре имени Василько. «Эдип», «Что им Гекуба?», «Счастье рядом», «Гамлет» в постановке киевского режиссера Дмитрия Богомазова. И еще «Украинский декамерон» в постановке Влада Троицкого, тоже приглашенного из Киева. Спасибо руководству театра за то, что иногда зовут к нам этих режиссеров. В другие театры Одессы их не зовут никогда.

Будет ли новостью для моих коллег из других провинциальных городов тот факт, что завлиты наших театров слыхом не слыхивали о современной драматургии – и при одном упоминании о ней крестятся? «Знаем мы ваши современные пьесы: сплошной мат, бомжи и проститутки». Что тут ответишь? Попытаться переубедить, обивать пороги, стучаться в кабинеты, носить пьесы, надеясь, что их кто-нибудь станет читать, параллельно искать приюта (площадок) в каких-нибудь подвалах, бежать, «как

многие отсюда, в Москву, в Москву»? Я пробовала разные варианты, но у меня пока ничего не получилось.

Да нет, я не слишком-то огорчаюсь. Я просто не могу отсюда уехать. Я люблю это место, я иду здесь по улице – и слышу, как и о чем говорят люди, и никто не сможет убедить меня в том, что на театре нужно показывать какую-то «другую», несуществующую жизнь.

Мой город – очень театральный город. Стоит ли сожалеть о том, что этот реальный жизненный театр пока нельзя загнать на подмостки? Не знаю. Но пока это так, мы по-прежнему сокрушительно проигрываем Кинг-Конгу.

Публикация Григория Яблонского

Сокровища из сокровищницы

336 **Татьяна Щурова**
«Театр должен быть таким, каким общество
должно быть завтра»

Татьяна Щурова

«Театр должен быть таким, каким общество должно быть завтра»

Лесь Курбас

Так считал великий реформатор украинского театра Лесь Курбас (1887-1937), который всю свою творческую жизнь старался, по словам исследователей, «европеизировать национальное театральное искусство». Ему действительно удалось создать в первой трети двадцатого столетия экспериментальный театр украинского модернизма и вывести его на уровень передовых художественных исканий Запада. Он принадлежал к тем мечтателям, «очарованным социальной послереволюционной утопией»,

которые, увы, поплатились жизнью за желание превратить искусство в «коллективную модель культуры»...

К счастью, в первой половине 20-х годов Курбаса еще не ограничивали в творческих поисках, и государство поддерживало его идеи финансово. Это были идеальные условия для становления нового украинского театра, позволявшие ему вольно воплощать разные художественные принципы, приемы, пробовать новые стилистики. 31 марта 1922 года Лесь Курбас организует на базе группы артистов «Молодого театра» государственный театр

«Березіль». Это романтическое и, безусловно, символическое название он позаимствовал в староукраинском языке – так назывался первый месяц весны.

Сегодня об этом театре написаны книги и множество статей, появляются все новые исследования и воспоминания. Из этих материалов понятно, что первые же спектакли театра стали настоящей революцией в украинском театре. Курбасу доверяли актеры и студенты. «Березіль» становится художественным объединением, о котором он давно мечтал, включившим шесть творческих мастерских (около четырехсот деятелей!). Но основу образовали опытные талантливейшие мастера сцены: Амвросий Бучма, Марьян Крушельницкий, Осип Гирняк, Валентина Чистякова, Иона Шевченко, подающий большие надежды Василий Василько (настоящая фамилия Милаев). Курбасу также очень повезло с художником. Вадим Меллер (1884-1962) попал в волну украинского авангардизма и вместе с Лесем Курбасом с энтузиазмом использовал в оформлении спектаклей знак, символ, условный образ. Синтез идей давал интересные воплощения. У этих мастеров было много общего – европейское

образование, увлечение кубо-футуризмом и экспрессионизмом. Их театр искренне откликнулся на социальные проблемы общества. Заметными вехами стали постановки современных тому времени пьес немецких экспрессионистов: «Газ» Георга Кайзера, «Машиноборцы» Эрнста Толлера, а также спектакль «Джимми Хиггинс» по Э. Синклеру с Амбросием Бучмой в главной роли.

Осенью 1923 года «Березиль» стал издавать журнал «Барикады театру», выбрав эпиграфом в первом номере слова норвежского писателя Б. Бьёрнсона:

Я вибираю Березиль,
 Він ламає все старе,
 Пробива новому місце,
 Він зчиняє силу шуму,
 Він стремить.
 Я вибираю Березиль,
 Тому що він буря,
 Тому що він сміх,
 Тому що в ньому сила,
 Тому що він переворот,
 З якого літо родиться.

Это периодическое издание сегодня представляет большую библиографическую редкость, оно сохранилось далеко не в каждой библиотеке страны. Журнал должен был выходить два раза в месяц, редактировала его коллегия во главе с Л. Курбасом. В 1923-1924 гг. вышло пять номеров (ноябрь 1923 – январь 1924).

Л. Курбас, В. Чистякова, Ф. Лопатинский среди студийцев театра «Березиль». 1922 г.

Вадим Меллер

Печатались статьи театральных деятелей, писателей, рецензии, списки рекомендательных пьес, информация о новых книгах о театре и драматургии, хроника театральных событий в Украине и в зарубежных странах. Очень любопытны фотоиллюстрации (сцены из спектаклей), эскизы костюмов художника В. Меллера, рисунки Майи Симашкевич. Журнал интересен как документ своего времени с его наивным, например, призывом отбросить собственные амбиции и сообщая всем литературно-художественным группам «творить коммунистическую культуру и бороться

Театральна майстерня Березіля № 4.

„ДЖІММІ ГІГГІНЗ“

вистава на 5 дій по У. Сінклеру
Інспекторка і композиція тексту **Л. Курбаса**

ДІЄВІ ОСОБИ:

- Джиммі Гіггінз . . . А. Бучма Й. Гірінж
Лізі, його дружина . Г. Бабіівна
Доктор Сорві . . . В. Василько-Милій
Доктор Порвуд . . . Г. Дрозд
Мабель Сміт . . . П. Натко
Біль Муррей . . . О. Супрун
Фостер . . . Д. Горяюк
Шнейдер . . . В. Стукаченко
Станкевич . . . К. Дехтяєвко
Джерітті . . . С. Гумолюк
Ласі Греніч . . . С. Каргальська
Поль . . . І. Маряненко
Елен, його дружина . О. Добровольська
1-й сержант поліції . Д. Бабенко
2-й . . . Ф. Радчук
1-й полісмен . . . А. Тимощівський
2-й . . . Я. Гудзенко
Англія . . . В. Василько-Милій
Америка . . . П. Доліна
Німеччина . . . І. Маряненко
Франція . . . Л. Гакебуш
Росія . . . С. Бондарчук
Сербія . . . П. Карпенко
Бельгія . . . О. Степаненко
Вільсон . . . П. Доліна
Король Георг . . . В. Василько-Милій
1-й робітник . . . Г. Дрозд
2-й . . . Д. Рева
Сестра милосердя . С. Мануїлович
Калінін, більшовик . С. Блакитний
Князь, офіцер англій-
ський . . . С. Гумолюк
Граф, офіцер англійс. Д. Бабенко
Віржевик . . . Г. Дрозд
Ганшет, лейтенант . Д. Бабенко
Черкінс . . . Ф. Радчук
Кіннор . . . Д. Рева
Греді . . . С. Блакитний
- Робітники, робітничі, в'язки, хв'ї в лазареті.
- Постановка—Головного
Режисера **Леся Курбаса.**
Лаборант **В. Василько-Милій.**
Оформлення сцени і костюмів—**Вадилла Меллера.**
Танці—**Надія Шуварська.**
Зав. муз. частиною—**Анатолій Буцький.**
Поміч. режисера—**О. Савицький.**
Електротехнік—**Юрко Кравченко.**
Перукар—**С. Щербина.**
Костюмерша—**Е. Еремченко.**
Політком—**О. Лазоричка.**
Головн. адміністратор—**М. Дацьків.**
Адміністратор—**П. Болгарський.**

с буржуазно-мещанськими проявленнями в літературі і мистецтві». Сложний шлях прозріння у Курбаса почався пізніше і закінчився, як ми знаємо, трагічно...

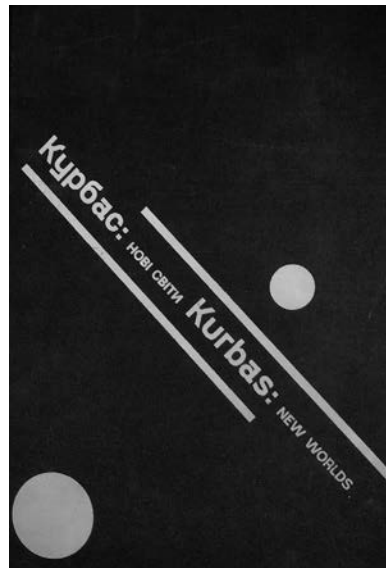
В журналі «Барикади театру» є стаття «Театральний музей». Підписана вона «Музиком». Думається, автором її був Василь Степанович Василько (1893-1972), актор, режисер, педагог художественного об'єднання «Березіль», а також внаслідок засновник Государственного музея театру, музики і кінематографії. Створення театрального музею було його сокровенною мрією з ранньої юності. Йому вдалося воплотити її в театрі Курбаса. В щоденниках Василько описує, як непросто було в той складний час збирати матеріали для експозиції. Навіть «Васильковський чулан» (як називали музейну кімнату в театрі) поповнили речі Марії Заньковецької і Любові Личкович, і це підстегнуло інших дарителів. У самого Василька збиралась величезна колекція театральних фотографій, програмок, афіш і інших театральних атрибутів. В 1969-1972 гг. Василь Степанович не раз бував в нашій

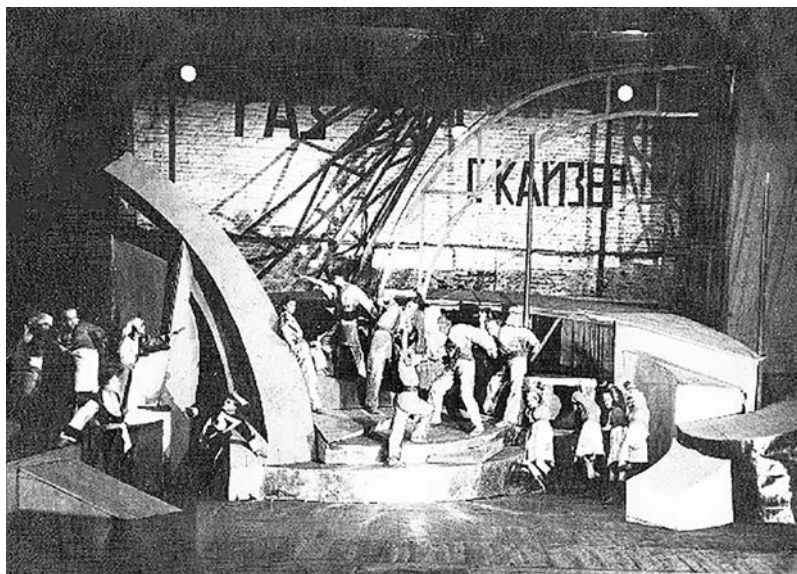

Вадим Меллер и Лесь Курбас на гастролях в Одессе. 1927 г.

отделе искусств. Думается, не от него ли у нас появилась страсть к коллекционированию фактографии? Увлечение Мастера оказалась для нас заразительным, и уже отдельные папки с материалами по истории театров и музеев множество раз в течение нескольких десятилетий принесли пользу нескольким поколениям наших посетителей.

Возвращаясь к теме курбасовского театра «Березиль», хочу снова напомнить любителям театра и исследователям, что в последние годы появились отличные издания,

раскрывающие новые страницы в жизни и деятельности великого реформатора украинского театра, его соратников и учеников. С большим интересом и пользой для себя, думаю, познакомитесь с альбомом «Курбас: нові світи», креативно и информативно насыщенно представляющим одноименную выставку, прошедшую в 2018 году в Киеве в Мистецькому арсеналі.

Психологізм на сцені.

(Конспект лекції для неофітів)

Мистецтво в етапах його еволюції можна пізнавати також як і все, або переживаючи з'явище в цілому, або аналітично стежучи за окремими його аспектами – лініями розвитку його складників. Останнє наш метод, метод сучастности.

Актор на сцені, його відношення до твору в час виконання, користування певним концентром засобів із всіх можливих засобів тільки одна лінія всього концепту мистецтва театру. Лінія підлягаюча одним, тимже що і ціле законам хитань, розвитку і упадку. Психологізм з'явище явно упадочне. В театрі він торкається і концентра засобів (натура згл. переживання на сцені) змісту (переживання як тема) і ділання на глядача (театр як музика). У нас помішання понять. Останнє постійно і скрізь забувається (добра половина «лівих» – що воюють проти психологізму – в дійсності працює в його плані) І навпаки емоціональність на сцені не мусить обов'язково бути в плані психологізму.

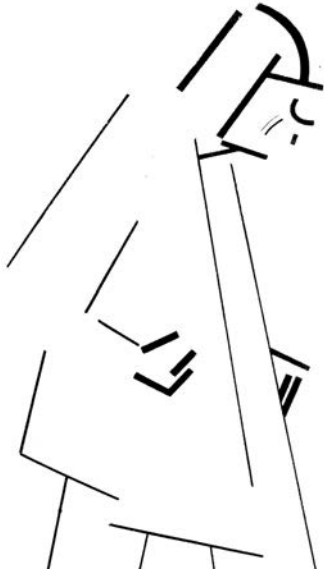
Для актора краєугольним питанням є питання концентра засобів і відношення до твору. Психологія появляється там, де втрачена абсолютна ідея в громаді і де починається розклад без керми, появляється як одна із стадій розкладу мистецтва. Натуралізм його отправна точка. Розклад буржуазного суспільства, його підстава.

Головні етапи в історичній перспективі.

Як відомо в грецькому античному театрі актор на сцені

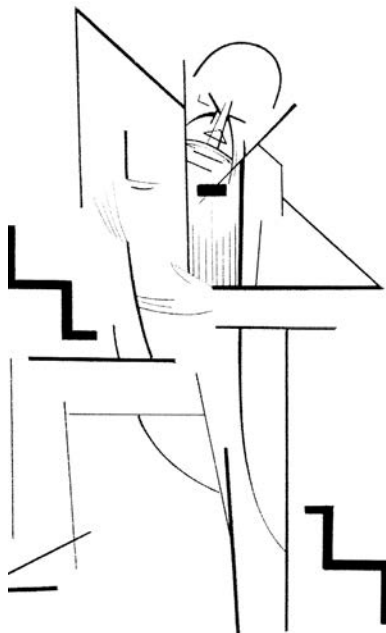
Шкіци Макетної майстерні «Березіль»
Джімі Гігінз Т. М. Б. № 4
Франція – Л. Гакебуш
Зарисовка М. Семашкевич

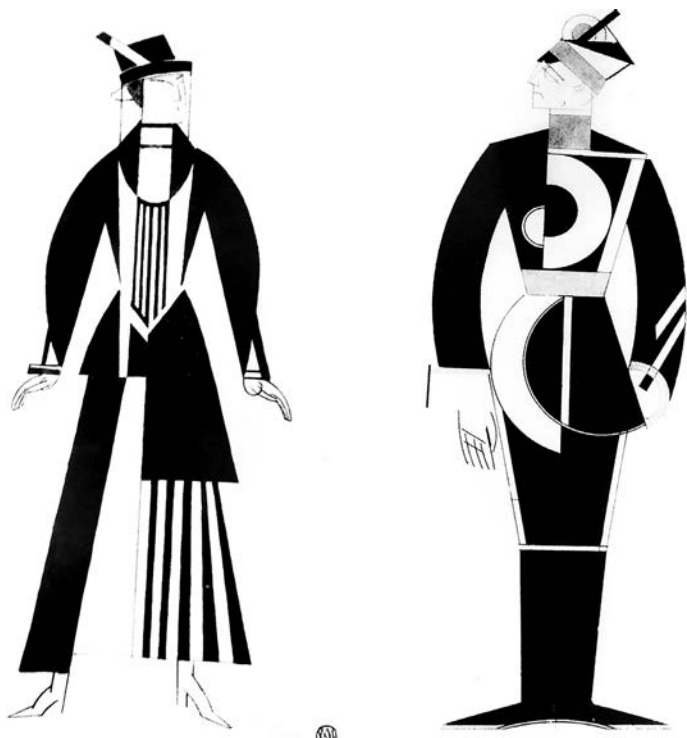

був протилежністю сучасному академісту. Він проголошував вірші драматурга, метрично неприродно, піднятим голосом, з неприродними жестами. Рупор, маска, котурни. Установлений традицією крайно-умовний жест психологічно чужий. Звичайно – актор почував себе зовсім не так як натуралістичні епігони гуманізму почували себе на сцені; ці звикли, щоб те що вони роблять і говорять на сцені було, або могло бути в згоді з тим, що вони як люди в цей час почували. Сценічна форма в натуралістичному театрі тягнулася за внутрішнім переживанням (уявленням рефлексом). Таким чином вона робилася випадковою. Рух, рисунок, ритм, інтонація стали залежними, впливали з випадковою настрою актора як людини в плані уявленої дії. Моск. Художній театр довів це до абсурду: цілковите повторення природи, підбір акторів вдачею схожих на дієвих осіб в пьєсі, заперечення гри на сцені. Шматки життя вклеєні на сцену. Навіть не підробка під природу, справжня природа (живі звірі, справжні історичні речі (у нас часи Кропивницького та його учнів).

Середньовічний театр, та-ко-ж як і старо грецький театр, театр розцвіту. В містеріях, в мораліте актор не грав того що почував. Тексти пьєс не природні писані як літургична форма акафісту чи «літанії» крайне умовні. Актор не міг переживати бо текст не укладався в його людських переживаннях. Актор коли переживав то не текст, не дію навіть. Переживав Христа якого грав, а не його слова написані в п'єсі. І в своєму пафосі міг себе дати й справді розп'яти на хресті (як це м. и. і трапилось), це був театр, де живої людини з м'язами і кровію на сцені не було. В мистецькій творчості створено нову реальність, якої в житті не було. Параллелі у малярстві, різбі примітивних культур, старинних цивілізацій, а хочби й цього самого середньовіччя.

Зараз у всьому всесвітньому мистецтві відбувся перелом і його усвідомлено вже. Природно, що у нас він найбільш яскраво підкреслився. Самі переживання людини як такі стали нецікавими. Остання стадія гуманізму одцвіла. Існування академічних театрів нічого не доказує. Їхньому існуванню у нас на Україні ще кілька десятків місяців.

Обиватель теж у процесі, хоч тягнеться за ним. Є категорії переживань які зараз буквально ніким вже не приймаються. Публіка чмокає під час поцілунків на сцені, стогне під час всяких «вивертань душі» навіть найбільш відсталі – наша контрреволюційна частина інтелігенції і естети від поезії (хоч би і революційної) починають критичніше ставитись

до академічних театрів. Сучасний глядач приймає ж «перетворенність», а не злиття актора з переживанням, не натуру. Це важно зрозуміть. Не те, що почувается як людиною, а те, що перетворено і що вилилось у нове, неіснуюче в такому вигляді у житті. Сучасність у своїх мистецьких тенденціях ближче до середньовіччя, аніж до гуманістичних останніх віків, коли

сучасність зображує вона навіть прямо нагадує зовнішнє середньовіччя (експресіоністи в малярстві, нова драматургія і навіть театр конструктивістів.

Абсолютна ідея – в Греції Мойра в середні віки християнство, в наші часи для пролетаріату це класова боротьба.

Спостерегаючи публіку пролетарського складу під час агіт-вистав (напр. «Рур-а» сцена гри в карти смерті з капіталом) зауважено що для глядача не важно як грають, а важно хто переможе. Принцип гуманістичного театру виражений у фразі «Глядач переживає страх не од появи духа в Гамлеті, а від страху самого Гамлета» тут вже не при чому. Рефлекси (переживання) даються натяками. Важно що персонаж злякався; сам факт підкреслений (в цьому мистецтві) а не саме почуття переляку, як емоція передавана публіці.

Теж саме було в середньовіччі. Маркграф що прослухав п'єсу, в якій бог не простив семи гришниць, (і кинув їх у пекло) – три дні сумував і бився в розпачу, а на четвертий умер. (Факт записаний у старій хроніці.) Йому важно було чи простив чи ні а не те як він прощав.

Сучасний глядач не отяжілий обиватель вчорашнього дня. Він або за комуністів, або за фашистів. Він так чи інак бореться. Він стає сотворцем спектакля. Йому противно дивитись і слухать те, що він сам легко може дотворити і що при його загострених інтересах соціальних і політичних йому просто як процес не цікаве і знайоме. В цьому добра частина розгадки сучасного театру.

Лесь Курбас.

Театральний Музей. Мистецького Об'єднання «Березіль».

Весною 1923 року М. О. Березіль заснувало перший на Україні Театральний Музей. Для організації цієї справи була обрана спеціальна Музейна Комісія, яка негайно-ж взялася до праці. Здавалось би, що ідея утворення Т. Музею, потреба в якому так гостро відчувалася, знайде найактивніший відгук і співчуття серед громадянства і українського акторства з'окрема. В дійсности ж вийшло трохи инакше – Комісії з першого-ж дня прийшлося боротися, в

кращому разі з цілковитою байдужістю громадянства до цієї справи, а то й просто з міщанством та власницькими інстинктами тих осіб, що здавалось би у першу чергу повинні були відгукнутися. «Не для того я зібрав і переховував, щоб віддати потім у музей». І так цінні матеріали лишаються перебувати під периною якогось власника. Помічається ще й такий курйоз: поки М. О. Березіль не бралося до реального переведення справи Театр. Музею в життя, ніхто не робив ніяких заходів, а так собі «для словця» гомоніли, що мовляв не завадило б закласти т. музей. Тепер же як довідалися, що Березіль уже має музей, усі навипередки починають і собі посувати цю справу. Утворилося щось вроді конкуренції, є навіть підпольна агітація проти нашого Музею.

Але все-ж факт лишається фактом, у М. О. Березіль Музей уже є, є люди, які віддалися цій справі цілком і роблять серйозне діло. Молоде завзяття і віра в свою перемогу навіть

Т. М. Б. ХМ 1. Газ – Г. Кайзера.
Син мільярдера – Г. Ігнатович, інженер –
Ф. Лопатинський.

Мистецьке об'єднання „Березіль“.

Заснувало перший на Україні.

Театральний музей.

В цьому Музеї мають бути зібрані усі матеріяли, що до історії театральної культури на Україні від найдавніших часів аж до наших днів, незалежно від ідеологічних угруповань, належності до тої, чи іншої нації, часу і характеру театральної роботи.

Громадяне! Будуйте скарбницю театральної культури! Жертвуйте все, що маєте цінного для театального Музею!

Театральний Музей—жива книга прийдешніх поколінь.

Дайте можливість широким народнім масам ознайомитись ближче з нашими здобутками.

Музей міститься: Київ, вулиця Воровського 29, Мистецьке Об'єднання „Березіль.“

Голова Музейної Комісії

Василько-Миляїв.

Заступник Голови Л. Гакебуш.

Секретар М. Кононенко

Члени: В. Тихонович,

І. Гавришко.

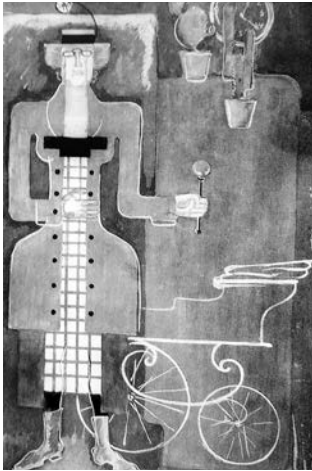
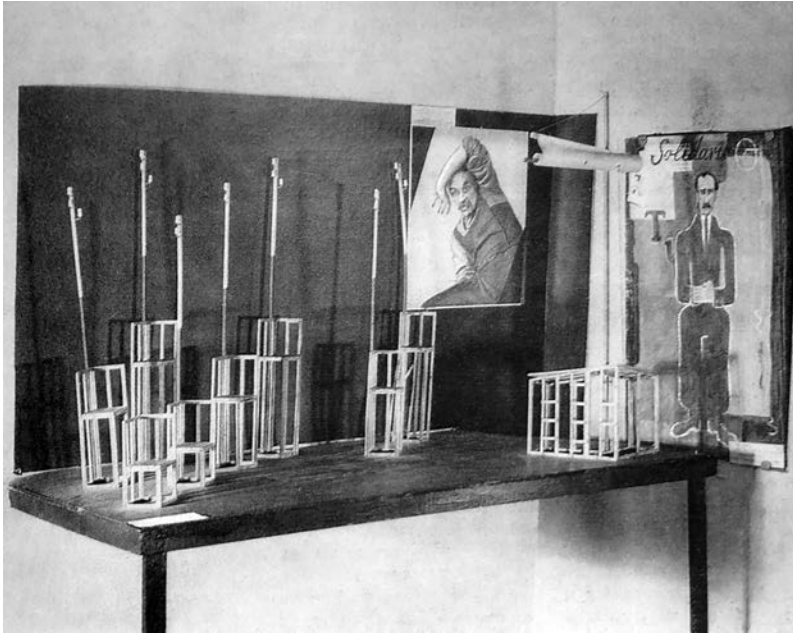

Музейна комісія: Лесь Сердюк, Любов Гакебуш, Олексій Швачко, Павло Масоха, Василь Василько

в такій «старій» справі як Музей, теж дало свої реальні і цінні наслідки.

Як це не дивно а більша половина жертвувателів нашого Музею є наша молодь, а не старі актори. М.К. Заньковецька, І.О. Мар'яненко, Лазарь Шевченко, І.І. Ковалівський є поодинокими щасливими виїмками. До цього часу в Т. Музей Березіля всту-

пило до 1000 річей (загальна кількість) – серед них: дуже цінний архів що до історії театру на Україні за час революції, 253 негативи що до історії театру М.К. Садовського, біля 200 негативів по історії Молодого Театру, 30 ескізів костюмів до опери «Тараса Бульби» роботи художника А. Петрицького, 16 штук макетів до різних п'єс, роботи про-

фесора В.Г. Меллера та його учнів, костюм М.К. Заньковецької з оперети Чорноморці, в ролі Цвіркуни-хи, надзвичайно рідка фотографія першої української трупи Ашкаренка 1890 року, афіші з Америки і багато інших річей.

Музейна Комісія з'організувала заряд Музейних агентів по інших містах, уже є звязок з 9 містами де також проводиться праця по збору матеріалів для Т. Музею Березія.

Музей поки що для публіки не відкритий і не розібраний по від-

Експозиція музею МО «Березівка». 1924. Музей театрального, музичного та кіномистецтва України

ділам. Затримка за коштами для урядження вітрин та полиць. Є думка улаштувати спеціальну виставу на користь Театрального Музею. Коли кошти дозволять, то

відкриття Музею має відбутися в день 2-х річного існування М. О. Березівка 31 березня 1924 року.

Музком. 31.х - 23 г.

Путешествие

- 354 **Дочь моря**
Феликс Кохрихт
Между Яффо и Тель-Авивом
- 355 **Нина Данилова**
Наш уголок Одессы

Нина Данилова

Дочь моря

Между Яффо и Тель-Авивом

Сегодня те читатели альманаха, кто постоянно отправляется в путешествие с нашими авторами, совершат его в домашнем кресле при свете настольной лампы, но тем не менее они познакомятся с новым для себя городом, который расположен на Африканском континенте, и населяют его в основном наши соотечественники, в разное время перебравшиеся на свою историческую родину из Европы, Азии, Австралии, обеих Америк...

Вы побываете в небольшом городе Бат-Яме, ровеснике Государства Израиль, лежащем на берегу Средиземного моря между столицей Тель-Авивом и библейским Яффо, от причала которого отплыл в беспрецедентное плавание Ноев ковчег. Нашим гидом станет Нина Данилова, одесситка в седьмом поколении, ныне уже старожил Бат-Яма, города, чье имя переводится с иврита на удивление поэтично: Дочь моря... Выпускница мехмата одесского университета, одна из первых профессиональных одесских программистов, она с детства была книголюбом, да и сама писала рассказы. Уже в Израиле вышел сборник ее произведений, который получили и одесские друзья. Нынче его не сыщешь – пора запускать второй тираж. Несколько рассказов Даниловой опубликовал и наш альманах в разделе «Ах, Одесса».

В Бат-Яме живет и дочь Нины Ира Данилова, питомица Одесского театрально-художественного училища по специальности «кукольник-бутафор». Одну из ее последних работ вы видите на цветной вкладке. Ира – в продолжение одесской традиции – опекает бродячих котиков и на берегу Средиземного моря.

Но это не только ностальгические воспоминания, автор находит наш город и в Бат-Яме, где немало тех, кого, по мнению Михаила Жванец-

кого, «бывших не бывает». Рассказ о Бат-Яме содержит и главку, посвященную книжному магазину, который стал для наших соотечественников по некогда огромной стране еще и библиотекой, и клубом.

Мы были в Бат-Яме, городе-спутнике, пафос и смысл которого раскрывается вечером, когда на безоблачном небе потихоньку гаснут южные звезды, освещавшие путь Ною, и одна за другой загораются рукотворные – над небоскребами Тель-Авива...

Феликс Кохрихт

Наш уголок Одессы

Наш приморский городок Бат-Ям зажат со всех четырех сторон. С севера он плавно переходит в приморский район Ришон-Ле-Циона, с южной стороны сливается с древним арабским Яффо. С востока скоростная трасса Аялон отделяет его от города Хулон. Ну а Средиземное море с чудесными трехкилометровыми песчаными пляжами окаймляет Бат-Ям с запада, обеспечивая любителей морских пейзажей ежедневными впечатляющими зрелищами закатов солнца. Бат-Ям переводится с иврита как «дочь моря» и радуется своих жителей возможностью плавать в теплой соленой воде с апреля по декабрь, независимо от высоты волн весьма бурного моря, за исключением жгучего июля, когда тридцатиградусное побережье заполняется стадами огромных кусочих медуз. Нужно знать, что это коварное море имеет на своем печальном счету довольно много невезучих купальщиков и даже весьма опытных пловцов – утопленников. Наш незаменимый друг и спаситель – каменный волнорез, серединную основу которого образовали прибрежные скалы, и в обе стороны его заботливо продлили в форме каре какие-то весьма человеколюбивые и по-настоящему благотворящие деятели. Поскольку глубина моря внутри волнореза не превышает двух метров, и волны тормозятся о камни существенно, а будки спасателей расположены довольно густо, внутри волнореза иногда все же тонут, но только нещадно разогретые тропическим солнцем легкомысленные инфарктники или инсультники. Это происходит по большей части по недосмотру окружающих отдыхающих граждан, а также спасателей, у которых одна из самых высоких заработных плат в Израиле. Эта профессия также

считается одной из самых престижных, даже высокооплачиваемый отпуск у них приходится на четыре месяца непляжного сезона! В своей работе они напоминают зорких орлов, непрерывно высматривающих тонущие фигуры и мгновенно кидающихся вытаскивать их из морской пучины на быстроходных лодках или вплавь в торпедном темпе. Еще в обязанности наших мецилим входит периодически внезапно издавать дикие вопли на иврите в громкоговоритель, причем голоса у них обычно очень низкого угрожающего тембра. Так что иногда эти неожиданные крики являются непосредственной причиной сердечного приступа и погружения в воду с головой испуганных слабонервных граждан, неадекватно воспринимающих быструю и грозную речь на иврите. Нередко спасателям приходится все же для особо упрямых пловцов, особенно купающихся с детьми, переходить на некое подобие русского языка:

– Женчин, женчин, не ходи туда, ходи сюда. Опасно, месукан. Малчик, тонут хочу тут? Хорошо?

Кроме сезонных медуз купальщикам досаждают рыбки, которые иногда могут довольно сильно куснуть, заставляя народ резко двигаться в воде или надевать гольфы. Недавно после активных обстрелов южных и северных границ Израиля в Бат-Ям переселились арабские семьи. Их женщины с крутым макияжем купаются прямо в многослойных черных одеждах. Наши пенсионерки стали брать с них пример, получилась тройная выгода. Чудесно купаться в майке и шароварах – дорогушие купальники покупать не нужно, солнечное облучение минимальное, и рыбкам не достанешься.

В Бат-Яме есть свой большой театр – Театрон, малый театр Аудиториум и летний театр на набережной, Музей памяти жертв Катастрофы, Музей искусств, несколько живописных парков. Кроме спортивного кантри-клуба с открытым и закрытым бассейнами работают клубы по интересам для активных пенсионеров. В прежние допандемийные времена мы имели разнообразную культурную программу, регулярно посещали театры, кружки, проводили интересные экскурсионные поездки по стране.

Протяженная набережная Бат-Яма изобилует ресторанами, кафешками, магазинами, но парковка машин весьма затруднительна. По пятницам и субботам на набережной много музыкантов,

имеется общественное фортепиано для всех желающих и умеющих играть. Кафе на территориях пляжей очень демократичные, можно оставлять вещи и уходить плавать, возвращаться и пить кофе, сидя в купальном костюме с друзьями под благословенной крышей кафе на самом берегу моря, спасаясь от палящего тропического солнца, слушая при этом приятную, но не всегда тихую музыку.

Кроме замечательных пляжей Бат-Ям привлекает репатриантов из стран бывшего СНГ еще и своим удобным территориальным расположением. До Тель-Авива без пробок доехать автобусом можно за полчаса, до Иерусалима за полтора часа, До Ашдода за полчаса, до Мертвого моря за два часа, до библейского озера Кинерет – за три часа. Общественный транспорт работает неустанно. Таким образом, и до места работы, и до места отдыха добираться удобно.

В Бат-Яме проживает примерно сто сорок тысяч жителей на восьми с половиной квадратных километрах. Архитектура старых районов города – четырехэтажные дома без лифтов, которым уже более полувека. И вот три года назад нашим жителям начали являться радикальные перемены в структуре любимого тихого городка. Мудрые руководители решили строить скоростной трамвай, благородный пример внедрения которого мы уже наблюдаем в Иерусалиме. Линия должна пройти на протяжении двадцати четырех километров от Бат-Яма через Яффо, Тель-Авив до Петах-Тиквы. Все эти маршруты подверглись длительному глубинному раскапыванию, выкорчевывалось огромное количество бесценных деревьев, не так давно высаженных трудолюбивыми озеленителями, а также уничтожались тенистые аллеи в древних посадках эвкалиптов и прочих замечательных растений.

Израильтяне очень любят жаловаться на тяжелое экономическое положение, низкие заработки и высокие цены. Но если вечером пройтись по раскопанным улицам Бат-Яма, то становится ясно, что многие семьи являются владельцами не менее двух, а то и трех машин. Понятно, дети подрастают, в шестнадцать лет уже претендуют на современные методы передвижения. И где только ни паркуют они эти машины! Даже на бульваре Независимости (сдирот Ацмаут), где в круглом бассейне плавают золотые рыбки среди прелестных кувшинок и водяных лилий, а деревья по вечерам торжественно иллюминированы, как на Елисейских Полях,

нет ни малейшей возможности припарковаться ни в какое время суток. А какие длиннющие пробки стоят ежедневно в пиковые часы на узких раскопанных улицах! И весьма сложно бывает жителям доехать в нужные места на рейсовых автобусах, которые постоянно вынуждены менять свои маршруты из-за закрытия раскопанных улиц! Но это только начало глобальных изменений в нашей жизни.

В Бат-Яме начали строить высотные дома, на территории бывшего городского парка возвели двадцатипятиэтажки, и продолжается строительство сорокадвухэтажных зданий. Многие старые дома в центре города планомерно сносятся, а некоторые уже и сами стали давать глубокие трещины, и даже есть случаи обрушения. На месте прежних построек возводят двадцатипяти- и сорокадвухэтажки. Здесь планируется еврейский Сингапур!

Жизнь круто меняется. На расширяющихся тротуарах появляются новенькие черные асфальтовые дорожки для велосипедистов и самокатчиков. Скоро все наши жители будут ездить только на трамваях, электричках, а до мест работы добираться на самокатах. А личные машины будут запрещены в нашем городе, они уходят в историю – кроме скорой помощи, полиции, инвалидного и технического транспорта. Туристские автобусные маршруты по святым местам, как и передвижение иностранных медицинских туристов – это святое и прибыльное дело!

Но есть ужасно болезненные моменты, когда идет массовое переселение домов, и на улицах под тропическим дождем остаются любовно подобранные в предыдущей жизни библиотеки прекрасной литературы. У нас в Бат-Яме в прежние времена работали шесть книжных магазинов. Сейчас осталось только два. Часто по утрам, когда владелица книжного магазина Клара Грин открывает входную дверь, на пороге находит очередную подброшенную стопку книг. Небольшое помещение магазина буквально забито замечательными книгами. У нас уже собрались целые полчища братьев Карамазовых, идиотов и бесов, ожидает читательской любви прекрасный гарем, состоящий из разных ипостасей Анны Карениной, и длится, и длится хождение по мукам, и дорога уходит в неведомую даль...

Мы организовали работу библиотеки, но читателей не так много, как бывало в прежние времена. Пандемия и длительные периоды карантина, страх посещения публичных мест и атаки депрессивных

состояний – все это не оживляло нашей деятельности. Но в последние месяцы повысился спрос на книги украинских классиков, а также современных украинских писателей. Мы чувствуем себя на маленьком островке прежней жизни и хотим сохранить хотя бы незаменяемую радость чтения замечательной литературы, возможность проживания множества жизней литературных героев, постижения мудрости, законов доброты и понимания многих смыслов. Наш магазин иногда развозит книги по домам престарелых, но потоки книг прибывают и прибывают... Наш библиотечный островок регулярно заливают бездомные книжные цунами.

Иногда мне снятся фантастические сны, в которых мы без усталости принимаем заказы на доставку книг, складываем их в специальные упаковки и погружаем в квадрокоптеры. А наши нетерпеливые читатели уже выглядывают из окон или балконов своих высоток в ожидании заказанных книжных изысков, а не только дронов с нужными продуктами и лекарствами. А может, это уже не такая и фантастика, а наше ближайшее завтра? Это было бы так романтично – доставка любимых книг прямо к нам в окна!

Клара Грин (слева) и Нина Данилова

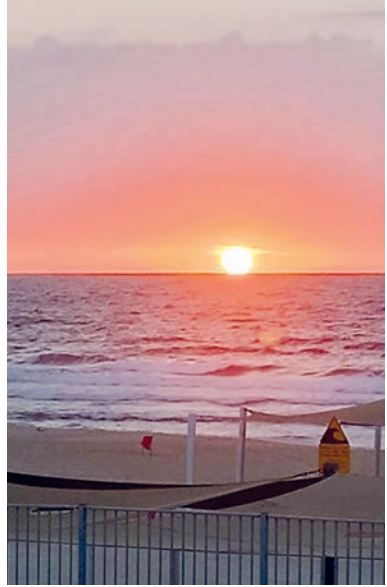

Трамвайные линии уже практически готовы, мы часто видим их пробный прокат. Как мягко плывут три белоснежных вместительных вагона, которые будут ходить каждые три с половиной минуты! И когда эти трамваи, наконец, плавно повезут своих пассажиров из конца в конец маршрутов, наличие на их площадках двух-трех ящичков с книгами на иврите, русском и английском языках кажется мне вполне уместным. Такой благородный кроссбукинг! Ведь всегда найдутся истинные любители чтения книг, которые обожают их запах, с любовью переворачивают страницы и задумываются над ними совсем не так поверхностно, как над страницами электронных читалок. Эти путешествующие библиотеки могут регулярно пополнять желающие поделиться своими уже прочитанными книгами.

Иосиф Бродский мечтал влюбить население Америки в поэзию и организовывал подобные поэтические библиотеки в вагонах метро и отелях. Не знаю, как там сейчас у населения Америки с любовью к поэзии, но верю всей душой в нашего читателя. Пусть любовь к чтению, неукротимая жажда знаний, любопытство, благодарность и восхищение авторами, а также приобретенная мудрость пребывают с нами всегда! Это поможет нам преодолеть нелегкие испытания, выпавшие на XXI век, не оскудеть разумом и душой, остаться гуманными и добросердечными людьми, а не безвольными приложениями к своим смартфонам. Сейчас буквально из каждого утюга звучат призывы прививаться, прививаться и еще раз прививаться от бушующих вирусов. А я призываю также читать, читать и перечитывать любимые книги, и не предавать их.

Цивилизация и невероятные темпы прогрессирования нейросетей, совершенствование искусственного интеллекта всерьез испытывают нашу интеллектуальную индивидуальность и устойчивость. Литература помогает нам сохранить себя. А мы должны откликнуться на трагедию книг, попадающих в ненужный мусор, и по мере сил помогать сохранить книжные богатства. Книги – любовь и боль человечества – оказались жертвой цивилизации на этом витке исторической спирали. Что и кто там следующий кандидат на выброс за борт? Эта очередь движется быстро и непрерывно. Нужно хотя бы успеть как-то подготовиться, хотя бы сгруппироваться или перейти на более высокий уровень вибраций. Никогда не оставляем надежды еще пригодиться!

Ах, Одесса

362 Эдвиг Арзунян
Домохозяйки

367 Феликс Кохрихт
В эту осень дни и ночи очень схожи, между прочим...

371 Марина Линда
Мешок с мидиями

Эдвиг Арзунян

Домохозяйки

Когда я вспоминаю о домохозяйках моего детства – маме, бабушках, тетях и других, – то становится ясно, что в те времена роль домохозяйки была отнюдь не столь спокойной и комфортной, как сейчас.

Трудоемкость

1. Личного транспорта – автомашин, мотоциклов и даже велосипедов – почти не было. Поэтому по делам вне дома домохозяйкам приходилось много ходить пешком, а также использовать внутригородской транспорт: трамваи и троллейбусы.

2. Холодильников не было, супермаркетов тоже не было; были небольшие, с очень ограниченным набором продуктов гастрономы. Поэтому каждой домохозяйке приходилось по крайней мере раз в неделю ходить или ездить общественным транспортом на базар за продуктами. Магазиновых колясок тоже не было – и покупки таскали в корзинах, кошелках или авоськах, которые оттягивали руки.

3. В подавляющем большинстве городских домов лифтов не было; на второй и более высокие этажи все приходилось тащить в руках.

4. Добрая половина жилого фонда, если считать также и городские окраины, была одноэтажной, с водопроводным краном лишь во дворе, откуда в ведре и тащили воду в квартиру. В двух- и более этажных домах из-за хронического аварийного состояния городского водопровода вода бывала в кране в основном лишь на первом этаже.

А иногда вода вообще отключалась на несколько дней – и на такой случай приходилось иметь дома ведро с запасом воды. Тогда жителям второго и более высоких этажей приходилось наполнять ведра водой из дворового крана, а потом тащить их по лестнице вверх: слабые тащили по полведра за раз, сильные – по два полных ведра в двух руках.

Руки мыли по утрам в кухонном умывальнике, в бачок которого надо было предварительно налить воду, а потом нажимать снизу умываемой рукой открывалку, чтобы потекла вода.

5. О водопроводе с горячей водой лишь читали в книгах о загранице. Для мытья посуды подогревали воду в чайнике. Душевой и ванной в квартирах не было – да они были бы почти бесполезны из-за регулярных проблем с водой. А купались лишь раз в неделю в одной из городских бань.

6. Централизованное паровое отопление было лишь, наверно, в одном проценте домов города, в которых жили номенклатура и денежные дельцы-артельщики. Большинство же населения должно было самостоятельно обеспечивать отопление своего жилья.

Дома были с отдельным печным отоплением в каждой квартире. Печки были в основном двух типов: груба и буржуйка.

Дрова покупались и привозились на нанятом грузовике, как правило, большими чурбаками (кусками древесного ствола), которые потом по мере необходимости жильцы-мужчины во дворе дома пилили на чурбаки поменьше и раскалывали топором на более мелкие, влезające в грубу или буржуйку полена.

Груба – это встроенная в стену и покрытая кафелем печь с выходом дыма через дымоход в общую для ряда квартир трубу на крыше. Такие грубы изначально входили в конструкцию дома. А буржуйка – это маленькая металлическая печка, которая ставилась в тех комнатах, в которых не было грубы, или груба давно была забита мусором; буржуйка покупалась и устанавливалась самим жильцом, она была его собственностью – дым от буржуйки выводился на улицу металлической, как и сама буржуйка, трубой через форточку в окне.

В течение дня, пока муж на работе, поддержание огня в печке было обязанностью домохозяйки. А ночью тепло еще долго сохранялось раскаленными в печке углями.

7. Пылесосов не было, роль пылесоса выполнял веник. Даже швабр почему-то тоже почти не было: домохозяйки, как правило, мыли пол тряпкой, передвигаясь на карачках, – и, может быть, благодаря этому упражнению толстых было гораздо меньше, чем сейчас.

Большинство горожан жило в коммуналках, места общего пользования в которых – лестничную клетку перед квартирой, коридор, кухню и уборную – убирали по очереди по графику.

Поскольку вода на этажи часто не поступала, в уборной сливали после себя из заранее принесенного семейного помойного ведра; такой слив обычно оставлял унитаз чистым лишь приблизительно.

8. В кухне у каждой семьи был свой примус или керосинка, иногда электроплитка. Продукты приносили в кухню для приготовления, а приготовленные уносили в свою комнату, чтобы уберечь от кошек, мышей, а иногда и от не вполне порядочных соседей по коммуналке.

9. Каждая домохозяйка умела штопать, а также немного шить и вязать – обштопывала, обшивала и обвязывала всю свою семью.

10. Стиральных машин не было, городских прачечных тоже не было. Домохозяйки обстирывали семью руками на стиральной доске в тазике – то ли в своей комнате, то ли в кухне.

11. Разовых бумажных памперсов и пеленок еще не существовало, а матерчатые приходилось стирать ежедневно.

12. Домашние телефоны были лишь у больших начальников, а до эпохи имейлов было еще очень далеко, и поэтому для большинства населения посещения знакомых, как правило, были неожиданными. А это значит, что свое жилье на всякий случай надо было всегда содержать прибранным.

13. Мусор выносили в дворовой мусорник. Могли даже гостя при его уходе попросить:

– Не захватишь ли с собой мусор?

14. Но особо поражает трудоемкость работы домохозяйки на семейных праздниках, когда она должна была вкусно и разнообразно накормить двадцать-тридцать родственников и друзей. Пару дней перед таким праздником она отработывала

по двойной рабочей смене (шестнадцать часов): продукты для угощения надо закупить, притащить домой, приготовить, выложить на стол, потом убрать, вымыть гору посуды (разовой – бумажной или пластмассовой – посуды еще не существовало). Закупщица, доставщица, кухарка, официантка, посудомойка – пять работников в одном лице.

15. В большинстве семей муж работал, а жена была домохозяйкой. У одиноких матерей, вынужденных уходить на работу, дети больше воспитывались улицей и учились неважно. Самые добрые из мужей немного помогали женам в будние дни после работы и по воскресеньям (суббота же стала выходным днем лишь с 7 марта 1967 года, когда мне было уже тридцать лет).

...И при всем при том домохозяйка умудрялась быть красивой ухоженной женщиной.

В общем, не случайно многодетным матерям, имеющим пять детей и больше, присваивались государственные награды. Медаль материнства: за пять детей – 2-й степени, за шесть детей – 1-й степени; орден Материнской славы за семерых детей – 3-й степени, за восьмерых – 2-й степени, за девятерых – 1-й степени; орден «Мать-героиня» – за десять и более детей.

Домохозяйка была, по сути, одной из важнейших советских профессий.

С точки зрения нравственности

В кругу знакомых нашей семьи матерей-орденоносцев и матерей-медаленосцев не было. Тем не менее мне изредка все-таки встречались по крайней мере матери-медаленосцы, и что характерно: дети у них были, как правило, внебрачные и от разных мужчин, и это происходило не столько от их детолюбия, сколько от отсутствия в продаже презервативов (при Сталине их не производили, чтобы хоть как-то пополнить поредевший от репрессий народ).

И еще любопытную вещь рассказал мне один узбек.

Из прессы было известно, что большинство матерей-героинь являлись среднеазиатками. И вот этот узбек объяснил мне:

– А ты знаешь, почему у нас много матерей-героинь?.. У нас сильны еще дореволюционные традиции многоженства. У богатых узбеков – по несколько жен. Но официально оформлен брак с одной, а остальные живут где-нибудь рядом, и он материально обеспечивает всех их. А всех его детей приписывают лишь официальной жене – так она и становится матерью-героиней со всеми привилегиями на пособия. Местные власти все это прекрасно знают, но делают вид, что не знают: невозможно же так просто искоренить древний обычай многоженства. Да и зачем искоренять? Ведь всем хорошо: «не оформленные жены» тоже не бедствуют и спокойно воспитывают своих детей, а как это оформлено, их не интересует... Так же, – сказал он, – и в других среднеазиатских республиках.

Услышав все это, я подумал, что получается парадокс: эти липовые матери-героини вовсе не рожали всех приписываемых им детей, но зато вот у отцов действительно детей может быть гораздо больше десятка. Так что, по сути, не матери героини, а отцы герои!

У советской власти было много всяких обманов, и данный обман насчет матерей-героинь – лишь один из них.

Феликс Кохрихт

В эту осень дни и ночи очень схожи, между прочим...

Дни...

Международный день моря

Эвксинскому Понту* – попытка экспромта.

1. Одиссей был шалопут и для интересу (есть такая версия) основал Одессу. 2. Раньше шел на нас бичок, баловала скумбрия, и Русалку в коммуналке в раннем детстве видел я... 3. Те Сирены, что ночами нынче не дают нам спать, Гений места постарался: научил одесских хлопцев дроны хитрые сбивать. 4. Так любимо наше море. Нелюдимо наше море, и таблички Ланжерона пишут, что «Запрещено!» – и тревожный черный ветер, и Луна недобрым глазом по ночам глядит в окно... Но! За нас потянет мазу сам могучий Посейдон: как увидишь – дед с трезубцем, успокойся, это он!

День защиты животных

Как бы праздник беззащитных и жующих их зверей. Я от имени никчемных сострадательных людей обращаюсь к вам, ЮНЕСКи: измените, блин, название, разведите подопечных – ведь немало на планете в обиходе разных дней. Есть среди божьих сих творений те, кто нам всем в назиданье не обидит ни одно беззащитное создание. Вам пример? Совсем не новый: це Теля – дочка Коровы... Кровожадных и коварных здесь не стану называть – вы народ суперученый и должны все сами знать. Та Собака, что кимарит в свете знаков зодиака, и уставший среди полей серый птичка Воробей... Их придумал Заболоцкий – божьей милостью Поэт. Голубовскому – привет: он в своем посту отвесил нашей Кошке комплимент.

* Черное море (древнегреческий).

День переводчика

Переводя – переводи!
И беззащитному Поэту,
ich bitte, Blin,* не навреди.

Бывают странные сближенья...

1. Пожилые люди обоего пола и вегетерьянцы

В небе – сполохи и громы, Солнце шлет протуберанцы.
Мясоеды потеряли аппетит, не робеют старики-вегетарьянцы.

2. Музыканты и еноты

...Представил себе оркестровую яму: я слушаю нынче большую программу. Ударные – в веденьи Гиппопотама. Волк-флейта лакает целебные капли. На скрипках скрипят длинноногие Цапли, старательно дуют в витые валторны и крыльями машут подружки-Вороны. Выводят на коду вошедшего в моду Енота – его несравненное соло фагота: он ручками нежно обнял инструмент, а я завершаю вечерний контент. Пусть мирно и сытно сей вечер субботы в лесах и домах засыпают Еноты и в День музыкальный играют оркестры в больших городах и селениях дальних.

Софии и Сереже: вы начинаетесь на «С» и вообще – похожи

С. Рядченко

Пиши – не только для души,
но и для трепетного тела,
со страстью юной, как всегда,
и с возрастом, естественно, умело.

С. Лорен

Года бегут, о, мамма mia, а вы, прекрасная София, практически без перемен.

Как хочется закончить пошикарней, но рифма просится – Лорен...

* Я прошу (нем.).

Серее Калмыкову

Серее, помнишь Журавлева? Он приезжал в Одессу часто и нам – почти что пацанам – читал геньяльного от Бабеля «Ди Грассо»... А помнишь тот далекий КВН, когда судьба свела наш клуб с МОЛМИНОм – и грохнул зал, когда со сцены Додик прокричал (сегодняшние, это не поймете): «Привет вам (и секунду промолчал), я из Одессы – ваша Мотя!».

На снимке блеклом (много лет) мы рядом с корешем Затвором*** ... А встречи у Олега**** (за вином) – о запрещенном Гумилеве споры. Не часто видимся с тобой, но вот что важно – мир ведь тесен: и наши прадеды наверняка встречались меж собой в осенний день рождения Одессы.

...И НОЧИ

1. И дольше века длился день...

Луна, привычно кинув тень на снулые долины, вильнув обратной стороной, ушла к Венере холостой на бабьи именины. И первый звездный караван прошел сквозь Малые Плеяды, ракетным шлейфом отпугнув пиратов Адовой Триады... Под утро понял – это сон: смятение височных зон, гипоталамуса усталость... Дошел до цели караван. Врач прописал воздушных ванн, но послевкусие осталось...

2. Сон осенний досмотрел – до рассвета, блин, успел

Человек рассеянный, на Земле посеянный... Вот пришел на космодром – не на тот, заметь, перрон, позабывши свой смартфон. Тут к нему подходит клон: говорит, что он – не он. Персонаж наш возмущен и в волнении, в жуткой спешке перешел в другой

** В 1976 году в финале первенства Высшей лиги КВН встретились команды Одессы (капитан Валерий Хаит) и Московского медицинского института. Мы приготовили в приветствии прикол, который потряс всех в зале и на экране. Наш Давид Макаревский был на удивление схож с лидером медиков Матвеем Левентоном. Он вышел в белом халате – и встретились близнецы.

*** Наш незабвенный друг Юрий Затворницкий.

**** Художник Олег Соколов.

вагон. Показалось – тесен он... Попросил стаканчик чая, но никто не отвечает, а он все не замечает: оказалось, это дрон. И уже взбрыкнул моторчик, и усердный робот-летчик в выбор цели перегружен. Наш герой: «Ах, я просто не успею пересесть на Марсе-2, чтоб лететь в Кассиопею: там живет моя семья...». Улыбнулся гостю летчик: «Не бойсь, держись покрепче, щас немножко нас тряхнет!». Но рассеянным – везет. Наш очкарик умудрился пересесть на встречный борт и с семьей своей на Марсе круто встретил Новый год...

Тут я впопыхах проснулся – надо делать бутерброд: Солнце вот уже встает. И пора поставить точку: типография не ждет.

Марина Линда

Мешок с мидиями

Море набрасывалось на нас из-за угла, и каждый раз – внезапно. Несмотря на то, что мы начинали ждать встречи с ним еще за два поворота. Вот мы сворачиваем к монастырю, медленно крадемся к нему по узкой дороге, стараясь не зацепить днищем машины острые «лежачие полицейские». Вот мы проезжаем колокольню, снова сворачиваем и тянемся вдоль монастырских строений, перешагивая ямы. И...

– Привет, море! – звонко кричат дети на заднем сиденье.

– Привет, море! – машу я рукой ярко-синему лоскутку, проважавшемуся к нам между кронами диких маслин.

Мы вверху, море – еще внизу. Впереди – долгий спуск. Но мы уже вместе.

Этот пляж мы с детьми открыли для себя пару лет назад. И полюбили его сразу по нескольким причинам. Мне нравилась его малолюдность, даже в разгар сезона. Дочке – пологое песчаное дно с обилием мелких рыбешек. Сыну – длинный пирс, с которого можно нырять сколько хочешь.

Но была еще одна причина, по которой я ездила именно на этот пляж, – двое людей, встречи с которыми я всегда ждала. Спускаясь с парковки к морю, я сразу начинала выискивать их глазами и выдыхала с облегчением, обнаружив их на том же самом месте.

Эта семейная пара привлекла мое внимание с первой же встречи. Им было точно за шестьдесят. А может, семьдесят. Когда рано утром мы приходили на пляж, они уже были там. Жена – симпатичная блондинка в сплошном черном купальнике и аккуратной шляпке – сидела в раскладном кресле возле небольшого

столика под зонтом у самой кромки моря. Второе кресло обычно пустовало.

Мы расстилали свое покрывало рядом, надували круги, мазались кремами от солнца, пробовали воду на ощупь и ждали. Мы ждали того момента, когда вдалеке из-под воды покажется трубка и спустя несколько секунд на берег выйдет мужчина в маске, увешанный мешками с добычей.

Он был похож на облысевшего Хемингуэя: высокий и подтянутый, с аккуратной седой бородкой и блестящими глазами. Выйдя из моря, он выкладывал мешки с мидиями, рапанами и крабами к ногам своей жены в сопровождении бурных восторгов пляжной ребятни.

Почему-то я мысленно сразу приклеила ему имя Капитан. Видимо, где-то в моих детских фантазиях именно так выглядел капитан дальнего плавания в отставке. Мои дети с любопытством разглядывали улов бесстрашного покорителя глубин. А я с не меньшим любопытством рассматривала эту семейную чету.

Я следила за тем, с какой внимательной заботой она наливает ему чай из блестящего термоса. Как добавляет обязательный ломтик лимона. Как подает ему чашку. Я слушала, с каким увлечением он рассказывает ей о том, что видел на глубине, и о своем улове. Некоторое время спустя он снова уходил в море. А она снова застывала в привычном ожидании.

Иногда он задерживался, и она начинала волноваться. Сперва вглядывалась в морскую гладь, слегка прищурив глаза. Потом вставала и шла в воду. Она заходила в море ровно до того момента, когда вода скрывала ее пышную грудь. И почти сразу вдалеке показывалась трубка Капитана.

– Волшебство какое-то! – удивленно сказала я вслух, наблюдая за ними однажды.

– Где? – заинтересовался сын.

Я поведала ему о своих наблюдениях, а он ответил так просто, словно это было абсолютно очевидно:

– Наверное, он слышит ее сердце. Оно же под водой. И он под водой.

– Как это я не догадалась? – улыбнулась я и потрепала русый вихор сына, густо пересыпанный ракушками.

Может, это Капитан заразил моего сына страстью к добыванию мидий. А может, в нем просто заговорил инстинкт добытчика. Но мы перестали ездить на море «просто так».

– Зачем ехать на море, если ничего не ловить?

Этот вопрос в нашей семье стал риторическим, и в багажнике машины поселился обязательный сетчатый мешок для мидий. Теперь мы с дочкой загорали в процессе перебирания улова на берегу. И так же, как и жена Капитана, тревожно поглядывали в море время от времени.

Как-то раз наше ожидание сильно затянулось. Я убеждала себя в том, что ситуация под контролем: Тимур отлично плавает, а море спокойное и теплое. Но в голове все громче стучала мысль: «Слишком долго!».

– Мам, я кушать хочу, – пожаловалась Алиса.

– Да, дорогая, – я механически выдала дочке бутерброд, не сводя взгляда с безликой поверхности моря.

Там было голо и скучно. На унылом морском полотне не хватало самого главного – макушки сына. Что делать? Паника стискивала виски все плотнее. А если он набрал слишком много мидий и не может всплыть? А вдруг судорога? Как быть? Где искать?

«Сердце!» – вспомнила я. Нужно идти в море.

– Алиса, вот тебе яблоко. Посиди здесь, – чмокнула я дочку и побежала по мелкому морскому дну на глубину сердца.

Вода жала меня в соленое кольцо, и я вся превратилась в один сплошной зов. Секунда, другая, третья...

И нет ответа. Надежда, паника, снова надежда.

Мой зов заполнил меня так плотно, что я не сразу услышала крики с берега.

– Мама-а-а-а!

– Ма-а-а-ам!!!

Обернувшись, я увидела своих детей, размахивающих руками у кромки воды. Даже издали было видно, как Тимур дрожит крупной дрожью, подпрыгивая на берегу под пестрым полотенцем.

Я бросилась к детям. Плыла, цеплялась ногами за дно, падала и бежала, спотыкаясь о воду.

– Сын! Где ты был?! – обхватила я его за плечи.

– Я по пирсу прошел с той стороны, – ответил он, выстукивая зубами.

И показал подбородком на мешок, стоящий на песке:

– Смотри, сколько наловил. Еле до пирса доплыл. А там один дядя помог мне вытащить его наверх. Ну и я пришел.

Я посмотрела в его глаза цвета моря. Потом – на пирс с высокой кромкой, разделяющей его посередине, – за такой и меня было бы не видно. Потом – на мешок с блестящими черными мидиями. И снова – на сына.

В моей голове была пустота. В сердце – шум моря. В ногах – стекловата. Я опустилась на песок и обхватила колени руками в попытке собрать себя в кучу. Сзади подошла Алиса:

– Мам, а я Тимура первая нашла.

Дочка прижалась теплой щекой к моему виску.

– Мам, а сделаем сегодня плов с мидиями? – Тимур обнял нас двоих и клюнул меня поцелуем в макушку.

– Да... – рассеянно ответила я. Обхватила две светлые детские головки и прижала к своей груди. Раз, два – и сердце снова вспомнило, как ему положено стучать.

– Но чистить мидии будешь ты, – улыбнулась я сыну и побежала в воду.

– Ну ма-а-ам... – донеслось мне вдогонку.

С тех пор мы наловили много мидий на этом пляже. И на других тоже. Мы встречали разное море и разных людей. Давно уже мы не видели Капитана и его жену. И, спускаясь от парковки вниз, я почти не надеюсь разглядеть их полосатый зонтик у линии прибой.

Но я всегда помню, что у моря есть сердце. Сердце, которое говорит с нами на языке любви.

Издано в Одессе

376 Евгений Голубовский
Остап Бендер местного разлива

378 Феликс Кохрихт
...И другие, совершенно правдивые истории
из жизни Анатолия Горбатюка и Феликса Кохрихта –
представителей одесского народа

Евгений Голубовский

Остап Бендер местного разлива

Аркадий Рыбак
Гражданин Житомирский,
или Дело на миллион»
Одесса, Летописец, 2022

13 октября в галерее Горсада прошла презентация... Нет, не «Двенадцати стульев», не «Золотого тельца». Но новой книги об Остапе Бендере. Не удивляйтесь, что его в этот раз записали по паспорту как гражданина Житомирский. Паспорт – дело наживное. Мы с детства помним, что бьют не по паспорту, а по лицу. Так вот лицо гражданина Житомирского с первых строк романа показалось знакомым.

Мне привез и подарил свой роман Аркадий Рыбак. Чаще он пишет документалистику. Подарил роман, загадочно улыбнулся и сказал: «Надеюсь, многих узнаете».

«Еще один Валентин Катаев, – подумал я. – Ключики, Колченогие, Птицеловы...» Но, признаюсь, Аркадий меня заинтересовал, и в тот же вечер я сел за новую книгу.

Первым, кого узнал, был знаменитый одесский сексолог профессор Файтельберг-Бланк. С ним в роман ворвалась шпана-

прихлебатели. Конечно, и у него, и у них новые имена. Нет, они не выдавали себя за детей лейтенанта Шмидта. Времена не те. Они были друзья и последователи профессора. И явились они не в райисполком, а в редакции...

Чего искали? Славу, конечно.

А дальше под ироническим пером Аркадия Михайловича Рыбака оживает такой знакомый мне, думаю, и очень многим, мир «Знамени коммунизма», «Вечерки», «Комсомолки». И у них все изменилось: и фамилии редакторов, и титульные названия газет. И в этот мир окунается новый Остап Бендер. По роману – «Гражданин Житомирский». Фантастика, но я тоже хорошо знал этого персонажа. Мелькал, и часто. Помню, заходит он как-то ко мне в кабинет. Возбужденный. Лицо сияет. «Лечу на неделю в Москву. Буду встречаться с Ельциным. Какие-либо поручения есть?»

Признаюсь, я тогда понимал, что передо мной авантюрист. Боялся, что сумасшедший. Но не догадывался, что аферист высочайшей марки. Не понимал, что через него в Одессе путь к легендарному Кулевару, путь к влиятельнейшему вице-премьеру в Киеве, что дела на миллион, о которых мечтал Остап Бендер, этот долговязый юноша проворачивает одной левой.

Почему я советую прочесть эту книгу? Она приоткрывает тайное тайных «одесской элиты», она показывает наглядно, что такое коррумпированное общество. И написана легко. Признаюсь, меня удивило знание Рыбаком бандитского сленга. Писатель.

Хотел бы расшифровать для вас кличку Житомирский. Но не могу. Все же это роман. Судьба героя, насколько знаю, сложилась страшнее, чем у романного прототипа. Рыбак не захотел всех пугать. А может, и зря. Остапа Бендера из героя не вышло. Вовремя бы переквалифицировался в управдомы...

Феликс Кохрихт

...И другие, совершенно правдивые истории из жизни Анатолия Горбатюка и Феликса Кохрихта – представителей одесского народа

Анатолий Горбатюк
...и другие,
совершенно правдивые истории
из жизни одесского народа
Одесса, Optimum, 2022

Посмотрите на обложку рецензируемой книги и убедитесь, что ее название столь же длинно и пространно, как мое – к этим заметкам. Я лишь решил конкретизировать: разумеется не весь одесский народ, а Толю и меня, ибо практически все, о чем и о ком он рассказывает в главах, посвященных жизни в Одессе, начиная с первых послевоенных лет и почти по сю пору,

известно мне не понаслышке. Сразу поблагодарю автора новинки за то, что разбудил во мне воспоминания о тех людях и том времени.

Мы с сыном юриста (Горбатюк-старший был известным адвокатом) жили в молодые, да и зрелые годы в одно время в одной и той же среде, примерно в одной городской локации... «Нас волновали одинаковые страсти...» – эту крылатую бабелевскую фразу я бы сделал эпиграфом книги, которую мы могли бы написать

вместе: Толя Горбатюк по алфавиту стоял бы на обложке первым, а я если не первым, то и не вторым...

Столь пространное вступление объясняет чувствительному читателю, почему я не стану сейчас подробно говорить о тех рассказах, которые связаны с его океанскими приключениями, с дальними зарубежными командировками, наконец и на волнующую нас тему: одесский джаз и кто в нем кто. Полагаю ее необъятной и отложу до следующего раза. Но все же скажу, что мы с ним могли познакомиться, а то и подружиться (что случилось значительно позже) еще в студенческие годы. И он, и я были в 1961 году в зале Дворца студентов на премьере спектакля «Как пройти на Дерибасовскую», поставленного театром «Парнас-2», но он, после того как опустился занавес, пошел пить шампанское с Мишей Жванецким, Ромой Кацем, Витей Ильченко, Шурой Лозовским, а я рванул на Пушкинскую – в редакцию молодежи «Комсомольское племя», и сходу продиктовал машинистке Рае рецензию, озаглавленную «Шагайте по главной!». Рецензия вышла утром следующего дня – первая в моей жизни и в биографии театра.

И в дальнейшем оба могли встретиться на концертах и выступлениях джазовых оркестров под управлением Евгения Болотинского и других маэстро. Толя на сцене стучал на барабанах, я – строчил отчеты в газету. Любопытно, мы были свидетелями (тактичными) зарождавшегося романа блистательного кинорежиссера Петра Тодоровского и красавицы-студентки Мирры. Уверен, эти главы, как воспоминания о ярких и самозабвенно преданных Одессе и своему призванию одесситах не только взволнуют нас – ветеранов, но и откроют перед сегодняшними земляками неизвестные ранее страницы истории.

Анатолий и я гордимся тем, что в нашей молодости был Ян Маниович – узник гетто, а затем фронтовик, известный адвокат, инициатор создания в Одессе Аллеи памяти жертв фашизма и Праведников мира. Эти станицы полны искреннего чувства и благодарности нашему земляку. Любопытно, что в детстве мы ходили с бабушками за покупками на Новый базар, где с нами случались всякие яркие истории. Я, например, помню восторг, испытанный, когда меня погладил по голове главный чудик Одессы с титулом Мишка Режет Кабана. Анатолий на основе жизненного

опыта создал поучительную новеллу о встрече со псевдонищей – миллионершей, промышленявшей на Новом рынке.

Его воспоминания об одесских дачах продолжают ностальгическую тему, начатую Константином Паустовским и блистательно продолженную Михаилом Жванецким...

Сборник, на мой взгляд, содержит не менее трех-четырёх перспективных тем для создания новых книг. Горбатюк – человек многих знаний, опыта и увлечений. К примеру, только ему в свое время удалось прорваться к усыпальнице обожаемого им, да и нами Дюка де Ришелье, расположенной в церкви Сорбоннского университета, где тогда шел ремонт... Он автор нескольких книг по истории Одессы.

Если не обо всем, то о многом автор рассказывает в своей пятнадцатой книге, работу над которой тормозили, а то и прерывали эпидемия ковида и война. Толя подарил свой новый сборник друзьям по клубу аксакалов «Беседа» и Всемирному клубу одесситов. Ребята делятся впечатлениями – у каждого, как говорится, своя полюбившаяся глава.

Скажу в заключение этих заметок, что редакторский опыт так и тянет меня перекомпоновать тексты по темам, но это была бы уже несколько иная книга. А та, которую я с интересом, а то и с волнением читал ночь и день, – книга Горбатюка, с которым бессмысленно спорить: много лет он возглавлял строительное управление Одесского морского порта в годы его величия и на планерках всегда выходил победителем.

Но все же рискну с ним поспорить. В годы нашей молодости, часть которых совпала со временем субкультуры стиляг, Дерибасовская имела среди них свою топонимику: правая часть (если идти к морю), по которой, потрясая коком, фланировал Эдик Тарзан, именовалась Бродвей-Брод. Левая, по которой сновали трудящиеся и гости с периферии, – Гапкенштрассе. Толя настаивает на иных вариантах. Каких? Об этом – в книге.

Содержание

От редакции	3
Михаил Жванецкий Формула счастья	5
Юрий Михайлик Только новое	7
Под звуки воздушной тревоги	
Анна Стреминская Молюсь	12
Никита Герус Всем миром	14
Виктория Коритнянская Притчи	15
Ольга Лесовикова Красота Украины	17
Если звезды зажигают...	
Евгений Голубовский Если звезды зажигают	24
Юрий Михайлик О Гарики Голубенко	28
Игорь Лосинский Евгений Александрович Лапейко	31
Михаил Пойзнер Звезда Леониду Пастернаку	36
История, краеведение	
Валерий Романов Одесские катакомбы	40
Наталья Панасенко Одесса в биографии Марка Слонима	54

Анатолий Дроздовский Одесские учебные профессиональные курсы в начале XX века.....	65
--	----

Олег Губарь Привоз.....	83
-----------------------------------	----

Проза

Анна Михалевская Сорок первый карп.....	102
---	-----

Павел Лемберский Де Кунинг.....	108
---	-----

Елена Андрейчикова В начале было слово.....	112
---	-----

Анна Коренева Я подарю тебе Бордо.....	118
--	-----

Арсенія Велика Маріє, помагай.....	120
--	-----

Евгений Деменок Тцара без бровей.....	131
---	-----

Наиль Муратов Настоящая любовь в Лиссабоне.....	147
---	-----

Сергей Рядченко В паутине прореха, смена эпох.....	202
--	-----

Виктория Петренко Формула жизни.....	210
--	-----

Поэзия

Анна Маліцька Планета людей.....	212
--	-----

Инна Квасивка Посреди событий и времен.....	216
---	-----

Александр Аванесов Я пошел на войну.....	220
--	-----

Ольга Лесовикова Ластик времени.....	224
--	-----

Искусство – жизнь – искусство

Виктория Коритнянская Художник Фросте – парижанин, погребенный в Одессе.....	226
--	-----

Виктор Михальченко Некоторые дополнение к статье В. Коритнянской «Художники Силин и Ковшаров».....	239
--	-----

Евгений Деменок Великий, друг великих. Томас Венцлова в Праге	244
Вадим Перельмутер Фрагменты о Липкине	259
Александр Грабовский Геннадий Гармидер – городу и миру	272
Марк Яковлев Doga	279
Публикации	
Алена Яворская Театр «Крот», Вера Инбер и «Девушка из Нагасаки»	300
Аня Яблонская Одесса на театральной карте мира	330
Сокровища из сокровищницы	
Татьяна Щурова «Театр должен быть таким, каким общество должно быть завтра»	336
Путешествие	
Дочь моря	354
Феликс Кохрихт Между Яффо и Тель-Авивом	354
Нина Данилова Наш уголок Одессы	355
Ах, Одесса	
Эдвиг Арзунян Домохозяйки	362
Феликс Кохрихт В эту осень дни и ночи очень схожи, между прочим	367
Марина Линда Мешок с мидиями	371
Издано в Одессе	
Евгений Голубовский Остап Бендер местного разлива	376
Феликс Кохрихт ...И другие, совершенно правдивые истории из жизни Анатолия Горбатюка и Феликса Кохрихта – представителей одесского народа	378

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах

Книга 91

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac

Book 91

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра

Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 5.11.2022

Бумага офсетная РАМО SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16

Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2

Заказ № Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов	Worldwide Club of Odessits
65014 Одесса, Маразлиевская, 7	7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Украина	Ukraine
Тел.: +38 (048) 725-45-67	Тел.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»

Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.

Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.

E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34

www.takibook.od.ua